

Джеймс Хэрриот
**О ВСЕХ СОЗДАНИЯХ—
ПРЕКРАСНЫХ
И УДИВИТЕЛЬНЫХ**

Издательство «Мир»

Annotation

"О всех созданиях – прекрасных и удивительных" – продолжение записок английского ветеринарного врача Джеймса Хэрриота "О всех созданиях – больших и малых", снискавших большую популярность как среди широкого круга читателей, так и среди специалистов.

В 1937 году вчерашний студент Джеймс Хэрриот начал самостоятельно работать в городке Дарроуби, затерянном среди холмов сельского Йоркшира. Времена были тяжелые. Ему пришлось оставить свою мечту о работе с мелкими животными в городских условиях и поступить помощником к Зигфриду Фарнону, уже практикующему ветврачу, который был всего на несколько лет старше него. К своему удивлению, Дж. Хэрриот скоро убедился, что в труде сельского ветеринарного врача обрел свое призвание. Он полюбил Йоркшир, полюбил его суровых трудолюбивых жителей и нашел там свое семейное счастье.

В предлагаемой книге, по сравнению с предыдущей, большее место уделено мелким комнатным животным – собакам, кошкам, птицам. В наш век урбанизации мы все реже общаемся с природой, все больше дистанция, отделяющая нас от нее. Как бы компенсируя этот разрыв, человек заводит животных у себя дома, в квартире. Они приносят ему много хлопот, отнимают у него массу времени, и тем не менее с каждым годом их становится в городах все больше и больше. Почему? Вот на этот вопрос и отвечает Джеймс Хэрриот.

Написана книга с большим юмором, учит добрым чувствам и приобщает читателя к "тяжелой, честной, чудесной профессии" ветеринарного врача.

-
- [Джеймс Хэрриот](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

- [37](#)
 - [38](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

**Джеймс Хэрриот
О всех созданиях -
прекрасных и удивительных**

*С любовью посвящаю моей жене и
моей матери в милом старом Глазго*

Делать этого, конечно, не следовало, но старая гуртовая дорога властно меня манила. После утреннего объезда следовало торопиться в приемную, однако широкая зеленая тропа так чарующе вилась по вершине среди вереска между осыпающимися каменными стенками! И я сам не заметил, как вышел из машины и зашагал по жесткой упругой траве.

Однако стенка отгораживала дорогу от крутого склона, а внизу вдали в зеленой складке холмов прятался Дарроуби. В ушах у меня гремел ветер, но я сел, прислонился к серым камням, и ветер превратился в чуть слышный шепот, а лицо мне согрело весеннее солнце – не жгучее, не жаркое, а золотистое, теплое, каким оно бывает только под защитой каменной стенки в Йоркшире, над которой поет ветер.

Я вытянул ноги и раскинулся на дерне, щурясь в сияющее небо, купаясь в блаженном забвении остального мира с его заботами.

Для меня это состояние было – и остается сегодня – особой радостью: это нежелание спускаться с вершин, это потребность выбраться из стремительного потока жизни и несколько секунд побыть на его берегу никуда не торопящимся, посторонним зрителем.

Так просто! Лежать одному в тишине там, где только ветер вздыхает и посвистывает над пустынным простором, а высоко-высоко в необъятной голубизне нескончаемо звенит веселая песенка жаворонков.

Впрочем, спускаться вниз в Дарроуби тоже было очень приятно, даже тогда, когда я еще не был женат. Ведь до того, как Хелен вошла в мою жизнь, я уже работал там два года; Скелдейл-Хаус стал для меня

родным домом, а двое его незаурядных обитателей – моими друзьями. Меня ничуть не угнетало, что братья были заметно талантливее меня. Зигфрид – непредсказуемый, импульсивный, щедрый сердцем. Мне очень повезло с моим партнером. Откуда у меня, городского мальчишки, хватило бы дерзости наставлять потомственных фермеров, как ухаживать за их больной скотиной, если бы я не находил опоры в его знаниях и руководстве? И Тристан, шалопай, как его называли, но какая умница, какая широкая натура! Его юмор и жизнелюбие вносили много света в мою жизнь.

А я все время набирался практического опыта в дополнение к теоретическим знаниям. Костяк сухих фактов, которые я задолбил в колледже, обрастал живой плотью, и во мне росла чудесная уверенность, что именно это мне и нужно, что я нашел свое призвание.

Минут через пятнадцать я поднялся на ноги, неторопливо потянулся, глубоко вдохнул хрустального воздуха и побрел к машине, чтобы по петляющей дороге спуститься в Дарроуби, от которого меня отделяло шесть миль.

Когда я затормозил у чугунной ограды, где сбоку от прекрасной двери XVIII века медная дощечка с фамилией Зигфрида кривовато висела над моей, я взглянул вверх, на стену высокого старинного дома, на плющ, буйно вьющийся по изъеденному временем и ветрами кирпичу. Белая краска на дверях и оконных рамах облупилась, плющ следовало бы аккуратно подстричь, и тем не менее у этого здания был свой стиль – непреходящее безмятежное изящество.

Но мои мысли в эти минуты занимало совсем другое. Тихонько ступая по цветным плиткам пола в коридоре, я бесшумно добрался до поворота в длинную пристройку к заднему фасаду. И как всегда ощутил переполнявший ее запах нашей профессии – запах

эфира, карболки и душистых порошков, которые мы подмешивали в лекарства для рогатого скота, чтобы сдобрить их вкус. Порошки эти обладали таким букетом, что и сейчас, стоит мне его вдохнуть, как я переношусь на тридцать лет назад в прошлое.

А в этот день восприятие было тем острее, что цель моего появления там была не вполне невинной. Последний отрезок коридора я прошел уже на цыпочках, быстро свернул за угол и юркнул в аптеку. Затем бесшумно открыл дверцу шкафчика и выдвинул ящичек. Я был твердо уверен, что Зигфрид спрятал в нем запасной копытный нож, и чуть было не испустил торжествующий смешок, когда ожидания меня не обманули. Вот он! Новехонький, с наточенным сверкающим лезвием и полированной деревянной ручкой.

Моя рука уже потянулась к нему, но тут у меня над ухом раздался гневный вопль:

– А, попался! На месте преступления, черт подери!

Зигфрид, который, по-видимому, возник прямо из пола, метал в меня молнии.

Потрясение было столь велико, что нож выпал из моих дрожащих пальцев, и я прижался к бутылкам с формалиновой смесью.

– А... Зигфрид... добрый день, – выдавил я с вымученной улыбкой. – А я как раз собрался к Томпсону. К его лошади. Ну, да вы знаете: у нее копыто загноилось. Мой нож куда-то запропастился, вот я и решил взять пока этот.

– Слямзить решили, так вернее будет! Мой запасной копытный нож! Право, Джеймс, для вас нет ничего святого!

От смущения я еще раз улыбнулся.

– Ну, что вы! Да я бы сразу положил его на место.

– Расскажите вашей бабушке! – произнес Зигфрид с горькой усмешкой. – Больше бы я его не увидел, как вы

прекрасно знаете. И вообще, где ваш нож? Забыли где-нибудь на ферме, так?

– Ну-у... По правде говоря, я подрезал копыто коровы Уилли Денхолма, а когда кончил, положил нож и, наверное, забыл его захватить с собой. – Я беззаботно засмеялся.

– Но, боже мой, Джеймс! Вы вечно забываете инструменты! И выходите из положения, похищая мои! – Он вздернул подбородок. – Вы представляете себе, во что мне это обходится?

– Но ведь мистер Денхолм, конечно же, вернет нож, как только приедет за чем-нибудь в город.

Зигфрид удрученно кивнул.

– Не исключено. Да, не исключено. Но с другой стороны, вдруг он решит, что лучшего ножа, чтобы резать прессованный табак, не найти? Вспомните-ка комбинезон для отелов, который вы позабыли у Фреда Добсона? Снова я его увидел только через полгода – на старике Фреде! Он еще сказал, что лучшей одежды, чтобы жать в мокреть, и не придумаешь.

– Я помню. И искренне сожалею... – Я умолк, вдыхая въедливый аромат порошков. Пакет на полу прорвался, и запах был даже крепче обычного.

Мой партнер еще несколько секунд жег меня взглядом, а затем сказал, пожимая плечами:

– Ну, да никто из нас небезупречен, Джеймс. Извините, что я на вас накричал. Но вы же знаете, я очень люблю этот нож, и меня безумно раздражает манера все везде забывать. – Он снял с полки бутыл с микстурой от колик, особенно им ценимой, обтер стекло носовым платком и поставил бутыл на место. – Вот что: пойдете-ка присядем на минутку и хорошенько обсудим эту проблему.

Мы пошли назад по коридору и свернули в гостиную. Тристан при виде нас встал со своего любимого кресла и зевнул во весь рот. Его лицо

выглядело таким же мальчишески простодушным, как всегда, но усталые морщины вокруг глаз и губ говорили сами за себя. Накануне вечером он с командой метателей дротиков "Лорда Нельсона" ездил в Дрейтон и принимал участие в труднейшем состязании с командой "Пойнтера и ружья". В заключение они плотно поужинали и выпили что-то около двенадцати пинт портера на душу. Тристан добрался до постели около трех ночи и сейчас явно был в весьма разбитом состоянии.

– А, Тристан! – сказал Зигфрид. – Рад, что ты здесь, потому что то, о чем я буду говорить, касается тебя не меньше, чем Джеймса, – о привычке забывать инструменты на фермах, которая тебе свойственна в той же мере, что и ему. (До закона о ветеринарной практике от 1948 года студентам не запрещалось самостоятельно лечить животных, чем они часто и занимались. Тристан прекрасно справлялся даже с трудными случаями и пользовался большой популярностью у фермеров.)

– Я говорю очень серьезно, – продолжал мой партнер, опираясь локтем о каминную полку и глядя на нас поочередно. – Вы оба постоянно теряете дорогие инструменты и довели меня почти до банкротства. Конечно, кое-какие из них вам возвращают, но многие пропадают бесследно. Какой смысл посылать вас куда-нибудь, если вы возвращаетесь без корнцангов, или ножниц, или щипцов? Ведь это чистый убыток, вы понимаете?

Мы безмолвно кивнули.

– В конце-то концов, разве так уж трудно вернуться со всеми инструментами? Возможно, вас ставит в тупик, почему я никогда ничего не забываю; ну так надо быть внимательным, и только. Когда я откладываю инструмент, я всегда запечатлеваю в памяти, что его надо будет потом взять. И все.

Покончив с нотацией, он принял деловитый тон.

– Ну, хорошо. Не будем терять времени. Ничего срочного нет, Джеймс, а потому мне хотелось бы, чтобы вы поехали со мной к Кендаллу в Бруксайд. Всякие мелочи, и еще корова, у которой надо удалить опухоль. Подробности не знаю, но, возможно, ее придется повалить. К Томпсону поедете оттуда. – Он повернулся к брату: – И ты тоже, Тристан. Не знаю, понадобится ли ты, однако лишний человек может пригодиться.

Мы образовали довольно внушительную процессию, входя во двор мистера Кендалла, который встретил нас с обычным своим энтузиазмом:

– Ого-го-го! Ну в рабочей силе у нас нынче недостатка не будет, как погляжу. С такой оравой горы своротить можно!

Мистер Кендалл слыл в округе "смекалистым", что в Йоркшире имеет свое особое значение и подразумевает всезнайку. А то, что он вдобавок обожал всяческие розыгрыши и считал себя присяжным остряком, отнюдь не завоевало ему любви окрестных фермеров. Мне он казался человеком скорее неплохим, но непоколебимое убеждение, что он все знает, все успел повидать на своем веку, одевало его непробиваемой броней.

– Так с чего бы вы хотели начать, мистер Фарнон? – осведомился этот плотный толстячок с круглым гладким лицом и ехидными глазками.

– Если не ошибаюсь, у одной из ваших коров что-то с глазом, – ответил Зигфрид. – Так с нее и начнем.

– Есть, ваша честь! – воскликнул фермер и сунул руку в карман. – Только для затравки возьмите вот эту штуковину. – И он извлек на свет божий стетоскоп. – Вы ее давеча забыли.

Наступила пауза, затем Зигфрид буркнул "спасибо" и поспешно выхватил стетоскоп из рук фермера. А тот продолжал:

– А раньше вы оставили кастрационные щипцы. Вот и вышла честная мена: я вам щипчики, а вы мне трубочку взамен оставили! – и он захохотал.

– Да-да, совершенно верно, – оборвал его Зигфрид, тревожно косясь на нас. – Но поторопимся. Так где же...

– Знаете, ребяташки, – сказал фермер, оборачиваясь к нам и все еще посмеиваясь, – не было такого случая, чтобы он чего-нибудь да не позабыл.

– Правда? – спросил Тристан с горячим интересом.

– Ага! Да оставляй я все эти штучки себе, у меня бы их уже полный ящик набрался.

– Неужели? – вставил я.

– Из песни слова не выкинешь, молодой человек. И со всеми моими соседями то же самое. На днях кто-то мне так и сказал: "До чего же мистер Фарнон щедрый человек. Как заедет, так обязательно что-нибудь на память оставит!" – И он снова разразился веселым хохотом.

Нам с Тристаном жаль было прерывать этот разговор, но мой партнер уже широким шагом направился к коровнику.

– Где эта чертова корова, мистер Кендалл? У нас не так уж много времени.

Найти пациентку оказалось нетрудно: упитанная светло-бурой масти корова повернула к нам голову и оглядела нас одним глазом. Второй был почти закрыт, и сочащиеся сквозь ресницы слезы оставляли темную дорожку на морде. Веки мучительно подергивались.

– Чем-то она его засорила, – пробормотал Зигфрид.

– Это я и сам знаю. – Мистер Кендалл всегда все знал сам. – Ость ей впилась в глаз, только вот добраться до нее я не могу. Сами поглядите!

Он ухватил корову за морду одной рукой, а пальцами другой попытался раздвинуть веки, но по главному яблоку скользнуло третье веко и оно

закатилось, так что видна была только белая поверхность склеры.

– Видали! – воскликнул фермер.– И ничего не разобрать. Закатывает глаз, да и все тут. И сделать вы ничего не можете.

– Ну, положим, могу. – Зигфрид повернулся к брату.
– Тристан, принеси из машины намордник для хлороформа. И поживее!

Тристан обернулся меньше чем за минуту. Зигфрид быстро натянул на морду коровы парусиновый мешок и застегнул его за ушами. Из банки со спиртом он извлек особые щипчики с пружинкой и нацелил их на закрытый глаз.

– Джеймс! – скомандовал он. – Дайте ей унцию!

Я накапал хлороформ на губку перед самой коровьей мордой. Секунд десять все оставалось по-прежнему, но вот, несколько раз вздохнув, корова вдруг широко раскрыла изумленные глаза, ощутив в горле неведомые одурманивающие пары.

Вся пораженная часть глаза оказалась перед нами – поперек темной радужной оболочки золотистой чертой лежала ость. Впрочем, я даже не успел ее разглядеть, как Зигфрид защемил ее щипчиками и выдернул.

– Тристан, выдави ей в глаз немного вот этой мази, – распорядился он. – А вы, Джеймс, снимите намордник, пока ее не зашатало.

Корова, избавившись не только от намордника, но и от занозы в глазу, поглядела вокруг с явным облегчением. Вся операция не заняла и двух минут и была проделана с образцовой точностью, но мистер Кендалл несомненно счел ее не стоящим внимания пустяком.

– Ну, и ладно, – пробурчал он. – Пошли дальше.

Мы двинулись по проходу, и, случайно поглядев за дверь, я увидел лошадь, которую вели через двор. Зигфрид кивнул на нее.

– Это что, тот мерин, у которого я оперировал свищ холки?

– Он самый, – равнодушно ответил фермер.

Мы вышли во двор, и Зигфрид провел ладонью по плечам коня. Только широкий рубец на холке напоминал о зловонном гнойнике, мучившем животное несколько недель назад. Рана зажила безупречно. Свищи трудно поддаются лечению, и я живо представил себе, как Зигфрид иссекает омертвевшие ткани, как чистит рану, пока не остались только здоровые мышцы и кость. Его усилия увенчались полным и блистательным успехом.

Зигфрид еще раз на прощание похлопал своего бывшего пациента по холке.

– Недурно было сделано.

Мистер Кендалл пожал плечами и зашагал назад к коровнику, бросив через плечо:

– Да, вроде бы неплохо.

Но сказал он это с полным безразличием.

Корова с опухолью стояла возле самой двери. Новообразование, круглое, гладкое, точно яблоко, торчало в промежности пальца на два правее хвоста.

Мистер Кендалл уже вновь бушевал:

– Посмотрим, посмотрим, как вы с этим справитесь! Чем будете выковыривать такую штуkenцию, ребятишки? До чего здоровенная! Без мясницкого ножа, а то и пилы вам не обойтись! А ее-то как, усыплять станете или свяжете? – Он ухмылялся и поочередно сверлил каждого из нас посверкивающими глазками.

Зигфрид протянул руку, ухватил опухоль и начал кончиками пальцев ощупывать ее основание.

– Гм!.. Да... гм... Принесите мне, пожалуйста, воды, мыло и полотенце, будьте так добры.

– Все готово, за дверьми стоит! – Мистер Кендалл выскочил во двор и тотчас вернулся с ведром.

– Благодарю вас, – сказал Зигфрид, вымыл руки и долго вытирал их полотенцем. – А теперь что? Если не ошибаюсь, теленок с поносом?

Фермер вытаращил глаза.

– Верно, имеется такой. Только, может прежде все-таки уберете с коровы эту шишку?

Зигфрид аккуратно сложил полотенце и повесил его на нижнюю створку двери.

– Опухоль я уже удалил, – произнес он невозмутимо.

– Как так?

Мистер Кендалл уставился на коровий хвост, мы с Тристаном тоже. Да, бесспорно – опухоль исчезла. И еще чудо: на шкуре не осталось ни шрама, ни царапины, ни другого свидетельства, что она там была. Я стоял совсем рядом с коровой и вперял взгляд в то самое место, где минуту назад торчал этот безобразный бугорок – и хотя бы капелька крови на шерсти! Ну, абсолютно ничего.

– А-а... – неопределенно протянул мистер Кендалл. – Вы... э... значит, удалили... Ага, удалили ее, значит.

Улыбка исчезла с его лица, и он сразу угас. В своей излюбленной роли человека, который все знает и ничему не удивляется, он не мог спросить прямо: "Когда ж это вы, черт дери, ее удалили? Как? И где же она?" Ему любой ценой надо было спасти свое достоинство, но случившееся его явно потрясло. Он шарил взглядом по стойлу, по стоку. Но стойло было чисто выметено – ни клочка сена, ни соломинки, и на полу ничего не валялось. Небрежно, словно невзначай, он отодвинул ногой табурет для доения. Но и под ним – ничего.

– Ну, так посмотрим теленка, – сказал Зигфрид и пошел по проходу. Мистер Кендалл закивал.

– Да, да! Теленок! Он вон в том углу. Я только ведро захвачу.

Это был явный предлог. Он пошел за ведром вокруг коровы и, оказавшись позади нее, быстро выхватил очки, водрузил их на нос и ожег взглядом коровий зад. Все это заняло не более секунды, потому что выдавать своего огорчения он не хотел, но, когда он присоединился к нам, его лицо дышало безнадежным отчаянием, и он уныло снял очки, словно признавая свое поражение.

Тем временем я толкнул Зигфрида локтем и прошипел:

– Где она, черт возьми?

– У меня в рукаве, – шепнул Зигфрид, не шевельнув губами и сохраняя прежнюю невозмутимость.

– Что?.. – начал было я, но Зигфрид уже перелез через дверцу в закуток, где к стене жался теленок.

Он осматривал малыша, источая доброжелательность, а потом делал ему инъекцию, все время болтая о том о сем, и мистер Кендалл, надо отдать ему должное, сумев выдать на своем лице улыбочку, вносил должную лепту в разговор. Но его рассеянность, расстроенные глаза и недоверчивые взгляды, которыми он нет-нет да обводил проход, выдавали, чего это ему стоило.

А Зигфрид не торопился. И даже кончив заниматься теленком, еще некоторое время медлил во дворе, обсуждая погоду, травостой, цены на упитанных бычков.

Мистер Кендалл страдал, но не сдавался. Однако к тому времени, когда Зигфрид, наконец, помахал ему рукой на прощание, глаза фермера совсем вылезли на лоб, а лицо превратилось в трагическую маску. Машина еще только начала разворачиваться, а он уже юркнул в коровник, и я успел увидеть в открытую дверь, что он снова нацепил очки и всматривается в темный угол.

– Бедняга! – заметил я. – Все еще пытается ее отыскать. Но, бога ради, где она все-таки?

– Я же вам сказал! – Зигфрид снял одну руку с руля и встряхнул ее. Ему в ладонь скатился розовый шар.

Я изумленно уставился на опухоль.

– Но... я не заметил, как вы... Что произошло?

– А вот что! – Зигфрид снисходительно улыбнулся. – Я ее ощупывал, проверяя, глубоко ли она сидит. И вдруг почувствовал, что она задвигалась у меня под пальцами. Под самой кожей сидела. И чуть я нажал посильнее, как она выпрыгнула наружу – и угодила прямо мне в рукав. А края кожи тут же сомкнулись, так что никакого следа не осталось. Удивительная вещь, надо признаться.

Тристан перегнулся через спинку моего сиденья.

– Дай ее мне, – сказал он. – Захватчу с собой в колледж и сделаю срезы. Установим, что это за штука.

Его брат улыбнулся.

– Наверное, выяснится, что она носит какое-нибудь пышное название. Но для меня она навсегда останется тем, что все-таки выбило мистера Кендалла из колеи!

– Вообще интересный визит, – сказал я. – И меня восхитило, как вы вытащили эту занозу из глаза, Зигфрид. Блестяще, надо признаться.

– Вы очень любезны, Джеймс, – проворковал мой партнер. – Просто один из моих давних приемов. Ну, и, конечно, щипчики заметно облегчают дело.

Я кивнул.

– Да, они просто прелесть. Ничего похожего я никогда не видел. Где вы их нашли?

– В киоске с инструментами на последнем ветеринарном конгрессе. Выложил кучу денег, но они того стоят. Вот посмотрите... – Он сунул руку в нагрудный карман, потом пошарил в боковых и, пока он продолжал ощупывать пиджак, по его лицу медленно разливалось выражение унылой безнадежности.

Наконец он оставил поиски, откашлялся и устремил взгляд на шоссе впереди.

– Я... э... покажу их вам как-нибудь в другой раз, Джеймс, – произнес он сипло.

Я промолчал, но я-то знал. Как и Зигфрид, как и Тристан.

Мы все трое знали, что он забыл их на ферме.

Когда я забрался в постель и обнял Хелен, мне вновь пришло в голову, что мало какое наслаждение в мире сравнимо с возможностью согреться возле любимой женщины, когда ты промерз до мозга костей.

Электрических одеял в тридцатых годах не было и в помине. А как бы они тогдагодились сельским ветеринарам! Просто поразительно, до какой степени способен окоченеть человек, когда его в глухую ночь стаскивают с постели, а затем он раздевается в холодном коровнике или хлеву, еще совсем сонный и вялый. И даже возвращение в постель превращалось в муку: сколько раз я, обессилив, битый час тщетно пытался уснуть, а заледеневшие руки и ноги никак не желали отходить.

Но с тех пор как я женился, все это кануло в область мрачных воспоминаний. Хелен пошевелилась во сне – она уже привыкла к тому, что ее муж ночью исчезает, а затем появляется вновь, превращенный в ледышку, – и инстинктивно теснее прижалась ко мне. С блаженным вздохом я ощутил, что отогреваюсь, и тотчас события последних двух часов отодвинулись в неизмеримую даль.

Все началось с требовательного телефонного звонка у меня над ухом в час ночи. Уже наступило воскресенье, а у фермеров была привычка: после долгого субботнего вечера зайти поглядеть скотину, да и решить, что без ветеринара тут никак не обойтись.

На этот раз звонил Харолд Ингльдю. И я сразу же сообразил, что он только-только успел вернуться после обычных своих десяти пинт в "Четырех подковах", где не очень-то соблюдался час закрытия, установленный законом.

В хрипловатом дребезжании его голоса проскальзывала предательская невнятность.

- Овца у меня не того. Приедете что ли?

- Она очень плоха? - В дурмане сна я всегда цепляюсь за надежду, что в одну прекрасную ночь услышу в ответ: "Да нет, пожалуй. Можно и до утра подождать..." Надежда эта неизменно остается тщетной. Обманула она меня и на этот раз.

- Куда уж хуже-то. Вот-вот помрет.

"Нельзя терять ни секунды!" - мрачно подумал я. Впрочем, она, вероятно, помирала весь вечер, пока Харолд предавался возлияниям.

Однако нет худа без добра: больная овца ничем особо страшным не грозила. Другое дело, когда выбираешься из-под одеяла в ожидании тяжелой и долгой работы, а у самого ноги от слабости подгибаются. Но с овцой я, без сомнения, сумею обойтись методикой полубдения, а попросту говоря, успею съездить туда, сделать все, что потребуется, и вернуться под одеяло, так до конца и не проснувшись.

Ночные вызовы на фермы настолько обычны в нашей практике, что мне волей-неволей пришлось усовершенствовать вышеупомянутую методику, как, подозреваю, и многим моим коллегам. И должен сказать, я много раз прекрасно со всем справлялся, так и не выходя из сомнамбулического состояния.

И вот, не открывая глаз, я на цыпочках прошел по коврику и натянул на себя рабочий костюм, затем все также в полудреме спустился по длинным лестничным маршам, открыл боковую дверь, ... но тут даже и под защитой садовой стены ветер ударил мне в лицо с такой силой, что никакая методика не помогла. Совсем пробудившись, я вывел машину задним ходом из гаража, тоскливо слушая, как стонут в темноте верхушки гнущихся вязов.

Впрочем, выехав из города, я все-таки сумел опять погрузиться в полусон и принялся размышлять об удивительных противоречиях в характере Харолда Ингльдю. Неуемная страсть к пиву совершенно не вязалась с его обликом. Это был щуплый старичок лет семидесяти, тихий как мышь, и, когда в базарный день он изредка появлялся у нас в приемной, от него было трудно слова добиться: пробормочет что-нибудь и снова надолго замолкает. Одетый в парадный костюм, явно широковатый – морщинистая шея сиротливо торчала из воротничка, – он являл собой портрет благопристойнейшего, тишайшего обывателя. Водянистые голубые глаза и худые щеки дополняли это впечатление, и лишь густой багрянец на кончике носа намекал на иные возможности.

Его соседи в деревне Терби отличались степенностью, лишь изредка позволяя себе пропустить за дружеской беседой кружечку-другую, и не далее, как неделю назад, один из них сказал мне не без горечи:

– Харолд-то? От него просто спасу нет!

– То есть как это?

– А вот так. Каждый субботний вечер и еще, когда с рынка воротится, уж он обязательно будет распевать во всю глотку до четырех утра.

– Харолд Ингльдю? Быть не может! Он же такой тихий, неприметный!

– Да только не по субботам.

– Просто представить себе не могу, чтобы он – и вдруг запел!

– Вы бы пожили с ним бок о бок, мистер Хэрриот! Ревет, что твой бык. Никто глаз сомкнуть не может, пока он не уgomонится.

Этим сведениям я затем получил подтверждение из другого источника. А миссис Ингльдю, объяснили мне, мирится с вокальными упражнениями мужа по

субботам, потому что все остальное время он безропотно ей подчиняется.

Дорога в Терби круто уходила то вниз, то вверх, а затем нырнула с гребня в долину, и я увидел полумесяц спящих домов у подножия холма, днем мирно и величаво вздымающегося над крышами, но теперь жутко черневшего в свете луны.

Едва я вылез из машины и торопливо зашагал к задней двери дома, как ветер снова на меня набросился, и я сразу очнулся, словно в лицо мне выплеснули ушат ледяной воды. Но я тут же забыл о холоде, оглушенный немыслимыми звуками. Пение... хриплое надрывное пение гремело над булыжным двором.

Оно вырывалось из освещенного окна кухни.

– НЕЖНО ПЕСНЯ ЛЬЕТСЯ, УГАСАЕТ ДЕНЬ...

Я заглянул в окошко и увидел, что Харолд сидит, вытянув ноги в носках к догорающим углям в очаге, а его правая рука сжимает бутылку с портером.

– ...В СУМЕРКАХ БЕЗМОЛВНЫХ ТИШИНА И ЛЕНЬ! – выводил он от всей души, откинув голову, широко разевая рот.

Я забарабанил в дверь.

– ПУСТЬ УСТАЛО СЕРДЦЕ ОТ ДНЕВНЫХ ЗАБОТ! – ответил жиденький тенорок Харолда, обретая мощь баса, и я вновь принялся нетерпеливо дубасить по филенке.

Рев стих, но я ждал еще невероятно долго, пока, наконец, не щелкнул замок и не скрипнул отодвигаемый засов. Щуплый старикашка высунул нос в дверь и поглядел на меня с недоумением.

– Я приехал поглядеть, что у вас с овцой.

– Верно! – Он коротко кивнул без следа обычной стеснительности. – Сейчас. Только сапоги натяну. – Дверь захлопнулась перед самым моим лицом, и я услышал визг задвигаемого засова.

Как ни был я ошеломлен, но все же сумел сообразить, что у него не было ни малейшего желания оскорбить меня. Задвинутый засов свидетельствовал только, что он машинально проделывает привычные движения. Тем не менее он оставил меня стоять в не слишком уютном уголке. Любой ветеринарный врач скажет вам, что во дворе каждой фермы обязательно есть места, где заметно холоднее, чем на вершине самого открытого холма, и я находился именно в таком месте. Сразу же за кухонной дверью зиял черный провал арки, за которой начинались поля, и оттуда тянуло такой арктической стужей, что я ооченел бы и в куда более теплой одежде.

Я поеживался, притопывая, прихлопывая, и тут вновь загремело пение.

– ПОМНИШЬ РЕЧКУ ПОД ГОРОЮ, НЕЛЛИ ДИН?

Я метнулся к окошку: Харолд, вновь расположившись на стуле, без особой спешки натягивал на ногу большой башмак. Ни на секунду не умолкая, он слепо тыкал шнурком в дырочку и время от времени подкреплялся глотком портера.

Я постучал в стекло.

– Мистер Ингльдю! Поторопитесь, если можно.

– ГДЕ СИДЕЛИ МЫ С ТОБОЮ, НЕЛЛИ ДИН? – завопил в ответ Харолд.

К тому времени, когда он обулся, зубы у меня уже выбивали чечетку, но в конце концов он все-таки возник в дверях.

– Идемте же! – проскрежетал я. – Где овца? В каком сарае?

Старик только брови поднял.

– А она и не тут вовсе.

– Как не тут?

– А вот так! Наверху она.

– Где дорога с холма спускается?

– Верно. Я, значит, шел домой, ну и поглядел, как она да что.

Я постучал ногой об ногу и потер ладони.

– Значит, надо ехать туда. Но воды там ведь нет? Так захватите с собой ведро теплой воды, мыло и полотенце.

– Будет сделано! – Он торжественно кивнул, и не успел я сообразить, что происходит, как дверь захлопнулась, засов скрипнул и я остался один в темноте. Не теряя времени, я затрусил к окну и без малейшего удивления узрел, что Харолд уже вольготно восседает на стуле. Но вот он наклонился, взял чайник – и меня пронзил ужас при мысли, что он намерен подогреть воду на еле тлеющих углях. Затем с невыразимым облегчением я увидел, что он берет ковш и погружает его в котел на закопченной решетке.

– В НЕБЕСАХ ЗАЖГЛАСЬ ЗВЕЗДА, ЛАСКОВО ЖУРЧИТ ВОДА! – заливался он соловьем, с упоением наполняя ведро.

Обо мне он, видимо, успел забыть и, когда вновь появился на пороге, оглядел меня с большим недоумением, продолжая распевать.

– Я ЛЮБЛЮ ОДНУ ТЕБЯ, НЕЛЛИ ДИН! – сообщил он мне во весь свой дребезжащий голос.

– Ну и ладно, – буркнул я. – Поехали!

Я торопливо усадил его в машину, и мы покатали обратно вверх по склону.

Харолд поставил ведро к себе на колени несколько наклонно, и вода тихонько плескала мне на ногу. Вскоре воздух вокруг настолько пропитался пивными парами, что у меня слегка закружилась голова.

– Сюда! – внезапно рывкнул старик, увидев возникшие в лучах фар ворота. Я съехал на обочину, вылез и запрыгал на одной ноге, вытряхивая из брюк пинту – другую лишней воды. Мы вошли в ворота, и я припустил к темному силуэту сарая, как вдруг заметил,

что Харолд, вместо того чтобы последовать за мной, выписывает по лугу восьмерки.

– Что вы делаете, мистер Ингльдью?

– Овцу ищу.

– Как? Она у вас даже не в сарае? – Я чуть было не испустил вопль отчаяния.

– Угу. Днем она, значит, обьягнилась, ну, я и подумал, чего ее трогать-то.

Он поднял повыше фонарик – типичный фонарик фермера, крохотный, с почти уже севшей батареей, – и направил в темноту дрожащий луч. С тем же успехом он мог бы этого и не делать.

Я, спотыкаясь, брел по лугу. На меня навалилась свинцовая безнадежность. В небе сквозь рваные тучи проглядывал лунный диск, но внизу мои глаза не различали ничего. Бр-р! Ну и холодюга! Схваченная недавними морозами земля была каменной, сухие стебли травы прижимались к ней под пронизывающим ветром. Я уже решил, что в этой черной пустыне никому никогда никакой овцы не отыскать, но тут Харолд продребезжал:

– Вот она, значит.

И правда, когда я вслепую направился на его голос, оказалось, что он наклоняется над овцой самого жалкого вида. Уж не знаю, какой инстинкт привел его к ней, но он ее отыскал. И ей, бесспорно, было худо. Голова ее понуро свисала, а когда я запустил пальцы ей в шерсть, она лишь неуверенно шагнула в сторону, вместо того чтобы опрометью броситься прочь, как положено здоровой представительнице овечьего племени. К ней жался крохотный ягненок.

Я задрал ей хвост и смерил температуру. Нормальная. И никаких симптомов обычных после окота заболеваний: не пошатывается, как при минеральной недостаточности, ни следов выделений, ни учащенного дыхания. Но что-то было очень и очень не так.

Я еще раз поглядел на ягненка. Для этих мест он родился рановато. Какая-то жестокая несправедливость чудилась в том, что этот малыш увидел свет среди йоркширских холмов, таких суровых в марте! А он к тому же совсем крошка... Что-что?.. Минутку... Неясная мысль обрела форму: слишком уж он мал, чтобы быть единственным!

– Несите-ка сюда ведро, мистер Ингльдью! – скомандовал я, сгорая от нетерпения скорее проверить свою догадку. Но когда я бережно поставил ведро на неровный дерн, передо мной внезапно предстал весь ужас моего положения. Мне надо было раздеться!

Ветеринаров не награждают медалями за мужество, но право же, стащив с себя пальто и пиджак на этом черном холодном склоне, я вполне заслужил подобный знак отличия.

– Держите ее за голову! – прохрипел я и быстро намылил руку по плечо. Светя фонариком, я ввел пальцы во влагалище и почти сразу же уверился в своей правоте: они наткнулись на курчавую головку. Шея была согнута так, что нос почти касался таза снизу, ножки вытягивались сзади.

– Еще один ягненок, – сказал я. – Положение неправильное, не то бы он вышел сразу за первым.

Пока я договаривал, мои пальцы уже извлекли малыша и осторожно опустили на траву. Я полагал, что жизнь в нем успела угаснуть, но едва его тельце прикоснулось к ледяной земле, как ножки судорожно дернулись и почти тут же ребрышки у меня под ладонью приподнялись.

На мгновение восторг, который всегда рождает во мне соприкосновение с новой жизнью, – восторг, всегда неизменный, всегда горячий, – заставил меня забыть о режущем ветре. Овца тоже сразу ободрилась: в темноте я почувствовал, как она с интересом потыкалась носом в новорожденного.

Но мои приятные размышления оборвало какое-то позвякивание у меня за спиной, сопровождавшееся приглушенным восклицанием.

– Чтоб тебе! – крикнул Харолд.

– Что случилось?

– Да ведро это. Опрокинул я его, значит, будь оно неладно!

– Господи! И вода вся пролилась!

– Ага. Ни капли не осталось.

Да уж! Рука у меня была вся в слизи, и надеть пиджак, не вымыв ее, я никак не мог.

Из мрака донесся голос Харолда:

– В сарае, значит, вода-то есть.

– Отлично! Нам ведь все равно надо устроить там матку с ягнятами.

Я перекинул пиджак и пальто через плечо, сунул ягнят под мышки и, спотыкаясь о кочки, побрел туда, где по моим расчетам находился сарай. Овца, явно испытывая облегчение, трусила за мной. И вновь путь мне указал Харолд.

– Сюда, значит, – донесся до меня его крик.

Добравшись до сарая, я с радостью юркнул под защиту его каменных стен. Ночь была не для прогулок в одной рубашке. Меня уже бил озноб. Я поглядел туда, где возился старик. Фонарик был при последнем издыхании, я различал лишь неясные очертания Харолда и не мог понять, чем он занимается. По-видимому, он что-то долбил камнем, подобранным на лугу. И тут меня осенило: он разбивал лед в колоде!

Затем он зачерпнул ведром воду и подал его мне.

– Вот и помоетесь! – объявил он победоносно.

Мне казалось, что замерзнуть сильнее уже невозможно, но едва мои руки окунулись в черную жижу с плавучими льдинами, как я убедился в обратном. Фонарик угас, и почти сразу же мыло выскользнуло у меня из пальцев. Обнаружив, что я

усердно мою руку ледышкой, я сдался и взял полотенце.

Где-то поблизости Харолд напевал себе под нос так безмятежно, словно сидел перед своим очагом на кухне. Изрядная доза алкоголя, бушевавшая в его крови, видимо, сделала его холодоустойчивым.

Мы затолкнули овцу с ягнятами в сарай, и, чиркнув на прощание спичкой, я убедился, что мать с новорожденными удобно устроилась среди сухого душистого клевера. Остаток ночи им предстояло провести в безопасности и тепле.

По пути до деревни со мной ничего не случилось, поскольку ведро на коленях у Харолда было пустым. Он вылез перед своим домом, а я доехал до конца деревни, чтобы развернуться. Когда я вновь проезжал мимо его дома, оттуда вырвалось пронзительное:

– ЕСЛИ БЫ В МИРЕ ЖИЛИ ТОЛЬКО ТЫ ДА Я!

Затормозив, я опустил стекло и в изумлении прислушался. Невозможно себе представить, как гремели эти вопли в тишине пустой улицы, и, если, как мне говорили, смолкнуть им предстояло не раньше четырех утра, я мог только пожалеть обитателей деревни.

– НИЧЕГО Б НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ, ТЫ УЖЕ МНЕ ПОВЕРЬ!

Мне вдруг пришло в голову, что пение Харолда способно приесться довольно скоро. Сила его голоса не оставляла желать лучшего, но рассчитывать на ангажемент в лондонской опере ему тем не менее не приходилось. Фальшивил он ежесекундно, а в верхах пускал такого петуха, что у меня уши вяли.

– И ДРУГ ДРУГА МЫ Б ЛЮБИЛИ, ТОЧНО КАК ТЕПЕРЬ!

Я поспешно поднял стекло и рванул машину с места. Бездушный автомобиль катил себе между нескончаемыми тенями живых изгородей, а я, окостенев, скрючился над рулем. И тело и мысли у меня онемели, и я почти не помню, как добрался до

Скелдейл-Хауса, как поставил машину в гараж, со скрипом затворив ворота бывшего каретного сарая, и как прошел через длинный сад.

Но когда я забрался под одеяло, Хелен не только не отстранилась, что было бы вполне естественно, а, наоборот, крепко обняла ледяную глыбу, в которую превратился ее муж. Это было таким неопишным блаженством, что ради него стоило претерпеть все страдания этой ночи.

Я взглянул на светящийся циферблат будильника. Стрелки показывали три. Согреваясь, я сонно вспомнил овцу и ягнят, уютно устроившихся на душистом сене. Они уже, наверное, спят. И я скоро усну, и все спят...

То есть все, кроме соседей Харолда. Им предстоял еще целый час бдения.

Едва я приподнялся на кровати, как увидел вдали холмы за Дарроуби.

Я встал и подошел к окну. Утро обещало быть ясным, лучи восходящего солнца скользили по лабиринту крыш, красных и серых, свыкшихся с непогодой, кое-где просевших под тяжестью старинной черепицы, и озаряли зеленые пирамидки древесных вершин среди частокола дымовых труб. А надо всем этим – величественные громады холмов.

Как мне повезло! Ведь это было первым, что я видел каждое утро, – после Хелен, разумеется, а уж на нее смотреть мне никогда не надоедало.

После необычного медового месяца, который мы провели, проверяя коров на туберкулез, началась наша семейная жизнь под самой крышей Скелдейл-Хауса. Зигфрид, до нашей свадьбы мой патрон, а теперь партнер, отдал в полное наше распоряжение эти две комнатки на третьем этаже, и мы с радостью воспользовались его любезностью. Конечно, поселились мы там временно, но наша верхотура обладала каким-то неизъяснимо пьянящим воздушным очарованием, и нам можно было только позавидовать.

А поселились мы там временно потому, что в те дни никто ничего наперед не загадывал, и мы не знали, долго ли останемся там. Мы с Зигфридом записались добровольцами в военную авиацию и пока числились в запасе. Больше я о войне ничего писать не стану – тем более что война прямо Дарроуби не коснулась. Книга эта о другом: в ней рассказывается о тех месяцах, которые мы с Хелен прожили вместе до того, как меня призвали, и посвящена она самому простому, из чего

всегда слагалась наша жизнь, – моей работе, моим четвероногим пациентам и йоркширским холмам.

Комната эта служила нам и спальней и гостиной, и хотя не отличалась особой роскошью обстановки, кровать была очень удобной, на полу лежал коврик, а возле красивого старинного серванта стояли два кресла. Гардероб тоже был такой старинный, что замок давно сломался, и, чтобы дверцы не открывались, мы засовывали между ними носок. Кончик его всегда болтался снаружи, но мы как-то не обращали на это внимания.

Я вышел, пересек лестничную площадку и оказался в нашей кухне-столовой, окно которой выходило на противоположную сторону. Это помещение отличалось спартанской простотой. Я протопал по голым половицам к скамье, которую мы соорудили у стены возле окна. На ней возле газовой горелки располагалась наша посуда и кухонная утварь. Я схватил большой кувшин и начал долгий спуск в главную кухню, ибо при всех достоинствах нашей квартиры водопровода в ней не имелось. Два марша лестницы – и я уже на втором этаже, еще два марша – и я галопом мчусь по коридору, ведущему к большой кухне с каменным полом.

Наполнив кувшин, я возвратился в наше орлиное гнездышко, перепрыгивая через две ступеньки. Теперь мне бы очень не понравилось заниматься подобными упражнениями всякий раз, когда нам требовалась бы вода, но тогда меня это совершенно не смущало.

Хелен быстро вскипятила чайник, и мы выпили первую чашку чаю у окна, глядя вниз на длинный сад. С этой высоты открывался широкий вид на неухоженные газоны, плодовые деревья, глицинию, карабкающуюся по выщербленным кирпичам к нашему окошку, и на высокие стены, тянущиеся до вымощенного булыжником двора под вязами. Каждый день я не раз и

не два проходил по этой дорожке к гаражу во дворе и обратно, но сверху она выглядела совсем другой.

– Э-эй, Хелен! – сказал я. – Уступи-ка мне стул!

Она накрыла завтрак на скамье, служившей нам столом. Скамья была такой высокой, что мы купили высокий табурет, но стул был заметно ниже.

– Да нет же, Джим, мне очень удобно! – Она убедительно улыбнулась, почти упираясь подбородком в свою тарелку.

– Как бы не так! – заспорил я. – Ты же клюешь кукурузные хлопья носом. Дай уж я там сяду.

Она похлопала ладонью по табуретке.

– Ну, чего ты споришь! Садись, не то все остынет.

Смиряться я не собирался, но испробовал новую тактику:

– Хелен! – сказал я грозно. – Встань со стула!

– Нет! – ответила она, не глядя на меня и вытягивая губы трубочкой.

Это, на мой взгляд, придавало ей удивительное очарование, но, кроме того, означало, что уступать она не намерена.

Я растерялся. И даже прикинул, не сдернуть ли ее со стула силком. Но миниатюрной ее никак нельзя было назвать, а нам уже разок довелось помериться силами, когда спор из-за какого-то пустяка перешел в борцовскую схватку. И хотя мне она доставила много радости и я вышел из нее победителем, Хелен оказалась опасной противницей. Повторять свой подвиг рано поутру у меня настроения не было. Я сел на табурет.

После завтрака Хелен поставила греть воду, чтобы вымыть посуду – следующее дело в нашем расписании. А я тем временем спустился вниз, собрал инструменты, положил шовный материал для повредившего ногу жеребенка и через боковую дверь вышел в сад. Напротив альпийской горки я остановился и поглядел

на наше окошко. Рама была приподнята, и в ней появилась рука с кухонным полотенцем. Я помахал, полотенце в ответ взметнулось вверх-вниз, вверх-вниз. Так начинался теперь почти каждый мой день.

И, выезжая за ворота, я подумал, что это отличное начало. Впрочем, отличным было все: и грачиный грай в вязах у меня над головой, когда я закрывал тяжелые створки, и душистая свежесть воздуха, мой обычный утренний напиток, и трудности и радости моей работы.

Поранившийся жеребенок принадлежал Роберту Корнеру, и едва я приехал к нему на ферму, как Джок, его овчарка, напомнил мне о своем существовании. И я принялся наблюдать за ним: ведь ветеринарный врач не просто лечит, он еще знакомится с любопытнейшим калейдоскопом характеров, пусть и принадлежащих четвероногим, а Джок, бесспорно, был оригинальной личностью.

Очень многие деревенские собаки всегда готовы немножко отдохнуть от своих обязанностей и поразвлечься. Им нравится играть, и среди их излюбленных игр есть и такая – прогонять автомобили с хозяйского двора. Сколько раз я уезжал в сопровождении косматого метеора! Промчавшись двести-триста ярдов, пес обычно останавливался и напутствовал меня последним яростным гавканьем. Но не таков был Джок.

В нем жил истый фанатизм. Погоню за автомобилями он превратил в высокое искусство, которому служил ежедневно без тени юмора. От фермы Корнера к шоссе вела проселочная дорога, почти милю вившаяся по лугам между двумя каменными оградами вниз по пологому склону, и Джок считал свой долг выполненным, только если провожал избранную машину до самого шоссе. Его неистовая страсть требовала затраты больших сил и труда.

И теперь, когда я, зашив рану жеребенка, начал накладывать повязку, я все время поглядывал на Джока. Он крался между службами – тощенький малютка, которого и заметить-то не легко, если бы не мохнатая черно-белая шерсть, – без особого успеха притворяясь, будто он на меня и смотреть не хочет, так мало его интересует мое присутствие. Но его выдавали глаза, скошенные в сторону конюшни, и то, как он все время пересекал поле моего зрения, проскальзывая то туда, то сюда. Он ждал, когда же, наконец, наступит его великая минута.

Надев ботинки и бросив резиновые сапоги в багажник, я вновь увидел Джока – вернее, лишь длинный нос и один глаз, выглядывавшие из-под сломанной двери. И только когда я включил мотор и тронулся, пес заявил о себе: припав к земле, волоча хвост, вперив пристальный взор в передние колеса машины, он покинул засаду, едва я набрал скорость, и устремился могучим галопом наперерез к дороге.

Было это отнюдь не в первый раз, и меня всегда охватывал страх, что он может забежать вперед и угодить под машину, а потому я прибавил газу и понесся вниз по склону. Вот тут-то Джок и показывал, чего он стоит. Я часто жалел, что ему не довелось потягаться с борзыми, потому что уж бегать он умел! Щуплое тельце прятало в себе отлично отлаженный механизм, тонкие ноги мелькали, как паровозные рычаги, и Джок летел над каменистой землей весело, без усилий держась наравне с набирающим скорость автомобилем.

Примерно на полпути до шоссе был крутой поворот, и Джок всякий раз перемахивал через ограду, черно-белой молнией на зеленом фоне мчался через луг и, таким образом ловко срезав угол, вновь пушечным ядром проносился над серой каменной кладкой ниже по склону. Это экономило ему силы для последней

пробежки до шоссе, и, когда я выезжал на асфальт, в зеркале заднего вида отражалась обращенная в мою сторону счастливая морда пыхтящего пса. Вне всяких сомнений, он считал, что превосходно выполнил возложенный на него долг, и довольный собой неторопливо возвращался на ферму дожидаться, когда настанет очередь, например, почтальона или бакалейного фургона.

Но Джок отличался не только этим. Он блистал на состязаниях овчарок и завоевал мистеру Корнеру немало призов. Фермеру даже предлагали за него порядочные суммы, но он не хотел с ним расставаться. Наоборот, он сам купил Джоку подружку, такую же щуплую, как он, и тоже победительницу многих состязаний. От них мистер Корнер надеялся получить на продажу будущих мировых чемпионов. Когда я приезжал на ферму, сучка присоединялась к погоне за моей машиной, но, по-видимому, больше в угоду Джоку, и всегда отставала у поворота, предоставляя Джоку действовать одному. Нетрудно было заметить, что его энтузиазма она не разделяла.

Затем появились щенята – семь пушистых черных шариков, копошившихся во дворе и попадавших всем под ноги. Джок снисходительно следил, как они пытаются по его примеру гнаться за моей машиной, и даже чудилось, будто он благодушно смеется, когда они от усердия летели кувырком через голову и вскоре безнадежно отставали.

Затем месяцев десять я у Роберта Корнера не был, хотя порой встречал его на рынке, и он рассказывал, что дрессирует щенков и они делают большие успехи. Ну, да особой дрессировки не требовалось: все это было у них в крови, и, по его словам, они пробовали сбивать коров и овец в стадо, чуть только научились ходить. Затем я, наконец, снова их увидел – семь Джоков, щуплых, стремительных, бесшумно мелькавших между

сараями и коровниками, – и не замедлил обнаружить, что они научились у своего отца не только тому, как пасти овец. Было что-то очень знакомое в том, как они принялись сновать на заднем плане, когда я вернулся к машине – выглядывали из-за тюков прессованной соломы и с подчеркнутой небрежностью занимали излюбленные стартовые позиции. Усаживаясь за руль, я увидел, как они прильнули к земле словно в ожидании сигнала "марш".

Я завел мотор, сразу прибавил оборотов, рванул сцепление и помчался через двор. В ту же секунду по двору словно плеснула мохнатая волна. Автомобиль с ревом вылетел на проселок, а по обеим его сторонам плечо к плечу неслись песики, и на всех мордах было давно мне знакомое фанатичное выражение. Когда Джок перепрыгнул ограду, семь щенков взвились рядом с ним, а когда они вновь появились на последней прямой, я заметил нечто новое. Прежде Джок всегда косился на машину, потому что противником считал ее, но теперь, покрывая последнюю четверть мили во главе мохнатого воинства, он поглядывал на бегущих щенков, словно видел в них конкурентов.

А ему явно приходилось нелегко. Нет, он несколько не утратил прежней формы, но эти клубки костей и сухожилий, которые были обязаны ему жизнью, унаследовали его быстроту, и к ней добавлялась непочатая энергия юности, поэтому ему приходилось напрягать все силы, чтобы они его не обогнали. И вдруг, о ужас, он споткнулся, и тотчас на него накатился мохнатый вал. Казалось, все потеряно, но мужество Джока было из чистой стали: выпучив глаза, раздув ноздри, он проложил себе путь через галопирующую свору и к тому времени, когда мы достигли шоссе, вновь вел ее.

Но это обошлось ему недешево. Я притормозил, прежде чем уехать, и оглянулся на Джока: он стоял на

травянистой обочине высунув язык, и его бока вздымались и опадали. Вероятно, то же повторялось со всеми другими заезжавшими на ферму машинами, и от веселой игры не осталось ничего. Наверное, глупо утверждать, будто ты прочел собачьи мысли, но вся его поза выдавала нарастающий страх, что дни его безусловного превосходства сочтены и в самом недалеком будущем его подстерегает немыслимый позор: он окажется позади этой своры юных выскочек. Я прибавил скорости и увидел, что Джок смотрит вслед взглядом, яснее слов говорившим: "Долго ли я еще выдержу?" Я очень сочувствовал Джоку, и когда два месяца спустя снова должен был поехать на ферму, меня немножко угнетала мысль, что я стану свидетелем его невыносимого унижения, ведь ничего другого ждать было нельзя. Но когда я въезжал во двор фермы, он показался мне странно пустынным.

Роберт Корнер в коровнике накладывал вилами сено в кормушки. Он обернулся на звук моих шагов.

– Куда девались все ваши собаки? – спросил я.

Он прислонил вилы к стене.

– Ни одной не осталось. На обученных овчарок всегда есть спрос. Да, уж я не прогадал, ничего не скажешь.

– Но Джока-то вы оставили?

– Само собой. Как же я без него? Да вон он!

И правда, он, как встарь, шмыгал неподалеку, делая вид, будто вовсе на меня и не смотрит. А когда, наконец, настал вожделенный миг, и я сел за руль, все было как прежде: поджарый песик стрелой мчался рядом с машиной, но без перенапряжения, радуясь этой игре. Он птицей перелетел через ограду и без всякого труда первым достиг асфальта.

Мне кажется, я испытал такое же облегчение, как и он сам, что теперь никто не оспаривает его первенства, что он по-прежнему остается самой быстрой собакой.

Это была моя третья весна в йоркширских холмах, и она ничем не отличалась от двух предыдущих – и всех последующих. В том смысле, в каком представляется это время года деревенскому ветеринару: оглушительный шум овчарен, басистое блеяние маток, пронзительное, требовательное блеяние ягнят. Для меня оно всегда было возвещением, что зима кончилась и наступает новая пора, – это блеяние, и пронизывающий йоркширский ветер, и беспощадно яркий солнечный свет, заливающий обнаженные склоны.

А над травянистым откосом на вершине – овчарня, сложенная из прессованных тюков соломы, эдакий длинный коридор, перегороденный на множество квадратных закутков, по одному на матку с ее ягнятами, и я словно вижу, как в дальнем конце возникает Роб Бенсон с двумя ведрами корма. Роб трудился не покладая рук. Весной он месяца полтора не ложился в кровать. Вечером, может быть, снимал сапоги и задремывал у очага на кухне, но других пастухов, кроме самого себя, у него не было, и он предпочитал надолго овец одних не оставлять.

– У меня нынче для вас парочка дел, Джим! – Побуревшее, обветренное лицо расплылось в ухмылке. – Оно, конечно, мне не вы сами требуетесь, а эта вот ваша дамская ручка, да поскорее.

Он повел меня в загон побольше, где было несколько овец. При нашем появлении они метнулись в разные стороны, но Роб ловко ухватил одну за шерсть.

– Вот с нее и начнем. Сами видите, тут прохлаждаться некогда!

Я приподнял мохнатый хвост и ахнул. Там торчала голова ягненка, крепко зажатая за ушами. Она чудовищно распухла и казалась вдвое больше нормальной. Глаза превратились в крохотные щелочки посреди сплошного отека, изо рта вываливался лиловый вздутый язык.

- Н-да, видывал я такие головы, Роб, но все-таки поменьше!

- Малыш шел ногами вперед. А я чуток замешкался. Всего-то на час и отлучился, и вдруг эдакий футбольный мяч! Одна минута - и вот вам. Конечно, ему ноги надо повернуть, да куда мне с такими лапищами! - И он растопырил мозолистые пальцы, загрубелые от долгих лет тяжелого труда.

Тем временем я сбросил пиджак и закатал рукава рубашки, а ветер бритвой прошелся по моей ежащейся коже. Быстро намылив пальцы, я попытался нащупать слабинку у шеи ягненка. На миг его глазенки открылись и уныло посмотрели на меня.

- Ну, во всяком случае, он жив,- сказал я.- Но чувствует себя хуже некуда и сам выбраться не может.

Легонько щупая, я обнаружил под горлом узкую щель и решил попробовать. Вот тут от моей "дамской ручки" был большой прок и каждую весну я благодарил за нее бога. Ягнящейся овце она не причиняла особого беспокойства, а это было важнее всего: хотя овцы и закалены жизнью под открытым небом, они не выносят грубого обхождения.

Осторожно-осторожно я пробрался по курчавой шейке к плечу. Еще немножко - и мне удалось зацепить пальцем ножку и подтянуть ее до гибкого сустава. Еще один осторожный маневр - и, ухватив раздвоенное копытце, я бережно извлек ножку на свет.

Ну, полдела сделано! Я встал с колен и пошел к ведру с теплой водой. Вторую ножку мне предстояло тащить левой рукой, и я старательно мылил ее, а одна

из маток собрала своих ягнят, негодуя, уставилась на меня и с вызовом притопнула ногой.

Я отвернулся, снова опустился на колени на подстеленный мешок и начал вводить пальцы, но тут под руку подлез крохотный ягненок и присосался к вымени моей пациентки. По-видимому, он блаженствовал – если подергивающийся под самым моим носом хвостик заслуживал доверия.

– Это что еще за явление? – спросил я, продолжая щупать.

Фермер ухмыльнулся.

– Это-то? А Герберт! Его, беднягу, мамаша ни за что к себе не подпускает. Возненавидела, как он родился, а на другого ягненка просто не надышится.

– Так вы его с рожка кормите?

– Да нет. Думал было, но только гляжу, он и сам управляется. То к одной подскочит, то к другой – голодным не остается. В жизни такого не видывал.

– И недели на свете не прожил, а уже стоит на своих ногах, а?

– Что так, то так, Джим. По утрам животишко у него тугой, так я думаю, что ночью мамаша его все-таки кормит. В темноте же она его не видит, так, верно, ей только смотреть на него противно.

Я посмотрел на ягненка внимательнее. На мой взгляд он был таким же длинноногим милашкой, как и все остальные ягнята. Но и у овец есть свои причуды!

Вскоре я выпростал и вторую ножку, после чего извлечь всего ягненка было уже просто. Он лежал на подстилке из сена – огромный шар головы и крохотное тельце. Но его ребрышки поднимались и опускались вполне обнадеживающе, ну, а голова... я знал, что отек спадет так же быстро, как и возник. На всякий случай я проверил, но больше ничего не нащупал.

– Второго нет. Роб, – сказал я.

Фермер крякнул.

– Я другого-то и не ждал. Один, а зато крупный. Вот с такими всегда хлопот не оберешься.

Вытирая руки, я поглядывал на Герберта. Он отошел от моей пациентки, едва она принялась облизывать своего новорожденного, и теперь выжидательно крутился возле других маток. Они отгоняли его, угрожающе встряхивая головой; но в конце концов он подобрался к большой овце и подсунул голову ей под брюхо. Она тут же повернулась и яростным ударом жесткого лба подкинула малыша высоко в воздух – только ножки заболтались. Он со стуком упал на спину, и я бросился к нему, однако он вскочил и затрусил в сторону.

– Ведьма старая! – рявкнул фермер, но, когда я посмотрел на него с легким беспокойством, он пожал плечами. – Дурачок эдакий! Конечно, ему солоно приходится, но только сдается мне, ему тут больше нравится, чем сидеть с другими такими же бедолагами взаперти и ждать кормежки. Вы только на него поглядите!

Герберт, как ни в чем не бывало, подобрался к другой овце, наклонявшейся над кормушкой, нырнул под нее и его хвостик вновь блаженно задергался. Да, бесспорно, стойкий ягненок!

– Роб, – спросил я, когда он поймал мою вторую пациентку, – почему вы прозвали его Гербертом?

– Да моего младшего так зовут, и он вот тоже голову нагнет и ну ничегошеньки не боится.

Я занялся второй овцой и обнаружил великолепный клубок из трех ягнят: головки, ножки, хвостики – все устремлялись наружу и не давали друг другу продвинуться вперед ни на йоту.

– Она с утра мается, – сказал Роб. – Ну, я и подумал, что не все у нее ладно.

Осторожно водя рукой в тесном пространстве матки, я занялся увлекательнейшим распутыванием

клубка – пожалуй, никакая другая операция мне не доставляет столько удовольствия. Для того чтобы извлечь ягненка, необходимо собрать воедино голову и две ножки, но непременно так, чтобы они все принадлежали одному ягненку, не то жди беды. Трудность заключается в том, чтобы проследить каждую ножку до туловища и определить, задняя она или передняя, – кончается у плеча или теряется где-то в глубине.

Через две-три минуты я вслепую собрал ягненка, не перепутав конечности, но едва извлек ножки наружу, как шея сжалась и голова ускользнула назад. Вместе с плечами она с трудом проходила сквозь тазовое отверстие, и мне пришлось подтащить ее, зацепив пальцем край глазницы. Кости прищемили мне запястье, и боль была жуткая, но длилась она несколько секунд, потому что овца поднатужилась, и показался носишко. Дальше все было просто, и секунду спустя я положил ягненка на сено. Малыш судорожно встряхнул головой, фермер быстро обтер его пучком соломы и затем подтолкнул к материнской голове. Овца нагнулась над ним и принялась быстрыми движениями языка вылизывать ему мордочку и шею, испустив что-то вроде довольного утробного смеха – звук этот можно услышать только в такие минуты. Еще смешок и еще – когда я извлек на свет двух оставшихся ягнят (одного хвостом вперед), – и, растирая руки полотенцем, я смотрел, как она радостно тычет носом в свою тройню.

Вскоре они уже отвечали ей тоненьким дрожащим блеянием, а когда я с облегчением натянул пиджак на свои покрасневшие от холода руки, первый ягненок попробовал подняться на ножки. Это ему не совсем удалось, и он пополз на коленях, то и дело опрокидываясь на мордочку. Но он прекрасно знал, куда направляется, и двигался к вымени с упорством, которое вскоре должно было увенчаться успехом.

Ветер, бивший мне в лицо через тюки соломы, не мог стереть с него веселую улыбку: разыгрывающаяся передо мной сцена была лучшей наградой за труды, никогда не приедающимся чудом, необъяснимой, вечно новой тайной.

Несколько дней спустя Роб Бенсон опять позвонил мне. Под вечер в воскресенье. Его голос в трубке был исполнен тревоги, почти паники.

– Джим, к моим суягным овцам забралась собака. Часа в четыре тут останавливалась какая-то компания в автомобиле, и соседи говорят, что с ними была овчарка, так она гоняла овец по всему лугу. Там черт-те что делается, просто боюсь пойти поглядеть.

– Еду! – я бросил трубку и кинулся к машине, в ужасе представляя, что меня ждет: беспомощные овцы валяются с перекушенными глотками, ноги и животы истерзаны. Мне уже доводилось видеть подобные картины. Тех, кого не придется прирезать, надо будет зашивать, и, нажимая на газ, я прикидывал, хватит ли мне шовного материала в багажнике.

Суягные овцы содержались на выгоне у шоссе, и, когда я поглядел через ограду, сердце у меня оборвалось. Опираясь локтями на нетесаные, шаткие камни, я с тоской оглядывал пастбище. Все оказалось даже хуже, чем я опасался. Пологий травянистый склон был усеян неподвижно лежащими овцами – пятьдесят с лишним мохнатых кочек на зеленом фоне.

Роб стоял у калитки с внутренней стороны. Он даже не обернулся ко мне и только мотнул головой.

– Скажите, что с ними по-вашему. Я боюсь туда идти.

Оставив его, я пошел бродить по выгону среди неподвижных овец, приподнимая их ноги, раздвигая шерсть на шее. Некоторые были в глубоком обмороке, другие в коматозном состоянии. И ни одна не могла удержаться на ногах. Но чем больше я их осматривал,

тем сильнее становилось мое недоумение. В конце концов, я крикнул фермеру:

– Роб, идите-ка сюда! Странно что-то! Вот взгляните, – продолжал я, когда он нерешительно приблизился. – Ни единой раны, нигде ни капли крови, а они все лежат пластом. Я ничего не понимаю.

Роб нагнулся, осторожно приподнял бессильно поникшую голову и сказал:

– Верно! Так что же это с ними?

Я не нашел, что ответить, но в глубине моего сознания уже затренькал маленький колокольчик. Овца, над которой нагибался фермер, выглядела как-то уж очень знакомо. В отличие от большинства она кое-как оперлась на грудь, глядя перед собой пустыми глазами, не замечая ничего вокруг, но... эта пьяно мотающаяся голова... жидкие выделения из ноздрей... Я же все это видел прежде! Я встал на колени, наклонился к ее морде, услышал легкое почихивание в дыхании, почти хрип – и понял все.

– Кальциевая недостаточность! – крикнул я и припустил вниз по склону к машине.

– Какого черта? – спросил Роб, держась наравне со мной. – Это же после окота бывает, так ведь?

– Так-то так, – пропыхтел я. – Но причиной может быть и внезапное перенапряжение сил, и испуг.

– В первый раз слышу! – сказал Роб. – Как это происходит-то?

Но я предпочел поберечь дыхание. Не читать же сейчас лекцию о последствиях внезапного расстройства функции окоштитовидных желез! Меня больше занимала мысль, хватит ли в моем багажнике кальция на пятьдесят овец. Каким облегчением было увидеть длинный ряд круглых жестяных крышечек, выглядывающих из картонки! Видимо, я совсем недавно пополнил свой запас.

Первой овце я ввел кальций в вену, чтобы проверить свой диагноз – на овец кальций действует молниеносно, – и с тихим торжеством следил, как она вдруг заморгала, вздрогнула и попробовала перевалиться на грудь.

– Остальным будем вводить под кожу, так быстрее, – сказал я.

Мы пошли по лугу. Роб вытягивал ногу очередной овцы так, чтобы удобно было воткнуть иглу в пролысину под суставом, и к тому времени, когда мы добрались до половины склона, овцы внизу уже встали и тянули головы к кормушкам.

Это был один из самых приятных случаев в моей практике. Пусть никаких особых сложностей он не представлял, но это волшебное преобразование! От отчаяния к надежде, от смерти – к жизни, и за какие-то считанные минуты!

Я уже убирал пустые флаконы в багажник, когда Роб, наконец, заговорил. Он с изумлением следил, как выше по склону встает на ноги последняя овца.

– Я вам вот что скажу, Джим. В первый раз я такое видел. И уж одно мне вовсе не понятно. – Он повернулся ко мне, и его выдубленное всеми ветрами лицо сморщилось в гримасе недоумения. – Собака собакой, только отчего все чертово стадо вдруг полегло?

– Роб, – ответил я, – представления не имею.

И тридцать лет спустя я ничего другого ответить не мог бы, и до сих пор не знаю, отчего вдруг полегло все чертово стадо. Я подумал, что Робу пока довольно его тревог, и не стал упоминать, какие еще последствия могут иметь забавы овчарки. А потому не удивился, когда мне позвонили с фермы Бенсона на той же неделе.

Мы с Робом вновь встретились на склоне, и тот же ветер бушевал над овечьим загонem из соломенных тюков. Ягнята появлялись на свет один за другим, и

шум стоял совсем уж оглушительный. Роб подвел меня к моей пациентке.

– Сдается, в брюхе у нее полнодохлых ягнят, – сказал он, кивая на овцу, чьи бока раздувались от тяжелого дыхания, а голова поникла. Она стояла неподвижно и даже не шевельнулась при моем приближении. Ей действительно было скверно, а когда на меня пахло запахом разложения, я понял, что фермер не ошибся.

– Ну, после такой гонки это неудивительно, – сказал я. – Но поглядим, что удастся сделать.

Такое родовспоможение лишено всякой прелести, но надо было спасать овцу. Трупки ягнят раздулись от газов, и мне пришлось пустить в ход скальпель, чтобы сначала удалить передние ноги, а уж потом осторожно извлечь маленькое тельце, как можно меньше травмируя овцу. Когда я кончил, ее голова почти касалась земли, дышала она часто и тяжело и скрипела зубами. А мне нечем было ей помочь. Другое дело, если бы я мог подложить ей новорожденного, чтобы она его облизала и ощутила интерес к жизни. Не помешала бы и инъекция пенициллина. Но шел 1939 год, и антибиотики все еще принадлежали будущему, правда, не очень далекому.

– Навряд ли она выдюжит, – буркнул Роб. – А больше ничем ей помочь нельзя?

– Ну, введу ей парочку пессариев, сделаю инъекцию, хотя спасительнее новорожденного ягненка для нее лекарства нет. Вы ведь лучше меня знаете, что овцы в таком состоянии обычно не выживают, если им не о ком заботиться. А лишнего ягненка подпустить к ней у вас не найдется?

– Сейчас нету. А ждать ведь нельзя. Завтра уже поздно будет.

И тут мой взгляд упал на ягненка. Это был Герберт, сирота при живой матери. Узнать его было нетрудно: он

бродил от овцы к овце в надежде на глоток-другой молока.

– Э-эй! А малыша она не примет, как по-вашему? – спросил я фермера.

– Да навряд ли, – сказал он с сомнением в голосе. – Все-таки он подрос. Ему третья неделя идет, а им подавай новорожденных.

– Так ведь попытка не пытка, верно? Может, испробуем старинную уловку?

Роб улыбнулся.

– Ладно! Хуже все равно не будет. Да и он совсем замухрышка. Иной новорожденный покрупнее будет. Поотстал от ровесников-то.

Он вытащил складной нож, быстро ободрал мертвого ягненка и, положив шкурку на спину Герберта, завязал ее под худыми ребрышками.

– Бедняга! – пробормотал он. – Кожа да кости. Если не получится, запру его с теми, кого мы из бутылочки кормим.

Кончив, он отпустил Герберта, и этот неукротимый ягненок тут же подлез под понурившуюся овцу и принялся сосать ее. По-видимому, первые его усилия остались втуне – во всяком случае, он несколько раз сердито боднул вымя крепким лобиком. Но затем его хвостик благодушно задергался.

– Ну, хоть рюмочку-другую она ему уделила! – Роб засмеялся.

Герберт был не из тех, кого можно игнорировать, и толстая овца, как скверно она себя ни чувствовала, волей-неволей повернула голову и посмотрела на него. Затем обнюхала привязанную шкурку словно бы равнодушно, но через две-три секунды несколько раз лизнула ягненка и испустила знакомый утробный смешок.

Я начал собирать свое снаряжение.

- Ну, будем надеяться, - сказал я. - Они ведь одинаково нужны друг другу.

Когда я выходил из загона, Герберт в своей новой курточке по-прежнему упоенно сосал и сосал.

Всю следующую неделю я как будто вообще не надевал пиджака. Окот был в самом разгаре, и каждый день я с утра до вечера только и делал, что окунал руки по плечо в ведро с теплой водой на всех ближних и дальних фермах - в загонах, в темных углах сарая, а чаще - под открытым небом, ибо фермеры в те годы считали, что ветеринару так и надо по часу стоять на коленях без пиджака под проливным дождем.

К Робу Бенсону мне пришлось заехать еще раз - вправить матку овце после тяжелого окота. Главная прелесть этой работы заключалась в весьма утешительной мысли, что передо мной не корова.

Да, особенно потеть мне не довелось. Роб перекатил овцу на бок, обвязал ей задние ноги веревкой, которую закинул себе за шею, так что роженица почти встала на голову. В такой позе ей было трудно увертываться, и, продезинфицировав матку, я почти без усилия водворил ее на место, а затем осторожно ввел руку, чтобы проверить, все ли в порядке.

Засим овца, как ни в чем не бывало, удалилась со своим семейством к заметно увеличившемуся стаду.

- Поглядите-ка! - рявкнул Роб, перекрикивая невообразимый гомон вокруг. - Вон старуха с Гербертом. Правее, правее, посреди вон той кучки!

Мне все овцы казались одинаковыми, но Роб, как и всякий пастух, различал их без малейшего труда и тотчас узнал эту парочку.

Были они у дальнего края выгона, и мы оттеснили их в угол - мне хотелось рассмотреть их получше. Овца при нашем приближении грозно топнула ногой, оберегая своего ягненка, и Герберт, уже сбросивший

мохнатую курточку, прижался к боку приемной матери. Я обнаружил, что он заметно растолстел.

– Ну, уж теперь вы его замухрышкой не назовете, Роб!

Фермер засмеялся.

– Да где там! Мошна у старухи прямо коровья, и все достается Герберту. Повезло малышу, одно слово, да и ей он жизнь спас. Не вытянула бы, если бы не он, это уж верно.

Я обвел взглядом сотни бродящих по выгону овец, загоны, в которых стоял оглушительный шум, и обернулся к фермеру.

– Боюсь, я что-то зачастил к вам, Роб. Ну, будем надеяться, что теперь вы меня долго не увидите.

– Пожалуй, что и так. Дело-то к концу идет. Чертово время – окот, верно я говорю?

– Да, лучше слова не подберешь. Ну, мне пора, не буду вам мешать.

Я повернулся и зашагал вниз по склону. Рукава царапали раздраженную, воспаленную кожу, а вечно бегущий по траве ветер хлестал меня по щекам. У калитки я остановился и посмотрел назад, на широкую панораму холмов, на полосы и пятна еще не сошедшего снега, на летящие по небу серые тучи в разводьях сияющей голубизны. Вдруг луга, ограды, рощи залило такое яркое солнце, что я даже зажмурился. И тут до меня донеслись отдаленные отзвуки бурной мелодии, в которой низкие басы сплетались с пронзительными фальцетами, требовательные и тревожные, сердитые и полные любви.

Голоса овечьего стада, голоса весны.

Глухое ворчанье, зарождавшееся где-то в самых недрах грудной клетки, зарокотало в моем стетоскопе, и я внезапно с пугающей ясностью осознал, что такого огромного пса мне еще видеть не доводилось. Да, насколько я мог судить по моему довольно бедному опыту, ирландские волкодавы, бесспорно, были выше, а бульмастифы, пожалуй, шире в плечах, но по общим габаритам пальма первенства несомненно принадлежала этому устрашающему колоссу по кличке Кланси.

Самая подходящая кличка для собаки ирландца, а Джо Муллиген был ирландцем до мозга костей, хотя и прожил в Йоркшире не один десяток лет. Джо привел Кланси на дневной прием, и, увидев, как косматый пес бредет, заполняя собой коридор, я припомнил, с каким солидным благодушием он сносил веселую назойливость собак помельче, когда мы встречались на лугах вокруг Дарроуби. Ну, на редкость смирный дружелюбный пес!

И вот теперь в могучей глотке клокотало злое ворчанье, словно отдаленная барабанная дробь, раскатывающаяся по подземной пещере. И по мере того как стетоскоп продвигался между ребрами, ворчанье становилось все громче, а губы подергивались над грозными клыками, словно их колебал ветер. Вот тут я и осознал, что не только Кланси – чудовищно крупная собака, но и что я совершенно беззащитен стою перед ним на коленях, и мое правое ухо находится совсем рядом с его пастью.

Я поспешно поднялся с колен и убрал стетоскоп в карман, а пес смерил меня холодным взглядом – искоса, даже не повернув головы. Но в самой его

неподвижности таилась наводящая ужас угроза. Вообще-то я не склонен волноваться, когда пациенты огрызаются на меня, но во мне крепла уверенность, что этот огрызаться не будет, а сразу устроит что-нибудь весьма эффектное.

И я слегка отодвинулся.

– Так, какие вы замечали симптомы, мистер Муллиген?

– Что-что? – Джо приставил ладонь к уху.

Я вобрал побольше воздуха в грудь и завопил:

– Что с ним такое?

Старик взглянул на меня с полным недоумением из-под козырька аккуратно надетой кепки и потрогал шарф, завязанный поверх кадыка, а из трубки в самом центре его губ поднялись завитки голубого дыма, словно знаки вопроса.

В памяти всплыли подробности былых недугов Кланси, и, шагнув к мистеру Муллигену, я во всю мочь крикнул прямо ему в лицо:

– Его рвет?

Ответ не замедлил себя ждать. Джо облегченно улыбнулся и вынул трубку изо рта.

– Да, да, сэр. Выворачивает его. Сильно выворачивает! – Он явно почувствовал под ногами знакомую почву.

Лечение Кланси всегда велось на расстоянии. В самый первый день, когда я приехал в Дарроуби два года назад, Зигфрид сообщил мне, что этот пес почти эрдель, но ростом с хорошего осла, совершенно здоров, и только его склонность пожирать весь мусор, какой ему попадается, приводила к естественным результатам. Через определенные промежутки времени ему прописывалась большая бутылка микстуры из углекислого висмута. Тогда же я узнал, что Кланси завел от скуки обыкновение валить Джо с ног и трепать как крысу. Но хозяин все равно его обожал.

Тут во мне заговорила совесть, когда-нибудь же надо провести полный осмотр. Смерить ему температуру, например. Ну, что тут такого? Ухвачу хвост, приподниму и введу термометр в задний проход... Пес повернул голову и посмотрел мне в глаза ничего не выражающим взглядом, и я опять услышал глухой барабанный бой, а верхняя губа чуть вздернулась, обнажив на мгновение белую сверкающую полосу.

– Отлично, мистер Муллиген! – воскликнул я деловито – Сейчас я дам вам бутылочку микстуры.

В аптеке под рядами бутылей с латинскими названиями и стеклянными притертыми пробками я взболтал микстуру в десятиунциевом флаконе, вдавил в горлышко пробку, приклеил ярлычок и написал обычные указания. Джо с удовлетворенным видом сунул в карман хорошо ему знакомую белую целебную жидкость в столь же привычном сосуде и повернулся к дверям, но тут во мне снова разыгралась совесть.

– Приведите его в четверг в два часа, – крикнул я в ухо старику. – И, если можно, не опаздывайте, а то сегодня вы что-то задержались.

Я смотрел, как мистер Муллиген удаляется по улице, а из его трубки вырываются клубы дыма, словно над отходящим от станции паровозом. Позади него вразвалку шагал Кланси, полное воплощение внушительной невозмутимости. Весь в тугих каштановых завитках он действительно походил на гигантского эрделя.

В четверг, задумчиво прикинул я, в два часа дня. Мы с Хелен, наверное, будем сидеть в кино, как обычно, – ведь вторая половина четверга у меня была выходной.

Утром в пятницу Зигфрид за письменным столом распределял вызовы. Он вырвал из блокнота листок со списком и протянул мне.

– Ну, вот, Джеймс. Как раз достаточно, чтобы вы до обеда не слишком бездельничали.

Тут его взгляд скользнул по записям вчерашнего приема, и он обернулся к младшему брату, который, выполняя свою утреннюю обязанность, растапливал камин.

– Тристан, так вчера Джо Муллиген приходил со своим псом, и ты его смотрел? Ну, и твое заключение?

Тристан поставил ведро с углем на пол.

– Ну, я прописал ему висмутовую микстуру.

– Я понимаю. Но что ты установил, осматривая пациента?

–А-а! – Тристан задумчиво потер подбородок. – Выглядит он прекрасно. Сущий живчик.

– И это все?

– Да... собственно говоря.

Зигфрид обернулся ко мне.

– Ну, а вы, Джеймс? Вы же смотрели эту собаку позавчера. И что вы у нее нашли?

– Вопрос довольно сложный, – ответил я. – Пес этот ростом с хорошего слона и вообще какой-то жутковатый. Мне все время чудилось, что он только выжидает удобного случая. А кроме старика Джо удержать его было бы некому. Боюсь, мне не удалось провести полного обследования, но должен сказать, у меня сложилось то же мнение, что и у Тристана. Сущий живчик.

Зигфрид устало отложил ручку. Ночью судьба нанесла ему один из тех сокрушительных ударов, которые она приберегает специально для ветеринара: вызов в час ночи, когда он только-только уснул, и вызов в шесть утра, когда он снова только-только уснул. А потому его огневая энергия несколько поугасла.

Он провел рукой по глазам.

– Да смилуется над нами бог! Вы, Джеймс, дипломированный ветеринарный врач с двухлетним

опытом, и ты, Тристан, студент-выпускник, – вы оба сумели обнаружить только одно: что он – суший живчик! Скверно, очень скверно! И вряд ли заслуживает названия клинического диагноза. Когда к нам приводят животное, я жду, что вы запишете его пульс, температуру, частоту дыхания. Проведете аускультацию грудной клетки и пальпацию живота. Откроете ему рот и исследуете зубы, десны и глотку. Проверите состояние кожи. А если потребуется, так возьмете катетером мочу и сделаете ее анализ.

– Хорошо, – сказал я.

– Ладно, – сказал Тристан.

Мой партнер встал из-за стола.

– Ты снова назначил его на прием?

– Да. Конечно, – Тристан достал из кармана сигареты. – На понедельник. Но ведь мистер Муллиген всегда опаздывает, и я предупредил его, что мы осмотрим собаку вечером у него дома.

– Ах, так! – Зигфрид сделал пометку в блокноте и вдруг вскинул голову. – Но ведь вы с Джеймсом в это время должны быть на собрании молодых фермеров?

Тристан сделал глубокую затяжку.

– Совершенно верно. Для практики очень полезно, чтобы мы почаще встречались с молодыми клиентами.

– Прекрасно, – сказал Зигфрид, направляясь к двери. – Я сам осмотрю собаку.

Утром во вторник я все время ждал, что Зигфрид вот-вот упомянет муллигеновского пса, хотя бы в доказательство того, какую пользу приносит полное клиническое обследование. Но этой темы он не коснулся.

Однако волею судеб, когда я шел через рыночную площадь, мне повстречался мистер Муллиген, которого, естественно, сопровождал Кланси.

Я подошел к старику и крикнул ему в ухо:

– Как ваша собака?

Он извлек трубку изо рта и улыбнулся неторопливо и благодушно.

– А хорошо, сэр, очень хорошо. Выворачивает ее помаленьку, но не так, чтобы слишком уж.

– Значит, мистер Фарнон ее подлечил?

– Ага! Дал ей еще белой микстурки. Отличное средство, сэр. Отличное!

– Вот и прекрасно, – сказал я. – И пока обследовал Кланси, он ничего плохого не обнаружил?

Джо пососал трубку.

– Да нет. Уж мистер Фарнон свое дело знает. В жизни не видывал, чтоб человек так живо управлялся.

– Что-что?

– Так ведь он только взглянул – и уже во всем разобрался. Три секунды – и конец делу.

Я был сбит с толку.

– Три секунды?

– Да, – категорично заявил мистер Муллиген. – Ни на секундочку больше.

– Поразительно! И как же это было?

Джо выбил трубку о каблук, не спеша вытащил ножик и принялся отпиливать новую заправку от зловеще черной полосы прессованного табака.

– Так я же вам толкую: мистер Фарнон, он ведь что твоя молния. Вечером забарабанил в дверь и как прыгнет в комнату! (Мне были хорошо известны эти домишки: ни коридорчика, ни даже прихожей – дверь с улицы открывалась прямо в жилую комнату.) Входит, а сам уже градусник вытаскивает. А Кланси, значит, полеживал у огня, ну и вскочил, да и гавкнул маленько.

– Маленько гавкнул, э? – Я прямо-таки увидел, как косматое чудовище взлетает в воздух и лает в лицо Зигфриду – пасть разинута, клыки сверкают.

– Ага! Гавкнул маленько. А мистер Фарнон спрятал градусник в футляр, повернулся и вышел в дверь.

– И ничего не сказал?

– Ни единого словечка. Повернулся, значит, как солдат на параде и марш-марш за дверь. Вот так-то.

Это походило на правду. Решения Зигфрид умел принимать мгновенно. Я протянул было руку, чтобы погладить Кланси, но что-то в его глазах удержало меня от такой фамильярности.

– Ну, я рад, что ему полегчало! – прокричал я.

Старик раскурил трубку с помощью старой латунной зажигалки, выпустил облачко едкого сизого дыма прямо мне в лицо и закрыл чашечку медной крышкой.

– Ага. Мистер Фарнон прислал большую бутылочку белой микстурки, и ему живо полегчало. Да что уж там! – Он улыбнулся благостной улыбкой. – Кланси всегда ж маленько, а выворачивает. Уж он такой.

Более недели пес-великан в Скелдейл-Хаусе не упоминался, но, видимо, профессиональная совесть грызла Зигфрида. Во всяком случае, он как-то днем заглянул в аптеку, где мы с Тристаном занимались делом, ныне отошедшим в область преданий – изготавливали жаропонижающие микстуры, слабительные порошки, пессарии из борной кислоты, – и сказал с величайшей небрежностью:

– Да, кстати! Я послал письмо Джо Муллигену. Все-таки я не вполне убежден, что мы исследовали его собаку в надлежащей мере. Вывора... э... рвота почти наверное объясняется неразборчивым обжорством, но тем не менее я хотел бы удостовериться в этом точно. А потому я попросил его зайти завтра с собакой между двумя и тремя, когда мы все будем здесь.

Радостных воплей не последовало, и он продолжал:

– Пес этот, пожалуй, в какой-то степени нелегкое животное, а потому нам надо все рассчитать заранее. – Он посмотрел на меня. – Джеймс, когда его приведут, вы будете опекать его сзади, хорошо?

– Хорошо, – ответил я без всякого восторга.

Зигфрид впился глазами в брата.

– А тебе, Тристан, поручим голову, договорились?
– Отлично, отлично, – буркнул Тристан, храня непроницаемое выражение, а его брат продолжал:
– Ты покрепче обхвати его обеими руками за шею, а я уже буду готов ввести ему снотворное.
– Прекрасно, прекрасно, – сказал Тристан.
– Ну, вот и чудесно! – Мой партнер потер руки. – Как только я его уколую, остальное будет просто. Я не люблю оставлять что-то невыясненным.

В Дарроуби практика в целом была типично деревенской – лечили мы больше крупных животных, а потому в приемной пациентов обычно бывало немного. Но на следующий день после двух в ней вообще не оказалось никого, и ожидание из-за этого стало почти невыносимым. Мы все трое слонялись из комнаты в комнату, заводили разговоры ни о чем, с подчеркнутым равнодушием поглядывали в окно на улицу, что-то про себя насвистывали. К половине третьего мы окончательно смолкли. Следующие пять минут мы через каждые несколько секунд подносили часы к глазам, и ровно в половине третьего Зигфрид нарушил молчание.

– Черт знает что! Я предупредил Джо, чтобы он пришел до половины третьего, а он даже внимания не обратил. Он вечно опаздывает, и, по-видимому, добиться от него пунктуальности невозможно. И очень хорошо: ждать дольше у нас времени нет. Нам с вами, Джеймс, пора ехать оперировать жеребенка, а за тобой, Тристан, записана корова Уилсона. Ну, в путь!

До той минуты я был убежден, что в дверях застревают только кинокомики, но тут выяснилось, что мы вполне могли бы с ними соперничать: во всяком случае, в коридор мы вывалились все вместе. Несколько секунд спустя мы были уже во дворе, и Тристан, рыча мотором, унесся прочь в синем облаке выхлопных газов. А мы с Зигфридом лишь чуть медленнее умчались в противоположном направлении.

Когда с улицы Тренгейт мы свернули на рыночную площадь, я обвел ее быстрым взглядом, но мистера Муллигена нигде не обнаружил. Увидели мы его на самом выезде из городка. Он только-только вышел из дома и неторопливо брел по тротуару, окутанный сизым дымом, а Кланси, как обычно, трусил чуть позади.

– Вон он! – воскликнул Зигфрид. – Нет, вы поглядите на него! С такими темпами он доберется до приемной не раньше трех. И никого там не найдет. Но он сам виноват. – Тут он оглянулся на огромного курчавого пса, просто излучавшего здоровье и энергию. – Впрочем, мы просто потратили бы время впустую, обследуя эту псину. Ничем он не болен.

Зигфрид немного помолчал, глубоко задумавшись, а потом повернулся ко мне.

– Суций живчик, ведь верно?

– Мастика эта, – сказал мистер Пикерсгилл. – Ну, прямо спасу от нее никакого нет!

Я кивнул, соглашаясь, что упорный мастит у его коров достаточная причина для тревоги, а сам подумал, что другие фермеры обошлись бы местным термином "опухание", но мистер Пикерсгилл остался верен себе и категорически, хотя и не вполне точно, применил научное название.

Обычно он промахивался по цели совсем немножко, и плоды его усилий либо точно воспроизводили оригинал, либо их происхождение прослеживалось без особого труда, но вот откуда взялась "мастика", я постичь не сумел, но знал, что, раз выковав слово, он ему уже не изменит. Мастит был для него "мастика эта" и мастикой останется. И я знал, что он всегда будет упрямо отстаивать свою правоту. А все потому, что мистер Пикерсгилл, по его убеждению, получил научное образование. Ему было лет шестьдесят, а юношей, почти подростком, он прослушал двухнедельный практический курс для фермеров в университете города Лидса. Это мимолетное соприкосновение с академическим миром оставило в его душе неизгладимый след. Он словно ощутил, что за привычными заботами его будней скрыто нечто истинно значительное и важное, и это зажгло в нем огонь, озарявший всю его последующую жизнь.

Ни один облаченный в мантию маститый ученый не вспоминал свои давние года в сени оксфордских шпилей с такой ностальгией, как мистер Пикерсгилл эти две недели в Лидсе, и его разговоры были уснащены упоминаниями о богоподобном профессоре Маллесоне, который, видимо, вел этот курс.

– Просто ума не приложу, что же это такое! – продолжал он. – В мои университетские деньки мне только и твердили, что от мастики вымя все распухает, а молоко идет грязное. Значит, мастика эта какая-то другая. Маленько хлопьев в молоке, да и то, когда они есть, а когда и нет; только я этим сыт по горло, позвольте вам доложить.

Я отпил чай из чашки, которую миссис Пикерсгилл поставила передо мной на кухонном столе.

– Да, мастит затянулся и не тревожиться нельзя. Я убежден, что тут действует какой-то скрытый фактор, и мне не удастся его нащупать.

Но я кривил душой, не сомневаясь, что фактор этот я уже обнаружил. Как-то я приехал на ферму под вечер и вошел в маленький коровник, где мистер Пикерсгилл и его дочь Оливия доили свой десяток коров. Я стоял и смотрел, как они доят, скорчившись в три погибели среди ряда серебристых и рыжих спин. И мне сразу бросилось в глаза, что Оливия лишь чуть-чуть перебирает пальцами, даже запястья у нее неподвижны, но ее отец тянет за соски так, словно звонит во все церковные колокола под Новый год.

Это наблюдение вкупе с тем фактом, что хлопья появлялись в молоке только тех коров, которых доил мистер Пикерсгилл, убедило меня в травматическом происхождении их хронического мастита.

Но как сказать ему, что он доит неправильно и единственный выход – выработать более мягкую манеру либо согласиться, чтобы всех коров доила Оливия?

Решиться на это было тем труднее, что мистер Пикерсгилл обладал необыкновенной внушительностью. У него не нашлось бы пенса лишнего, но и здесь, на кухне, в потрепанной фланелевой рубашке без ворота и в подтяжках он выглядел промышленным магнатом. Никто не удивился бы, увидев эту львиную голову, полные щеки, благородный лоб и

снисходительные глаза на очередной фотографии в финансовом отделе "Таймс". Надень он котелок и полосатые брюки, его невозможно было бы отличить от председателя правления какого-нибудь крупного банка.

Покуситься на это врожденное достоинство у меня не хватало духа, к тому же мистер Пикерсгилл своих коров холил и лелеял. Десять его коров, как и все животные, принадлежавшие быстро исчезающей породе мелких фермеров, были упитанными и чистыми. Да и как не ухаживать за своей скотиной, если она тебя кормит? Мистер Пикерсгилл вырастил и поставил на ноги всех своих детей на доход от продажи молока, иногда пополнявшийся выручкой за двух-трех свиней и яйца пятидесяти кур, которыми занималась его жена.

Как они сводили концы с концами, сказать не могу. Но сводили и были вполне довольны своим жребием. Все дети, кроме Оливии, обзавелись собственными семьями и жили отдельно, и тем не менее в доме по-прежнему царил дух гармонии. Вот и в эти минуты мистер Пикерсгилл обстоятельно излагал свою точку зрения, а жена, хлопоча на заднем плане, слушала его с тихой гордостью. Оливия тоже была счастлива. Хотя ей было за тридцать пять, стародевичество она не опасалась, ибо за ней пятнадцать лет с самыми серьезными намерениями ухаживал Чарли Хадсон из рыбной лавки в Дарроуби. Пусть влюбленность Чарли и не отличалась чрезмерной бурностью, легкомысленным мотыльком его назвать было никак нельзя, и никто не сомневался, что не пройдет и десяти лет, как он объяснится.

Мистер Пикерсгилл предложил мне еще одну масляную лепешку, а когда я, поблагодарив, отказался, он несколько раз кашлянул, словно подыскивая слова.

– Мистер Хэрриот, – начал он наконец, – у меня нет привычки учить людей их делу, да только все ваши медикаменты мы перепробовали, и мастику эту они ни в

какую не берут. А я, когда учился у профессора Маллесона, позаписал всякие отличные рецепты, так вот и хотел бы испытать вот этот. Извольте взглянуть?

Он засунул руку в задний карман брюк и извлек пожелтевший листок, почти протершийся на сгибах.

– Мазь для вымени. Может, если растереть им мошны хорошенько, все и пройдет?

Я прочел рецепт, написанный четким старомодным почерком. Камфора, эвкалиптовое масло, окись цинка – длинный список таких знакомых названий! Они вызвали у меня невольную нежность, но она умерялась все укрепляющимся разочарованием. Я уже было открыл рот, собираясь сказать, что, по-моему, никакие втирания ни малейшей пользы не принесут, но тут фермер громко охнул.

Он слишком напрягся, засовывая руку в задний карман, и застарелый радикулит тут же дал о себе знать. Старик выпрямился в струнку, морщась от боли.

– В спину вступило, доложу я вам! Прострел чертов, и доктор с ним ничего поделать не может. Пилюль наглотался – прямо гремушку из меня делай, а толку чуть.

Блестящими умственными способностями я не отличаюсь, но порой меня осеняет.

– Мистер Пикерсгилл! – произнес я с глубокой серьезностью. – Сколько я вас знаю, вы страдаете радикулитом, и сейчас мне пришла в голову одна мысль. Мне кажется, я знаю, как вы могли бы от него избавиться.

Глаза фермера широко открылись, и в них засветилась детская доверчивость, без малейшего намека на иронию. Как и следовало ожидать. Раз люди больше полагаются на слова живодера или торговца костной мукой, а не на советы ветеринара, когда болят их животные, вполне естественно, что они

предпочтут рекомендации ветеринара, а не врача, когда речь идет об их собственных болезнях.

– Вы знаете, как меня излечить? – спросил он слабым голосом.

– По-моему, да. И никакого лечения не потребуется. Просто перестаньте доить!

– Доить перестать? Да какого дьявола?..

– Именно, именно! Вспомните: вы же каждое утро и каждый вечер сидите, согнувшись на низкой табуреточке. Человек вы высокий, и совсем подбородком в колени утыкаетесь, чтобы до вымени дотянуться. Конечно же, вам это вредно!

Мистер Пикерсгилл уставился перед собой, словно ему предстало дивное видение.

– Вы, правда, думаете...

– Безусловно. Во всяком случае, проверьте. А доить пока может Оливия. Она ведь всегда говорит, что отлично справится одна.

– Конечно, папа! – вмешалась Оливия. – Доить я люблю, ты же знаешь, а тебе пора и отдохнуть. Ты ведь с самых детских лет доил.

– Черт, молодой человек, а ведь вы, пожалуй, в точку попали, доложу я вам. И пробовать не стану. С этой минуты и кончу, мое решение принято. – Мистер Пикерсгилл откинул великолепную голову, обвел кухню властным взглядом и хлопнул кулаком по столу, словно только что подписал документы о слиянии двух нефтяных компаний.

Я встал.

– Отлично, отлично. Рецепт я захвачу с собой и составлю мазь. Вечером она будет готова, и, на вашем месте, я бы начал лечение без проволочек.

В следующий раз я увидел мистера Пикерсгилла примерно через месяц. Он величественно катил на велосипеде через рыночную площадь, но заметил меня и спешился.

– А, мистер Хэрриот! – сказал он, слегка отдуваясь. – Рад, что мы встретились. Я все собирался заехать к вам и сказать, что хлопьев в молоке больше нет. Как начали мы втирать мазь, так они и пошли на убыль, а потом и вовсе пропали.

– Прекрасно! А ваш радикулит?

– Вот уж тут вы маху не дали, молодой человек, доложу я вам, что спасибо, то спасибо! С того дня я ни разу не доил, так спина даже поднывать перестала. – Он ласково улыбнулся мне. – Для нее-то вы мне дельный совет дали, но чтоб вылечить мастику эту, пришлось-таки нам к старому профессору Маллесону вернуться, а?

Следующая моя беседа с мистером Пикерсгиллом произошла по телефону.

– Я по автоклаву говорю, – сообщил он придушенно.

– По авто...

– Ну, да. В деревне из будки. По телефону-автоклаву.

– А, да-да, сказал я. – Так чем могу быть полезен?

– Вы бы сейчас не приехали? А то тут у одного моего теленка сальный нос объявился.

– Простите?

– Сальный нос. У теленка.

– Сальный нос?

– Во-во! Тут давеча утром по радио как раз про него толковали.

– А-а! Да-да, понимаю. (Я тоже успел послушать эту часть передачи для фермеров – лекцию о сальмонеллезе у телят.) Но почему вы полагаете, что у него именно эта болезнь?

– Так прямо же, как объясняли: у него кровь идет из андуса.

– Из... А, да-да, конечно. Поглядеть его следует. Я скоро буду.

Теленку бесспорно было очень плохо, и кровь из заднего прохода у него действительно шла. Но не как при сальмонеллезе [\[1\]](#).

– Поноса у него нет, мистер Пикерсгилл, вы сами видите. Наоборот, впечатление такое, что у него трудно с проходимостью. Кровь же почти чистая. И температура не очень высокая.

В голосе фермера прозвучало явное разочарование:

– Черт, а я-то думал, что у него все точь-в-точь, как объясняли. Сказали еще, что следует пробы посылать в лабрадор.

– А...э?

– В следовательский лабрадор. Да вы же знаете!

– Да-да, совершенно верно. Но, думаю, анализы тут ничего не дадут.

– Ну, а что же у него тогда? С андусом непорядок?

– Нет, нет, – ответил я. – Но где-то кишечник у него закупорился, и это вызывает кровотечение. – Я поглядел на понурого, горбящего спину теленка. Он весь был сосредоточен на неприятных внутренних ощущениях и время от времени напрягался и слегка кряхтел.

Конечно, конечно, мне следовало бы сразу понять в чем дело, ведь картина была на редкость четкой. Но, вероятно, у каждого из нас есть свои слепые пятна, не дающие различить то, что прямо в глаза бросается, и несколько дней я, как в тумане, пичкал бедняжку то тем, то этим – даже вспоминать не хочется.

Но мне повезло. Он выздоровел вопреки моему лечению. И только когда мистер Пикерсгилл показал мне комочек некротизированной ткани, вышедшей с экскрементами, я, наконец, понял.

И пристыженно повернулся к фермеру.

– Это обрывок омертвевшей кишки, которая сама в себя втянулась. Инвагинация. Обычно она приводит к

гибели животного, но, к счастью, ваш теленок избавился от препятствия естественным путем и теперь должен совсем поправиться.

– Но как вы сказали? Что у него было-то?

– Инвагинация.

Губы мистера Пикерсгилла зашевелились, и я ожидал, что он вот-вот повторит новое словечко. Но попытка, по-видимому, не удалась.

– А! – сказал он только.– Вот, значит, что у него было!

– Да, но в чем заключалась причина, определить трудно.

Фермер презрительно фыркнул.

– Хотите об заклад побиться, я вам скажу! Я с самого начала, доложу вам, говорил, что расти он будет слабеньким. У него из пупка кровь шла, потому что родился-то он в проценте!

Но мистер Пикерсгилл со мной еще не кончил. Не прошло и недели, как я вновь услышал в трубке его голос:

– Поскорее приезжайте! У меня тут свинья безик устроила.

– Безик? – Я даже замигал, отгоняя от себя видение двух хрюшек, затеявших перекинуться в картишки. – Боюсь, я не совсем...

– Я ей микстуру от глистов дал, а она запрыгала и ну на спине валяться. Говорю же вам, самый настоящий безик.

– А... да-да, я... да-да. Сейчас приеду.

Когда я приехал, свинья немного уgomонилась, но все еще страдала от боли: ложилась, вскакивала, кружила по закутку. Я ввел ей гран гидрохлорида морфия и через несколько минут движения ее замедлились, а затем она улеглась на солому и уснула.

– По-видимому, все обойдется, – сказал я. – Но какую микстуру вы ей дали?

Мистер Пикерсгилл неохотно протянул мне бутылку.

– Тут один заезжал – продавал их. Сказал, что любых глистов изничтожит, какие только есть.

– Вот и вашу свинью тоже чуть не изничтожило, верно? – заметил я, нюхая жидкость. – И неудивительно. Судя по запаху, это же почти чистый скипидар.

– Скипидар? Ох, черт, только-то? А он-то божился, что средство самое новейшее. И деньги с меня содрал кардинальные.

Я вернул ему бутылку.

– Ну, ничего. Дурных последствий, мне кажется, не будет, но место этой бутылке в мусорном ведре, поверьте.

Садясь в машину, я поглядел на мистера Пикерсгилла.

– Я вам, наверное, порядком надоел. Сначала мастит, потом теленок и вот теперь свинья. Целая полоса незадач.

Мистер Пикерсгилл расправил плечи и поглядел на меня с монументальным спокойствием.

– Молодой человек, – сказал он, – я на это просто смотрю. Со скотиной без беды не обойтись. А я, позвольте вам доложить, по опыту знаю, что беда – она всегда ходит циклонами.

– Послушай, Джим, – сказала Хелен, – нам никак нельзя опаздывать. Миссис Ходжсон удивительно милая старушка, она ужасно огорчится, если мы задержимся и ее ужин перестоит.

Я кивнул.

– Ты абсолютно права, этого допустить нельзя. Но у меня после обеда только три вызова, а вечер взял на себя Тристан. Так что я не задержусь.

Подобные тревоги из-за простого приглашения на ужин могут кому-нибудь показаться преувеличенными, но для ветеринаров и их жен, особенно в те времена, когда человек работал один или с единственным помощником, опасность оказаться грубо невежливым была вполне реальной. Мысль, что кто-то приготовит для меня угощение, а потом будет сидеть в напрасном ожидании, необыкновенно меня пугала, но такое случалось со всеми нами. Этот страх воскресал во мне всякий раз, когда нас с Хелен куда-нибудь приглашали, – тем более если приглашали люди вроде Ходжсонов. Мистер Ходжсон, на редкость симпатичный старый фермер, был очень близорук, но глаза его за толстыми стеклами очков смотрели на мир безмятежно и ласково. Его жена, такая же добрая душа, как он сам, лукаво покосилась на меня, когда я за два дня до этого заехал к ним.

– Под ложечкой у вас не сосет, мистер Хэрриот?

– Еще как, миссис Ходжсон! Ничего аппетитнее я не видывал!

Я мыл руки на кухне и невольно поглядывал на стол, где во всем великолепии красовались доказательства того, что свинью для собственного употребления здесь откормили на славу: отбивные на ребрышках,

золотистые ряды пирогов, пирамида только что набитых колбас, банки с рублеными ножками и головой. В духовке еще вытапливалось сало, заливавшееся затем в большие горшки.

Старушка внимательно на меня посмотрела.

– А почему бы вам на днях не привезти сюда вечером миссис Хэрриот и не помочь нам со всем этим управиться?

– Вы очень любезны и я бы с огромным удовольствием, но...

– Нет-нет! И слышать ничего не хочу! – Она засмеялась. – Да и правда, слишком тут всего много, как ни раздаривай!

Она не преувеличивала. В те дни каждый фермер и многие жители Дарроуби откармливали свиней для собственного стола, и время, когда такую свинью кололи, оборачивалось всеобщим пиршеством. Окорока и бока коптились впрок, но все остальное надо было съесть, и поскорее. Для многосемейных фермеров это особых трудностей не составляло, но все прочие щедро оделяли друзей и знакомых восхитительными сверточками, не сомневаясь, что в свой час их отдарят тем же.

И вот я беззаботно отправился во вторник в послеобеденный выезд, а передо мной в соблазнительнейших видениях витал ужин, который миссис Ходжсон уже, наверное, готовит. Я знал, что нас ожидает: отбивные, зажаренные с луком, печенью и ветчиной, окруженные гирляндой домашних сосисок, каких уж теперь не попробуешь! Да, было о чем помечтать!

Собственно говоря, это видение продолжало манить меня, и когда я въехал во двор Эдварда Уиггина. Подойдя к большому сараю, я оглядел моих пациентов – десяток молодых бычков, отдыхающих на толстой соломенной подстилке. Мне предстояло вакцинировать

их от эмфизематозного карбункула ^[2]. Без этого почти наверное кое-кто из них сдох бы, так как луга вокруг были заражены спорами смертоносной бациллы *Clostridium chauvoei*.

Болезнь достаточно распространенная, и скотоводы еще в старину выискивали способы борьбы с "черноногостью" – например продергивали бечевку сквозь складку кожи под челюстью. Но мы, к счастью, уже располагали надежной вакциной.

Я полагал, что разделаюсь за несколько минут – Уилф, работник мистера Уиггина, удивительно ловко умел ловить животных. Но тут я увидел, что через двор ко мне идет сам фермер, и сердце у меня упало: в руке он нес свое лассо. Шагавший рядом с ним Уилф посмотрел на меня и страдальчески возвел глаза к небу. Он тоже явно опасался худшего.

Мы вошли в сарай, и мистер Уиггин принялся тщательно сматывать свою длинную белую веревку, а мы с Уилфом тоскливо наблюдали за ним. Этот щуплый старичок в молодости несколько лет прожил в Америке. Рассказывал он об этих годах весьма скупно, но мало-помалу у всех сложилось впечатление, что был он там ковбоем – во всяком случае, говорил он с мягкой техасской оттяжкой и прямо источал суровую романтику ранчо и бескрайних прерий. Все, хоть как-то связанное с Диким Западом, он обожал – и в первую очередь – свое лассо.

Задеть мистера Уиггина было не так-то легко, обидные намеки он просто пропускал мимо ушей, но стоило усомниться в его способности одним движением руки заарканить самого дикого из быков, как тихонький старичок впадал в ярость. Беда была лишь в том, что сноровка эта существовала только в его воображении.

Наконец, мистер Уиггин ухватил конец лассо с петлей, закрутил его у себя над головой и начал

подбираться к ближайшему бычку. Вот петля взвилась в воздух... и произошло то, что должно было произойти: веревка шлепнулась на спину бычка и соскользнула на солому.

– О, чтоб тебя! – выдохнул мистер Уиггин и начал все сначала. Двигался он с величавой неторопливостью, и можно было с ума сойти, глядя, как он вновь тщательно сворачивает лассо. Казалось, прошло сто лет, прежде чем он опять двинулся к бычку, крутя петлю над головой.

– А, черт! – буркнул Уилф, когда лассо хлестнуло его по лицу.

Хозяин свирепо накинулся на него:

– Не лезь под руку, Уилф! Вот и начинай из-за тебя сначала!

На этот раз петля прямо шлепнулась на солому, и, когда мистер Уиггин потянул лассо к себе, мы с Уилфом безнадежно привалились к стене.

Вновь петля взмыла в воздух, закрученная с такой силой, что достигла стропил, где и застряла. Мистер Уиггин дернул лассо раз, другой, но тщетно.

– У, койот тебя заешь! За гвоздь зацепилась! Сбегай-ка во двор, Уилф, приволоки лестницу.

Пока я ждал, чтобы Уилф принес лестницу, а потом наблюдал, как он карабкается по ней под сумрачную крышу, мысли мои были заняты тайной мистера Уиггина. И его оттяжка и ковбойские словечки для Йоркшира особой новостью не были, проникая сюда из-за Атлантического океана в книгах и фильмах. Собственно говоря, ходили темные слухи, будто мистер Уиггин оттуда их и позаимствовал, а никакого ранчо даже близко не видел. Как знать...

Наконец, лассо было высвобождено, лестница убрана, и весь процесс повторился заново. Старичок опять промахнулся, но бычок ненароком наступил в петлю, и несколько секунд фермер с испуганной

решимостью висел на веревке, а бычок пружинисто брыкался, стараясь сбросить стеснительную помеху. И глядя на сосредоточенное морщинистое лицо, на дергающиеся худые плечи, я вдруг понял, что мистер Уиггин не просто ловит полувзрослого теленка для инъекции, но готовится повалить на бегу бешеного быка, а ноздри его втягивают воздух прерий, а уши внемлют тявканью койота.

Бычок незамедлительно высвободился, и мистер Уиггин, буркнув "у, змей гремучий!", приступил к делу снова. Он бросал и бросал лассо впустую, а я с тревогой думал, что время идет и шансы провести вакцинацию нормально стремительно уменьшаются. Когда имеешь дело с молодняком, самое главное – не взбудоражить животных. Если бы не мистер Уиггин, мы с Уилфом осторожно оттеснили бы бычков в угол, и Уилф поочередно хватал бы их за носы могучими ручищами.

А теперь они взбудоражились, лучше не надо. Еще недавно одни мирно жевали жвачку, другие лакомились клочьями сена из кормушки, но теперь раздраженные хлещущей и ползающей веревкой они носились по сараю точно скаковые лошади. Мы с Уилфом наблюдали в угрюмом молчании, как мистеру Уиггину удалось-таки набросить лассо на шею бычка, но петля оказалась слишком широкой и соскользнула на туловище. Бычок вырвался из нее с гневным мычанием и помчался по кругу галопом, брыкаясь и вскидывая голову. Я уныло смотрел на мечущееся маленькое стадо – с каждой минутой происходящее все больше смахивало на родео.

Назревала катастрофа. После обеда мне пришлось посмотреть в приемной двух собак, и из дома я уехал почти в половине третьего. Теперь стрелки неумолимо приближались к четырем, а я еще не сделал ровно ничего.

Наверное, так оно и продолжалось бы без конца, если бы не вмешалась судьба. Внезапно по капризу

случая мистер Уиггин набросил петлю точно на рога проносившемуся мимо четвероногому снаряду, она затянулась на шее, и мистер Уиггин на другом конце лассо, изящно пролетев по воздуху шагов десять, хлопнулся в деревянную кормушку.

Мы кинулись к нему и помогли встать. Он был цел и невредим, хотя заметно ошеломлен.

– Так его и раз эдак! Не удержал подлюгу, – буркнул он. – Пожалуй, я дома пока посижу. А вы сами с ними разберитесь.

Когда мы вернулись к бычкам, Уилф сказал мне вполголоса:

– Вот уж верно, не было бы счастья, да несчастье помогло. Теперь можно и за дело взяться. И может, он хоть на недельку позабудет про свое чертово лассо!

Хватать за нос бычков теперь было уже поздно, зато Уилф показал мне, как работают с веревкой по-йоркширски. Многие местные скотники были настоящими мастерами, и я следил за ним с наслаждением: миг – и одна петля ложится за уши, а другая обвивает нос.

Прямо-таки ослабев от внезапного облегчения, я вытащил бутылку с вакциной, шприц – и через двадцать минут все десятеро получили по инъекции.

В машине я взглянул на часы, и сердце у меня заколотилось. Без четверти пять! А у меня еще два вызова. С другой стороны, до семи еще два часа и вряд ли меня подстерегает второй мистер Уиггин. Глядя на мелькающие мимо каменные стенки, я вновь принялся гадать, был ли все-таки старичок в юности ковбоем или это – мечта о несбывшемся.

Тут мне вспомнился некий вечер в четверг, когда мы с Хелен выходили из бротоновского кинотеатра, посещением которого обычно завершался мой свободный день. Фильм был американский, о ковбоях, и в дверях, взглянув на темный задний ряд, я в дальнем

его конце обнаружил мистера Уиггина, который с настороженным видом съехал на стуле.

Вот с тех пор во мне и зародились сомнения...

В пять часов я влетел на маленькую ферму двух мисс Данн. Их свинья поранила шею о гвоздь, но мои предыдущие визиты к ним подсказывали, что ничего серьезного меня не ожидает.

Эти две пожилые девицы самостоятельно управлялись на нескольких акрах под деревней Доллингсфорд. Они были интересны потому, что почти всю работу делали без посторонней помощи, а свой скот и прочую живность окружали нежнейшей заботой и баловали точно комнатных собачек. В небольшом коровнике стояли четыре коровы, и всякий раз, пока я осматривал одну, ее соседка нет-нет да и лизала мне спину шершавым языком. Их немногочисленные овцы подбегали к людям на лугу и обнюхивали им ноги на собачий манер, телята ласкаючи обсасывали вам пальцы, а старенький пони приветливо тыкался мордой во всякого, кто оказывался рядом. Единственным исключением в этой дружелюбной компании была свинья Пруденция, избалованная до полного безобразия.

Вот на нее-то я сейчас и смотрел. Она рылась пяточком в соломе у себя в закутке – внушительнейшая грудка мяса и жира, – и четырехдюймовая царапина на толстой шее особенно ее жизни не угрожала. Тем не менее ранка была рваная и оставлять ее в таком виде не следовало.

– Надо бы наложить пару-другую швов, – сказал я, и дюжая мисс Данн, ахнув, прижала ладонь к губам.

– Боже мой! Ей будет больно? Боюсь, у меня не хватит сил присутствовать!

Я взглянул на ее высокую мощную фигуру, на красное обветренное лицо, на широкие плечи, на вздувающиеся бугры бицепсов и в который раз подумал,

что при желании она и в свои пятьдесят лет могла бы одним ударом расплющить меня в лепешку. Но как ни странно, прозаические детали лечения животных настолько ее нервировали, что при отеле, окоте и прочем помогала мне ее миниатюрная сестра.

– Не беспокойтесь, мисс Данн, – заверил я ее, – все будет кончено прежде, чем она успеет понять, что происходит! – С этими словами я перелез через загородку, подошел к Пруденции и легонько потрогал ее шею.

Могучая свинья испустила обиженный визг, словно ее прижгли каленым железом, а когда я попытался дружески почесать ей спину, огромная пасть снова разверзлась и завизжала вчетверо громче. Кроме того, Пруденция угрожающе двинулась на меня. Я стойко удерживал позицию, пока ощеренные желтоватыми зубами челюсти не приблизились к моим лодыжкам, а тогда оперся на верхнюю жердь и выпрыгнул из закутка.

– Надо перегнать ее в более тесное помещение, – сказал я. – Тут я зашить ее не сумею. Ей есть где увертываться, а она слишком велика, чтобы ее можно было удержать силой.

Субтильная мисс Данн подняла ладонь.

– У нас есть то, что требуется. В телятнике по ту сторону двора. Стойла там узкие, и, если мы ее туда отведем, ей придется стоять смирно.

– Отлично! – Я даже руки потер от удовольствия. – И я смогу шить, стоя в проходе. Так двинулись!

Я открыл дверь, и после долгих уговоров, тычков и подпихивания Пруденция величественно прошествовала во двор. Но там она остановилась как вкопанная, нагломерно похрюкивая, а глазки ее горели злокозненным упрямством. Я навалился на нее всем весом, но с тем же успехом мог бы попробовать сдвинуть слона. Идти дальше она не желала, а до

телятника было пятьдесят шагов. Я покосился на свое запястье: четверть шестого, а я еще и не начинал.

Мои размышления прервала субтильная мисс Данн.

– Мистер Хэрриот, я знаю, как перевести ее через двор.

– Да?

– Да-да. Пруденция и прежде капризничала, но мы нашли способ убеждать ее.

Я с трудом улыбнулся.

– Чудесно! А как именно?

– Видите ли, – обе сестры виновато хихикнули, – она очень любит сухие галеты...

– Простите?

– Она обожает сухие галеты.

– Неужели?

– Безумно.

– Это прекрасно, – сказал я, – но причем тут...

Дюжая мисс Данн засмеялась.

– Погодите, сейчас сами увидите.

Она неторопливо направилась к дому, и мне пришло в голову, что эти пожилые барышни, хотя и не принадлежали к типичным фермерам йоркширских холмов, видимо, разделяли их глубокое убеждение, что торопиться некуда. Вот за ней затворилась дверь и началось ожидание. Вскоре я уже не сомневался, что она решила заодно выпить чашечку чаю. Постепенно закипая, я повернулся и посмотрел на луг, убегающий по склону к серым крышам и старинной колокольне Доллингсфорда, встающим над деревьями у реки. Тихий мир, которым веяло от этого пейзажа, совсем не гармонировал с моим душевным состоянием.

Когда я уже перестал надеяться, что она когда-нибудь вернется, дюжая мисс Данн спустилась с крыльца с длинной цилиндрической пачкой в руке и поднесла ее к моим глазам с лукавой улыбкой:

– Вот от чего Пруденция никогда не откажется!

Она извлекла галету и бросила ее на булыжник в двух шагах перед рылом Пруденции. Та несколько секунд смотрела на желтоватый кружок непроницаемым взглядом, потом медленно приблизилась к нему, внимательно оглядела и взяла в рот.

Когда она проглотила последнюю крошку, дюжая мисс Данн одарила меня заговорщицким взглядом и бросила перед свиньей еще одну галету. Пруденция вновь шагнула вперед и подобрала лакомство. В результате она несколько приблизилась к службам по ту сторону двора, но только несколько. Я прикинул, что первая галета продвинула ее вперед на пять шагов и вторая примерно на столько же, а до телятника их остается сорок. По две с половиной минуты на галету – значит, доберется она до него минут через двадцать!

Я вспотел, видя, что мои опасения более чем оправдываются, ведь никто и не думал торопиться. Особенно Пруденция, которая медленно-медленно сжевала очередную галету, а потом обнюхала землю, чтобы подобрать последнюю крошку под любящими улыбками своих хозяек.

– Извините, – робко произнес я, – но не могли бы вы бросать галету чуть подальше... для экономии времени, так сказать?

Субтильная мисс Данн весело засмеялась.

– Мы пытались, но она редкостная умница! Отлично сообразила, что тогда ей достанется меньше галет!

В доказательство своих слов следующую приманку она бросила шагов на восемь впереди свиньи, но та обзрела галету с сардоническим выражением на огромном рыле и соизволила шагнуть, только когда галету подтолкнули ногой на требуемое расстояние. Мисс Данн была права: Пруденция еще с ума не сошла и лишаться собственной выгоды не собиралась.

Я вынужден был беспомощно ждать, скрипя зубами, нескончаемо долгое время, хотя все остальные извлекали из этой томительной процедуры массу удовольствия. Но вот последняя галета летит в телячье стойло, свинья вразвалочку следует за ней, и сестры с торжествующим смешком захлопывают за ней дверцу.

Я подскакиваю с иглой и шелком – и, естественно, Пруденция испускает полный ярости визг.

Дюжая мисс Данн заткнула уши и в ужасе сбежала, но ее субтильная сестра мужественно осталась со мной и подавала мне ножницы и дезинфицирующий порошок, едва я знаками объяснял, что мне требуется. Когда я сел за руль, в ушах у меня нестерпимо звенело, однако мне было не до того. Время! Время! Шел седьмой час.

Я торопливо оценил свое положение. До следующей – и последней на сегодня – фермы две мили. Через десять минут я там. Кладем двадцать минут на работу, еще пятнадцать минут до Дарроуби, молниеносно моюсь, переодеваюсь – и около семи сажусь—таки за стол миссис Ходжсон.

Много времени следующая работа не потребует – продеть кольцо в нос быку и все. В наши дни с распространением искусственного осеменения иметь дело с быками нам приходится редко – держат их только хозяева больших молочных ферм и племенных заводов, – но в тридцатые годы они были практически на каждой ферме, и вдевание колец входило в самую обычную нашу работу. Кольцо бычок получал примерно в годовалом возрасте, когда наливался силой и с ним становилось трудно справляться.

Еще издали завидев во дворе тощую фигуру старика Теда Бакла и двух его работников, я испытал невероятное облегчение. Меня ждут! Ведь сколько времени напрасно теряет ветеринар, кружа с воплями среди пустых служб, а потом отчаянно размахивает руками на лугу, чтобы привлечь внимание темного пятнышка где-то у горизонта!

– А, молодой человек! – произнес Тед, и даже на это короткое приветствие ему понадобилось порядочно времени. Я с неизменным восторгом слушал старика, говорившего на подлинном йоркширском наречии (воспроизводить которое здесь я и пытаться не стану) с солидной неторопливостью, словно смакуя каждый слог, как смаковал его и мой слух. – Приехали, значит.

– Да, мистер Бакл, и рад, что у вас все готово и вы меня ждете.

– Не люблю я, чтоб человек по делу приехал и зря тут толочся. – Он поглядел на работников. – Ну-ка, ребятки, идите в стойло, приготовьте животину для мистера Хэрриота.

"Ребятки", Эрнест и Герберт, которым обоим было за шестьдесят, побрели в стойло к быку и закрыли за собой дверь. Оттуда тотчас донеслись глухие удары о дерево и мычание, перемежавшееся добрыми старыми йоркширскими выражениями, затем все стихло.

– Вот и сладили, – буркнул Тед, а я по обыкновению удивлялся про себя его одеянию. За все время нашего знакомства я видел его только в этом пальто и в этой шляпе. Пальто, которое в неведомом прошлом, возможно, было макинтошем, вызывало у меня лишь два вопроса: зачем он его надевает и как он его надевает. Длинные, давно утратившие связь между собой лохмотья, перехваченные в талии бечевкой, никак не могли защищать его от непогоды, и одному богу было известно, каким образом он умудрялся различать, где рукава, а где просто дыры. И шляпа! Почти лишившийся тульи фетровый головной убор начала века, поля которого унылыми складками чуть ли не вертикально свисали над ушами и глазами, – неужели он действительно каждый вечер вешает его на колышек, а утром вновь водворяет на голову?

Пожалуй, ответ можно было найти именно в этих полных юмора глазах, безмятежно смотрящих с худого лица. Для Теда ничего не менялось, и десятилетия проходили точно минуты; я вспомнил, как он показывал мне старомодный таган у себя в кухне, на который можно было ставить над огнем кастрюли и котлы. С особой гордостью он продемонстрировал ряд колец, позволявших подогнать отверстие под кастрюлю побольше или, наоборот, поменьше. Можно было подумать, будто речь идет о новейшем изобретении.

– Замечательная штука! И паренек, который мне его делал, на славу постарался.

– А когда это было, мистер Бакл?

– Да в тысяча восемьсот девяносто седьмом. Как сейчас помню. Этот паренек, он на все руки был мастер.

Тут верхняя створка двери открылась, и работники, держа быка за веревки, вскоре поставили его так, как полагалось для продевания кольца. А обставлялось это настоящим ритуалом, заданным раз и навсегда, точно па в классическом балете.

Эрнест с Гербертом принудили быка высунуть голову над нижней створкой двери и удерживали ее в этом положении, натягивая каждый свою веревку. В те дни переносного зажима еще не существовало, и ради безопасности быка оставляли в стойле, державшие же его люди занимали позицию снаружи. Затем пробивалось отверстие в самом конце носовой перегородки с помощью специальных щипцов, которые я уже держал наготове в футляре.

Но прежде мне предстояло проделать небольшую процедуру, мной самим введенную. Обычно отверстие пробивали прямо по живому, но я полагал, что быкам подобное вряд ли особенно по вкусу, и потому предварительно делал местную анестезию. И вот я нацелил шприц, а Эрнест, державший веревку слева, опасно вжался в дверь.

– Чегой-то ты бочком встал, Эрнест? – протянул Тед.

– Боишься, как бы он на тебя не скаканул?

– Да ну... – смущенно ухмыльнулся Эрнест и укоротил веревку.

Однако тут же отпрыгнул назад – я вонзил иглу в хрящ у края ноздри, и бык с оскорбленным мычанием всей тушей взвился над дверью. Тед слишком тянул с окольцовыванием – моему пациенту было уже почти полтора года, к тому же он отличался крупным сложением.

- Держите его, ребятаки, - пробормотал Тед, но работники уже повисли на веревках. - Вот и ладно. Сейчас он уймется.

И действительно, через минуту огромная морда уже легла на верхний край дверной створки, удерживаемая в этой позиции туго натянутыми веревками. Можно было приступать к следующему этапу. Я вложил в ноздри пробойные щипцы и стиснул ручки. В эти моменты я совсем не чувствовал себя дипломированным специалистом! Впрочем, анестезия свою роль сыграла, и бык даже не дрогнул, когда щипцы с щелчком сомкнулись, пробив в хряще круглую дырку.

Затем наступил следующий торжественный момент: я извлек из бумажной обертки бронзовое кольцо, вывинтил винт и разомкнул соединенные шарниром половинки, ожидая неизбежную фразу, которая тут же и прозвучала:

- Сними-ка кепку, Герберт, - распорядился Тед. - Небось за минуту простуда тебя не одолеет.

Кепка, обязательно кепка! Ведерко или широкая миска подошли бы куда лучше! Винтик, конечно, дурачки крохотный и отверточка тоже... И все-таки непременно кепка. Такая вот засаленная кепчонка, которую стянул с лысой макушки Герберт.

Теперь мне предстояло продернуть кольцо в пробитое мною отверстие, сомкнуть его, вставить винт и закрутить его как можно туже. Вот тут-то и требовалась кепка: ее держали под кольцом на случай, если животное вдруг дернет головой. Упадет винт в грязь и солому - пиши пропало! А когда я кончу завинчивать, Тед подаст мне рашпиль или напильник, обязательно имеющийся у любого фермера, и я аккуратно заровняю кончик винта, нужно это или нет.

Однако на сей раз устоявшийся порядок оказался нарушен. Когда я с кольцом в руке приблизился к морде молодого быка, широко расставленные глаза под

крутыми рогами поглядели мне прямо в зрачки. И вероятно, когда я протянул руку, он шевельнулся. Во всяком случае, открытый конец кольца царапнул его по губе. Самую чуточку. Но он, по-видимому, счел это личным оскорблением, потому что испустил раздраженный рев и снова взвился на задних ногах.

В свои полтора года он успел обрести могучие пропорции и в этой позе выглядел весьма внушительно, когда же его передние ноги оперлись о створку и огромная грудная клетка нависла над нами, он показался мне великаном.

– Сейчас выпрыгнет, подлюга! – охнул Эрнест и выпустил веревку. За эту работу он взялся без особого восторга и теперь сложил с себя свои обязанности без малейших сожалений. Герберт, однако, был скроен из другого материала и висел на своем конце с угрюмым упорством. Но бык танцевал над ним, одно раздвоенное копыто просвистело возле его уха, другое чуть не задело лысую макушку, и, не выдержав, он тоже обратился в бегство.

Тед, как всегда сохранявший безмятежное спокойствие, находился далеко в стороне, так что перед створкой теперь прыгал я один, отчаянно размахивая руками в тщетной надежде заставить быка попятиться, но единственное, что меня удерживало там, было горькое сознание, что каждый дюйм, на который он вздымался над створкой, все больше и больше отдаляет меня от сказочного ужина миссис Ходжсон.

Я не отступал, пока фыркающее, мычащее двурогое не выбралось на две трети наружу, на миг нелепо повиснув на створке, которая глубоко погрузилась ему в брюхо. Но тут бык с последним усилием вывалился во двор, и я задал стрекача. Впрочем, он не помышлял о мести – а взглянул на открытые ворота, за которыми

простирался луг, и промчался сквозь них со скоростью экспресса.

Из-за штабеля молочных бидонов я с тоской наблюдал, как он выделяет радостные курбеты на сочной траве, упиваясь нежданно обретенной свободой. Брыкаясь, вскидывая голову, задрав хвост, он понесся к дальнему горизонту, где широкое пастбище спускалось к ручью, петлявшему по неглубокой ложбине. И когда он скрылся в ней, то унес с собой мою последнюю надежду отведать божественные отбивные.

– Его, подлюгу, и за час не изловишь, – угрюмо предсказал Эрнест.

Я взглянул на часы. Половина седьмого. Жестокая несправедливость случившегося совсем меня сокрушила, и я испустил вопль негодования:

– Да, черт побери, а мне надо в семь быть в Дарроуби! – Я заметался по булыжнику, потом остановился перед Тедом. – Мне уже никак не успеть... Я должен предупредить жену... Есть у вас телефон?

Тед ответил даже неторопливее обычного.

– Нету. Мне эти телефоны ни к чему. Не верю я в них. – Он выудил из кармана жестянку из-под табака, извлек из нее издававшие виды часы и уставился на циферблат. – Да и чего ж вам к семи в Дарроуби не вернуться?

– Но... но... это невозможно. А заставлять их ждать я никак не могу... Мне необходимо позвонить.

– Не кипятитесь так, молодой человек! – Длинное худое лицо Теда сморщилось в умиротворяющей улыбке. – Говорю же вам, успеете вовремя.

Я взмахнул рукой.

– Он же только сейчас сказал, что быка скорее чем за час не изловить!

– Как бы не так! А Эрнест, он такой – ему только тогда хорошо, когда плохо. Быка я вам через пять минут приведу.

– Через пять минут?! Быть не может! Я... я съезжу до ближайшего телефона, а вы его пока ловите.

– И думать не моги, малый! Поди-ка присядь вон там! – Тед указал на каменную поилку у стены. – Передохни, а я через пять минут тебе его представлю.

Я уныло опустился на шероховатый камень и закрыл лицо руками. А когда снова посмотрел вокруг, старик как раз выходил из коровника позади коровы весьма почтенного возраста. Судя по кольцам на рогах, ей было лет пятнадцать, худой таз торчал, как подставка для шляп, а обвислое вымя почти мело землю.

– Иди, иди, старушка, – сказал Тед, и старая корова трусцой направилась на луг, а вымя раскачивалось на каждом шагу. Я следил за ней, пока она не скрылась в ложине, а потом обернулся и увидел, что Тед накладывает в ведро питательные брикеты.

Затем он пошел с ведром к воротам. Под моим недоуменным взглядом начал греметь по нему палкой и почти запел жиденьким тенорком:

– Сюда, сюда, моя умница! Поди сюда!

Почти тут же над краем лощины появилась корова, а за ней по пятам шагал бык. Тед загрохотал по ведру, и, к моему изумлению, корова припустила тяжелым галопом. Мой пациент держался чуть сбоку от нее. Добравшись до старика, она сунула голову в ведро, а бык, хотя почти ее перерос, подсунул нос ей под брюхо и забрал в огромный рот один из сосков. Вид был на редкость нелепый, но корова словно не замечала, что бык, почти опустившись на колени, сосет ее, как новорожденный теленок.

На него же этот напиток оказал самое умиротворяющее действие, и, когда корову увели в коровник, он последовал за ней, а затем без малейшего протеста позволил мне продеть ему в нос кольцо и завинтить винт, который, к счастью, никуда из кепки Герберта не укатился.

– Без четверти семь! – пропыхтел я весело, прыгая за руль. – Я еще успею! – И я представил себе, как мы с Хелен поднимаемся на крыльцо Ходжсонов, дверь гостеприимно распахивается и из нее вырывается небесное благоухание отбивных и жареного лука.

Я взглянул на обтрепанную тощую фигуру, на глаза, безмятежно выглядывающие из-под обвислых полей бывшей шляпы.

– Мистер Бакл, вы просто чудо сотворили. Я бы не поверил, если бы сам не видел! Поразительно, как это бык вот так пошел за коровой...

Старик улыбнулся, и на меня словно пахнуло мудростью самой земли.

– Да чего тут удивляться-то? Самая что ни на есть натуральная штука. Корова-то ему матерью доводится.

Его называли "понеделниковой хворью" – этот невообразимый отек задних ног упряжной лошади, простоявшей в конюшне субботу и воскресенье. Внезапное прекращение обычной нагрузки и неподвижность вызывали резкий лимфостаз и отек, который в первый рабочий день недели не одного фермера ставил в безвыходное положение.

Но был уже вечер среды, и могучий мерин мистера Крампа заметно поздоровел.

– Ну, эта нога уже наполовину тоньше, чем была, – сказал я, проводя ладонью по внутренней стороне пута, ощущая вдавленности, которые мои пальцы оставили на еще не рассосавшемся отеке. – Вижу, вы тут потрудились!

– Делал, как вы сказали, – ответил мистер Крамп с обычной лаконичностью. Но я знал, что он несколько часов клал припарки на ногу, массировал ее и заставлял лошадь ходить, как я посоветовал ему в понедельник, когда ввел ей адреналин.

Я начал наполнять шприц для вторичной инъекции.

– Рожь вы ему не даете?

– Нет. Только отруби.

– И отлично. Думаю, еще день-другой и все пройдет, если вы будете продолжать лечение.

Фермер только крикнул, а его багровое лицо сохранило обычное чуть удивленное выражение, словно мои слова его вовсе не обрадовали. Но я знал, что он доволен. Мерин был его любимцем, и в понедельник он не сумел скрыть, как тревожился и как принимал к сердцу страдания и испуг животного.

Я вошел в дом, чтобы вымыть руки, и мистер Крамп проводил меня на кухню, грузно шагая впереди. С

медлительностью, свойственной крупным людям, он подал мне мыло и полотенце, отступил немного и молча смотрел, как я наклоняюсь над неглубокой, но длинной керамической раковины коричневого цвета.

Я кончал вытирать руки, когда он кашлянул и спросил робко:

– Может, попробуете моего винца?

Не успел я ответить, как из комнат вышла миссис Крамп, хлопотливо надевая шляпу. За ней появились их сын и дочка лет четырнадцати-пятнадцати, тоже одетые для улицы.

– Альберт, ты опять! – сердито сказала фермерша. – Не хочет мистер Хэрриот пробовать твое вино. Довольно, кажется, пичкать им всех и каждого!

Мальчик ухмыльнулся.

– У папаши это пунктик. Все время высматривает новую жертву!

Его сестра присоединилась к общему смеху, и мне стало неловко при мысли, что мистер Крамп у себя дома лишний.

– Мы идем в клуб на школьный спектакль, – энергично заявила его супруга. – И уже опаздываем, так что всего хорошего!

Она быстро удалилась в сопровождении детей, и грузный мистер Крамп смущенно уставился им вслед.

Руки я кончил вытирать в полном молчании, но затем спросил:

– Ну, а как насчет обещанного?

Он нерешительно посмотрел на меня, и лицо его приняло еще более удивленное выражение.

– А вы... вы, правда, хотели бы попробовать?

– С большим удовольствием. Я еще не ужинал, и посошок на дорожку будет не лишним.

– Так я сейчас!

Он скрылся за дверью кладовой в глубине кухни и тотчас вернулся с бутылкой янтарной жидкости и

рюмками.

– Это мое ревенное, – сказал он, наливая щедрой рукой.

Я осторожно попробовал, сделал глоток побольше и охнул, словно проглотил жидкий огонь.

– Крепкая штука! – сказал я, переводя дух. – Но вкус очень приятный. Да, очень.

Под одобрительным взглядом мистера Крампа я отпил еще.

– В самый раз, – сказал он. – Выдерживалось почти два года.

Я допил рюмку. Вино уже не прокладывало огненной дорожки до желудка, но словно плескалось в пустоте о его стенки, а ноги вьюнком оплетала приятная теплота.

– Прелесть, – сказал я. – Чудо!

Фермер даже плечи расправил. Он снова наполнил рюмки и с восторженным вниманием следил, как я пью. Когда рюмки опустели, он вскочил на ноги.

– А теперь я вас угощу кое-чем другим! – Он легкой рысцей направился в кладовую и вернулся с другой бутылкой – на этот раз с бесцветным содержимым.

– Бужинное, – объяснил он, слегка отдуваясь.

Я попробовал и был поражен тонким букетом: на языке у меня словно танцевали сверкающие пузырьки.

– Просто потрясюще! Настоящее шампанское. Нет, у вас талант! Я даже не представлял себе, что домашнее вино может быть таким вкусным.

Мистер Крамп секунду смотрел на меня молча, и вдруг уголок его рта задергался, и все лицо осветилось неожиданной застенчивой улыбкой.

– От вас первого я такое слышу. А то можно подумать, что я людей травлю, когда предлагаю им своего винца. Так и воротят нос, а виски и пиво пьют и не морщатся.

– Ну, им же хуже, мистер Крамп! – я смотрел, как он вновь наполняет мою рюмку. – Ни за что бы не поверил, что такую прелесть можно делать дома самому. – Я посмаковал глоток бузинного. – Нет, правда, не хуже шампанского...

Я еще не допил и половины, как мистер Крамп вновь зарысил в кладовую, откуда тотчас донеслось позвякивание. Он появился с бутылкой, полной чем-то кроваво-красным.

– Ну-ка, попробуйте! – пропыхтел он.

Я уже ощущал себя заправским дегустатором и первую капельку покатал на языке, слегка прищурившись.

– Н-да... гм... а-а! Просто марочный портвейн, но и еще что-то. Особенное послевкусие. И что-то знакомое... Это же...

– Ежевика! – торжествующе провозгласил мистер Крамп. – На славу удалось. В позапрошлую осень я его делал. Ежевичный был год.

Откинувшись, я отхлебнул бархатное темное вино. Оно ласкало рот, согревало и прятало в себе еле уловимый намек на вяжущий вкус ягод. Перед моими глазами словно повисали тяжелые гроздья, глянцевито-черные, поблескивающие в лучах осеннего солнца. Эта идиллическая картина соответствовала моему настроению, которое с каждой минутой становилось все великолепнее. Мой взгляд с благодушным одобрением скользил по деревенской кухне, уютной без претензий, по свисающим с крючьев окорокам и кускам копченой грудинки, по лицу моего гостеприимного хозяина напротив, не спускающего с меня жадных глаз. Только сейчас я заметил, что он так и не снял кепку.

– А знаете, – произнес я, поднимая рюмку и изучая на свет ее рубиновое содержимое, – я просто не могу решить, какое из ваших вин мне нравится больше. Они

все одинаково превосходны и при этом совсем не похожи одно на другое.

Мистер Крамп тоже расслабился. Он откинул голову, радостно хохотнул и тут же снова наполнил рюмки.

– Это еще что! У меня там десятки бутылок и все разные. Вы еще попробуйте.

Он побрел в кладовую и вернулся с целой охапкой бутылок всех размеров и цветов.

"Какой обаятельный человек, – подумал я. – И как же я в нем ошибался! Так легко было счесть его бесчувственным тупицей, а теперь его лицо просто светится дружелюбием, радушием, живым умом".

Забыв обычную неловкость и скованность, поглаживая принесенные бутылки, он быстро и горячо заговорил о винах и тонкостях их изготовления.

Блестя глазами, он увлеченно рассуждал о прихотях брожения и выпадения в осадок, о послевкусии и букете. Он, как знаток, сравнивал достоинства шамбертена и нюи-сент-жорж, монтрашета и шабли. Энтузиазм заразителен, но фанатизм неотразим, и я сидел околдованный, а мистер Крамп ставил и ставил передо мной все новые образчики своих достижений, умело чередуя и смешивая их.

– А это вам как?

– Очень неплохо...

– Или чуть сладковато?

– Пожалуй...

– Верно! А вот если так? – Добавляются тщательно отмеренные капли из безымянной бутылки. – Ну, что скажете?

– Чудесно!

– А теперь вот это. Островато, а?

– Ну-у... Может быть...

Вновь в рюмку падают таинственные капли, и вновь тревожный вопрос:

– Так лучше?

– Идеально.

Сам он пил со мной – рюмка в рюмку. Мы отведали вина из пастернака и одуванчиков, из первоцвета и петрушки, клевера, крыжовника, свеклы и лесных яблок. Как ни невероятно, но вино из турнепса оказалось настолько восхитительным, что я попросил вторую рюмку.

Мало-помалу все вокруг теряло темп, замедлялось. Время и вовсе остановилось, утратило смысл. Тот же процесс происходил и с мистером Крампом: наша речь, наши движения становились все размеренней, все неторопливее. В кладовую он теперь шествовал с некоторым трудом, иногда выбирая сильно извилистый путь, а один раз оттуда донесся оглушительный грохот – я даже испугался, что он шлепнулся среди своих бутылок, а они рухнули на него. Но я не встал и не пошел посмотреть, что случилось, а некоторое время спустя он вновь присоединился ко мне, словно бы целый и невредимый.

Было около девяти часов, когда в наружную дверь легонько постучали. Но я ничего не сказал, потому что не хотел перебивать мистера Крампа.

– Эт-та, – говорил он, нагибаясь ко мне и постукивая указательным пальцем по пузатой бутылке, – эт-та почище мозельвейна, вот так. Прошлогоднее, и буду вам весьма обязан, коли вы скажете, как оно вам.

Он нагнулся над самой рюмкой и заморгал, но налил ее.

– Ну и как же оно? Так или не так?

Я глотнул и помолчал. К этому времени всякая разница во вкусе успела исчезнуть. А к тому же мозельвейна я не пил ни разу в жизни. Тем не менее я утвердительно кивнул в ответ и торжественно икнул.

Мистер Крамп дружески опустил ладонь мне на плечо и собрался сказать еще что-то, но тут и он

расслышал стук. Не без труда поднявшись и добредя до двери, он открыл ее. На пороге стоял какой-то паренек.

– У нас корова телится, – расслышал я его сбивчивые слова. – Мы позвонили к ним, а они сказали, что он, может, еще тут.

Мистер Крамп обернулся ко мне.

– Это Бамфорды. До их фермы всего миля. Так вы им требуетесь.

– Хорошо! – Я поднялся на ноги, но сразу уцепился за край стола, потому что кухня вихрем закружилась вокруг меня. Потом остановилась, но тут же выяснилось, что мистер Крамп стоит на верху довольно крутого подъема. Когда я вошел в кухню, пол вроде был вполне горизонтальным, но сейчас мне пришлось взбираться под углом чуть ли не в сорок пять градусов.

Когда я добрался до двери, мистер Крамп мрачно вглядывался в темноту.

– Льет, – сказал он. – Как из ведра.

Я увидел струи темной воды, равномерно хлещущие по булыжному двору. Но до моей машины было несколько шагов, и я перешагнул порог, но тут мистер Крамп схватил меня за плечо.

– Минутку. Так я вас не отпущу! – Он укоризненно поднял палец, отошел к комоду, извлек из ящика твидовую кепку и учтиво вручил ее мне.

Я в любую погоду ходил с непокрытой головой, но такая заботливость глубоко меня тронула, и я молча потряс руку мистера Крампа. Естественно, что человек, который не снимал кепки даже у себя в кухне, не мог не ужаснуться при мысли, что кто-то выйдет под дождь без головного убора.

Кепка, которую я на себя нахлобучил, была огромной – эдакий широченный блин, способный, решил я, предохранить от любого ливня не только мои волосы, но и плечи, и даже ноги.

С мистером Крампом я простился с величайшей неохотой, и все время, пока я устраивался на сиденье поудобней и вспоминал, как включается первая скорость, его грузная фигура темным силуэтом вырисовывалась в освещенном прямоугольнике кухонной двери. Он ласково махал мне рукой, и, наконец, тронув машину с места, я пришел к убеждению, что в этот вечер родилась чудесная вечная дружба.

Я с черепашьей скоростью полз по узкой темной дороге, почти утыкаясь носом в стекло, и мной все больше овладевали странные незнакомые ощущения. Губы слипались, язык приставал к небу, словно я пил не вино, а жидкий клей, дыхание свистело в ноздрях, как ветер в дверной щели, глаза же упорно косили в разные стороны. К счастью, мне встретилась только одна машина, ввергнувшая меня в полное недоумение: пока она приближалась, я успел заметить, что фар у нее почему-то четыре пары, причем они то соединялись в одну, то снова расцветверялись.

Во дворе бамфордовской фермы я вылез из машины, кивнул кучке теней, стоявших там, ощупью извлек из багажника бутылку дезинфицирующей жидкости и веревочные петли, а затем решительным шагом направился в коровник. Кто-то поднял керосиновый фонарь над коровой, которая лежала в стойле на толстой подстилке из соломы и тужилась. Я увидел копытце, потом корова поднатужилась еще больше, на мгновение показалась мордочка, но тотчас исчезла, едва корова расслабилась.

Где-то в самых недрах моего затемненного сознания абсолютно трезвый ветеринар пробормотал – "Одностороннее сгибание передней конечности, а корова крупная, места предостаточно – пустяки!" Я обернулся и в первый раз посмотрел прямо на Бамфордов. Я еще не был с ними знаком, но сразу

определил, что это за люди: простые, добрые, всегда старающиеся показать себя с наилучшей стороны. Двое пожилых мужчин, видимо братья, и двое парней, наверное, сыновья того или другого. Все четверо выжидательно смотрели на меня в смутном свете, чуть приоткрыв губы, словно готовясь при малейшем предложении весело ухмыльнуться или захохотать.

Я расправил плечи, набрал воздуха в грудь и громким голосом объявил:

– Будьте добры, принесите ведро горячей воды, мыло и полотенце.

То есть я собирался сказать именно это, но почему-то произнес свою просьбу на каком-то неведомом наречии, возможно африканском. Бамфорды насторожились, готовые исполнить любое мое распоряжение, но лица их выразили лишь полное недоумение. Я откашлялся, сглотнул, выждал несколько секунд и сделал новую попытку. Но опять по коровнику разнеслись какие-то нечленораздельные выкрики.

Я оказался в трудном положении. Объясняться с этими людьми было необходимо, тем более что они меня не знали и ждали каких-то действий. Вероятно, фигуру я собой являл весьма загадочную – прямая спина, торжественная осанка и надо всем господствует необъятная кепка. И тут сквозь туман у меня в голове прорвалось озарение: моя ошибка заключалась в излишней самоуверенности. Чем больше я буду повышать голос, тем меньше будет толку. И я попробовал перейти на нежнейший шепот:

– Вы не принесете мне ведро горячей воды, мыло и полотенце?

Без сучка и без задоринки! Хотя старший мистер Бамфорд сразу меня не расслышал. Он подошел поближе, приставил ладонь к уху и впился взглядом мне в губы. Потом радостно закивал, пошел на

цыпочках к одному из своих сыновей, точно канатоходец, и что-то прошептал ему на ухо. Молодой человек повернулся, крадучись выскользнул из коровника, тщательно прикрыв за собой дверь. Вернулся он через минуту, изящно ступая тяжелыми сапогами по булыжнику, и бережно поставил передо мной ведро.

Я ухитрился снять пиджак, галстук и рубашку без каких-либо происшествий. Бамфорды забрали их у меня в полном безмолвии и повесили на гвозди с чинной торжественностью, словно в церкви. Я решил, что держусь прекрасно, но, когда начал намыливать руки, мыло повело себя как-то странно, оно прыгало с моего локтя на пол, ускользало в сток, уносилось в самые темные углы, а Бамфорды бросались в погоню. Когда же я начал мылиться выше локтей, дело пошло еще хуже. Мыло повадилось прыгать через мои плечи, точно белка, и то отлетало от стены, то соскальзывало на пол по спине. Бамфорды не могли предугадать, куда оно прыгнет в очередной раз, и окружили меня, пригнувшись и подняв ладони, чтобы перехватить его на лету.

В конце концов я завершил эту процедуру и готов был приступить к делу, но корова встать не пожелала, и я волей-неволей растянулся ничком на булыжнике позади нее. Едва я лег, как на уши мне сползла кепка. Видимо, я снова надел ее, после того как снял рубашку, только вот зачем?

Я осторожно ввел руку и продвинул ее вдоль шеи теленка, надеясь, что нога согнута в первом или хотя бы во втором суставе. Но меня ждало разочарование: она уходила назад от плеча, плотно прижатая к боку теленка. А впрочем – что тут такого? Просто придется забраться рукой поглубже.

Главное же – теленок был жив! Мое лицо почти упиралось в корову, и каждые несколько секунд передо

мной крупным планом возникал нос, и я с радостью видел, как трепещут ноздри, втягивая наружный воздух. Вот выправлю эту ногу – и все будет в полном порядке.

Беда была только в том, что корова, когда я засунул руку поглубже, поднатужилась, мою руку прижало к тазовым костям, и я несколько секунд буквально извивался от боли, пока давление не ослабело. Это повторялось снова и снова, моя кепка каждый раз падала на пол, и заботливые руки тотчас водворяли ее на прежнее место.

Но вот мои пальцы сомкнулись на копытце – ура, можно будет обойтись без веревок! – и я принялся разгибать ногу. Однако времени это заняло больше, чем я рассчитывал, и мне показалось, что теленок начал терять терпение: когда очередная потуга выдвигала его мордочку наружу, мы смотрели друг другу прямо в глаза, и взгляд его говорил яснее всяких слов: "Ну, сколько еще можно копаться!"

Затем нога поддалась и почти мгновенно заняла нормальное положение.

– Беритесь за ножи, – шепнул я Бамфордам, и, еле слышно посоветовавшись, они заняли нужную позицию. Еще секунда – и на булыжнике уже трясла головой и с шумом выдувала из ноздрей околоплодную жидкость прекрасная телочка.

Шипящим шепотом я указывал, что надо делать дальше, и Бамфорды послушно растерли ее пучками соломы, а затем положили у морды матери, чтобы той удобнее было ее облизать.

Так счастливо завершился один из самых благопристойных отелов, при котором требовалась моя помощь. Никто ни разу не повысил голоса, все двигались только на цыпочках. Пока я одевался, вокруг стояла тишина, точно в храме. Затем я направился к машине, последним пианиссимо пожелал всем

спокойной ночи и уехал, а Бамфорды беззвучно помахали мне на прощание. Сказать, что утром я проснулся с дурной головой, – значит не дать ни малейшего представления о полном крахе моего организма и столь же полном распаде моей личности. Только тот, кому довелось за один присест выпить две-три кварты разнообразных домашних вин, способен вообразить эту чудовищную тошноту, это адское пламя, пожирающее внутренности, эти раздраженные нервы, мучительно отзывающиеся на малейший звук, это черное отчаяние в душе.

Тристан заметил, как я лил в ванной холодную воду себе на язык, и, движимый интуицией, заставил меня проглотить сырое яйцо, пару таблеток аспирина и глоток коньяку. Все это, когда я спускался вниз, давило мне желудок холодным комом.

– Что у вас с ногами, Джеймс? – осведомился за завтраком Зигфрид. (Мне показалось, что у меня над ухом взревел взбесившийся бык.) – Ступаете, словно по иголкам.

– Пустяки... – Какой смысл было объяснять ему, что я избегаю ставить пятку на ковер слишком резко, опасаясь, как бы от толчка глаза не выскочили из глазниц? – Вчера вечером я выпил у мистера Крампа несколько рюмок его домашнего вина и, по-видимому, расстроил себе желудок.

– Несколько рюмок! Вы неосторожны. Опаснейшая штука. Кого угодно уложат в лоск. – Он громыхнул чашкой о блюде и принялся греметь ножом и вилкой, точно литаврами. – Ну, надеюсь, вы все-таки смогли побывать у Бамфордов?

– Теленка я извлек благополучно, но... немножко перебрал, чего греха таить.

Зигфрид не отказал мне в моральной поддержке.

– Черт побери, Джеймс, Бамфорды же методисты и очень строгие. Прекрасные люди, но заклятые враги

горячительных напитков. Если они заметили, что вы пили, больше они вас к себе не позовут. Так, заметили они или нет, как вам кажется?

– Может быть, и нет. Уверен, что нет... – Я закрыл глаза и содрогнулся, потому что Зигфрид отправил в рот кусок колбасы на жареном хлебе и принялся энергично жевать. Мне припомнились заботливые руки, водворявшие необъятную кепку мне на голову, и я испустил мысленный стон.

Нет, Бамфорды, конечно, заметили. Еще как заметили!

Седовласый джентльмен с приятным лицом не походил на холерика, однако глядел на меня с яростью, а губы его подергивались от возмущения.

– Мистер Хэрриот, – сказал он, – я намерен подать на вас жалобу. Из-за вас моя собака терпит лишние страдания, и мириться с этим я не собираюсь.

– Страдания? Какие?

– Вы прекрасно знаете какие, мистер Хэрриот! Несколько дней назад я приводил ее к вам, и я имею в виду ваше лечение.

Я кивнул.

– Да, я помню... Но причем тут страдания?

– Так ведь бедный пес волочит ногу, и знающий человек объяснил мне, что это несомненный перелом и следует немедленно наложить гипс! – Старик свирепо выставил подбородок.

– Вы напрасно тревожитесь, – сказал я. – У вашей собаки паралич нерва, вызванный ударом по спине. Если вы будете терпеливо выполнять все мои указания, ей мало-помалу станет лучше. Собственно, я почти не сомневаюсь, что выздоровление будет полным.

– Но нога же болтается!

– Я знаю. Это типичный симптом и неспециалисту вполне может показаться, будто нога сломана. Ведь боли ваш пес не испытывает?

– Нет... По его поведению этого не скажешь. Но она была так уверена! Непокколебимо.

– Она?

– Да. Эта дама удивительно хорошо понимает животных и зашла узнать, не может ли она помочь выхаживать моего пса. И принесла чудесные укрепляющие порошки.

– А! – Пронзительный луч света рассеял туман в моем мозгу. Все стало совершенно ясно. – Уж не миссис ли Донован?

– Э... да. Совершенно верно.

Миссис Донован была вездесуща. Что бы ни происходило в Дарроуби – свадьбы, похороны, распродажи, – в толпе зрителей обязательно стояла эта низенькая толстая старуха и черные глазки-пуговицы на смуглом лице бегали по сторонам, ничего не упуская. И обязательно рядом с ней на поводке ее терьер.

"Старуха" – это больше моя догадка. Она, казалось, не имела возраста и, хотя жила в городе словно бы всегда, лет ей могло быть и семьдесят пять, и пятьдесят пять. Во всяком случае, ее энергии хватило бы на двух молодых женщин: ведь в неукротимом желании быть в курсе всех городских событий она, несомненно, покрывала пешком огромные расстояния. Многие люди называли ее неуголимое любопытство не слишком лестными словами; но каковы бы ни были ее побуждения, она так или иначе соприкасалась со всеми сферами городской жизни. И одной из этих сфер была наша ветеринарная практика.

Ведь миссис Донован при широте своих интересов была и врачевательницей животных. Можно даже смело сказать, что эта деятельность занимала в ее жизни главное место.

Она могла прочесть целую лекцию о болезнях собак и кошек и располагала огромным арсеналом всяческих снадобий и зелий, особенно гордясь своими чудотворными укрепляющими порошками и жидким мылом, волшебным улучшающим шерсть. На больных животных у нее был просто особый нюх, и во время объездов я довольно часто обнаруживал следующую картину: над пациентом, к которому меня вызвали, низко наклоняется темное цыганское лицо миссис

Донован – она кормит его студнем или пичкает каким-то целительным средством собственного изготовления.

Терпеть от нее мне приходилось больше, чем Зигфриду, потому что лечением мелких животных занимался в основном я. И миссис Донован отнюдь не способствовала осуществлению моей заветной цели – стать настоящим уважаемым специалистом именно в этой области. "Молодой мистер Хэрриот, – доверительно сообщала она моим клиентам, – коров там или лошадей пользуется совсем неплохо, вот только про кошек и собак он ничегошеньки не знает".

Разумеется, они ей свято верили и во всем на нее полагались. Она обладала неотразимым мистическим обаянием самоучки, а к тому же – что в Дарроуби ценилось очень высоко – никогда не брала денег ни за советы, ни за лекарства, ни за долгие часы усердной возни с четвероногим страдальцем.

Старожилы рассказывали, что ее муж, батрак-ирландец, умер много лет назад, но, видно, успел отложить кое-что на черный день, ведь миссис Донован живет, как ей хочется, и вроде бы не бедствует. Сам я часто встречал ее на улицах Дарроуби – место постоянного ее пребывания – и она всегда ласково мне улыбалась и торопилась сообщить, что всю ночь просидела с песиком миссис Имярек, которого я смотрел. Сдается ей, она его вызволит.

Но на ее лице не было улыбки, когда она вбежала в приемную. Мы с Зигфридом пили чай.

– Мистер Хэрриот, – еле выговорила она, задыхаясь.
– Вы не поедете? Мою собачку переехали.

Я выскочил из-за стола и побежал с ней к машине. Она села рядом со мной, понунив голову, судорожно сжав руки на коленях.

– Вывернулся из ошейника и прыгнул прямо под колеса, – бормотала она. – Лежит на Клиффенд-роуд напротив школы. А побыстрее нельзя?

Через три минуты мы были на месте, но, еще нагибаясь над распростертым на тротуаре запыленным тельцем, я понял, что сделать ничего не возможно. Стеклeneющие глаза, прерывистое еле слышное дыхание, бледность слизистых оболочек – все говорило об одном.

– Я отвезу его к нам, миссис Донован, и сделаю вливание физиологического раствора, – сказал я. – Но боюсь, у него очень сильное внутреннее кровоизлияние. Вы успели увидеть, что, собственно, произошло?

Она всхлипнула.

– Да. Его переехало колесо.

Стопроцентно – разрыв печени. Я подсунул ладони под песика и осторожно приподнял его, но в ту же секунду дыхание остановилось, глаза неподвижно уставились в одну точку.

Миссис Донован упала на колени и начала поглаживать жесткую шерсть на голове и груди терьера.

– Он умер? – прошептала она наконец.

– Боюсь, да.

Она медленно поднялась с колен и стояла среди прохожих, задержавшихся взглянуть, что произошло. Ее губы шевелились, но, казалось, она была не в силах произнести ни слова.

Я взял ее за локоть, отвел к машине и открыл дверцу.

– Садитесь. Я отвезу вас домой, – сказал я. – Предоставьте все мне.

Я завернул песика в свой комбинезон и положил в багажник. Когда мы остановились перед дверью миссис Донован, она тихо заплакала. Я молча ждал, пока она выплечется. Утерев глаза, она повернулась ко мне.

– Ему было очень больно?

– Убежден, что нет. Все ведь произошло мгновенно. Он не успел ничего почувствовать.

Она жалко улыбнулась.

– Бедняжка Рекс. Просто не понимаю, как я буду без него. Вы же знаете, мы с ним не одну милю прошли вместе.

– Да, конечно. У него была чудесная жизнь, миссис Донован. И разрешите дать вам совет: заведите другую собаку. Иначе вам будет слишком тяжело.

Она покачала головой.

– Нет. Не смогу. Я его очень любила, моего песика. И вдруг заведу себе другого?

– Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. И все-таки подумайте. Не считайте меня бессердечным. Я всегда советую так тем, кто лишился четвероногого друга. И знаю, что это здравый совет.

– Мистер Хэрриот, другой собаки у меня не будет. – Она опять решительно покачала головой. – Рекс много лет был моим верным другом, и я хочу его помнить всегда. А потому больше никакой собаки не заведу.

После этого я часто видел миссис Донован на улицах и был рад, что ей удалось сохранить свою кипучую энергию, хотя без собаки на поводке она выглядела как-то сиротливо. Но, пожалуй, прошло больше месяца, прежде чем нам довелось поговорить.

Как-то днем мне позвонил инспектор Холлидей из Общества защиты животных от жестокого обращения.

– Мистер Хэрриот, – сказал он, – вы не поехали бы со мной? Наш случай.

– Хорошо. Но в чем дело?

– Да собака. Бог знает что! Совершенно невозможные условия.

Он продиктовал мне адрес одного из кирпичных домишек у реки и сказал, что встретит меня там.

Когда я остановил машину в узком проулке позади домов, Холлидей уже ждал меня – деловитый, подтянутый, в темной форме. Это был крупный блондин

с веселыми голубыми глазами, но теперь он даже не улыбнулся мне.

– Она там, – сказал он сразу и направился к одной из дверей в длинной выщербленной стене. Возле собралась кучка любопытных, и я с ощущением неизбежности узнал темное цыганское лицо. Уж, конечно, подумал я, без миссис Донован дело никак обойтись не может!

Мы вошли в дверь и оказались в длинном саду. В Дарроуби даже позади самых скромных лачужек были длинные участки, словно строители считали само собой разумеющимся, что поселятся в них люди, перебравшиеся в город из сельской местности и сохраняющие тягу к земле, которые будут выращивать свои овощи и фрукты, а может быть, и содержать кое-какую живность. Совсем не редкость было увидеть там поросенка, парочку-другую кур, а часто – и яркие клумбы.

Но этот участок был запущен. Из могучего бурьяна поднималось несколько корявых яблонь и слив, словно никогда не знавших заботливых человеческих рук.

Холлидей направился к ветхому сарайчику с облупившейся краской и проржавевшей крышей. Он вынул ключ, отпер висячий замок и с некоторым усилием приоткрыл дверь. Оконца в сарае не было, и я не сразу рассмотрел, какой хлам в нем хранился: сломанные грабли и лопата, видевший лучшие дни бельевого каток, груда цветочных горшков, ряды открытых банок с краской. И в самой глубине тихо сидела собака.

Я не сразу ее разглядел – и потому, что в сарае было темно, и потому, что в нос мне ударил запах, из-за которого я раскашлялся. Но войдя внутрь, я увидел крупного пса, сидевшего очень прямо. На нем был ошейник с цепью, прикованной к кольцу в стене. Мне доводилось видеть исхудалых собак, но при виде этой я

невольно вспомнил учебники по анатомии – с такой жуткой четкостью вырисовывались кости морды, грудной клетки и таза. Глубокая впадина в земляном полу показывала, где он лежал, двигался – короче говоря, жил – в течение довольно долгого времени.

Вид его меня настолько ошеломил, что я не сразу заметил грязные обрывки мешковины рядом с ним и миску с затхлой водой.

– Вы взгляните на его задние ноги! – буркнул Холлидей.

Я осторожно приподнял пса и понял, что вонь в сарае объяснялась не только кучками экскрементов. Задние ноги представляли собой сплошную гноящуюся язву с болтающимися полосками отмирающих тканей. Язвы покрывали грудь и ребра. Шерсть, по-видимому, тускло-золотистая, свалаялась и почернела от грязи.

Инспектор сказал:

– По-моему, он вообще все время тут. Он же еще почти щенок – ему около года, – но, насколько мне удалось установить, он безвыходно живет в этом сарае с двухмесячного возраста. Кто-то, проходя задами, услышал, как он скулит, не то мы бы его не обнаружили.

У меня сжало горло, меня затошнило – но не от вони. От мысли, что этот терпеливый пес сидел, голодный и забытый, в темноте и нечистотах целый год. Я посмотрел на него и встретил взгляд, в котором не было ничего, кроме тихой доверчивости. Одни собаки, попав в такое положение, принялись бы иступленно лаять, так что их скоро выручили бы, другие стали бы трусливыми и злобными, но этот пес был из тех, кто ничего не требует, кто беззаветно верит людям и принимает от них все, не жалуясь. Ну, разве что он иногда поскуливал, сидя в черной пустоте, которая была всем его миром, и тоскливо не понимал, что все это означает.

– Во всяком случае, инспектор, – сказал я, – хорошо уж, что виновника вы привлечете к ответственности!

– Тут мало что можно сделать, – угрюмо ответил Холлидей. – Невменяемость! Хозяин явно слабоумен и отчета в своих поступках не отдает. Живет со старухой-матерью, которая тоже плохо понимает, что вокруг происходит. Я видел этого субъекта и выяснил, что он бросал ему какие-нибудь объедки, когда считал нужным, и этим все ограничивалось. На него, конечно, наложат штраф и запретят ему в дальнейшем держать животных, но и только.

– Понимаю. – Я протянул руку и погладил пса по голове, а он тотчас откликнулся на ласку, положив лапу мне на запястье. В его попытке сидеть прямо было какое-то трогательное достоинство, спокойные глаза смотрели на меня дружелюбно и без страха. – Ну, вы дадите мне знать, если мои показания потребуются в суде.

– Да, конечно. И спасибо, что приехали. – Холлидей нерешительно помолчал. – А теперь, полагаю, вы сочтете, что беднягу надо поскорее избавить от страданий.

Я задумался, продолжая поглаживать голову и уши.

– Да... пожалуй, другого выхода нет. Кто же его возьмет в таком состоянии? Так будет гуманнее всего. Но все-таки откройте дверь пошире: надо осмотреть его как следует.

В более ярком свете я увидел отличные зубы, стройные ноги, с золотистой бахромкой шерсть. Я приложил стетоскоп к его груди, и, пока в моих ушах раздавался размеренный сильный стук его сердца, он снова положил лапу мне на руку. Я обернулся к Холлидею.

– Вы знаете, инспектор, внутри этого грязного мешка костей прячется прекрасный здоровый лабрадор-ретривер. Если бы можно было найти другой выход!

Тут я заметил, что в дверном проеме рядом с инспектором стоит еще кто-то. Из-за его широкой спины в собаку внимательно вглядывалась пара черных блестящих глаз. Остальные зеваки остались в проулке, но миссис Донован со своим любопытством совладать не сумела. Я продолжал говорить, словно ее тут не было.

– Этого пса, как вы понимаете, совершенно необходимо было бы вымыть хорошим жидким мылом и расчесать свалявшуюся шерсть.

– А? – растерянно спросил Холлидей.

– Да-да! И ему было бы крайне полезно некоторое время получать сильнодействующие укрепляющие порошки!

– О чем вы говорите? – Инспектор явно чувствовал себя в тупике.

– Тут никаких сомнений нет, – ответил я. – Иначе его не вызволить. Но только где их найти? То есть достаточно сильнодействующие средства! – Я вздохнул и выпрямился. – Но что поделаешь! Другого, видимо, ничего не остается. Я сейчас же его и усыплю. Погодите, пока я схожу к машине за всем необходимым.

Когда я вернулся в сарай, миссис Донован уже проникла в него и внимательно осматривала пса, не слушая робких возражений инспектора.

– Вы только посмотрите! – воскликнула она взволнованно, указывая на выцарапанные на ошейнике буквы. – Его зовут Рой! – Она улыбнулась мне. – Почти как Рекс, правда ведь?

– А знаете, миссис Донован, вы совершенно правы. Действительно, похожие клички. Рекс – Рой... Особенно в ваших устах. – Я решительно кивнул.

Она помолчала, видимо, под влиянием какого-то сильного чувства и вдруг быстро спросила:

– Можно, я его возьму? Уж я его вылечу. Я знаю, как! Можно? Ну, пожалуйста!

– Собственно говоря, – сказал я, – решает инспектор. Разрешение надо просить у него.

Холлидей поглядел на нее с недоумением, сказал "извините, сударыня" и отвел меня в сторону. Мы остановились в густом бурьяне.

– Мистер Хэрриот, – сказал он вполголоса, – я не совсем понимаю, что происходит, но я не могу отдать животное в подобном состоянии в первые попавшиеся руки. Мало ли какая это может быть прихоть. Бедняга и так уже настрадался. Я не могу рисковать. Она не производит впечатления...

Я перебил его.

– Поверьте, инспектор, вы можете быть абсолютно спокойны. Она, бесспорно, старая чудачка, но сюда ее послал сам бог, не иначе. Если кто-нибудь в Дарроуби и способен вернуть эту собаку к жизни, то только она.

Холлидей смотрел на меня с прежним сомнением.

– Но я все-таки не понимаю. Причем тут жидкое мыло и укрепляющие порошки?

– А, ерунда! Я вам объясню как-нибудь в другой раз. Конечно, ему нужны хорошее и обильное питание, и еще заботы, и еще любовь. И все это ему обеспечено. Поверьте мне.

– Ну, хорошо. Если вы ручаетесь... – Холлидей умолк, несколько секунд смотрел на меня, потом повернулся и пошел к сараю, где изнывала от нетерпения миссис Донован.

Прежде мне не приходилось специально высматривать миссис Донован: она сама постоянно попадалась мне на глаза; но теперь я день за днем тщетно обшаривал взглядом улицы Дарроуби – ее нигде не было. Когда Гоббер Ньюхаус напился и решительно направил свой велосипед на барьер, огораживающий траншею для водопроводных труб, я с беспокойством обнаружил, что в толпе зевак, следивших за тем, как землекопы и двое полицейских пытаются извлечь его из

десятифутовой ямы, миссис Донован отсутствует. Не оказалось ее и среди зрителей, когда пожарная машина примчалась вечером к закусочной, где вспыхнул жир, в котором жарилась картофельная соломка. И меня охватила тревога.

Не следует ли мне заехать посмотреть, как она справляется с псом? Да, разумеется, я удалил омертвевшую ткань и обработал язвы, прежде чем она его увела, но, возможно, ему требовалось серьезное лечение? Правда, я тогда был совершенно убежден, что его надо только извлечь из этого ужасного сарая, хорошенько вымыть и сытно кормить – и природа сделает все остальное. Да и в вопросах лечения животных я доверял миссис Донован заметно больше, чем она мне. Ну, не мог же я настолько ошибаться!

Прошло что-то около трех недель, и я уже совсем решил заехать к ней, но вдруг увидел утром, как она энергично семенит по другой стороне рыночной площади, заглядывая во все витрины точно так же, как прежде. Но только теперь она вела на поводке большого золотистого пса.

Я повернул машину и, трясаясь по булыжнику, подъехал к ней. Увидев, как я вылезаю из машины, она остановилась и лукаво улыбнулась, но ничего не сказала и продолжала молчать, пока я осматривал Роя. Он все еще был довольно тощим, но выглядел бодрым и счастливым, язвы почти совсем затянулись, а его шерсть блистала чистотой. Теперь я понял, куда запропастилась миссис Донован: все это время она мыла, расчесывала, распутывала слипшиеся колтуны и теперь могла похвастать результатом.

Когда я распрямился, ее пальцы сжали мне запястье с неожиданной силой, и она поглядела мне прямо в глаза:

– Ну, мистер Хэрриот, – сказала она, – я ведь подлечила эту собачку, а?

– Вы сотворили чудеса, миссис Донован, – ответил я.
– И не пожалели на него вашего замечательного жидкого мыла, верно?

Она засмеялась и пошла дальше. С этого дня я постоянно видел эту пару то там, то тут, но всегда издали, и снова поговорить с миссис Донован мне довелось только месяца через два. Она проходила мимо нашей приемной как раз тогда, когда я спускался по ступенькам, и снова она стиснула мое запястье.

– Ну, мистер Хэрриот, – сказала она ту же фразу, – я ведь подлечила эту собачку, а?

Я поглядел на Роя с почтительным благоговением. За это время он подрос, налился силой, и его шерсть, уже не тусклая, лежала пышными золотыми волнами на спине и ребрах, покрытых тугими мышцами. На шее сверкал металлическими кнопками новенький ошейник, а на диво пушистый хвост мягко колыхал воздух. Передо мной был великолепнейший лабрадор-ретривер во всей своей красе. Тут он встал на задние лапы, передние положил мне на грудь и посмотрел мне прямо в лицо. И в его глазах я увидел ту же ласковую доверчивость, с какой они глядели на меня в гнусном темном сарае.

– Миссис Донован, – сказал я негромко, – это самая красивая собака во всем Йоркшире. – И, зная, что ей хочется услышать, добавил. – Да, ваши укрепляющие порошки бесспорно творят чудеса. Что вы в них намешиваете?

– Секреты мои выведать вздумали! – она выпрямилась с кокетливой улыбкой. И действительно, давно уже она не была так близка к тому, чтобы ее звонко расцеловали.

Пожалуй, можно сказать, что так для Роя началась вторая его жизнь. Год за годом я размышлял над благодетельным капризом судьбы, благодаря которому пес, проводивший первый год жизни без ласки, никому не

нужный, недоуменно глядя в неизменный вонючий сумрак, вдруг в мгновение ока перенесся в жизнь, полную света, движения, любви. Я был убежден, что с этой минуты Рою могла бы позавидовать любая самая избалованная собака.

Теперь он уже не пробавлялся редкими черствыми корками, а получал отличное мясо, галеты, мозговые кости и миску теплого молока на ночь. И развлечений у него тоже было вдоволь: праздники на открытом воздухе, школьные спортивные состязания, выселения, шествия – среди зрителей обязательно присутствовал и он. Я с удовольствием замечал, что с годами миссис Донован ежедневно проходила даже больше миль, чем прежде. Расходы ее на подметки, должно быть, превышали всякое вероятие, но для Роя такой образ жизни был идеален, долгая утренняя прогулка, возвращение домой, чтобы перекусить, – и снова кружение по улицам.

Впрочем, миссис Донован в своих обходах не ограничивалась только городком. На длинном лугу у реки были вкопаны скамьи, и туда люди приводили собак, чтобы дать им хорошенько набегаться. Миссис Донован частенько саживала там на скамье, наблюдая, что происходит вокруг, и узнавая последние новости. Я нередко видел, как Рой величавым галопом носился по этому лугу в компании всевозможных собак и собачек, а когда останавливался отдохнуть, кто-нибудь обязательно принимался гладить его, похлопывать по спине или просто вслух восхищаться им. Ведь красота в нем сочеталась с большой симпатией к людям, а такое сочетание делало его совершенно неотразимым.

Весь город знал, что его хозяйка обзавелась целым набором всяческих гребней, щеток и щеточек для ухода за его шерстью. Поговаривали даже, что среди них есть и особая зубная щетка. Такую возможность я не исключаю, но одно знаю твердо: подрезать когти ему не

требовалось – при такой подвижной жизни они, конечно, стачивались именно так, как следовало.

Не проиграла и миссис Донован: круглые сутки рядом с ней был преданный друг и спутник. Главное же в том, что она всегда испытывала неодолимую потребность лечить и исцелять животных, и спасение Роя в некотором смысле явилось кульминацией ее чаяний, высочайшим торжеством, память о котором никогда не приедалась.

Я убедился в этом много лет спустя, сидя у боковой линии во время крикетного матча, когда, обернувшись, увидел их: старушку с рыскающими по сторонам глазами и Роя, благодушно взирающего на поле и, видимо, получающего живейшее удовольствие от всех перипетий игры. Когда матч кончился и зрители начали расходиться, я снова посмотрел на них. Рою было уже лет двенадцать, и лишь один бог знал, какого возраста достигла миссис Донован, но крупный золотой пес трусил легкой свободной рысцой, а его хозяйка, пожалуй, немного согнувшись и ссохшаяся, семенила за ним почти столь же легкой походкой.

Заметив меня, она подошла ко мне, и я ощутил на запястье знакомое сильное пожатие.

– Мистер Хэрриот... – начала она, и темные цепкие глаза засияли той же жаркой гордостью, тем же неугасимым торжеством, что и много лет назад. – Мистер Хэрриот, я ведь подлечила эту собачку, а?

Собака, бегущая по обочине шоссе, – зрелище не столь уж редкое, но в этой было что-то такое, отчего я притормозил и поглядел на нее еще раз.

Небольшая, шоколадно-коричневая, она приближалась по дальней стороне шоссе – не просто трусила по траве, а неслась карьером, отчаянно работая всеми четырьмя лапами и вытягивая вперед морду, точно любой ценой должна была догнать нечто невидимое за изгибом длинной темной полосы асфальта. Я только-только успел увидеть устремленные вперед глаза и болтающийся язык, как она, промелькнув мимо, оказалась уже далеко позади меня.

Мотор заглох, и моя машина, дернувшись, остановилась, но я даже не заметил, провожая взглядом в зеркале заднего вида уменьшающееся шоколадное пятнышко, пока оно совсем не слилось с побуревшим вереском. Мотор я включил, но никак не мог сосредоточиться на предстоявшей мне работе, потому что на миг, но так живо передо мной возникло воплощение безмерных усилий, безнадежности и такого слепого ужаса, что меня пробрала холодная дрожь. И поехав дальше, я никак не мог избавиться от этого видения. Откуда здесь взялась собака? Боковое шоссе пролегало далеко от ферм по пустынным высотам, и нигде не было видно стоящей машины. Да и в любом случае она бежала не просто так – все ее движения свидетельствовали об исступленной спешке.

Нет, так невозможно! Надо разобраться в чем дело. Я задним ходом развернулся среди редкого вереска на узкой обочине не огороженной дороги и поехал обратно. Прошло неожиданно много времени, прежде чем я увидел впереди собаку, бегущую в упорной

надежде нагнать невидимое нечто. Услышав шум приближающегося автомобиля, она на мгновение остановилась, но тут же побежала дальше. Однако видно было, что она совсем измучена, и, обогнав ее шагов на тридцать, я вылез из машины.

Я опустился на колени и, когда собака поравнялась со мной, схватил ее. Это оказался бордер-терьер. Он не вырывался, а только еще раз взглянул на машину и снова уставился на пустое шоссе впереди с тем же жутким отчаянием в глазах.

Ошейника нет, но шерсть на шее примята, словно еще совсем недавно ее придавливала полоска жесткой кожи. Я открыл ему пасть и осмотрел зубы. Совсем еще молодой пес, примерно двух-трех лет. На ребрах лежал слой жирка, свидетельствовавший, что он не голодал. Я начал ощупывать, нет ли на нем болячек, и тут он весь напрягся у меня под рукой: к нам приближался автомобиль. Секунду пес вглядывался в него с жаркой надеждой, но машина промчалась мимо, и, весь поникнув, он снова тяжело задышал.

Вот, значит, что! Его выбросили из машины! Какое-то время назад любимые люди, которым он беззаветно доверял, открыли дверцу, вышвырнули его в неведомый мир и беззаботно укатили. Мне стало тошно – физически тошно, а потом во мне поднялась жгучая ярость. Может быть, они хохотали, эти мерзавцы, представляя, как растерявшееся беспомощное существо пытается их догнать?

Я провел ладонью по жестким завиткам на голове. Грабителю, взломавшему банковский сейф, можно найти извинение, но только не им, не такому поступку.

– Ну-ка, приятель, – сказал я, осторожно подхватывая его на руки, – лезь в машину. Поедешь со мной.

Сэм привык к внезапному появлению чужих собак на сиденье рядом с ним и обнюхал незнакомца без особого

любопытства. Терьер сжался, судорожно вздрагивая, и дальше я вел машину одной рукой, а другой легонько его поглаживал.

Хелен, когда мы добрались до дома, быстро поставила перед ним миску с крошечкой из мяса и галет, но он даже не взглянул на еду.

– Как они могли? – пробормотала она. – И почему? Что их толкнуло на такую жестокость?

Я ответил, проводя рукой по жестким кудряшкам.

– Почему? Да причины можно найти самые поразительные! Иногда собаку бросают, потому что она стала слишком злобной, хотя на сей раз такая ссылка не прошла бы.

Я достаточно хорошо знал собак и сумел различить в этих напуганных глазах теплый огонек дружелюбия. И покорность, с какой он сносил, как я открывал ему пасть, тербил его, брал на руки – все указывало на большую кротость.

– Или же, – продолжал я, – собак бросают просто потому, что они успели надоесть хозяевам. Люди берут очаровательного щенка и теряют к нему всякий интерес, едва он подрастает. А может быть, подошло время уплатить налог за собаку: для некоторых людей такой причины вполне достаточно, чтобы поехать покатайся где-нибудь подальше от дома и бросить там недавнего баловня на произвол судьбы.

Я замолчал. Список был длинный, но зачем огорчать Хелен рассказами о том, чему я столько раз бывал свидетелем? Люди переезжают, и оказывается, что на новом месте держать собаку почему-то неудобно. Родится ребенок, и все внимание, вся любовь отдаются ему одному. А то и просто вдруг захочется обзавестись более престижной собакой.

Я снова поглядел на терьера. Пожалуй, так с ним и произошло. Крупная эффектная немецкая овчарка, салюки, на которую обращаются прохожие, – ну где с

ними тягаться плотненькому, забавному бордер-терьеру? Во всяком случае, по мнению некоторых людей. Мне припомнились аналогичные случаи. А песик, бесспорно, уже отяжелел, несмотря на свою относительную юность. Еще на шоссе я заметил, как на бегу он топырил ноги. Факт, кое-что проясняющий: По-видимому, он большую часть времени проводил в четырех стенах.

Ну что гадать понапрасну? Я позвонил в полицию. Нет, никто не заявлял о пропаже собаки. Ничего другого я и не ожидал.

Весь вечер мы всячески старались развлечь терьера, но он продолжал лежать, положив голову на лапы, закрыв глаза и нервно вздрагивая. Признаки жизни он проявлял, только когда по улице проезжал автомобиль: голова приподнималась, уши настораживались, но через несколько секунд шум замирал, и голова вновь поникала. Хелен положила его к себе на колени и больше часа утешала, однако он замкнулся в своем горе и словно не замечал ни гладящих рук, ни ласковых слов.

В конце концов я пришел к выводу, что полезнее всего будет ввести ему снотворное, и, когда мы ложились, он уже крепко спал в корзинке Сэма, а Сэм философски свернулся калачиком на коврике рядом.

Утром он не то чтобы повеселел, но, во всяком случае, настолько пришел в себя, что начал воспринимать окружающее. Когда я подошел и заговорил с ним, он перекатился на спину не заигрывая, а так, словно повторял привычное движение. Я нагнулся и почесал ему грудь, а он смотрел на меня снизу вверх непроницаемым взглядом. Но мне всегда были симпатичны собаки, лежащие лапами вверх. Это и признак приветливого характера, и выражение доверия.

– Так-то лучше, старина, – сказал я. – Не вешай носа!

Его пасть вдруг широко открылась. Мордочка у него была смешная, как у обезьянки, и на миг ее словно

перерезала веселая улыбка, полная редкостного обаяния.

Хелен сказала у меня над ухом:

– Джим, он просто прелесть. Такой симпатяга! Я чувствую, что уже привязалась к нему.

В том-то и была беда! Мне он тоже начал слишком уж нравиться. Как нравились многие и многие брошенные собаки, проходившие через наши руки. Да и не просто брошенные, но те, кого приводили для усыпления с просьбой, от которой становилось тошно: "Вот если бы вы отдали его в хорошие руки..." Меня это всегда травмировало. Одно дело усыпить неизлечимо больное животное, искалеченное или одряхлевшее настолько, что жизнь утратила для него всякий вкус, – это я еще мог стерпеть, и порой мне даже казалось, что я помогаю ему, избавляя от лишних мучений, но совсем другое – умертвить молодое, здоровое, милое существо.

Как поступает в таких обстоятельствах ветеринар? Отказывается, и хозяин уходит? Но что ему стоит зайти в ближайшую аптеку и купить отравы? Наши снотворные хотя бы безболезненнее. Только одного ветеринар сделать никак не может – взять их всех к себе. Если бы я поддавался каждому искушению, у меня к этому времени собрался бы порядочный зверинец.

Мне и всегда бывало трудно, а теперь я еще обзавелся мягкосердечной женой, что вдвое усложняло проблему.

Я повернулся к ней и сказал:

– Хелен, но мы же не можем его оставить, ты сама понимаешь. Одной собаки на две комнатухи более чем достаточно.

Она кивнула.

– Да, конечно. Только такой милой собачки я давно не видела. Во всяком случае, когда он перестает бояться. Но что же нам с ним делать?

– Как собаке, потерявшей хозяев, ему следует отправиться в конуру при полицейском участке, – ответил я, нагибаясь и поглаживая курчавые завитки на груди предмета нашего разговора. – Только если его не востребуют, через десять дней мы окажемся точно в таком же положении... – Я подцепил терьера под живот и уложил обмякшее покорное тельце себе на колени. Нет, он явно любил людей, любил и доверял им. – И конечно, я могу навести справки среди клиентов, но почему-то никому не требуется собака, когда у тебя есть лишняя. – Я задумался. – Вот если дать объявление в газету...

– погоди! – перебила Хелен. – Ты говоришь: в газету... по-моему, я на прошлой неделе читала статью про приют для покинутых животных...

Я с недоумением посмотрел на нее и вдруг вспомнил:

– Совершенно верно. Сестра Роза, она работает в больнице. У нее взяли интервью о бродячих собаках, которых она берет под свою опеку. Во всяком случае, попытка не пытка! – Я уложил терьера в корзинку Сэма. – Пока оставим малыша тут, а вечером я позвоню сестре Розе.

Поднявшись к себе выпить чаю, я обнаружил, что ситуация выходит из-под контроля. Когда я вошел, песик лежал на коленях у Хелен и, по-видимому, уже довольно долго. Она поглаживала курчавую голову и вид у нее был угрожающе задумчивый.

Мало того, взглянув на него, я почувствовал, что сам слабею. В голове закопошились непрощенные мыслишки: "Поместимся как-нибудь... Да и хлопот в сущности, никаких... А что, если..."

Надо было незамедлительно принимать меры, а то я сдамся. Схватив телефонную трубку, я набрал номер больницы и спросил сестру Розу. Вскоре в трубке раздался приветливый энергичный голос. Она, казалось,

нисколько не удивилась и, судя по деловитому тону, по тому, какие она задавала мне вопросы о возрасте терьера, его внешности, нраве и так далее, через ее руки, несомненно, прошло порядочное число потерявшихся и брошенных собак.

– Ну, что же, отлично. Таких нам обычно удается пристроить. Так когда вы его привезете?

– Сейчас, – ответил я.

Затуманившийся взгляд, которым Хелен проводила зажатого у меня под мышкой терьера, сказал мне, что еще немного – и было бы поздно. Да и я всю дорогу думал, что при других обстоятельствах – будь у нас настоящий дом и прочное будущее – этот шоколадный песик на заднем сиденье, вопросительно поглядывающий на меня дружелюбными глазами, полуоткрыв пасть, и дальше сопровождал бы меня в поездках. Но стоило появиться встречной машине, как он настораживался и смотрел в окошко с прежним отчаявшимся выражением. Неужели он так никогда и не забудет?

Сестра Роза оказалась видной женщиной лет под пятьдесят, именно с таким улыбающимся румяным лицом, которое вообразилось мне во время нашего телефонного разговора. Она выхватила у меня терьера с жадностью искренней любительницы животных.

– Какой милашка, правда?! – воскликнула она.

Позади ее дома – современного загородного коттеджа неподалеку от больницы – располагались конуры с огороженными провололочной сеткой площадками. Несколько собак сидело отдельно, но на большой площадке весело играла компания собак самых разных пород.

– Вот сюда мы его и поместим, – сказала сестра Роза. – Это его подбодрит, и, не сомневаюсь, он быстро освоится с ними. – С этими словами она отперла дверцу в провололочной сетке и поставила терьера на

утоптанную землю. Собаки тотчас его окружили и началась обычная церемония обнюхивания и задирания ног.

Сестра Роза подперла подбородок ладонью, задумчиво глядя сквозь крупные ячейки.

– Как бы его назвать... Ну, как же... Дайте-ка подумать... Нет... тоже нет... ага! Пип! Пусть будет Пипом!

Она поглядела на меня, вопросительно подняв брови, и я энергично закивал.

– Отлично! Нет, правда. Очень ему подходит.

– Вот и я так думаю, – заметила она с лукавой улыбкой. – Я ведь в этом набила руку! У меня была большая практика.

– Еще бы! Наверное, вы им всем даете клички?

– А как же? – Она начала называть одну собаку за другой. – Вот этот – Бинго. Его щенком выбросили. И Фергус. Ну, он просто потерялся. А вон тот крупный ретривер – это Гриф, его хозяева погибли в автомобильной катастрофе, но он уцелел. И Тесса. Она чуть не разбилась насмерть, когда ее вышвырнули на всем ходу из машины. Позади нее Салли-Анна, с которой, собственно, все и началось. Нашли ее на последних днях беременности, но лапы у нее были стерты в кровь – сколько же она пробежала! Я взяла ее к себе, всех ее щенят пристроила, а она так здесь и осталась. Пока я подыскивала, кто возьмет щенков, у меня завязалось много знакомств среди любителей собак, и уж не знаю почему, только все решили, будто я соержу приют для бродячих псов. Ну, я и завела его. И видите результат – скоро мне придется добавить еще несколько конурок!

Пип явно приободрился и по завершении приветствий принялся вместе с другими азартно следить за перетягиванием палки, которым занялись колли и лабрадор. Я засмеялся.

– Мне и в голову не приходило, что у вас столько собак. И долго они у вас остаются?

– Пока не удастся их пристроить. Одни ждут не больше дня, другие живут по несколько недель, а то и месяцев. Ну, есть и парочка старожилов вроде Салли-Анны: они уже, по-видимому, тут так и останутся.

– Но как же вы их всех кормите? Это ведь должно обходиться недешево!

Она кивнула и улыбнулась.

– Я устраиваю небольшие собачьи выставки, утренники с кофе, лотереи, дешевые распродажи и еще пускаюсь на всяческие уловки, хотя, боюсь, эта свора пожирает все положительное сальдо. Но в целом я справляюсь.

Да, подумал я, щедро тратя собственные деньги! Передо мной весело возились и лаяли потерявшиеся и брошенные собаки. Каждый раз, когда я сталкиваюсь с подобными свидетельствами жестокости и бессердечной безалаберности, мне рисуется армия бездушных виновников таких трагедий – огромная тупая орда людей, ни на секунду не задумывающихся о чувствах беспомощных животных, во всем от них зависящих. Мне становится жутко, но тут же я вспоминаю, что этой орде противостоит другая армия, готовая защищать их жертвы, не жалея ни сил, ни времени, ни денег.

Я взглянул на сестру Розу, на доброжелательные глаза и оттертые руки, привыкшие ухаживать за больными людьми. Казалось бы, ее профессия должна поглощать ее целиком, не оставляя места ни для чего другого. Но это было не так.

– Я вам очень благодарен, – сказал я. – Надеюсь, Пип вас будет затруднять не слишком долго. И если вам понадобится моя помощь, пожалуйста, дайте мне знать.

– Не беспокойтесь, – ответила она, улыбнувшись. – У меня предчувствие, что малыш долго тут не

задержится.

Прежде чем попрощаться, я еще раз прильнул к сетке и посмотрел на бордер-терьера. Он, казалось, уже освоился, но иногда вдруг оборачивался и поглядывал вопросительно на меня своими невыносимо доверчивыми глазами. У меня стало скверно на душе, как-никак, но и я его бросил. Сначала его хозяйева, потом я, потом сестра Роза – за какие-то двое суток... Оставалось только надеяться, что судьба ему, наконец, улыбнется.

Бордер-терьер не выходил у меня из головы и, не выдержав и недели, я заехал в собачий приют. Сестра Роза в старом плаще и резиновых сапогах раскладывала корм по мискам возле конуры.

– Вы, конечно, хотите узнать про Пипа, – сказала она, выпрямляясь. – Ну, так его вчера забрали. Я так и думала, что с ним хлопот не будет. Очень милые люди. Приехали, потому что решили взять брошенную собаку, и сразу же выбрали его. – Она откинула волосы со лба. – Неделя вообще выдалась удачная. Для Грифа и Фергуса тоже нашлись прекрасные хозяева.

– Отлично. Просто чудесно! – Я помолчал. – Но вот с... э... Пипом. Его далеко увезли?

– Да нет. Он остался в Дарроуби. Их фамилия Плендерли. Он – чиновник на пенсии – был, по-моему, большой шишкой и пожертвовал приюту порядочную сумму без всякой моей просьбы. Они купили особнячок на Холтон-роуд с прекрасным садом – Пипу будет где побегать. Да, кстати, я дала им ваш адрес, так что, конечно, они скоро к вам явятся.

Меня вдруг захлестнула волна неожиданной радости.

– Ну, я очень рад. Во всяком случае, буду знать, как ему живется.

Ждать мне пришлось недолго. В конце следующей недели, открыв дверь приемной, я увидел пожилую супружескую пару и Пипа на новехоньком поводке. Он сделал свой обычный первый ход – перекатился на спину и поглядел на меня. Но теперь беспомощная мольба исчезла из его глаз, они сияли озорным весельем, а забавная мордочка вновь раскололась в широченной улыбке. Почесывая по заведенному порядку его грудь, я увидел, что он обзавелся и новым

ошейником, очень дорогим, с блестящим медальоном, на котором были выгравированы его кличка, адрес и телефон. Я подхватил его на руки, и мы все вошли в смотровую.

– Так что с ним такое? – спросил я.

– В сущности, ничего, – ответил муж, толстячок с розовым лицом и внимательными глазами, одетый в безупречно сшитый темный костюм. Именно таким я представлял себе высокопоставленного чиновника.

– Я приобрел эту собачку совсем недавно и был бы весьма вам благодарен за рекомендации, как за ней ухаживать. Да! Моя фамилия Плендерли. Позвольте также представить вам мою жену.

Миссис Плендерли также не отличалась худобой, но ее скорее можно было назвать пухленькой, и в отличие от мужа она не производила впечатление солидности: что-то в ней было от веселой хохотушки.

– В первую очередь, – продолжал он, – мне хотелось бы, чтобы вы произвели подробный осмотр.

Я уже осматривал Пипа, тем не менее проделал всю процедуру заново, хотя он заметно ее усложнил, перевертываясь на спину всякий раз, когда я пытался приставить стетоскоп к его груди. Измеряя температуру, я заметил, что мистер Плендерли тихонько поглаживает шоколадную спинку, а миссис Плендерли, выглядывая из-за его плеча, ободряюще кивает песику и воркует какие-то ласковые слова.

– Он абсолютно здоров и снаружи и внутри, – объявил я.

– Отлично, – сказал мистер Плендерли – Но... то коричневое пятнышко на животе. – В его глазах мелькнула тревога.

– Просто пигментация. Ни малейшей опасности не представляющая, можете мне поверить.

– Э... так-так. – Он откашлялся. – Должен признаться, мистер Хэрриот, ни у меня, ни у моей жены

никогда прежде не было собак или каких либо животных. Я твердо убежден, что любое дело требует ответственного отношения, а потому, чтобы обеспечить ему надлежащий уход, я решил тщательно изучить все требования. С этой целью я приобрел несколько специальных книг. – Он вытащил из-под мышки и положил передо мной "Уход за собакой", "Собака здоровая и больная" и "Бордер-терьер" – все в глянцевых обложках.

– Прекрасный план! – ответил я. При других обстоятельствах столь внушительная батарея меня отпугнула бы, но в данном случае такой оборот меня только порадовал. Я больше не сомневался, что Пипу предстоит райская жизнь.

– Я уже почерпнул немало полезных сведений, – говорил мистер Плендерли, – и пришел к выводу, что ему необходимо сделать прививку от чумы. Как вам известно, он потерялся и возможности установить, делались ли ему необходимые прививки, у нас нет.

Я кивнул.

– Вы абсолютно правы. Собственно говоря, я сам намеревался это предложить. – Я достал флакон и начал наполнять шприц.

Пока я осторожно вводил сыворотку под кожу, Пип проявлял куда больше спокойствия, чем его хозяева. Мистер Плендерли с окаменевшим лицом нежно гладил его по голове, а миссис Плендерли придерживала задние лапы и умоляла бедняжку потерпеть.

Когда я убрал шприц, мистер Плендерли с видимым облегчением продолжил расспросы.

– Разрешите, я справлюсь с моими пометками? – Он водрузил на нос очки, достал золотой карандаш и раскрыл записную книжечку в кожаном переплете. На обеих страницах я увидел аккуратные столбики выписок. – У меня есть два-три недоумения...

Два-три! Он педантично допрашивал меня во всех подробностях о наиболее рациональной диете, о содержании в комнатах, о прогулках, о сравнительных достоинствах плетеной корзины и металлического ложа для собак, о первых симптомах наиболее распространенных заболеваний, то и дело заглядывал в свои глянцевые справочники. "Тут у меня ссылка на страницу сто сорок третью, строку девятую. Там утверждается..."

Но всему наступает конец, и пришла минута, когда мистер Плендерли твердыми четкими движениями закрыл записную книжку, убрал ее, а также карандашик и снял очки.

– Одна из причин, мистер Хэрриот, почему я решил завести собаку, – сказал он затем, – заключается в том, чтобы я сам совершал долгие прогулки. Как вы считаете, это здравый план?

– Безусловно! Мало более надежных способов сохранить форму, чем обзавестись таким живчиком. Вы просто не сможете не гулять с ним. А сколько на окрестных холмах прелестных тропинок! Днем в воскресенье, например, когда многие тяжелые на подъем, ленивые люди дремлют в креслах, укрывшись газетами, вы будете дышать свежим воздухом, бодро шагая по склонам под дождем, градом и снегом!

Мистер Плендерли расправил плечи, выставил подбородок и сдвинул брови, словно уже пробивался сквозь буран.

– И еще! – засмеялась его жена. – Вот тут у тебя поубавится! – и она непочтительно похлопала его по брюшку.

– Дорогая моя! – произнес он с упреком, но я успел уловить тень смущенной улыбки, которая полностью противоречила маске застегнутого на все пуговицы чинуши. Мистер Плендерли, решил я про себя, куда приятнее, чем кажется на первый взгляд.

Он зажал книжки под мышкой и протянул руку к терьеру.

– Идем, Пип, мы и так уже злоупотребили временем мистера Хэрриота!

Но жена опередила его – она подхватила Пипа на руки и, пока мы шли по коридору, прижималась щекой к косматой мордочке.

Я смотрел, как они сели в небольшой сияющий чистотой семейный автомобиль и отъехали. Мистер Плендерли любезно наклонил голову, его жена весело помахала мне рукой, но Пип, опираясь задними ногами в ее колени, а передние поставив на перчаточник, с любопытством устремил взгляд вперед сквозь ветровое стекло, успев забыть о моем существовании.

Они скрылись за углом, а я подумал о счастливой развязке того, что могло бы обернуться маленькой трагедией. И конечно, главная роль принадлежала сестре Розе. Одна из многих спасенных ею беспомощных собак! Ее приют будет расти, и ей придется работать все усерднее без всякой выгоды для себя. По всей стране другие такие же люди содержали такие же приюты, и я почувствовал гордую радость от того, что на какую-то минуту приобщился к этой бескорыстной армии, неутомимо и без отдыха сражающейся на стороне бесчисленных животных, полностью зависящих от человеческих прихотей.

Впрочем, тогда меня занимала только одна мысль: "Пип обрел свой настоящий дом".

При первом же взгляде на больных телят, сбившихся в кучку выше по склону холма, меня охватили дурные предчувствия. Неужели Далби ждет новая беда? Так не хотелось этому верить!

Старая поговорка "пришла беда, отворяй ворота", несомненно, придумана фермерами. В прошлом году – диктиокаулез, а теперь вот это. Началось же все со смертью Билли Далби, могучего великана с медлительной улыбкой и медлительной речью. Силой и крепостью он мог помериться с любым своим косматым бычком, но истаял за несколько недель. Диагноз был – рак щитовидной железы, и Билли не стало прежде, чем окружающие успели понять, что с ним, и вот теперь только его фотография улыбалась со стены его жене и троим малолетним сыновьям.

По общему мнению, миссис Далби следовало продать ферму и переехать куда-нибудь в город. Как же на ферме и без мужчины? А Проспект-Хаус и вообще-то ферма плохонькая. Соседние фермеры выпячивали нижнюю губу и покачивали головами: луга ниже дома заболочены, а выше по склонам почва кислая, полно каменных россыпей, трава жесткая и вся в проплешинах. Нет, где уж тут женщине справиться!

В этом все были единодушны – все, кроме миссис Далби. Она меньше всего походила на богатыршу – пожалуй, она была самой маленькой женщиной среди всех моих знакомых, но зато выкована из нестигаемой стали.

Она всегда знала, чего хочет, и все делала по-своему.

Мне вспомнилось, как еще при жизни Билли я делал прививки их овцам, и миссис Далби пригласила меня в

дом.

– Не выпьете ли чашечку чаю, мистер Хэрриот? – спросила она любезно, слегка наклонив голову набок, чуть улыбаясь вежливой улыбкой. Ни следа грубоватой небрежности многих и многих фермерш.

Направляясь на кухню, я уже знал, что меня там ждет неизменный поднос. Миссис Далби сервировала чай для меня только так. Гостеприимные обитатели йоркширских холмов постоянно приглашали меня перекусить, чем бог послал, – иногда и отобедать, но днем дело обычно ограничивалось кружкой чаю с лепешкой или куском яблочного пирога, отличающегося необыкновенно толстой коркой, но вот миссис Далби всегда подавала мне чай на особом подносе. И стоял он на особом столике в стороне от большого кухонного стола – чистая салфетка, парадная фарфоровая чашка с блюдцем и тарелочки с нарезанными масляными лепешками, глазированными коржиками, ячменными хлебцами и сухариками.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Хэрриот, – произнесла она с обычной своей чинностью. – Не слишком ли крепко заварен чай?

Говорила она, как выразились бы фермеры, "очень правильно", однако это отвечало самой сути ее личности, воплощавшей, мне казалось, твердую решимость все делать, как полагается.

– По-моему, в самый раз, миссис Далби! – Я сел, с неловкостью ощущая себя выставленным напоказ посреди кухни. Билли тихо улыбался из глубины старого кресла у огня, а его жена стояла рядом со мной.

Она никогда не садилась вместе с нами, но стояла выпрямившись, сложив руки перед собой, наклонив голову и церемонно предупреждая каждое мое желание: "Позвольте налить вам еще, мистер Хэрриот" или "Не отведаете ли корзиночку с заварным кремом?"

Назвать ее миловидной было бы нельзя: маленькое лицо с загорелой обветренной кожей, небольшие темные глазки, но оно дышало добротой и спокойным достоинством. И, как я уже упоминал, в ней чувствовалась сила.

Билли умер весной, и все ждали, что миссис Далби поторопится продать ферму, но она продолжала вести хозяйство. Помогал ей дюжий работник по имени Чарли, которого Билли нанимал в разгар страды, но теперь он оставался на ферме каждый день. Летом я несколько раз побывал там по довольно пустячным поводам и убеждался, что миссис Далби более или менее управляется со всеми делами. Только выглядела она измученной, потому что теперь не только занималась домом и детьми, но работала и в поле, и на скотном дворе. Однако она не сдавалась.

Наступила уже вторая половина сентября, когда она попросила меня заехать посмотреть полувзрослых телят – месяцев около девяти, – которые что-то кашляют.

– В мае, когда они начали пастись, все были здоровы, как на подбор, – говорила она, пока мы шли по траве к калитке в углу. – Но за последние полмесяца что-то с ними случилось: они вдруг стали совсем плохи.

Я открыл калитку, мы вышли на луг, и с каждым шагом, приближавшим меня к телятам, моя тревога стремительно росла. Даже издали было заметно, что им очень скверно. Они не двигались, не щипали траву, как им полагалось бы, а застыли в странной неподвижности. Их было около тридцати, и многие стояли, вытянув шеи, точно стараясь заглотнуть побольше воздуха. Порыв мягкого, еще почти летнего ветерка донес до нас отрывистые звуки лающего кашля. Когда мы подошли к ним, у меня было сухо во рту от ужаса. Они словно ничего не замечали и сделали несколько шагов, только когда я принялся кричать и

размахивать руками. Но тут же снова раздался кашель – и не отдельное стаккато, а хриплый хор лающих звуков, словно разрывающих грудь. И телята не просто кашляли – многие совсем задохались. Ноги их были широко расставлены, бока отчаянно вздымались и опадали. У некоторых на губах пузырилась слюна и время от времени из измученных легких вырывались стоны.

Я повернулся к миссис Далби словно в страшном сне.

– У них диктиокаулез.

Но как мало этот холодный термин раскрывал развертывающуюся у меня на глазах трагедию. Диктиокаулез – и настолько запущенный! Исход мог быть только роковым.

– Этот кашель? – деловито спросила миссис Далби. – А что его вызывает?

Я секунду смотрел на нее, а потом попытался придать своему голосу небрежное спокойствие.

– Нитевидный паразит. Крохотный глист, который поселяется в бронхах и вызывает бронхит. Эту болезнь иногда так и называют – паразитарный бронхит. Личинки вползают на стебли травы ^[3], и животные их проглатывают, когда пасутся. Луга сплошь и рядом бывают сильно заражены... – Я умолк. Сейчас было не до лекций. А сказать то, что рвалось у меня с языка, я не мог. Почему, почему, во имя всего святого, она не вызвала меня раньше?! Ведь теперь же речь шла уже не о бронхите, а о пневмонии, плеврите, эмфиземе и прочем, и прочем, чем только могут страдать легкие, и не о десятке другом тонких как волоски червей, раздражающих бронхи, – теперь они копошились там сплошной массой, сбивались в комья, закупоривали крупные бронхи, преграждая доступ воздуха. Мне

приходилось вскрывать немало таких телят, и я знал, что делается у них в легких.

Я перевел дух и сказал:

– Положение у них тяжелое, миссис Далби. С заражением было бы справиться довольно просто, если бы их сразу убрать с пастбища. Но теперь болезнь зашла слишком далеко. От них же одни скелеты остались. Жаль, что мне не случилось посмотреть их раньше.

Она взглянула на меня со страхом, и я не стал развивать эту тему. Зачем было сыпать соль на рану, словно подтверждая глубокое убеждение ее соседей, что рано или поздно, а ей беды не миновать, – что она понимает то в земле и скотине? Билли уж, наверное, не выпустил бы телят на этот заболоченный луг. И в любом случае при первых же признаках заражения запер бы их в коровнике. От Чарли тут помощи ждать не приходилось, работником он был честным и усердным, но являл собой живое воплощение йоркширского присловья "вся сила в руки ушла, а для головы ничего не осталось". Ведение хозяйства на ферме – дело очень непростое, а Билли, знающего скотовода и опытного земледельца, умевшего все предвидеть и все рассчитать, больше не было в живых.

Миссис Далби выпрямилась с обычным своим спокойным достоинством.

– Так что же мы можем сейчас сделать, мистер Хэрриот?

В те дни честный ответ был только один: с медицинской точки зрения – ничего. Но я этого не сказал.

– Их необходимо немедленно увести в стойла. Каждый глоток этой травы увеличивает количество паразитов. Чарли тут?

– Да. Чинит ограду на соседнем лугу.

Она быстро побежала туда и минуты через две вернулась в сопровождении неуклюжего силача.

– То-то я все думал, болотный кашель у них, не иначе, – произнес он благодушно, а затем с интересом осведомился: – Вы им глотки промывать будете?

– Да... да. Но прежде их надо увести в коровник.

Пока мы медленно гнали телят вниз по склону, я в очередной раз с горечью дивился этой неизменной вере в целебную силу виутритрахеального впрыскивания. Настоящего лечения тогда не существовало, и должны были пройти еще два десятилетия до появления диэтилкарбамазина, но обычно в трахею впрыскивали смесь хлороформа, скипидара и креозота. Нынешние ветеринары, вероятно, только брови поднимут при мысли, что подобное адское снадобье вводилось прямо в нежную ткань легких, да и мы в те времена уже не были особенно высокого мнения об этом способе лечения, но фермерам он очень нравился.

Когда мы, наконец, водворили телят в загон перед коровником, я оглядел их уже с полным отчаянием. Шли они недолго и под гору, но состояние их ухудшилось катастрофически: вокруг гремела настоящая симфония кашля, хрипов и стонов, повсюду виднелись высунутые языки, тяжело вздымающиеся бока – телята боролись за каждый глоток воздуха.

Я принес из машины бутыл с чудотворной смесью и приступил к процедуре, в пользу от которой сам не верил. Чарли держал голову бычка или телушки, маленькая миссис Далби висела на хвосте, а я, ухватив левой рукой трахею, вводил шприц между хрящевыми кольцами и впрыскивал в просвет несколько кубиков панацеи. Теленок рефлекторно кашлял, обдавая нас ее характерным запахом.

– Вот воняет, так воняет, хозяин! – объявил Чарли с большим удовлетворением. – До самого, значит, места доходит!

Почти все фермеры говорили что-нибудь такое. С безоговорочной истовой верой. Учебники с олимпийским спокойствием объясняли, что хлороформ оглушает глистов, скипидар их убивает, а креозот усиливает кашель, очищающий от них легкие. Но я не верил ни единому слову. Положительные результаты, по моему мнению, были следствием того, что телята переставали есть зараженную траву.

Однако я знал, что обязан прибегнуть и к этому сомнительному средству, а потому мы обработали всех телят в загоне. Их было тридцать два, и миссис Далби помогала поймать каждого из них. Не дотягиваясь до шеи, она вцеплялась в хвост и оттесняла теленка к стене. Восьмилетний Уильям, ее старший сын, вернулся из школы и кинулся помогать матери.

Напрасно я повторял: "Осторожнее, миссис Далби", а Чарли испуганно буркал: "Э-эй, хозяйка! Поостерегитесь, не то охромеете!", ни она, ни мальчуган не сдавались, хотя телята брыкали их, наступали им на пальцы, сбивали с ног.

Отпустив хвост последнего бычка, маленькая женщина обернулась ко мне. Ее обветренное лицо было даже краснее обычного. Еле переводя дыхание, она спросила:

– А еще чего-нибудь сделать можно, мистер Хэрриот?

– Да, безусловно. – Я как раз сам собирался назвать ей те два средства, которые только и могли принести пользу. – Во-первых, я оставлю вам лекарство против глистов, попавших к ним в желудок. Там с ними справиться нетрудно, только пусть Чарли заставит каждого выпить полную дозу. Во-вторых, вы должны кормить их как можно питательнее – хорошим сеном и белковыми брикетами.

Глаза у нее расширились.

– Брикетами? Но они же такие дорогие! А сено...

Я прочел ее мысли. Драгоценное сено, припасенное на зиму. Расходовать его ранней осенью... – это был тяжелый удар. И особенно, когда вокруг было столько прекрасной травы, самого естественного, самого лучшего корма для скота... Но каждый стебелек нес свой смертельный заряд.

– И их нельзя будет выпустить пастись... потом? – спросила она слабым голосом.

– Мне очень жаль, но нет. Если бы заражение было легким, их можно было бы на ночь загонять в стойла и выпускать утром после того, как сойдет роса. Личинки взбираются главным образом по мокрым стеблям. Но заражение очень тяжелое. И нельзя рисковать, чтобы телята глотали все новых и новых личинок.

– Конечно... Спасибо, мистер Хэрриот. Во всяком случае, мы знаем, как обстоит дело. – Она помолчала. – Вы думаете, мы часть их потеряем?

Сердце у меня сжалось в болезненный комок. Я уже посоветовал ей купить дорогие брикеты, и, разумеется, зимой она вынуждена будет тратить деньги на сено, деньги, которых у нее почти нет. Так как же я ей скажу, что эти телята будут умирать как мухи, и в мире нет средства предотвратить это? Когда на губах больных телят пенится слюна, они почти безнадежны, а те, которые стонут при каждом вдохе, безусловно обречены. Почти половина была уже в том или другом состоянии, но вторая половина? Исходящие лающим кашлем? Ну, у них был шанс выкарабкаться.

– Миссис Далби, – сказал я. – Не стану скрывать, положение очень серьезное. Некоторые неминуемо издохнут. По правде говоря, если не произойдет чуда, вы потеряете заметную их часть... – Она взглянула на меня в таком ужасе, что я постарался ее ободрить. – Однако пока есть жизнь, есть и надежда, а в нашем деле случаются самые приятные неожиданности. – Я поднял палец. – Хорошенько очистите их желудки и

кормите питательно. Ваша задача – помочь им самим справиться.

– Я поняла. – Она характерным движением вздернула подбородок. – А теперь вам надо помыться.

И разумеется, в кухне на обычном месте меня уже ждал поднос с салфеткой и всем прочим.

– Ну, что вы, миссис Далби! Зачем вы затруднялись? У вас и без того дела хватает.

– Чепуха, – сказала она уже с обычной улыбкой. – Вам одну ложку сахара положить, правильно?

Я сидел, а она стояла в привычной позе, сложив руки на груди и следя за мной, а ее средний сын, пятилетний Деннис, задрав голову, не сводил с меня внимательных глаз. Майкл, двухлетний карапуз, споткнулся о совок для угля, шлепнулся на пол и отчаянно разревелся.

Внутритрахеальное впрыскивание полагалось повторять каждые четыре дня, и я не мог отступить от заведенного порядка. Правда, это давало мне возможность поглядеть, что происходит с зараженными телятами.

Едва въехав во двор фермы, я увидел на булыжнике длинный укрытый мешковиной бугор. Из-под мешковины торчали копытца. Я этого и ожидал, но тем не менее меня словно ожгло. Час был еще ранний, и, вероятно, я просто не успел собраться с духом настолько, чтобы спокойно смотреть на доказательства моего бессилия, моей вины. Пусть с самого начала было уже поздно, но это не освобождало меня от ответственности, о чем свидетельствовали эти копытца, неподвижно торчащие из-под грубого савана.

Я быстро сосчитал. Там лежало четыредохлых телят. Я уныло пошел через двор, уверенный, что и в коровнике меня ничего хорошего не ждет. Два телят лежали, не в силах приподняться с толстой соломенной подстилки, остальные все еще дышали тяжело и

хрипло. И вдруг на сердце у меня чуть-чуть полегчало: некоторые целеустремленно похрустывали брикетами, нагибаясь над кормушками, а остальные нет-нет да вытягивали клок-другой сена. Просто не верилось, что животные с легкими в таком состоянии все-таки пытаются есть. Тем не менее это был пусть маленький, пусть единственный, но проблеск надежды.

Я повернулся и пошел к дому. Миссис Далби поздоровалась со мной приветливо и бодро, словно во дворе не было этого бугра под мешковиной.

– Пора делать второе впрыскивание, – сказал я и после неловкой паузы добавил: – Я вижу... четырех вы уже потеряли... Мне очень жаль...

– Так вы ведь меня предупреждали, мистер Хэрриот, – ответила она, и морщины усталости на ее лице изогнулись в улыбке. – Вы объяснили, что будет, и я приготовилась даже к самому плохому. – Она умывала мордашку младшего сына и теперь принялась вытирать ее, крепко держа полотенце в заскорузлой руке. Потом выпрямилась и повесила полотенце на место. Я взглянул на Уильяма – была суббота – и не в первый раз заметил, что мальчуган в свои восемь лет уже твердо решил стать настоящим фермером. Он натянул резиновые сапожки и зашагал с нами через двор, чтобы помогать нам в полную меру своих силенок. Я положил ладонь на детское плечо. Да, этому мальчику предстояло повзрослеть много раньше большинства сверстников, но у меня было предчувствие, что жизненным невзгодам сломить его окажется не так-то просто.

Мы сделали вторичное впрыскивание – Уильям и Деннис оба вновь бесстрашно вцеплялись в телят, – этим исчерпывалось все мое участие в борьбе с диктиокаулезом.

Есть что-то завораживающее в тягостных воспоминаниях о подобных случаях, когда мы,

ветеринары, оказывались бессильными предотвратить надвигающуюся катастрофу. Нынче, слава богу, нашим молодым коллегам уже не доводится стоять и тоскливо глядеть на задыхающихся, стонущих телят, понимая, что средства спасти их нет. В распоряжении ветеринаров есть и прекрасная профилактическая вакцина, которую достаточно подмешивать к корму, и действенные медикаменты, излечивающие диктиокаулез.

Но Далби, для которых гибнущие телята значили так много, я ничем помочь не мог. Моя память хранит беспорядочные воспоминания о повторяющихся бессмысленных визитах, о новых буграх под мешковиной, о все проникающей вони хлороформа, креозота и скипидара. Когда этот кошмар завершился, пало более десяти телят, а пятеро, хоть и выжили, но продолжали хрипеть и, по-видимому, должны были навсегда остаться заморышами. Остальные, правда, выздоровели – благодаря хорошему питанию, а вовсе не моим усилиям.

Такой удар был бы тяжелым для любого фермера, но вдову, только-только сводящую концы с концами, он грозил сокрушить. Однако, когда я приехал в последний раз, маленькая миссис Далби, как обычно стоя со сложенными руками возле подноса с чаем, сохраняла все свое мужество.

– Раз теряешь, значит, есть, что терять, – сказала она, привычно наклонив голову набок.

Сколько раз доводилось мне слышать это упрямое йоркширское присловье! Но что у нее остается после таких потерь, невольно спросил я себя. А она продолжала:

– Вот вы меня предупредили, чтобы на тот год я телят пастись там не пускала. Но нельзя им дать что-нибудь такое, чтобы они не заболели?

– К сожалению, нет, миссис Далби. – Я поставил чашку на блюде. – О такой вакцине деревенские ветеринары могут только мечтать. Нам все время задают этот вопрос, а мы должны отвечать "нет".

И мы продолжали отвечать так еще двадцать лет, вновь и вновь беспомощно наблюдая вспышки диктиокаулеза, как я – на ферме Далби. Но вот что странно, теперь, когда в нашем распоряжении есть чудо-вакцина, на нее смотрят, как на нечто само собой разумеющееся.

Когда на обратном пути я остановился, чтобы открыть ворота, я взглянул на старинный каменный дом, уютящийся под склоном холма. Был чудесный осенний день, ласковый солнечный свет смягчал резкие очертания вершин и оград, исчерчивающих вересковые пустоши. В тихом безветренном воздухе шорох крыльев взлетевшего голубя прозвучал оглушительно громко – такая глубокая стояла вокруг тишина. По ту сторону долины редкая рощица на гребне застыла в полной неподвижности, словно нарисованная на голубом полотне небес. И посреди всей этой красоты – заботы, тревоги, отчаянная борьба и нависающая угроза разорения. Я закрыл ворота и сел за руль. Быть может, неукротимой маленькой женщине там, позади, удастся справиться с этой бедой, но, включая мотор, я подумал, что вторая подобная катастрофа станет для нее концом.

У меня очень полегчало на сердце, когда миновала зима и весна вступила в свои права, а причин встречаться с миссис Далби все не находилось. Лето было уже в разгаре, когда в базарный день она позвонила в дверь приемной. Я пошел открыть, но меня опередил Зигфрид. Он умел ценить радушие, с каким нас встречали на фермах – и не реже меня пил чай с подноса миссис Далби. К тому же он восхищался неукротимым упорством, с каким она пыталась сохранить ферму для своих сыновей. А потому всякий раз, когда она приходила в Скелдейл-Хаус, он встречал ее, как особу королевской крови. И всегда безупречно любезный он превращался прямо-таки в испанского гранда.

Вот и теперь он широко распахнул дверь и вышел на крыльцо.

– Миссис Далби! Очень рад вас видеть. Входите же, входите! – И он сделал приветственный жест.

Маленькая женщина с обычным достоинством наклонила голову, улыбнулась и прошла мимо него в дом, а он тотчас нагнал ее и сыпал вопросами все время, пока они шли рядом по коридору.

– Ну, а Уильям?.. А Деннис?.. А маленький Майкл? Отлично, отлично, просто великолепно!

Столь же церемонно, с теми же учтивыми жестами он отворил дверь гостиной, а затем принялся со скрипом двигать кресла, чтобы усадить ее поудобнее.

После чего помчался на кухню распорядиться о чае, а когда миссис Холл явилась с подносом, он тревожно оглядел сервировку, словно опасаясь, что она обманет ожидания миссис Далби. Видимо, успокоившись, он разлил чай, похлопотал еще несколько секунд и,

наконец, сел напротив, показывая, что он – весь внимание.

Миссис Далби поблагодарила его и отпила глоток из своей чашки.

– Мистер Фарнон, я зашла поговорить с вами о моих телятах. Этой весной их у меня тридцать пять и все время они выглядели очень хорошо, но теперь вдруг начали сильно худеть – все до единого.

У меня упало сердце, и, наверное, я переменялся в лице, потому что она успокаивающе мне улыбнулась.

– Нет-нет, мистер Хэрриот. Это не то. Ни один ни разу не кашлянул. Но только они теряют вес, и у всех сильный понос.

– Кажется, я догадываюсь в чем дело, – сказал Зигфрид, придвигая поближе к ней тарелку с оладьями.

– Опять подцепили каких-нибудь глистов, но не легочных, а кишечных. Одна хорошая доза глистогонного, и все будет в порядке.

Она кивнула и взяла оладью.

– Вот и Чарли то же подумал. Мы их всех прочистили, но словно бы без толку.

– Странно! – Зигфрид потер подбородок. – Конечно, одного раза могло оказаться и мало, но какое-то улучшение должно было бы наступить. Пожалуй, надо бы на них поглядеть.

– Я об этом и думала, – сказала она. – Все-таки на душе будет поспокойнее.

Зигфрид открыл книгу вызовов.

– Совершенно справедливо. И чем раньше, тем лучше. Завтра утром вас устроит? Чудесно! – он стремительно зацарапал пером, а потом посмотрел на миссис Далби – Да! Я ведь сегодня вечером уезжаю на неделю отдохнуть, так что ими займется мистер Хэрриот.

– Очень хорошо! – Она посмотрела на меня, улыбаясь улыбкой, которая не прятала ни тени

сомнения или страха. Если она и подумала: "Этот молодчик в прошлом году смотрел, сложа руки, как передохла чуть не половина моих телят", прочесть такую мысль по ее лицу было никак нельзя. Наоборот, когда она допила чай и мы проводили ее до крыльца, она опять улыбнулась мне и помахала на прощание так, словно ей не терпелось поскорее со мной увидеться снова.

Но когда на следующее утро я шел с ней по лугу, у меня появилось ощущение, что время вернулось назад на год. Только шли мы в другом направлении – не к болотистой низинке с боку от дома, а к каменистым пастбищам выше по склону холма в вечных клетках каменных стенок.

То же ощущение уже пережитого не оставляло меня, и когда мы подходили к телятам. Палевые, рыжие, рыжие с белыми подпалинами они выглядели почти точь в точь как прошлогодние, и смотрели на нас столь же безучастно, пошатываясь на исхудалых ногах с шишками суставов. Правда, прошлогодние симптомы отсутствовали, но и с первого взгляда было видно, что с ними что-то очень неладно.

Я присмотрелся. По их задним ногам ползли струйки темной жижи. Они даже не приподнимали хвостов, словно ничего уже не могли поделать. И как же они исхудали, все до единого! Обтянутые кожей живые скелеты с торчащими ребрами и крестцом.

– В этом году я за ними следила, – сказала миссис Далби. – Вид у них страшный, я понимаю, но это случилось прямо на глазах.

– А... да... да. – Я впивался взглядом в заморышей, выискивал ключ к загадке. Мне доводилось наблюдать паразитарные истощения, но ничего подобного я еще не видел.

– А в прошлом году и раньше у вас на этих лугах много паслось скота?

- Да нет, - сказала она, подумав - Пожалуй, нет. Билли иногда выпускал сюда молочных коров, да и то редко.

Следовательно, трава не могла быть заражена глистами. Да и вообще картина была иной. Паратуберкулезный энтерит? Да, похоже. Но какими силами тридцать пять телят могли вдруг разом им заболеть? Сальмонеллез?.. Кокцидиоз?.. Может быть, отравление? В это время года на пастбищах попадают всякие нежелательные растения. Я медленно прошелся по лугу, но ничего подозрительного не обнаружил. На таких обдуваемых всеми ветрами склонах даже трава росла медленно, и похвастать разнообразием растений они никак не могли. Выше, правда, темнел папоротник, но здесь его не было. Билли расчистил этот луг много лет назад.

- Миссис Далби, - сказал я, наконец. - На всякий случай дайте им еще глистогонное, а я возьму кал для лабораторного исследования.

Я принес из машины несколько стерильных пробирок и снова прошелся по лугу, аккуратно наполняя их из зловонных лужиц в разных его концах.

Отвезя пробирки в лабораторию, я попросил сразу же сообщить мне результаты по телефону. Позвонили из лаборатории уже на следующий день: абсолютно ничего. Я еле удержался, чтобы не помчаться тут же на ферму. Но что было бы толку? А стоять посреди луга и скрести в затылке... нет уж, увольте! Лучше подождать и узнать, подействовала ли вторая доза глистогонного. Хотя откуда? Ни один анализ не обнаружил никаких следов патогенных глистов.

В подобных случаях я всегда уповаю, что на меня вдруг снизойдет вдохновение в дороге или даже когда я осматриваю других животных. Но на этот раз, вылезая из машины перед домом миссис Далби, я по-прежнему был в полном недоумении.

Телятам стало чуть хуже. Я заранее решил – если меня не осенит, сделаю инъекцию витаминов наиболее ослабевшим. Главным образом для того, чтобы хоть что-то предпринять. И потому, отгоняя мысли о полной бесполезности моих стараний, я десять раз ткнул иглой шприца в туго натянувшуюся кожу десятерых бедняг, пока Чарли держал их за морду. Мы даже не стали загонять их в коровник. Они покорно давались в руки и посреди луга – что само по себе было уже скверным признаком.

– Так сообщите мне, что и как, миссис Далби, – сказал я хрипло, открывая дверцу машины. – Если от этой инъекции им станет лучше, тут же сделаем ее и остальным. – Я помахал рукой, как мог ободряюще, и уехал.

На душе у меня было до того скверно, что я словно онемел внутри. И следующие два-три дня я отгонял от себя всякую мысль о телятах Далби, будто стоит выкинуть их из головы – и они исчезнут, растворятся в воздухе. Но это средство не подействовало, звонок миссис Далби сразу вернул меня к действительности.

– Боюсь, телятам лучше не становится, мистер Хэрриот! – В ее голосе пряталось напряжение.

Я стиснул зубы и пробормотал в трубку:

– А как те, которым я сделал инъекцию?

– Никакой разницы.

Деваться от правды было некуда, и я сразу же поехал туда. Всю дорогу меня давило ощущение холодной пустоты внутри, безнадежной безысходности. У меня не хватило духу войти в дом, и я торопливо зашагал к лугу, где паслись злополучные телята.

И когда я оказался среди них, когда внимательно к ним присмотрелся, муки, которые я испытывал по пути сюда, побледнели в сравнении с тоскливым ужасом, нахлынувшим на меня теперь. Надвигалась еще одна катастрофа. Второго такого удара миссис Далби уже

никак не выдержит. А телята сдохнут. И не половина, как год назад, но все. Потому что в состоянии их незаметно ни какой разницы. И ни один даже не пытается побороть болезнь...

Но какую болезнь? Господи, я же дипломированный ветеринар. Ну, пусть не такой уж опытный, однако и не зеленый новичок. Так должна же забрезжить у меня хоть какая-то мысль, почему целое стадо телят вот-вот попадет на живодерню прямо у меня на глазах.

Я увидел, что от дома ко мне идет миссис Далби, рядом, решительно взмахивая руками, шагает Уильям, а Чарли замыкает шествие.

Ну, что я им скажу? Пожму с горькой усмешкой плечами – дескать, ума не приложу, что с телятами, так не лучше ли сейчас же позвонить Мэллоку? Конечно, в будущем году вам нечего будет продать на скотном рынке, но велика ли важность? К тому времени с фермой вы все равно расстанетесь.

Спотыкаясь, я переходил от теленка к теленку, и мне становилось все труднее дышать – одно и то же, одно и то же: бессильно опущенная голова, торчащие кости, темные, уносящие жизнь струйки... И полная неподвижность. Наверное, каждый шаг дается им с трудом. Вот тот шагнул было, зашатался и чуть не упал.

Чарли толкнул калитку ярдах в ста ниже по склону. Я уставился на теленка передо мной. Ну, скажи же, скажи, в чем дело, что у тебя болит, с чего все началось? Но ответа не было. Теленок, один из самых маленьких с почти шоколадной головой, тупо смотрел на меня сквозь очки. Что, что?.. О чем я думаю?.. Какие еще очки? С ума я схожу или... Черт! Но у него же, правда очки – оба глаза обведены кольцом более светлой шерсти. И у того тоже. Ура! Все ясно! Наконец-то!

Ко мне, слегка запыхавшись, подошла миссис Далби.

- Доброе утро, мистер Хэрриот, - сказала она, стараясь улыбнуться. - Так что же? - И обвела телят тревожным взглядом.

- Доброе утро, доброе утро, миссис Далби! - воскликнул я радостно, с трудом подавляя желание прыгать, хохотать, а то и пройтись колесом разок-другой. - Да, сейчас картина совершенно прояснилась.

- Правда? Но в чем же?..

- Недостаточность меди, - ответил я небрежно, словно с самого начала взвешивал такую возможность. - На это указывает снижение пигментации, особенно вокруг глаз. Вот приглядитесь: шерсть у них почти у всех бледнее обычной. - Я небрежным жестом обвел телят. Чарли закивал.

- Ей богу, так. Да я и сам все время думал, и чего это у них с шерстью!

- А вылечить их можно? - задала миссис Далби неизбежный вопрос.

- Несомненно. Я сейчас же поеду приготовлю микстуру с медью, и мы каждому дадим полную дозу. Пока они на подножном корму, надо будет повторять дважды в месяц. Конечно, лишние хлопоты, но другого средства нет. Вы сумеете?

- Уж как-нибудь, - сказал Чарли.

- Уж как-нибудь! - повторил малыш Уильям и выпятил грудь, словно готовясь схватить теленка.

Микстура оказала магическое действие. В моем распоряжении не было нынешних долгодействующих препаратов меди для инъекций, но и раствор сульфата меди, изготовленный под краном на кухне Скелдейл-Хауса, сотворил чудеса. Не прошло и месяца, а телята, заметно подросшие и упитанные, уже прыгали и резвились на склонах. Ни один не погиб, ни один не остался заморышем. словно бы вообще ничего не было, словно роковая угроза не нависала не только над телятами, но и над вдовой с тремя маленькими детьми.

Пусть в последнюю минуту, но удар удалось отвести, хотя я понимал, что это лишь временная передышка. Маленькой миссис Далби предстояла еще долгая изнурительная борьба.

Я не любил и не люблю перемен, и все-таки мне приятно перенестись на двадцать лет вперед от того дня и вспомнить еще одно утро на кухне этой фермы. Я сидел за тем же столиком, взяв масляную лепешку с того же подноса и раздумывая, остановить ли дальнейший выбор на ячменном хлебце или на тарталетке с джемом.

Билли все также улыбался с каминной полки, а миссис Далби, сложив руки на груди и чуть наклонив голову набок, смотрела на меня с той же легкой улыбкой. Годы почти не изменили ее. В волосах появилась седина, но маленькое красное, обветренное лицо и блестящие глазки остались такими, какими я знал их всегда.

Прихлебывая чай, я смотрел на могучую фигуру Уильяма, который, развалившись в отцовском кресле, улыбался мне отцовской улыбкой. Вес у него был под стать росту, и я только что наблюдал его в действии – он держал заднюю ногу молодого быка, которую я осматривал. Бычок попытался брыкнуться, но затем на его морде отразилось явное замешательство, лапищи Уильяма легко ухватили заплюсневый сустав, а широкое плечо уперлось бычку в брюхо.

Нет, конечно, Уильям не мог не измениться – как и Деннис, и Майкл, которые, топоча сапожищами, ввалились на кухню и принялись мыть руки над раковиной. Уильяму они, пожалуй, несколько уступали шириной плеч, но не ростом, и походка у них тоже была отцовская – спокойная, чуть развинченная.

Их низенькая мать посмотрела на них, а потом на фотографию над очагом.

- Сегодня как раз была бы тридцатая годовщина нашей свадьбы, - сказала она спокойно.

Я поглядел на нее с удивлением. Прежде она никогда не касалась подобных тем, и я не знал, что ответить. Не мог же я сказать "поздравляю", когда двадцать лет из этих тридцати она вдовела. И о своей долгой упорной борьбе она тоже никогда не упоминала, хотя и вышла из нее победительницей. Когда ее сосед, старик Мейсон, ушел на покой, она купила его ферму, отличную, с хорошей землей, и Уильям поселился там после женитьбы. Но хозяйство у них было общее. Дела теперь, когда с тремя такими молодцами она могла обходиться без наемных работников, пошли совсем хорошо, но старый Чарли все еще подсоблял им то там, то здесь.

- Да, тридцать лет, - повторила миссис Далби, обводя кухню неторопливым взглядом, точно видела ее впервые. Потом повернулась и наклонилась ко мне. Лицо ее стало очень серьезным.

- Мистер Хэрриот... - начала она, и мне стало ясно, что в этот особый день она, наконец то, что-нибудь скажет о долгих тяжелых одиноких годах, о бессонных полных тревоги ночах, об изнурительном труде.

Ее ладонь слегка коснулась моего плеча, и она посмотрела мне прямо в глаза.

- Мистер Хэрриот, не налить ли вам еще чашечку?

Эпидемия гриппа, разразившаяся в Дарроуби и вокруг, особенно тяжело сказывалась на фермерах и их работниках. В городе можно и поболеть немного, но коров-то надо доить утром и вечером, болен ты или здоров. Всюду, куда я приезжал, в коровниках от стойла к стойлу, пошатываясь, переходили люди, чьи лица пылали жаром, а глаза слезились.

Отец Хелен и ее тетушка Люси тоже заболели, и оставить их без помощи было никак нельзя. Не дожидаясь, чтобы Хелен начала этот разговор первой, я тут же посоветовал ей перебраться на время к ним на ферму и взять на себя заботы по хозяйству. Без нее в квартирке под крышей сразу стало так неуютно, что я вернулся в мою прежнюю комнату рядом со спальней Тристана и снова, как в холостые дни, завтракал и обедал с братьями.

Однажды утром, когда мы сели за стол, мне вдруг почудилось, что время обратилось вспять. Вот Зигфрид наливает мне кофе, Тристан уткнулся в газету... Но тут Тристан кашлянул и сказал:

– А знаете, в этой истории с духом монаха, пожалуй, есть зерно правды! – Он отодвинул свой стул от стола, вытянул ноги поудобнее и вновь погрузился в "Дарроуби и Хоултон таймс". – Оказывается, этим занялся один историк и раскопал небезынтересные факты.

Зигфрид промолчал, но тут Тристан закурил сигарету, и глаза его брата сузились. Зигфрид уже неделю как бросил курить, и ему меньше всего хотелось любоваться на курящих – а уж тем более на Тристана, который умел извлекать тихое наслаждение из самых, казалось бы, пустяков. Губы моего партнера сжались в

узкую линию, едва Тристан принялся неторопливо выбирать сигарету, и умудрились стать еще уже, когда щелкнула зажигалка и раздался блаженный вздох первой затяжки.

– Да, – продолжал Тристан, вплетая в свои слова струйку дыма, – этот тип подчеркивает, что в четырнадцатом веке несколько монахов аббатства Рейнес, несомненно, стали жертвой предумышленного убийства.

– Ну и что? – буркнул Зигфрид.

Тристан поднял брови.

– Как что? Так ведь фигура в капюшоне, которую последнее время все чаще видят в окрестностях аббатства, действительно может быть духом одного из них.

– Что-о-о? Что ты сказал?

– Невольно задумаешься, разве нет? Откуда нам знать, какие гнусные дела творились...

– О чем ты, черт подери, болтаешь? – рявкнул Зигфрид. Тристан обиделся.

– Что же, смейся, твое право, но вспомни шекспировские слова! – Он назидательно поднял палец. – "И в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости, Гора..."

– Чушь собачья! – отрезал Зигфрид, эффектно исчерпав тему.

Я с облегчением допил кофе и поставил чашку. Слава богу, взрыва не произошло. А если учесть, в каком Зигфрид сейчас раздраженном состоянии... Еще неделю назад он был завзятым любителем и трубки и сигарет, но у него появился классический кашель курильщика и начались боли в желудке. Его удлиненное худое лицо приобрело сходство с черепом – щеки ввалились, глаза сумрачно поблескивали в глубине глазниц. И врач категорически запретил ему курить.

Зигфрид подчинился, немедленно почувствовал себя лучше, и тут же его охватил проповеднический пыл новообращенного. Но он не просто советовал людям отказаться от употребления табака. Несколько раз я видел, как он вырывал сигарету из дрожащих пальцев какого-нибудь злополучного парня на ферме, вперялся ему в глаза и грозно предупреждал: "Чтобы я больше не видел у тебя во рту этой дряни, слышишь?"

Даже и теперь поседевшие мужчины иной раз говорят мне, содрогаясь: "Как мистер Фарнон обругал меня тридцать лет назад, так я хоть бы разок с той поры затяжку сделал! Он меня глазами ну просто прожег, прямо душа в пятки ушла!"

Но, как ни прискорбно, на его брата этот крестовый поход против курильщиков ни малейшего впечатления не произвел. Тристан буквально не выпускал сигареты изо рта, но не кашлял и пищеварение у него было превосходное.

Вот и теперь он стряхнул колбаску пепла и снова благодушно затянулся.

Зигфрид пристально посмотрел на него.

– Ты слишком много куришь!

– Как и ты.

– Ничего подобного! – объявил Зигфрид. – Я не курю. И тебе пора бросить эту мерзкую привычку. Такими темпами ты себя быстро в могилу уложишь!

Тристан снисходительно взглянул на него, и вновь его слова окутались табачным дымком:

– Ну, зачем же? По-моему, это мне даже на пользу идет.

Зигфрид вскочил и широким шагом вышел из комнаты. Я от души сочувствовал его трудному положению. Он в какой-то мере заменял Тристану отца, средства на зловредное зелье брат получал от него, и врожденная порядочность мешала ему использовать такое неспортивное преимущество и вырвать сигарету

у Тристана изо рта, как он проделывал на фермах. Оставалось только взывать к здравому смыслу брата, что ни малейшей пользы не приносило. А сейчас он, кроме того, возможно, предпочел избежать бурной сцены, потому что Тристан немедленно после завтрака отбывал для очередного загадочного посещения ветеринарного колледжа: собственно говоря, объезд мне предстояло начать с доставки его на Большое северное шоссе, где он проголосует попутной машине и таким обычным для себя способом доберется до Эдинбурга.

Расставшись с ним у шоссе, я отправился по вызовам, но мысли мои нет-нет да возвращались к разговору за завтраком. Уж очень многие клялись, что своими глазами видели рейнесское привидение! И хотя в числе их были и любители сенсаций, и заведомые пьяницы, остальные, несомненно, заслуживали доверия, как люди почтенные и серьезные.

И все повторяли одно и то же. Лесок на вершине холма над деревней Рейнес спускался почти к самой дороге, а за ним прятались развалины аббатства. Так вот, автомобилисты, ехавшие ночью вверх по склону, в один голос утверждали, что в лучах фар совершенно ясно видели фигуру монаха в коричневом одеянии, которая тут же исчезала среди деревьев. Фигура словно бы переходила дорогу... но вот этого твердо они утверждать не брались, так как замечали ее на порядочном расстоянии. Зато остальное они готовы были подтвердить хоть под присягой: да, они видели фигуру, которая, склонив голову с натянутым на лицо капюшоном, входила в лесок. Несомненно, в ней чудилось что-то жуткое: во всяком случае, никто ни разу не сказал, что отправился в лес поглядеть, кто это.

Весь день мои мысли возвращались к Рейнесу, а в час ночи по странному совпадению мне оттуда позвонили. Выбираясь из теплой постели и уныло

натягивая на себя одежду, я с завистью представил себе, как сейчас Тристан мирно посапывает в своей эдинбургской комнате в безопасной дали от всех капризов ветеринарной практики. Но потом я приободрился: до деревни было всего три мили, а работа предстояла нетрудная – колики у шетландского пони, подаренного маленькому мальчику. И ночь была чудесная. Правда, уже по-осеннему холодная, но зато путь мне освещала полная луна во всем своем великолепии.

Когда я добрался до места, пони водили по двору. Хозяин, кассир моего банка, виновато мне улыбнулся.

– Ради бога, извините, мистер Хэрриот, что я вытащил вас из постели, но я все надеялся, что боль пройдет сама собой. Мы так расхаживаем уже третий час. А стоит остановиться, как он норовит покататься по земле.

– Вы поступили совершенно правильно, – сказал я. – Не то дело могло кончиться заворотом кишок.

Я осмотрел маленькую лошадку и успокоился. Температура нормальная, пульс хорошего наполнения, а в животе прослушивались только типичные звуки спазматической колики.

Ему требовалось хорошенько прочистить кишечник, но прежде мне пришлось немного поломать голову над тем, какую дозу ареколина следует дать этому лилипуту лошадиного рода. В конце концов я вычислил, что оптимальной должна быть одна восьмая грана, и сделал инъекцию в мышцу шеи. Несколько секунд пони сохранял типичную для колик позу: подгибал все четыре ноги и приседал то на правую заднюю, то на левую. Потом попытался лечь.

– Поводите его опять, только медленно, – сказал я, ожидая первых признаков того, что ареколин начинает действовать. Ждать мне пришлось недолго: пони зачавкал, захлюпал губами, и вскоре с них уже повисли

длинные нити слюны. Все шло, как полагается, но я продолжал наблюдать за ним, и вот через четверть часа он наконец задрал хвост и заметно облегчился.

– Ну, все в порядке, – сказал я, – а потому я поеду. Но если боли не пройдут, обязательно позвоните.

За деревней шоссе делало крутой поворот, а за ним начинался длинный прямой подъем к аббатству. Там, куда в эту секунду еле дотягивались лучи моих фар, лежало место, где призрак, по утверждению всех очевидцев, переходил дорогу и скрывался в темной полосе деревьев. На вершине холма, уступая неожиданному порыву, я съехал на обочину и вылез из машины. Да, то самое место! На опушке в ярком лунном свете гладкие стволы буков словно испускали фосфорическое сияние, а в вышине поскрипывали под ветром гнущиеся ветви.

Я вошел в лесок, вытянув перед собой руку, и опустил ее, только когда выбрался из него на дальней опушке. Передо мной лежали развалины Рейнесского аббатства.

Живописные его руины до этой осенней ночи прочно ассоциировались для меня с погожими летними днями, когда солнце нагревало старые камни изящных арок, с веселыми голосами, с детьми, играющими на траве. Но теперь была половина третьего ночи, кругом – ни души, а в лицо мне дул ледяной ветер, предвестник зимы. Меня охватила тоска одиночества.

В холодном лунном блеске все обретало зловещую четкость. И в то же время окутанные тишиной ряды уходящих в темное небо колонн, отбрасывавших на дерн бледные тени, казались призрачными. В дальнем конце в глубокой тени чернели провалы – остатки келий. Внезапно заухала сова, и тишина стала еще более тяжелой, еще более зловещей.

По коже у меня побежали мурашки, я почувствовал, что мне, живому человеку, не место среди этого

угрюмого наследия минувших столетий. Я быстро повернулся и побежал через лесок, натываясь на стволы, спотываясь о корни, путаясь в кустах, и, когда наконец добрался до машины, меня била дрожь и я дышал с трудом, словно пробежал добрую милю. Каким облегчением было захлопнуть дверцу, включить зажигание и услышать знакомое урчание мотора!

Десять минут спустя я был уже дома и взбежал по лестнице в надежде наверстать упущенные часы сна. Открыв дверь своей комнаты, я щелкнул выключателем, но, к моему удивлению, свет не вспыхнул. И вдруг я окаменел.

У окна в озерце лунного сияния стоял монах. Монах в коричневом одеянии, неподвижный, со склоненной головой, с ладонями, сложенными у груди. Лицо его было обращено ко мне, но под опущенным капюшоном я не увидел ничего, кроме жуткой черноты.

Я перестал дышать. Приоткрыл рот, но не смог издать ни звука. А в мозгу билась одна-единственная мысль: значит, все-таки привидения существуют!

Вновь мой рот полуоткрылся, но на этот раз из него вырвался хриплый крик:

– Кто тут, во имя всего святого!

В ответ загробный голос произнес глухим басом:

– Тристаан!

Сознания я, кажется, не потерял, но на кровать все-таки рухнул, я не мог вздохнуть, в ушах у меня гремела кровь. Как сквозь сон я увидел, что монах взобрался на стул и, похихикивая, ввинчивает лампочку в патрон. Затем он повернул выключатель и сел рядом со мной на кровати. Откинул капюшон, закурил сигарету и посмотрел на меня, даваясь от хохота.

– Джим, ей-богу, это было чудесно! Даже лучше, чем я ожидал.

А я сипло прошептал, не спуская с него глаз:

– Но ты же в Эдинбурге...

– Как бы не так, старина! Я быстро провернул все дела, благо особенно-то и делать было нечего, и вернулся. Только вошел – и вижу: ты идешь по саду. Еле успел вывернуть лампочку и натянуть балахон. Не упускать же было такой случай!

– Пощупай мне сердце, – пролепетал я.

Тристан прижал ладонь к моим ребрам, ощутил бешеные удары, и по его лицу скользнула тень озабоченности.

– Черт! Извини, Джим! – Он ласково потрепал меня по плечу и поспешил успокоить: – Волноваться нечего. Будь это смертельно, ты бы уже отдал концы. А вообще-то хороший испуг – вещь очень полезная, лучше любого тонизирующего средства. В этом году тебе даже отдыхать теперь не понадобится.

– Спасибо, – сказал я, – большое спасибо!

– Жалко только, что ты себя со стороны не видел и не слышал! – Он прыснул. – Вот уж вопль ужаса так вопль... Ох, не могу!..

Я медленно приподнялся и сел. Потом прислонил подушку к изголовью и откинулся на нее. Охватившая меня слабость не проходила.

Я смерил Тристана ледяным взглядом:

– Так значит, рейнесское привидение – это ты?

Он в ответ только ухмыльнулся.

– Ну и бес же ты! И как я сразу не догадался? Только для чего ты все это затеял? Что за удовольствие?

– Как сказать... – Тристан в ореоле сизого сигаретного дыма мечтательно возвел глаза к потолку.

– Пожалуй, дело в выборе точного момента, чтобы автомобилисты сами не знали, видели они меня или нет. К тому же мне страшно нравится, как они тут же прибавляют газу. Ни один еще не притормозил.

– Недаром кто-то меня предупреждал, что чувство юмора у тебя слишком уж развито, – заметил я. – И ты скоро здорово сядешь в лужу, помани мое слово.

– Да никогда! Шагах в ста дальше по шоссе у меня в кустах спрятан велосипед, и я всегда успею исчезнуть. Так что волноваться не из-за чего.

– Ну, дело твое – Я встал с кровати и побрел к двери.– Пойду хлебну виски... – Потом обернулся и испепелил его взглядом. – Если ты посмеешь еще раз сыграть со мной такую штуку, я тебя придушу!

Несколько дней спустя часов в восемь вечера я сидел с книгой у камина в гостиной Скелдейл-Хауса, как вдруг дверь распахнулась и в комнату влетел Зигфрид.

– Джеймс! – зачастил он – У старика Хораса Досона корова разодрала сосок. Видимо, придется зашивать. Старику корову не удержать, а ферма его на отшибе. Соседей у него нет, так, может быть, вы согласитесь помочь мне?

– Ну, конечно! – Я закрыл книгу, потянулся, зевнул и поднялся с кресла. Нога Зигфрида отбивала чечетку на ковре, и я в очередной раз подумал, как ему, наверное, жаль, что это кресло не приспособлено для того, чтобы вышвыривать меня за дверь в полной готовности по первому сигналу. Я торопился, насколько мог, но, как всегда – писал ли я под его диктовку или оперировал под его наблюдением, – меня не покидало ощущение, что его безумно раздражает моя медлительность. Меня угнетала мысль, что для него невыносимая пытка смотреть, как я встаю и ставлю книгу на полку.

Я только повернулся к двери, а он уже исчез за ней. Я припустил следом по коридору, но, когда выскочил на крыльцо, он уже завел мотор. Я распахнул дверцу, нырнул в нее и почувствовал, как асфальт чиркнул меня по подошве. Мы унеслись в темноту.

Четверть часа спустя мы, взвизгнув тормозами, остановились во дворе позади небольшого дома, дремлющего в одиночестве посреди лугов. Едва мотор

смолк, как Зигфрид выскочил из машины и зашагал к коровнику, крикнув мне через плечо:

– Тащите шовный материал, Джеймс... Еще, пожалуйста, ампулы для местной анестезии и шприц... и мазь для раны...

Затем уже из коровника до меня донеслись невнятные звуки разговора, завершившиеся нетерпеливым окриком:

– Джеймс! Что вы там копаетесь? Не можете найти?

Этих нескольких секунд мне хватило только на то, чтобы открыть багажник, и теперь я принялся лихорадочно хватать нужные бутылки и коробочки. Собрав все, что он потребовал, я карьером пронесся через двор и чуть не сбил его с ног в дверях, когда он уже вопил.

– Джеймс, да где же вас черт... А, вот вы наконец! Так давайте же! И чем вы все это время занимались?

Да, он был совершенно прав: Хорас Досон, щуплый старичок лет восьмидесяти, действительно, с коровой не совладал бы. Хотя он, упрямо забывая свой возраст, все еще сам доил двух упитанных коров шортгорнской породы, которые стояли в маленьком коровнике с булыжным полом.

Наша пациентка повредила сосок очень основательно. То ли ее соседка, то ли она сама наступила на него копытом: он был располосован почти во всю длину и из рваной раны текло молоко.

– Дело скверно, Хорас, – сказал Зигфрид. – До самого канала разорвано. Ну, сделаем все, что сможем. Шитья тут хватит.

Он промыл и обработал рану, а потом набрал в шприц анестезирующее средство.

– Берите ее за нос, Джеймс, – распорядился он, а затем мягко сказал фермеру: – Хорас, будьте добры, подержите ей хвост. Вот-вот, за самый кончик... чудесно.

Старичок бодро расправил плечи:

– Не беспокойтесь, мистер Фарнон. Как скажете, так и будет сделано.

– Отлично, Хорас. Именно так. Благодарю вас.

Он нагнулся, я сжал корове морду, и он ввел иглу над верхним концом разрыва.

Раздался шлепок – это корова изъявила свое неудовольствие, ловко лягнув его в резиновый сапог точно над голенью. Он даже не охнул, а только, тяжело дыша, несколько раз согнул и разогнул ногу. Потом снова наклонился к вымени.

– Тише, тише, милка, – проворковал он нежно и опять ввел иглу.

На сей раз раздвоенное копыто врезало ему по запястью, и шприц, прочертив в воздухе изящную дугу, упал в кормушку с сеном – уж тут корове не повезло. Зигфрид выпрямился, задумчиво потер запястье, извлек шприц из сена и вернулся к своей пациентке. Почесав ей основание хвоста, он ласково ее попрекнул:

– Нехорошо, старушка, нехорошо.

Затем вновь приступил к делу, избрав, однако, новую позу: уперся головой в бок, вытянул длинные руки и в конце концов после двух-трех неудачных попыток сумел сделать местную анестезию. Тихонько и немелодично насвистывая, он принялся неторопливо вдевать нить в иглу.

Мистер Досон с восхищением следил за ним.

– Оно и понятно, мистер Фарнон, почему у вас на скотину рука такая легкая. Все потому, что терпения у вас хоть отбавляй. Сколько ни живу, а терпеливей вас человека не видывал!

Зигфрид скромно наклонил голову и начал шить. Эта часть операции протекала мирно: корова ничего не чувствовала и длинный ряд аккуратных стежков благополучно и надежно соединил края раны.

Зигфрид обнял старика за плечи.

– Ну вот, Хорас, если подживет благополучно, сосок будет как новый. Но если за него тянуть, он никогда не заживет, а потому, когда будете доить ее, пользуйтесь вот этой штукой.

Он помахал в воздухе флаконом со спиртом, в котором поблескивал сосковый сифон.

– Буду пользоваться, – твердо сказал мистер Досон.
– Всенепременно.

Зигфрид шутливо погрозил ему пальцем.

– Э-эй, не так быстро! Трубку перед употреблением обязательно кипятите, а держите в этой бутылке, не то дело кончится маститом. Ну так могу я на вас положиться?

– Мистер Фарнон! – Старичок выпятил щуплую грудь. – Я все исполню в точности, как вы говорите!

– Вот и молодец, Хорас, – сказал Зигфрид и, еще раз потрепав его по плечу, начал собирать инструменты. – Я загляну недельки через две снять швы.

Мы направились к дверям коровника, но тут дорогу нам преградила внушительная фигура Клода Бленкирона, деревенского полицейского. Щегольская клетчатая куртка и спортивные брюки свидетельствовали, что он находился не при исполнении служебных обязанностей.

– Вижу, что то у тебя в коровнике свет, Хорас. Вот и подумал, может, подсобить надо?

– Спасибо, мистер Бленкирон. Оно бы, конечно, да только вы чуток опоздали. Мы уже сами справились.

Зигфрид засмеялся.

– Вот бы вам, Клод, на полчаса раньше заглянуть! Сунули бы эту скотину себе под мышку, и я бы зашил ее без всяких хлопот!

Великан кивнул, и по его лицу расползлась тихая улыбка. Он выглядел воплощением добродушия, но я, как всегда, почувствовал, что за этой улыбкой прячется холодная сталь. Клода в округе любили. На щедрую

помощь и дружелюбность этого великолепного атлета могли рассчитывать все обитатели его участка, кто в них нуждался. Но хотя он был верной опорой слабых и немощных, нарушители закона и порядка боялись его как огня.

Точно я не знал, но ходили слухи, что Клод предпочитал не затруднять мировых судей пустяками, а творил правосудие тут же на месте подручными средствами. Рассказывали, что на дежурстве он не расстаётся с увесистой дубинкой, и следом за всякими хулиганскими выходками почти обязательно из какого-нибудь темного закоулка доносились отчаянные вопли. Рецидивы случались редко, и в целом порядок на его участке царил образцовый. Я вновь взглянул на его улыбающееся лицо. Да, бесспорно, милейший человек, и все-таки что-то в нем было такое, отчего при одной мысли, что я могу навлечь на себя его гнев, у меня по спине пробежала холодная дрожь.

– Ну тогда ладно, – сказал он. – Я-то вообще в Дарроуби еду, так что позвольте пожелать вам доброй ночи.

– Минуточку, Клод! – Зигфрид взял его за локоть. – Мне надо заехать посмотреть еще одну корову. Вы не могли бы отвезти мистера Хэрриота в город?

– С большим удовольствием, мистер Фарнон, – ответил полицейский и поманил меня за собой.

Я сел в крохотный "моррис-8". Секунд через пять Клод втиснулся за руль, и мы тронулись. Он сразу же принялся рассказывать про то, как ездил недавно в Брадфорд, где участвовал в состязаниях борцов.

Наш путь лежал через деревню Рейнес. Последние дома остались позади, вот дорога начала подниматься к аббатству, и Клод вдруг умолк на полуслове. Затем почти привстал на сиденье и так резко ткнул пальцем, что я даже вздрогнул.

– Туда, туда поглядите. Вон он, этот проклятый монах!

– Где? Где? – спросил я с притворной поспешностью, хотя прекрасно успел заметить силуэт в капюшоне, медленно прошествовавший в лесок.

Клод наступил на педаль газа, и машина вихрем влетела на холм. У гребня он свирепо свернул на обочину и выскочил на траву, а лучи фар в ту же секунду озарили предмет его негодования: высоко подобрав полы своего одеяния, монах во всю мочь улепетывал в чащу.

Великан пошарил на заднем сидении и ухватил что-то вроде тяжелой трости.

– За ним! – крикнул он и ринулся в погоню.

С трудом держась рядом, я пропыхтел:

– Погодите минутку! Что вы сделаете, если все-таки поймаете его?

– Выдублю ему шкуру моей палочкой, – ответил Клод с жуткой категоричностью и, наждав, выскочил из полосы света в темноту. Я потерял его из виду, но слышал, как он колотит палкой по стволам и испускает устрашающие крики.

Мое сердце обливалось кровью от сочувствия к злополучному призраку: мечется бедняга в кромешном мраке, а в ушах у него гремит грозный голос блюстителя порядка. В паническом ужасе я ожидал неизбежного финала. Напряжение становилось почти невыносимым, а Клод продолжал вопить:

– А ну, выходи! Никуда ты не денешься! Выходи, покажись, кто ты! – А палка барабанила и барабанила по стволам.

Я тоже шарил среди кустов, но ничего не нашел. Монах все-таки, видимо, скрылся, и, вернувшись наконец к машине, я увидел рядом с ней гигантский силуэт полицейского.

– Странное дело, мистер Хэрриот, – сказал Клод. – Просто ума не приложу, куда он подевался. Я же его прямо перед собой видел, в первую-то минуту. И из леска он убежать никак не мог: в лунном свете на лугу я бы его сразу углядел. Аббатство я тоже обшарил. Его и там нет. Прямо, как в воздухе растворился.

"Так чего же вы хотите от привидения?" – чуть было не сказал я, но могучая лапища все еще помахивала палкой, и язык меня не послушался.

– Что ж, поехали в Дарроуби, – буркнул полицейский, притоптывая по заиндевевшему дерну. Я вздрогнул под леденящим дыханием поднявшегося восточного ветра и с удовольствием забрался в машину.

В Дарроуби мы с Клодом дружески выпили пару-другую пива в его любимом "Черном Быке", и домой я вернулся только в половине одиннадцатого. Тристана в его комнате не было, и у меня тревожно защемило сердце.

Что-то после полуночи меня разбудили шорохи за стеной, где Тристан обитал в узком длинном помещении, именовавшемся "гардеробной" в дни былого величия, когда дом был молод. Я скатился с кровати и открыл внутреннюю дверь.

Тристан в пижаме крепко обнимал две грелки. Он повернул голову, бросил на меня истомленный взгляд, положил одну грелку в ноги постели, забрался под одеяло, придерживая вторую грелку на груди, и устремил глаза в потолок. Я подошел и с беспокойством оглядел его. Его била такая дрожь, что кровать ходила под ним ходуном.

– Как ты, Трис? – спросил я шепотом.

Минуту спустя он прохрипел еле слышно:

– Промерз до мозга костей, Джим, брр!

– Но где ты все-таки был?

И вновь почти беззвучный хрип:

– В трубе.

– В трубе? В какой трубе? Где?

Голова на подушке слабо перекатилась с боку на бок.

– У леска. Ты что не видел эти трубы возле шоссе?

На меня снизошло озарение.

– Конечно же! В деревне ведь будут делать новый водосток!

– Верно, – шепнул Тристан. – Когда этот верзила ринулся в лес, я сдвоил след и спрятался в трубе. Только богу известно, сколько времени я в ней просидел!

– Но почему же ты не вылез, когда мы уехали?

Тристана сотряс новый припадок озноба, и он на мгновение смежил веки.

– Мне там ничего не было слышно. Я скорчился в три погибели, капюшон закрывал уши, а кругом выл ветер – в этих трубах у него скорость девяносто миль в час, не меньше. Я не расслышал, когда завелся мотор, а выглянуть боялся: ну да как он притаился рядом со своей дубинищей! – Его пальцы нервно пощипывали одеяло.

– Ничего, Трис, – сказал я. – Ты скоро согреешься, поспишь, а утром будешь молодцом.

Тристан словно не расслышал.

– Жуткая вещь эти трубы, Джим! – Он уставился на меня измученными глазами. – Полны грязищи и воняет в них кошачьей мочой!

– Знаю, знаю! – Я положил его руку под одеяло, а одеяло натянул ему на плечи. – Утром все будет хорошо!

Я погасил свет и на цыпочках вышел. Притворяя за собой дверь, я еще слышал дробь, которую выбивали его зубы.

Несомненно, он не просто замерз, но был еще в шоке. И неудивительно! Бедняжка беззаботным привидением шел себе через дорогу, и вдруг визг

тормозов, слепящий свет и почти настигший его страхолюдный великан! Кто бы тут сохранил душевное равновесие?

Утром за завтраком Тристан являл собой грустное зрелище. Он был бледен как полотно, почти ничего не ел и время от времени содрогался от мучительного кашля.

Зигфрид посмотрел на него с легкой усмешкой.

– А я знаю, что тебя довело до такого состояния! Я знаю, почему ты сидишь тут живым трупом, выкашливая легкие!

Тристан замер и по его лицу пробежала судорога.

– Знаешь?

– Да. Мне противно повторять "я же тебе говорил!", но ведь я, правда, не раз тебя предупреждал, разве не так? Всею причиной твои омерзительные сигареты!

Курить Тристан не бросил, но рейнесское привидение больше никому не являлось и по сей день остается неразгаданной тайной.

Несомненно, работа для Гранвилла Беннета. Мне пришлось оперировать мелких животных, и я мало-помалу набил в этом руку, однако этот случай меня напугал. Двенадцатилетняя сука спаниель с запущенным гнойным метритом: гной капает на стол, температура сорок, одышка, дрожь, а в прижатом к ее груди стетоскопе слышатся классические шумы сердечной недостаточности. Только больного сердца тут не хватало!

– Много пьет? – спросил я.

Старушка миссис Баркер испуганно закручивала веревочные ручки своей сумки.

– Очень. Так от миски с водой и не отходит. А есть – ничего не ест. Вот уже четвертый день ни кусочка не проглотила.

– Право, не знаю, что вам и сказать. – Я сунул стетоскоп в карман. – Вам следовало бы давно ее сюда привести. Она ведь больна никак не меньше месяца!

– Да не больна она была. Так, недомогала немножко. А я думала, пока она ест, то и беспокоиться нечего.

Я помолчал. Мне очень не хотелось расстраивать старушку, но скрывать от нее правду было нельзя.

– Боюсь, положение довольно серьезно, миссис Баркер. Процесс развивался долго. Видите ли, у нее в матке идет гнойное воспаление. Очень тяжелое. И вылечить ее может только операция.

– Ну, так вы сделаете, что нужно? – Губы миссис Баркер дрожали.

Я обошел стол и положил руку ей на плечо.

– Я бы с удовольствием, но тут есть трудности. Ей ведь двенадцать лет, и общее состояние у нее тяжелое. Риск очень велик. Я предпочел бы отвезти ее в

ветеринарную клинику в Хартингтоне, чтобы оперировал ее мистер Беннет.

– Ну и хорошо! – Старушка радостно закивала. – И все равно, сколько бы это ни стоило.

– Об этом не беспокойтесь. – Я проводил ее по коридору до входной двери. – А она пусть остается у меня. Не тревожьтесь, я за ней присмотрю. Да, кстати, как ее зовут?

– Дина, – пробормотала миссис Баркер, оглядываясь и щурясь в полумрак коридора.

Я простился с ней и пошел к телефону. Тридцать лет назад деревенские ветеринары в подобных экстренных случаях предпочитали обращаться к специалистам по мелким животным. Теперь, когда наша практика в этом смысле заметно расширилась, положение изменилось. Нынче у нас в Дарроуби есть и сотрудники, и необходимое оборудование для всяческих операций на мелких животных, но тогда дело обстояло по-иному. Меня не раз предупреждали, что рано или поздно любому целителю крупных животных придется взывать о помощи к Гранвиллу Беннету. И вот пришел мой черед.

– Алло, мистер Беннет?

– Он самый. – Голос басистый, дружеский, щедрый.

– Говорит Хэрриот. Партнер Фарнона. Из Дарроуби.

– Как же, как же! Наслышан о вас, малыш. И весьма.

– О... э... спасибо. Видите ли, у меня случай... довольно сложный. Так не могли бы вы?..

– С превеликим удовольствием, малыш. А что такое?

– Запущенный гнойный метрит...

– Какая прелесть!

– Суке двенадцать лет...

– Превосходно...

– Заражение просто страшное...

– Лучше ничего и быть не может!

– И такого скверного сердца мне давно прослушивать не доводилось.

– Расчудесно! Так когда вас ждать?

– Сегодня вечером, если вам удобно. Часов в восемь.

– Более, чем удобно, малыш. Так до скорого.

Хартингтон был довольно большим городом с населением тысяч около двухсот, но на центральных улицах движения уже почти не было, и лишь редкие машины проносились мимо магазинных витрин. Может быть, все-таки я не напрасно проехал эти двадцать пять миль? А вытянувшейся на заднем сидении Дине любой исход, казалось, был безразличен. Я покосился через плечо на бессильно свесившуюся голову, на поседелую морду, на бельма, матово поблескивающие в свете приборной доски на обоих глазах. Какой у нее дряхлый вид! Нет, наверное, я только зря трачу время, уповая на этого мага и кудесника.

Да, бесспорно, на севере Англии Гранвилл Беннет успел стать легендарной фигурой. В дни, когда в нашей профессии специализация была неслыханной редкостью, он посвятил себя работе только с мелкими животными, никогда не занимался ни лошадьми, ни коровами, а свою клинику поставил на самую современную ногу, елико возможно во всем следуя правилам, принятым для больниц и клиник, где лечат людей. А ведь в те дни среди ветеринаров было модно фыркать на собак и кошек. Старые зубры, чья жизнь прошла среди бесчисленного множества рабочих лошадей в городах и на фермах, насмешливо цедили: "Да где мне взять время на этих тварей?" Беннет же упрямо двинулся против течения.

До сих пор мне не доводилось с ним встречаться, но я знал, что он еще совсем молод, лет тридцати с небольшим. Чего только я не слышался и о его врачебном искусстве, и о деловом чутье, и о страсти к радостям жизни! Короче говоря, он слыл

убежденным последователем идеи, что и работать, и жить следует во всю меру своих возможностей.

Ветеринарная клиника помещалась в длинном одноэтажном здании в конце деловой улицы. Я въехал во двор, вылез и постучал в угловую дверь, не без благоговения оглядываясь на сверкающий "бентли", возле которого робко жался мой маленький выдавший виды "остин". Но тут дверь открылась. Передо мной стояла хорошенькая регистраторша.

- Добрый вечер! - с ослепительной улыбкой проворковала она, и я прикинул, что улыбка эта добавила к счету никак не меньше полукроны. - Входите, пожалуйста. Мистер Беннет вас ждет.

Она проводила меня в приемную с журналами и цветами на столике в углу и множеством художественных фотографий собак и кошек по стенам - увлечение, как я узнал позднее, самого владельца клиники. Я разглядывал великолепный снимок двух белых пуделей, когда у меня за спиной послышались шаги. Я оглянулся и увидел Гранвилла Беннета.

Мне показалось, что в приемной сразу стало тесно. Он был не очень высок, но весьма внушителен. "Толстяк", - решил я в первую секунду, но когда он подошел ближе, мой взгляд не обнаружил никаких признаков ожирения: ни дряблостей, ни складок жира, ни округлого брюшка. Передо мной стоял широкоплечий, плотного сложения силач. Впечатление от симпатичного с рублеными чертами лица завершала торчащая изо рта трубка, великолепнее которой мне видеть не доводилось. Над сияющей чашечкой завивались благоуханные колечки дорогостоящего дыма. А размеры! Собственно, в зубах человека не столь импозантного она выглядела бы нелепо, но ему шла необыкновенно. Я успел еще заметить элегантный покрой темного костюма и ослепительные запонки, но тут он протянул мне руку.

– Джеймс Хэрриот! – произнес он тоном, каким кто-нибудь другой сказал бы "Уинстон Черчилль!"

– Совершенно верно.

– Вот и чудесно! Джим, не правда ли?

– А... да-да. Обычно.

– Прелестно. Все уже для вас готово, Джим. Девочки ждут в операционной.

– Вы очень любезны, мистер Беннет...

– Гранвилл! Гранвилл – и все! – Он взял меня под руку и повел в операционную.

Дина уже была там и выглядела очень плачевно. Ей сделали инъекцию, и голова ее сонно клонилась вниз. Беннет подошел к ней и быстро ее осмотрел.

– М-м-м, да! Ну, так к делу!

Две сестры – Беннет держал порядочный штат – вступили в действие, как шестерни хорошо отлаженной машины. Обе прекрасно знали свои обязанности и отличались при этом большой миловидностью. Одна установила подносы с анестезирующими средствами и с инструментами, а вторая умело сжала лапу Дины под суставом, подождала, чтобы лучевая вена вздулась, и быстро выстригла и обработала спиртом нужный участок.

Беннет неторопливо подошел с готовым шприцем и без малейшей задержки ввел иглу в вену.

– Пентотал, – сказал он, когда Дина медленно осела и без сознания вытянулась на столе. Я еще ни разу не видел в употреблении это новейшее анестезирующее средство краткого действия.

Пока Беннет мыл руки и надевал стерильный халат, сестры перевернули Дину на спину и зафиксировали ее в таком положении, привязав к петлям по краю стола. Они надели ей на морду эфирно-кислородную маску, а затем выбрили и протерли спиртом операционное поле. Едва Беннет подошел к столу, как ему в руку уже был вложен скальпель.

С почти небрежной быстротой он рассек кожу и мышцы, а когда прошел брюшину, рога матки, которые у здоровой собаки походили бы на две розовые ленточки, вспучились в разрезе точно два соединенных воздушных шара, тугие, вздутые от гноя. Еще бы Дина не чувствовала себя скверно, таская в животе такое?

Толстые пальцы осторожно продолжали операцию, перевязали сосуды яичников и самой матки, а затем извлекли наружу пораженный орган и бросили его в кювет. Только когда Беннет начал шить, я сообразил, что все уже позади, хотя пробыл он у стола считанные минуты. Со стороны могло показаться, что он делал все играючи, если бы краткие распоряжения сестрам не показывали, насколько операция поглощала все его внимание.

Глядя, как он работает под бестеневой лампой, озаряющей белые кафельные стены вокруг и ряды блестящих инструментов у него под рукой, я вдруг со смешанным чувством осознал, что именно таким мне представлялось мое будущее. Именно об этом я мечтал, когда решил стать ветеринаром. И вот я – потрепанный коровий лекарь... Ну, ладно, – врач, пользующий сельский скот. Но это же совсем, совсем другое! Ничего похожего на мою практику, на вечное увертывание от рогов и копыт, на навоз и пот. И все-таки я ни о чем не жалел. Жизнь, навязанная мне обстоятельствами, принесла с собой волшебную удовлетворенность. Внезапно я с пронзительной ясностью ощутил, что создан не для того, чтобы целыми днями склоняться над таким вот операционным столом, но как раз для того, чтобы с утра до вечера ездить по не огороженным проселкам среди холмов.

Да и в любом случае Беннета из меня не вышло бы. Вряд ли я мог соперничать с ним в хирургическом искусстве, и, уж конечно, у меня не было ни делового

чутья, ни предвидения, ни жгучего честолюбия, о которых свидетельствовало все вокруг.

Мой коллега тем временем завершил операцию и занялся установкой капельницы с физиологическим раствором. Он ввел иглу в вену и обернулся ко мне.

– Ну вот, Джим! Остальное зависит от самой старушки.

Он взял меня за локоть и вывел из операционной, а я подумал, как приятно, наверное, вот так взять и просто уйти после операции. У себя в Дарроуби я начал бы сейчас мыть инструменты, потом оттер бы стол, а в заключении Хэрриот, великий хирург, вымыл бы пол, лихо орудуя ведром и шваброй. Нет, так было несравненно приятнее.

В приемной Беннет надел пиджак, извлек из бокового кармана гигантскую трубку и озабоченно ее осмотрел, словно опасаясь, что в его отсутствие над ней потрудились мыши. Что-то ему не понравилось, и он принялся с глубокой сосредоточенностью протирать ее мягкой желтой тряпочкой. Затем поднял, чуть-чуть покачивая и с наслаждением созерцая игру света на полированном дереве. В заключение он достал колоссальный кисет, плотно набил трубку, благоговейным движением поднес спичку к табаку и зажмурил глаза, выпуская струйки благоуханного дыма.

– Отличный запах! – заметил я. – Что это за табак?

– "Капитанский" экстра. – Он снова зажмурился. – Ну, просто лизал бы этот дым!

Я засмеялся.

– Мне довольно просто "Капитанского"!

Он смерил меня жалостливым взглядом опечаленного Будды.

– Вот уж напрасно, малыш! Курить можно только этот табак. Крепость... Аромат... – Его рука описала в воздухе неторопливую дугу. – Вон, захватите с собой.

Он открыл ящик, и я беглым взглядом оглядел запасы, которые не посрамили бы и табачную лавку, бесчисленные жестянки табака, трубки, ершики, шильца, тряпочки.

– Ну-ка попробуйте, – сказал он. – А потом судите, прав я или не прав.

Я взглянул на жестянку, которую он вложил мне в руку.

– Но я не могу ее взять. Тут же четыре унции!

– Вздор, юноша! Засуньте в карман и никаких разговоров! – Внезапно он оставил небрежный тон и заговорил энергично. – Конечно, вы предпочтете подождать, пока старушка Дина не очнется, так почему бы нам пока не пропустить по кружечке пивка? Я член очень уютного клуба тут совсем рядом через дорогу.

– Что же, с удовольствием!

Походка его для столь массивного человека была на редкость упругой и быстрой, так что я с трудом поспевал за ним, когда мы вышли из приемной и направились к зданию по ту сторону улицы.

Когда я вернулся в клинику к Дине, она подняла голову и сонно посмотрела на меня. Все было в полном, в удивительном порядке. Цвет слизистых нормальный, пульс – хороший. Искусство и быстрая работа моего коллеги во многом предотвратили послеоперационный шок, чему способствовала и капельница.

Я опустился на колени и погладил ее по ушам.

– А знаете, Гранвилл, по-моему, она выкарабкается.

Великолепная трубка над моей головой опустилась в утвердительном кивке.

– Разумеется, малыш. А как же иначе?

И он не ошибся. Гистерэктомия прямо-таки омолодила Дину, и она на радость своей хозяйке прожила еще много лет.

Когда мы ехали обратно, она лежала рядом со мной на переднем сидении, высунув нос из окутавшего ее

одеяла. Порой она тыкала им в мою руку, переводившую рычаг скоростей, или тихонько ее лизала.

Да, она чувствовала себя прекрасно.

Бен Ашби, скототорговец, смотрел через калитку с обычным своим непроницаемым выражением. Из года в год покупая коров у фермеров, он, по-моему, больше всего на свете опасался, что на его лице может мелькнуть хотя бы тень одобрения, не говоря уж о восторге. Когда он осматривал животное, в глазах его не было ничего, кроме разве что кроткой печали.

Как и в это утро, когда, облокотившись о верхнюю слегу, он устремил мрачный взор на телку Гарри Самнера. Несколько секунд спустя он обернулся к фермеру.

– Подвел бы ты ее что ли поближе, Гарри! Разве ж так что-нибудь углядишь! Придется мне перелезть через изгородь. – И он начал неуклюже взбираться на нее, как вдруг увидел Монти. До этой секунды быка заслоняли телки, в компании которых он щипал траву, но тут огромная голова величественно поднялась над их спинами, блеснуло тяжелое кольцо в носу, и до нас донеслось зловеще хриплое мычание. Бык уставился на нас, рассеянно роя землю передней ногой.

Бен Ашби застыл над изгородью, поразмыслил и соскользнул вниз – все на той же стороне.

– А, ладно, – буркнул он, по-прежнему храня непроницаемое выражение. – До них рукой подать. Я и отсюда все угляжу.

Монти сильно изменился с тех пор, как я впервые увидел его за два года до этого утра. Тогда ему едва исполнилось две недели: тощенькое тельце, тоненькие ножки с шишками суставов и голова, по уши засунутая в ведро с пойлом.

– Ну, как вам мой новый бык производитель? – со смехом осведомился Гарри Самнер. – Всего ничего за

целую сотню фунтов!

– Вы столько за него отдали? – Я даже присвистнул.

– Угу. Многовато за новорожденного, а? Да только иначе ньютоновской линии мне не видать как своих ушей. Чтобы взрослого купить, моего капитала не хватит.

В те дни отнюдь не все фермеры были так дальновидны, как Гарри, и обычно случали своих коров с первыми попавшимися быками.

Но Гарри знал, чего он хочет. Он унаследовал от отца небольшую ферму со ста акрами земли и вместе с молодой женой взялся за дело серьезно. Ему только-только исполнилось двадцать, и при первом знакомстве я подумал, что он вряд ли сумеет вытянуть – таким хрупким он выглядел. Бледное лицо, большие ранимые глаза и худенькие плечи как-то плохо вязались с необходимостью с понедельника до понедельника доить, задавать корм и выгребать навоз, то есть делать все то, из чего складывается ведение молочного хозяйства. И я ошибся.

Бесстрашие, с каким он решительно ухватывал задние ноги брыкающихся коров, чтобы я мог их осмотреть, упрямая решимость, с какой он повисал на мордах могучих животных во время проверки на туберкулез, быстро заставили меня переменить мнение о нем. Он работал непокладая рук, не признавая усталости, и в его характере было отправиться на юг Шотландии за хорошим быком-производителем.

Стадо у него было айрширской породы – большая редкость среди йоркширских холмов, где царили шортгорны, и бесспорно, добавление прославленной ньютоновской крови много способствовало бы улучшению потомства.

– У него в роду одни призовики и с отцовской, и с материнской стороны, – объяснил Гарри. – И кличка

аристократическая, хоть бы и для человека. Ньютон Монтморенси Шестой! А попросту – Монти.

И, словно узнав свое имя, теленок извлек голову из ведра и посмотрел на нас. Мордочка у него выглядела на редкость забавно чуть ли не по глаза перемазана в молоке, губы и нос совсем белые. Я перегнулся через загородку в загон и почесал жесткий лобик, ощущая под пальцами две горошинки – бугорки будущих рогов. Поглядывая на меня ясными бесстрашными глазами, Монти несколько секунд позволил себя ласкать, а затем опять уткнулся в ведро.

В ближайшие после этого недели мне приходилось часто заезжать к Гарри Самнеру, и я не упускал случая лишний раз взглянуть на его дорогую покупку. Теленок же рос не по дням, а по часам, и уже можно было понять, почему он стоил сто фунтов. В загоне вместе с ним Гарри держал еще трех телят от своих коров, и сразу бросалось в глаза, насколько Монти превосходил их. Крутой лоб, широко расставленные глаза, мощная грудь, короткие прямые ноги, красивая ровная линия спины от шеи до основания хвоста. В Монти чувствовалась избранность, и, пусть еще совсем малыш, он по всем статьям был настоящим быком.

Ему шел четвертый месяц, когда Гарри позвонил и сказал, что у него, кажется, развилась пневмония. Я удивился, потому что погода стояла ясная и теплая, а в коровнике, где содержался Монти, сквозняков не было. Но едва я увидел бычка, как подумал, что его хозяин, наверное, не ошибся. Тяжело вздымающаяся грудная клетка, температура сорок с половиной – картина прямо-таки классическая. Но когда я прижал к его груди стетоскоп, то влажных хрипов не услышал – да и вообще никаких. Легкие были совершенно чистыми. Я водил и водил стетоскопом по груди – нигде ни хрипа, ни присвиста, ни малейших признаков воспаления.

Да, хорошенький ребус! Я обернулся к фермеру.

– Очень странно, Гарри. Он, конечно, болен, но симптомы не складываются в четкую картину.

Я отступил от заветов моих наставников. Ветеринар, у которого я проходил первую студенческую практику, сразу же сказал мне: "Если не поймешь, что с животным, ни в коем случае не признавайся в этом! А поскорее придумай название – ну, там, "болезнь Макклюски" или "скоротечная оперхотизация" – словом, что хочешь, только скорее!" Но сейчас вдохновение все не нисходило, и я беспомощно смотрел на задыхающегося теленка с испуганными глазами.

Снять симптомы... Вот-вот! У него температура, значит, надо для начала ее снизить. Я пустил в ход весь свой жалкий арсенал жаропонижающих средств, сделал инъекцию неспецифической антисыворотки, прописал микстуру кислотного меланжа, но следующие два дня показали, что эти проверенные временем панацеи никакого действия не оказывают.

Утром четвертого дня Гарри сказал, когда я еще только вылезал из машины:

– Он сегодня ходит как-то странно, мистер Хэрриот. И словно бы ослеп.

– Ослеп!

Может быть, какая-то нетипичная форма свинцового отравления? Я бросился в телятник, но не обнаружил на стенах ни малейших следов краски, а Монти ни разу их не покидал с тех пор, как водворился тут.

К тому же, внимательно к нему приглядевшись, я обнаружил, что в строгом смысле слова он и не слеп. Глаза у него были неподвижны и слегка заведены вверх, он бродил по загону, спотыкаясь, но замигал, когда я провел ладонью у него перед мордой. И уж совсем в тупик меня поставила его походка – деревянная, на негнущихся ногах, как у заводной игрушки, и я принялся мысленно цепляться за диагностические соломинки: столбняк?... да нет...

менингит?.. тоже нет... и это – нет. Я всегда старался сохранять профессиональное спокойствие, хотя бы внешне, но на этот раз лишь с большим трудом подавил желание поскрести в затылке и с разинутым ртом постоять перед теленком.

Я постарался поскорее уехать и сразу же погрузился в размышления, поглядывая на дорогу впереди. Моя неопытность была плохой опорой, но патологию и физиологию я как-никак знал достаточно, и обычно, не поставив диагноза сразу, нащупывал верный путь с помощью логических рассуждений. Только тут никакая логика не помогала.

Вечером я вытащил свои справочники, студенческие записи, подшивки ветеринарного журнала – ну, словом все, где так или иначе упоминались болезни телят. Конечно, где-нибудь да отыщется ключ к разгадке. Однако толстые тома справочников по инфекционным и неинфекционным болезням ничего мне не подсказали. Я уже почти отчаялся и вдруг, перелистывая брошюру о болезнях молодняка, наткнулся на следующий абзац: "Своеобразная деревянная походка, неподвижный взгляд, глаза чуть завернуты кверху; иногда затрудненное дыхание в сочетании с повышенной температурой". Каждое слово запылало огненными буквами, я прямо почувствовал, как неведомый автор ласково похлопывает меня по плечу и говорит: "Ну, вот, а ты волновался! Все же ясно как божий день!"

Я кинулся к телефону и позвонил Гарри Самнеру.

– Гарри, а вы не замечали, Монти и другие телята лижут друг друга?

– Да с утра до ночи, паршивцы! Любимая их забава. А что?

– Просто я знаю, что с вашим бычком. Его мучает волосяной шар.

– Волосяной шар? Где?

– В сычуге. В четвертом отделе желудка. Из-за него и все эти странные симптомы.

– Провалиться мне на этом месте! Но что теперь делать-то?

– Пожалуй, без операции не обойтись. Но я все-таки сначала попробую напоить его жидким вазелином. Может, вы заедете? Я оставлю бутылку на крыльце. Дайте ему полпинты сейчас же, и такую же дозу с утра. Не исключено, что эта дрянь сама выскользнет на такой смазке. Завтра я его посмотрю.

Особой надежды я на жидкий вазелин не возлагал. Пожалуй, я и предложил-то испробовать его только для того, чтобы немножко оттянуть время и собраться с духом для операции. Действительно, на следующее утро я увидел то, что и ожидал. Монти все также стоял на негнущихся ногах и все так же слепо смотрел прямо перед собой. Маслянистые потеки вокруг заднего прохода и на хвосте свидетельствовали, что жидкий вазелин просочился мимо препятствия.

– Он уже три дня ничего не ел, – сказал Гарри. – Долго ему так не выдержать.

Я перевел взгляд с его встревоженного лица на понурого теленка.

– Вы совершенно правы. И спасти его можно только, если мы сейчас же, не откладывая, уберем этот шар. Вы согласны, чтобы я попробовал?

– Угу. Чего же откладывать? Чем быстрее, тем лучше.

Гарри улыбнулся мне улыбкой, полной доверия, и у меня защемило внутри. Никакого доверия я не заслуживал, и уж тем более потому, что в те дни хирургия желудка рогатого скота пребывала еще в зачаточном состоянии. Некоторые операции мы делали постоянно, но удаление волосяных шаров в их число не входило, и все мои познания в этой области сводились к

двум-трем параграфам учебника, набранным мелким шрифтом.

Но молодой фермер полагался на меня. Он думал, что я сделаю все, что надо и как надо, а потому выдать ему свои сомнения я никак не мог. Именно в таких ситуациях я начинал испытывать мучительную зависть к моим сверстникам, посвятившим себя лечению людей. Они, установив, что пациент нуждается в операции, благополучно отправляли его в больницу, ветеринар же просто стягивал пиджак и преображал в операционную какой-нибудь сарай, а то и стойло.

Мы с Гарри принялись кипятить инструменты, расставлять ведра с горячей водой и устраивать толстую подстилку из чистой соломы в пустом стойле. Как ни слаб был теленок, потребовалось почти шестьдесят кубиков нембутала, чтобы он, наконец, уснул. Но вот он лежит на спине, зажатый между двумя тюками соломы, а над ним болтаются его копытца. И мне остается только приступить к операции.

В жизни все выглядит совсем не так, как в книгах. На картинках и схемах – простота и легкость! Но совсем другое дело резать живое существо, когда его живот мягко приподнимается и опадает, а из-под скальпеля сочится кровь. Я знал, что сычуг расположен вот тут, чуть правее грудины, но, когда я прошел брюшину, все замаскировал скользкий, пронизанный жиром сальник. Я отодвинул его, но тут левый тюк сдвинулся, Монти накренился влево и в рану хлынули кишки. Я уперся ладонью в блестящие розовые петли. Не хватало еще, чтобы внутренности моего пациента вывалились на солому прежде, чем я хотя бы добрался до желудка.

– Гарри, положите его прямее на спину, а тюк подтолкните на прежнее место! – просипел я. Фермер тотчас исправил положение, но кишки совсем не жаждали возвращаться восвояси и продолжали кокетливо выглядывать наружу, пока я нащупывал

сычуг. Откровенно говоря, меня охватила растерянность и сердце болезненно застучало, но тут я почувствовал под пальцами что-то жесткое. Оно передвигалось за стенкой одного из отделов желудка... Только вот какого? Я ухватил покрепче и приподнял желудок в ране. Да, это сычуг! А жесткое внутри, наверное, волосяной шар.

Отразив очередную попытку кишок вылезти на первый план, я взрезал желудок и впервые увидел причину всех бед. И вовсе это был не шар, а почти плоский колтун волос, смешанный с клочьями сена и творожистой массой. Его покрывала блестящая пленка вазелинового масла. Он был плотно прижат к пилорическому сфинктеру.

Я аккуратно извлек его через разрез и бросил на солому. Потом зашил разрез на желудке, зашил мышечный слой, начал сшивать кожу – и вдруг почувствовал, что по лицу у меня ползут струйки пота. Я сдул каплюшку с носа, и тут Гарри нарушил молчание:

– До чего же сложная работа, а? – Он засмеялся и похлопал меня по плечу. – Бьюсь об заклад, когда вы в первый раз такую операцию делали, у вас руки-ноги тряслись.

Я продернул шелковинку и завязал узел.

– Вы правы, Гарри, – сказал я. – Ах, как вы правы!

Я кончил, и мы укрыли Монти попоной, на которую навалили соломы, так что только его мордочка выглядывала наружу. Я нагнулся и потрогал уголок глаза. Никакой реакции. Сон что-то чересчур глубокий. Не слишком ли много я закатил ему нембутала? А послеоперационный шок? Уходя, я оглянулся на неподвижного теленка. На фоне голых стен стояла он выглядел очень маленьким и беззащитным.

До конца дня я был занят по горло, но вечером нет-нет, да и вспоминал Монти. Очнулся ли он? А что, если он сдох? Я впервые сделал такую операцию и

совершенно не представлял, какое действие она может оказать на теленка. И все время меня грызла мысль о том, каково сейчас Гарри Самнеру. Бык – уже полстада, гласит присловье, а половина будущего стада Гарри Самнера лежит в стойле под соломой... Больше ему таких денег не собрать!

Я вскочил с кресла как ужаленный. Нет, так невозможно! Надо сейчас же узнать, что там происходит. С другой стороны, если я вернусь ни с того ни с сего, то выдам свою неуверенность, покажу себя зеленым юнцом... А, ладно! Всегда можно сказать, что я где-то забыл скальпель...

Службы тонули во мраке. Я тихонько пробрался к стойлу, посветил фонариком – и сердце у меня екнуло: теленок лежал в той же позе. Я встал на колени и сунул руку под попону. Слава богу, дышит! Но прикосновение к глазу опять не вызвало никакой реакции. Либо он умирал, либо никак не мог очнуться от нембутала.

Из глубокой тени двора я покосился на мягко светящееся окно кухни. Никто не слышал моих шагов. Я прокрался к машине и уехал, страдая от мысли, что так ничего и не прояснилось, и мне по-прежнему остается только гадать об исходе операции.

Утром я повторил свой ночной визит, но, шагая на негнущихся ногах по двору, я знал, что на этот раз меня впереди ждет что-то определенное. Либо он сдох, либо чувствует себя лучше. Я открыл дверь коровника и зарысил по проходу. Вот оно, третье стойло! Я тревожно заглянул в него.

Монти перевалился на грудь. Он все еще был укрыт попоной и соломой и выглядел довольно кисло, но, когда корова, бык или теленок лежит на груди, я наполняюсь надеждой. Напряжение схлынуло как волна: операцию он выдержал, самое трудное осталось позади, и, встав рядом с ним на колени и почесывая ему голову, я твердо знал, что все будет хорошо.

И действительно, температура и дыхание у него стали нормальными, глаза утратили неподвижность, ноги обрели гибкость. Меня захлестывала радость, и, как учитель к любимому ученику, я проникся к этому бычку нежным собственническим чувством. Приезжая на ферму, я непременно заглядывал к нему, а он всегда подходил поближе и глядел на меня с дружеским интересом, словно платя мне взаимностью.

Однако примерно через год я начал подмечать какую-то перемену. Дружеский интерес постепенно исчез из его глаз, сменившись задумчивым, взвешивающим взглядом, и тогда же у него развилась привычка слегка потряхивать головой при виде меня.

– Я бы на вашем месте, мистер Хэрриот, перестал бы заходить к нему в стойло. Он растет и, сдаётся мне, скоро начнет озоровать.

Только "озоровать" было не тем словом. У Гарри выдалась на ферме долгая спокойная полоса, и когда я снова увидел Монти, ему было почти два года. На этот раз речь шла не о болезни. Но две коровы у Гарри отелились раньше срока, и с типичной для него предусмотрительностью он попросил меня проверить все стадо на бруцеллез.

С коровами никаких хлопот не было, и час спустя передо мной уже выстроился длинный ряд наполненных кровью пробирок.

– Ну, вот! – сказал Гарри. – Остается только бык, и дело с концом. – Он повел меня через двор в телятник, где в глубине было стойло быка.

Гарри открыл верхнюю половину двери, и я, заглянув внутрь, даже попятился. Монти был колоссален. Шея с тяжелыми буграми мышц поддерживала такую огромную голову, что глаза казались совсем крохотными. И в этих глазках теперь не было и тени дружелюбия. Они вообще ничего не выражали и только поблескивали – черно и холодно. Он

стоял ко мне боком, почти упираясь мордой в стену, но я знал, что он следит за мной: голова пригнулась и огромные рога медленно и грозно прочертили в побелке две глубокие борозды, обнажившие камень. Раз-два-три он утробно фыркнул, храня зловещую неподвижность. Монти был не просто бык, но воплощение угрюмой неодолимой силы.

Гарри ухмыльнулся на мои выпученные глаза.

– Может, заскочите туда почесать ему лобик? Помнится, было у вас такое обыкновение.

– Нет уж, спасибо! – Я с трудом отвел взгляд от чудовища. – Интересно, загляни я к нему, долго ли я прожил бы?

– Ну может, с минуту, – задумчиво ответил Гарри. – Бык он, что надо, тут я не просчитался, только вот норов у него очень подлый. Я с ним всегда ухо остро держу.

– Ну, и как же, – осведомился я без особого энтузиазма, – я возьму у него кровь для анализа?

– Так я ему голову прищемлю. – И Гарри указал на металлическое ярмо над кормушкой, вделанной в небольшое открытое окно в дальнем конце стойла. – Сейчас я его на жмых подманю.

Он удалился по проходу, и минуту спустя я увидел, как он со двора накладывает жмых в кормушку.

Бык сначала словно бы ничего не заметил и только еще раз неторопливо боднул стену, но затем повернулся все с той же грозной медлительностью, сделал три-четыре величественных шага и опустил нос в кормушку. Где-то за стеной Гарри нажал на рычаг, и ярмо с грохотом упало на могучую шею.

– Давайте! – крикнул невидимый фермер, повиснув на рычаге. – Я его держу. Входите!

Я открыл нижнюю створку двери и вошел в стойло. Конечно, голова у быка была надежно защемлена; но мне стало немножко холодно от того, что я очутился

рядом с ним в таком тесном пространстве. Пробравшись вдоль массивного бока, я положил ладонь на шею и почувствовал дрожь ярости, пронизывавшую мощные мышцы. Вдавив пальцы в яремный желобок, я нацелил иглу и смотрел, как вздувается вена. Проколоть эту толстую кожу будет нелегко!

Когда я вонзил иглу, бык напрягся, но остался стоять неподвижно. В шприц потекла темная кровь, и мне стало легче на душе. Слава богу, я сразу же попал в вену и можно будет не колоть снова, ища ее. Я извлек иглу, подумал, что все обошлось легче легкого... И вот тут началось! Бык издал оглушительное мычание и рванулся ко мне, словно не он миг назад стоял как каменный истукан. Я увидел, что он высвободил один рог из ярма и, хотя еще не мог дотянуться до меня головой, толкнул в спину плечом, и я с паническим ужасом ощутил, какой сокрушающей силой он налит. Со двора донесся предостерегающий крик Гарри, и, кое-как вскочив на ноги, я краем глаза заметил, что бешено рвущееся чудовище почти высвободило второй рог, а когда я выбрался в проход, громко лязгнуло сброшенное ярмо.

Тот, кому доводилось бежать по узкому проходу, лишь на три шага опережая фыркающую, тяжело топчущую смерть весом около тонны, без труда догадается, что мешкать я не стал. Меня подстегивала мысль, что Монти, выиграв он этот забег, расквасит меня об стену с такой же легкостью, с какой я мог бы раздавить перезрелую сливу, и, несмотря на длинный клеенчатый плащ и резиновые сапоги, я продемонстрировал такой рывок, что ему позавидовал бы любой олимпийский рекордсмен.

Двери я достиг на шаг впереди, рыбкой нырнул в нее и захлопнул за собой створку. Из-за угла стояла выскочил Гарри Самнер, белый как мел. Своего лица я не видел, но по ощущению оно было заметно блее.

Даже губы у меня заledenели и утратили всякую чувствительность.

– Господи! Вы уж простите! – хрипло сказал Гарри. – Наверное, ярмо толком не защелкнулось – шея-то у него вон какая! Рычаг у меня из рук просто вырвало. Черт! Ну и рад же я, что вы выбрались! Я уж думал, вам конец.

Я поглядел на свой кулак. В нем все еще был крепко зажат наполненный кровью шприц.

– Ну, кровь я у него тем не менее взял, Гарри. А это главное: меня пришлось бы долго уговаривать, чтобы я снова к нему сунулся. Боюсь, вы присутствовали при конце такой чудесной дружбы!

– Дурень чертов! – Секунду-другую Гарри прислушивался, как грохочут о дверь стойла рога Монти. – А вы-то еще столько для него сделали! Хорошенькое он вам "спасибо" сказал.

Пожалуй, самым драматичным событием в истории ветеринарной практики явилось исчезновение рабочей лошади. Даже не верится, что эта опора и гордость нашей профессии сошла на нет за какие-то считанные годы. И произошло это у меня на глазах.

Когда я обосновался в Дарроуби, трактор уже начал свое победное шествие, но в сельской общине традиции очень живучи, и лошадей и там и в окрестностях было еще много. Чему мне следовало только радоваться, так как ветеринарное образование, которое я получил, строилось вокруг лошади, а все остальное было весьма второстепенным дополнением. Во многих отношениях обучение наше было вполне научным, и все же по временам мне мерещилось, что люди, его планировавшие, мысленно видели перед собой дипломированного коновала в цилиндре и сюртуке, существующего в мире подвод и конных фургонов.

Анатомию лошади мы изучали в мельчайших подробностях, остальных же животных куда более поверхностно. И то же наблюдалось во всех других дисциплинах, начиная от ухода за животными, когда мы постигали все тонкостиковки, превращаясь в заправских кузнецов, и кончая фармакологией и хирургией. О сапе и мыте нам полагалось знать куда больше, чем о чуме у собак. Но и корпя над всем этим, мы, зеленые юнцы, понимали, что это глупо, что ломовая лошадь уже стала музейным экспонатом и работать нам предстоит главным образом с рогатым скотом и мелкими животными.

Тем не менее мы потратили столько времени и сил на овладение лошадиными премудростями, что все-таки найти пациентов, для лечения которых эти знания

могли пригодиться, было, как я уже сказал, очень приятно. Пожалуй, в первые два года я лечил рабочих лошадей чуть ли не каждый день, и пусть я не был и никогда не буду специалистом по лошадям, но и меня покоряла своеобразная романтика заболеваний и травм, названия которых порой восходили к средневековью. Заковка, гниение стрелки, нагноение холки, свищи, плечевой вывих – ветеринары лечили все это из столетия в столетие, пользуясь почти теми же лекарствами и приемами, что и я. Вооруженный прижигателями и коробкой с пластырями я решительно плюхнулся в извечный стрежень ветеринарной жизни.

И вот теперь, на исходе третьего года, струя эта, если и не пересохла, то настолько ослабела, что становилось ясно: не за горами день, когда она и вовсе иссякнет. В какой-то мере это означало определенное облегчение жребия ветеринарного врача, поскольку работа с лошадьми была физически наиболее трудной, и самой требовательной из наших обязанностей.

А потому, глядя на этого трехлетнего мерина, я вдруг подумал, что подобные вызовы теперь далеко не так часты, как совсем еще недавно. На боку у него была длинная рваная, хотя и неглубокая рана там, где он напоролся на колючую проволоку, и при каждом движении края ее расходились. Деваться было некуда ее следовало побыстрее зашить.

Лошадь была привязана в стойле за голову, и правый ее бок прижимался к высокой деревянной перегородке. Работник, дюжий детина шести футов роста, крепко ухватил уздечку и привалился к яслям, а я начал вдувать в рану йодоформ. Меринок отнесся к этому спокойно, что было утешительно, так как он мог похвастать весьма могучим сложением и от него прямо-таки исходило ощущение жизнерадостной силы. Я вдел шелковинку в иглу, чуть приподнял край раны и прошил его "Ну, все в порядке!" – подумал я, прокалывая край

напротив, но тут мой пациент судорожно дернулся, и мне почудилось, что прямо по мне просвистел ураганный ветер, а он вновь стоял, прижимаясь к перегородке, словно ничего не произошло.

Когда лошадь меня лягала, это всегда оказывалось полной неожиданностью. Просто поразительно, с какой молниеносной быстротой способны взметнуться эти могучие ноги. Тем не менее в его попытке ударить меня сомневаться не приходилось игла бесследно исчезла вместе с шелковинкой, лицо дюжего работника побелело, и он смотрел на меня выпученными глазами, а мой "габардиновый макинтош" пришел в удивительное состояние – словно кто-то старательно располосовал его спереди лезвием бритвы на узкие полоски, которые теперь лохмотьями свисали до пола. Огромное подкованное копыто прошло в одном-двух дюймах от моих ног, но с макинтошем я мог распрощаться навсегда.

Я стоял, ошалело оглядываясь, и тут от дверей донесся бодрый голос:

– А, мистер Хэрриот! Да что же это он натворил? – Клифф Тайрман, старый конюх, поглядел на меня с досадливой усмешкой.

– Чуть не отправил меня в больницу, Клифф, – ответил я с дрожью. – Промaxed самую малость. Меня как ветром обдало.

– А что вы делали-то?

– Попробовал было зашить рану. Но больше и пытаться не стану, а съезжу сейчас за намордником и хлороформом.

– Да на что вам хлороформ? – возмутился Клифф. – Я сам его подержу, и можете ни о чем не беспокоиться.

– Извините, Клифф! – Я покосился на его щуплую фигуру и начал убирать шовный материал, ножницы и йодоформ. – У вас легкая рука, я знаю, но он уже разок попробовал до меня добраться, и больше я ему такого

удовольствия предоставлять не намерен. Мне что-то не хочется остаться хромым до конца моих дней.

Невысокий жилистый конюх словно весь подобрался. Он выставил вперед голову и смерил меня воинственным взглядом.

– Да что вы городите? – Он яростно обернулся к дюжему работнику, который все еще крепко держал уздечку, хотя его мертвенная бледность успела приобрести слегка зеленоватый оттенок. – Иди-ка ты отсюда, Боб! Так перетрусил, что и лошадь напугал. Иди-иди, его я подержу.

Боб с облегчением выпустил уздечку и с виноватой ухмылкой бочком пробрался мимо мерина. Он был выше Клиффа по меньшей мере на голову.

Происшедшее, казалось, возмутило Клиффа до глубины души. Он взял уздечку и посмотрел на мерина укоризненным взглядом, как учитель на расшалившегося ученика. А тот, в явном возбуждении прижал уши и запрыгал, грозно стуча копытами по каменным плитам пола. Но стоило щуплому конюху ударить его кулачком по ребрам снизу, и он сразу встал как вкопанный.

– У, олух царя небесного! Стой смирно, кому говорю! Что это ты выделяешь, а?! – рявкнул Клифф и опять ударил кулачком по крутым ребрам. Особой боли такой слабенький удар причинить не мог, но мерин тотчас стал само послушание. – Лягаться вздумал, а? Я те полягаюсь! – Клифф дернул уздечку, устремив на лошадь гипнотический взгляд. Потом кивнул мне. – Беритесь за дело, мистер Хэрриот, он вас не пришибет.

Я нерешительно взглянул на лошадь – такую большую, такую грозную! Ветеринарам постоянно приходится с открытыми глазами идти навстречу заведомой опасности, и, полагаю, на каждого это действует по-разному. Меня порой излишне живое воображение ввергало в дрожь, рисуя самые жуткие

картины, и вот теперь я даже с некоторым сладострастием прикидывал, какой мощью обладают эти огромные в глянцевитой шерсти ноги, как тверды эти широкие копыта, обведенные узкой полоской металла. Размышления мои прервал голос Клиффа.

– Да не прохлаждайтесь, мистер Хэрриот, говорю же, он вас не пришибет!

Я снова открыл ящик с инструментами и дрожащими пальцами вдел новую шелковинку в новую иглу. Собственно, выбора у меня не было – Клифф не спрашивал, он приказывал. Придется рискнуть еще раз.

Когда я, еле переставляя ноги, вернулся на прежнее место, думаю, вид у меня был не слишком внушительным: спотыкаюсь о дикарскую юбочку, в которую превратились полы моего макинтоша, вновь протянутые к ране пальцы дрожат, в ушах гремит кровь. Но я напрасно мучился. Клифф оказался совершенно прав, и мерин меня не пришиб. Собственно говоря, он даже ни разу не шелохнулся и, казалось, сосредоточенно слушал, что ему шепчет Клифф, придвинувший лицо к самой его морде. Я вдувал йодоформ, шил и защемлял, словно демонстрируя методику на анатомической модели. С хлороформом, пожалуй, было бы даже не так удобно.

Когда я с величайшим облегчением покинул стойло и начал опять убирать инструменты, монолог возле лошадиной морды заметно изменился по тону. Угрожающее ворчанье все больше переходило в нежную насмешливость.

– Ну видишь, окаянная твоя душа, что зря ты свои коленца выкидывал! Ты же у нас умница, верно? Ты у нас молодец! – ладонь Клиффа ласково скользнула по шее, и могучая лошадь потерлась о него мордой, как доверчивый и послушный щенок.

Медленно выходя из стойла, Клифф успел похлопать мерина по спине, боку, животу, крупу и даже

шутливо подергал репицу, а недавнее злобное чудовище блаженно подчинялось этим ласкам.

Я вытащил из кармана пачку сигарет.

– Клифф, вы чудо. Не хотите закурить?

– Это будет, как свинью клубникой угощать, – ответил конюх и высунул язык, на котором покоился кусок табачной жвачки. – Без этого я никуда. Как суну с утра, так хожу до ночи. А вы и не догадались?

Вероятно, вид у меня был до смешного удивленный. Во всяком случае, маленькое обветренное лицо расползлось в довольной улыбке. И глядя на эту улыбку, такую мальчишескую, такую победную, я невольно задумался над тем, какой феномен представляет собой Клифф Тайрман.

В местах, где закаленность и долговечность были правилом, он тем не менее выглядел чем-то исключительным. В первый раз я увидел его почти за три года до этого дня – он бегал между коровами, хватал их за морды и удерживал, словно без малейших усилий. Я решил, что передо мной человек средних лет, но на редкость хорошо сохранившийся. На самом же деле ему было уже под семьдесят. Несмотря на щуплость, он был внушителен – длинные болтающиеся руки, твердая косолапая походка, набыченная голова придавали ему вызывающий вид, точно он шел по жизни напролом.

– Вот не думал, что увижу вас нынче, – сказал я. – Говорили, у вас пневмония.

Он пожал плечами.

– Есть малость. Первый раз валяюсь с тех пор, как сопляком был.

– Так зачем же вы встали? – Я поглядел на тяжело вздымающуюся грудь, на полуоткрытый рот. – Когда вы его держали, я слышал, какие у вас хрипы.

– Да нет, не для меня это. Денек-другой, я и вовсе оклемаюсь. – Он схватил лопату и принялся энергично

сгребать кучу конских яблок, сипло и тяжело дыша.

Харленд-Грейндж, большая ферма у подножия холмов, была окружена пахотными землями, и в свое время в длинном ряду стойл этой конюшни не нашлось бы ни одного свободного. Двадцать с лишним лошадей – и по меньшей мере для двенадцати из них каждый день находилась работа. А теперь их осталось две: молодой мерин, которому я зашил рану, и дряхлый конь серой масти по кличке Барсук.

Клифф был главным конюхом, а когда произошел переворот, и лошадей свергли с бывшего престола, без жалоб и стенаний пересел на трактор, не брезгуя и никакими другими работами. Это было типично и для множества других, таких же как он, сельских работников повсюду в стране. Лишившись дела всей своей жизни, оказавшись перед необходимостью начать все с начала, они не подняли вопля, а просто взялись за новое дело. Собственно говоря, люди помоложе перешли на машины с жадностью и показали себя прирожденными механиками.

Но для старых знатоков, вроде Клиффа, что-то невосвратимо рухнуло. Он, правда, любил повторять: "На тракторе-то сидеть оно куда сподручнее – прежде-то за день так по полю находишься, что ног под собой не чувствуешь!" Но любовь к лошадям он сохранял в полной мере – то чувство товарищества между работником и рабочей лошадью, которое крепло в нем еще с дней детства и осталось у него в крови навсегда.

В следующий раз я приехал в Харленд-Грейндж к откармливаемому бычку, который подавился куском турнепса, но пока я возился с ним, хозяин, мистер Гиллинг, попросил меня взглянуть на старого Барсука.

– Он что-то все кашляет. Может, конечно, возраст, но вы все-таки его посмотрите.

Старый конь теперь стоял в конюшне в полном одиночестве.

– Трехлетку я продал, – объяснил фермер. – Но старичка придержу. Не трактор же гонять, если надо какую-нибудь мелочь перевезти.

Я покосился на вытесанное как из гранита лицо. По виду его никак нельзя было заподозрить в мягкосердечности, но я догадывался, почему он не расстался со старым конем. Ради Клиффа.

– Ну, Клифф, во всяком случае, будет рад, – сказал я. Мистер Гиллинг кивнул.

– Да уж, другого такого лошаdnика поискать. Водой не разольешь. – Он усмехнулся. – Помнится, хоть и давненько это было, как Клифф поругается со своей хозяйкой, так уйдет в конюшню на всю ночь посидеть с лошаdками. Сидит там час за часом и покуривает. Он тогда еще табак не жевал.

– А Барсук у вас тогда уже был?

– Угу. Мы ж его вырастили. Клифф ему вроде бы как восприемник. Дурачок, помню, задницей вперед шел, ну, и пришлось нам повозиться, чтобы его вытащить! – Он улыбнулся. – Наверное, потому Клифф всегда его и отличал. Работать на Барсуке никому другому не давал, только сам – год за годом, год за годом. И до того им гордился, непременно ленты ему в гриву вплетет и все бляхи на упряжи начистит, если, скажем, ехал на нем в город. – Он задумчиво покачал головой.

Дряхлый коняга оглянулся с легким любопытством, услышав мои приближающиеся шаги. Ему было под тридцать, и весь его облик говорил о тихой старости – торчащие тазовые кости, поседелая морда, провалившиеся глаза, полные благожелательности. Я собирался измерить ему температуру, но тут он издал резкий лающий кашель, который подсказал мне, что с ним такое. Минуты две я наблюдал, как он дышит, и второй симптом также оказался налицо. Дальнейшего осмотра не требовалось.

– У него запал, мистер Гиллинг, – сказал я. – А точнее эмфизема легких. Видите, как у него дважды вздергивается живот при выдохе? Дело в том, что его легкие утратили эластичность и, чтобы вытолкнуть из них воздух, требуется дополнительный нажим.

– А причина в чем?

– В первую очередь, конечно, возраст. Но он немного простужен, вот все и стало гораздо заметнее.

– Но пройти-то может? – спросил фермер.

– Ему станет полегче, когда он разделается с простудой, но совсем здоровым, боюсь, ему уже никогда не быть. Я дам вам лекарство, которое смягчит его кашель. Подмешивайте ему в воду.

Я сходил к машине и вернулся с отхаркивающей мышьяковой микстурой, которой мы тогда пользовались.

Прошло примерно полтора месяца, и как-то вечером часов около семи мне опять позвонил мистер Гиллинг.

– Вы бы не приехали поглядеть Барсука? – спросил он.

– А что с ним? Опять плохо дышит?

– Да нет. Кашлять он кашляет, но вроде бы особенно из-за этого не мучается. Нет, у него, по-моему, колики. Сам я уехать должен, так вас Клифф проводит.

Старый работник ждал меня во дворе с керосиновым фонарем. Подойдя к нему, я с ужасом воскликнул:

– Боже мой, Клифф! Что вы с собой сделали?

Лоб и щеки у него были сплошь в ссадинах и царапинах, а нос, весь ободранный, торчал между двумя синяками.

Тем не менее он ухмыльнулся, а в глазах у него запрыгали смешливые искорки.

– Да с велосипеда намедни грохнулся. Наехал на камень, ну и перекувыркнулся через руль задницей вверх. – При этом воспоминании его разобрал хохот.

– Но черт подери, почему вы к доктору не сходили? Нельзя же вам разгуливать в таком виде!

– К доктору? А чего у них время зря отнимать? Эка невидаль! – Он потрогал рассеченный подбородок. – Один денек пришлось-таки перевязаться, а теперь все поджило.

Я только головой покачал и пошел за ним в конюшню. Он повесил фонарь на столб и направился к коню.

– Ума не приложу, что с ним такое, – сказал он. – Вроде бы ничего такого и нет, а все-таки не все у него в порядке.

Особых признаков сильной боли заметно, действительно, не было, но Барсук все время переступал с ноги на ногу, словно ощущал какую-то неловкость в животе. Температура оказалась нормальной, и никаких симптомов возможных болезней мне обнаружить не удалось.

Я еще раз оглядел его с некоторым сомнением.

– Может быть, и правда, легкая колика. Во всяком случае, ничего такого не заметно. Я впрысну ему кое-что, чтобы он успокоился.

– Ну, и хорошо, хозяин, – сказал Клифф, глядя, как я достаю шприц, и обвел взглядом конюшню до полного теней дальнего конца. – А непривычно как-то, что всего тут одна лошадь стоит. Я ж ведь помню, когда их тут было полным-полно, уздечки со столбов свисают, а прочая сбруя на стенке позади них так и посверкивает... – Он переложил жвачку от одной щеки к другой и улыбнулся. – Черт дери! Я ж тут каждое утро с шести часов корм им задавал, к работе готовил, и уж можете мне поверить, это ж чистая картина была, как мы все выезжали отсюда пахать на самой зорьке. Шесть пар лошадок упряжью побрякивают, а пахари бочком у них на спинах сидят. Ну прямо тебе процессия!

Я улыбнулся.

– Раненько вы начинали, Клифф.

– Угу, черт дери. А кончали поздно. Вернемся, дадим лошадам пожевать чего-нибудь, сбрую снимем и идем повечерять. А потом опять сюда, да гребнем, да щеткой весь пот, всю грязь с них и соскоблим. А потом зададим корму по-настоящему – и отрубей, и овса, и сена, чтобы хорошенько подзаправились перед завтрашним днем.

– Так у вас и вечера свободного вовсе не оставалось?

– Что так, то так. Отработались – и на боковую, оно верно. Да только мы об этом и не думали вовсе.

Я подошел к Барсуку, чтобы сделать инъекцию, и вдруг опустил шприц. По телу старого коня пробежала легкая судорога, еле заметное напряжение мышц, потом он на секунду вздернул хвост и снова опустил.

– Что-то тут другое, – сказал я. – Клифф, выведите-ка его из стойла. Я погляжу, как он пройдет по двору.

И когда его копыта застучали по булыжнику, мышцы вновь напряглись, а хвост вздернулся. У меня в мозгу словно что-то вспыхнуло. Я быстро подошел к нему и похлопал по нижней челюсти. По главному яблоку скользнуло третье веко и медленно поползло обратно, и я понял, что не ошибся.

У меня не сразу нашлись слова. Простой осмотр мимоходом обернулся смертным приговором.

– Клифф, – сказал я, – боюсь, у него тетанус.

– Это что, столбняк что ли?

– Да-да. Очень грустно, но это точно. Последнее время он ноги не ранил? У копыт?

– Да недели две назад он что-то захромал, и кузнец выпустил у него из копыта гной. Большую дырку проковырял.

Вот так.

– Жаль, что ему тогда же не сделали противостолбнячной прививки, – сказал я и попытался

разжать челюсти старого коня, но они были крепко стиснуты. – Наверное, он сегодня уже не мог есть?

– Да нет, утром поел немножко. А вот вечером – ничего. Как же с ним дальше-то, мистер Хэрриот?

Как дальше – вот именно. Если бы Клифф и сегодня задал мне этот вопрос, у меня точно так же не нашлось бы внятного ответа. Факт остается фактом – от семидесяти до восьмидесяти процентов заболеваний столбняком кончаются гибелью животного, и никакие способы лечения нисколько этих цифр не меняют. Но окончательно отказываться от надежды мне все-таки не хотелось.

– Вы сами знаете, Клифф, дело очень серьезное, но я постараюсь помочь. У меня есть с собой антитоксин, и я сделаю ему инъекцию, а если судороги усилятся, дам снотворного. Пока он может пить, отчаиваться рано. Давайте ему жидкую пищу. Лучше всего овсяный отвар.

Несколько дней Барсук оставался в том же состоянии, и я немного воспрянул духом. Мне приходилось видеть, как лошади оправлялись от столбняка, и я помнил, какое это всякий раз бывало чудесное ощущение: приедешь утром, а у лошади челюсти разомкнуло и изголодавшееся животное начало есть.

Но с Барсуком этого не произошло. Его поместили в просторное стойло, где он мог без помех двигаться, и каждый день, заглядывая к нему через нижнюю половинку двери, я ловил себя на отчаянном желании найти какие-нибудь признаки улучшения. Но, увы, через несколько дней его состояние стало ухудшаться. Неосторожное движение, появление рядом человека вызывали сильнейшую судорогу, и он, пошатываясь, кружил по стойлу на негнущихся ногах, точно деревянная игрушка, а в глазах стоял ужас, и сквозь крепко стиснутые зубы сочилась слюна. Как-то утром, испугавшись, что он свалится, я посоветовал надеть на

него опоры и поехал за ними в Скелдейл-Хаус. Но едва я открыл дверь, как заверещал телефон. Звонил мистер Гиллинг.

– Вроде бы мы опоздали, мистер Хэрриот. Он лежит врасстяжку и, сдается мне, тут уж ничего не поправишь. Надо кончать, чтоб он зря не мучился, верно?

– Боюсь, вы правы.

– Только вот что. Мэллок его, конечно, заберет, но только Клифф не хочет, чтобы его Мэллок пристрелил. Хочет, чтобы вы. Так, может, приедете?

Я достал боевой пистолет и вернулся на ферму, раздумывая над тем, почему моя пуля представлялась старику менее отвратительной, чем пуля живодера. Мистер Гиллинг ждал меня в стойле рядом с Клиффом, который горбил плечи, засунув руки глубоко в карманы. Он обернулся ко мне с блуждающей улыбкой.

– Я как раз хозяину говорил, до чего же Барсук хорош был, когда я его для выставки готовил. Видели бы вы его тогда! Шерсть вся блестит, щетки на ногах белее снега вычищены, а в хвосте – голубая лента вот такой ширины!

– Могу себе представить, Клифф, – сказал я. – Лучше его холить, чем вы, никто не мог бы.

Он вытащил руки из карманов, присел на корточки, нагнулся над лежащим конем и несколько минут поглаживал седую шею и уши, но старый провалившийся глаз смотрел на него без всякого выражения. Клифф тихо заговорил, обращаясь к коню, и голос его был спокойный, почти бодрый, точно он болтал с приятелем:

– Много тысяч миль я прошагал позади тебя, старина, и много о чем мы с тобой толковали. Да только что я такого мог бы тебе сказать, чего ты сам не знал бы, а? Ты же все понимал сразу, с одного словечка. Я просто рукой шевельну, а ты все и сделаешь, что от тебя требовалось.

Клифф выпрямился.

– Так я работать пошел, хозяин, – сказал он решительно и вышел из стойла. Я подождал, чтобы он не услышал выстрела, который означал конец Барсука, конец лошадей в Харленд-Грейндже, конец основы основ жизни Клиффа Тайрмана.

Покидая ферму, я снова увидел старика. Он устраивался поудобнее на железном сиденье рычащего трактора, и я закричал, стараясь перекрыть шум мотора:

– Мистер Гиллинг сказал, что решил завести овец и поручить их вам. Думаю, вам понравится за ними приглядывать!

Лицо Клиффа осветила негасимая улыбка, и он крикнул в ответ:

– Угу! Новое дело, да чтобы мне не понравилось? Нам, молодым, это всегда по вкусу!

Этот трезвон был совсем другим. Я уснул под трезвон колоколов, возвещавших начало полуночной рождественской службы, но эти звуки были куда выше и пронзительнее.

В первую минуту я не сумел стряхнуть с себя сладкий туман фантазий, в который погрузился с вечера. Ведь был сочельник! Праздничное настроение начало овладевать мной, когда в конце дня я заехал в крохотную деревушку, где пушистый снег занес единственную улицу, запорошил стены, пышными подушками лег на подоконники, над которыми за стеклами виднелись нарядные елки и мерцали огоньки свечей, отражаясь в мишуре красными, голубыми и золотыми искрами. Уехал я оттуда уже в сумерках. Опушенные снегом лапы темных елей застыли в неподвижности, словно нарисованные на белом фоне полей. В Дарроуби я вернулся, когда над городком сомкнулась ночь. Изукрашенные витрины лавок на рыночной площади весело сияли, из окон лился золотистый свет, заставляя сверкать истоптанный снег на булыжнике. Скользя по нему, торопливо шли закутанные до неузнаваемости люди, спешившие сделать последние покупки.

Перед сном, как раз когда зазвонили колокола, я вышел пройтись по рыночной площади. Теперь на всем ее широком белом пространстве не было видно ни единой живой души: оно распростерлось в лунном свете холодное и пустынное, а в окружавших его домах чудилось что-то диккенсовское – выросшие тут бок о бок задолго до введения городского планирования, они были высокими и приземистыми, широкими и узкими, кое-как втиснутыми в неподвижный хоровод,

окруживший булыжную мостовую. Их крыши, все в снегу, врезались в морозное небо прихотливой зубчатой линией.

Я пошел обратно. Звонили колокола, ледяной воздух пощипывал нос, под ногами хрустел снег, и настроение было чудесное, как будто меня окутал особый таинственный дух сочельника. "На земле мир, а в человеках благоволение" – эти слова обрели особый смысл, и я внезапно ощутил себя частицей всего сущего. Дарроуби, фермеры, животные и я – мы слились в единое дружное целое. Я был совершенно трезв, но в нашу квартиру поднялся как по облаку.

Хелен не проснулась и я забрался под одеяло, все еще полный пьянящей праздничной радости. Работы завтра предстоит немного, можно будет понежиться в постели подольше – может быть, даже до девяти! А потом великолепный день тихого безделья – желанный и редкий оазис в нашей хлопотливой жизни. Я погружался в сон, и мне чудились вокруг улыбающиеся лица моих клиентов, смотрящих на меня с неизъяснимой добротой и благожелательностью...

И вдруг – вот этот, другой, несмолкающий трезвон. Верно, будильник... Я ухватил его, но звон не смолк, а я увидел стрелки. Шесть часов. Ну, конечно, телефон! Я снял трубку.

В ухо мне ударил резкий металлический голос без намека на сонливость.

- Мне ветеринара надо!
- Да-а... Хэрриот слушает, – пробормотал я.
- Браун говорит. Из Уиллет-Хилла. У меня корова обездвижила. Так вы бы поторопились.
- Хорошо. Сейчас еду.
- Да не тяните! – В трубке щелкнуло.

Я перекатился на спину и уставился в потолок. Вот тебе и рождество! День, который я вознамерился ознаменовать блаженным ничегонеделанием. И надо

же было этому типу вылить на меня ушат холодной воды! И хоть бы извинился. Даже без "с рождеством вас!" обошелся. Это уж слишком!

Мистер Браун встретил меня во мгле двора. Я бывал у него раньше и, когда он попал в лучи моих фар, в очередной раз подивился его редкостной физической форме. Рыжий мужчина, лет сорока, остролицый, с чистой кожей. Из-под клетчатой кепки выглядывали прядки морковных волос, щеки, шею и руки покрывал золотистый пушок. От одного взгляда на него мне еще больше захотелось спать.

Доброго утра он мне не пожелал, а только коротко кивнул – не то мне, не то в сторону коровника – и ограничился двумя словами:

– Она там.

Он молча следил за тем, как я делаю инъекцию, и заговорил только тогда, когда я принялся рассовывать по карманам пустые флаконы.

– Сегодня ее доить конечно нельзя, да?

– Нет, – ответил я. – Лучше, чтобы вымя было полным.

– А кормить как-нибудь по-особому?

– Нет. Может есть все, что захочет и когда захочет.

Мистер Браун был очень деловит. И всегда дотошно выспрашивал все до последних мелочей.

Мы пошли через двор, но вдруг он остановился и обернулся ко мне. Неужто хочет предложить чашку горячего живительного чая? Я стоял по щиколотку в снегу, и морозный воздух беспощадно щипал меня за уши.

– Знаете, – сказал он, – это ведь у меня не в первый раз с коровами случается в последнее время. Так может, я что не так делаю? Как по-вашему, может, я им слишком корм запариваю? Так, что ли?

– Не исключено... – Я торопливо зашагал к машине. Уж лекцию о содержании коров я сейчас читать ни за

что не стану! Когда я взялся за ручку дверцы, он сказал:

– Коли она к обеду не встанет, я сам звякну. И вот еще что: в том месяце вы мне черт-те чего в счет понаставили! А потому предупредите своего старшего, чтобы он не больно-то на перо налегал. – И повернувшись, быстро зашагал к дому.

"Мило, нечего сказать, – размышлял я, тронув машину. – Ни тебе "спасибо", ни тебе "до свидания!", а только претензии и угроза оторвать меня от рождественского гуся, если ему взбредет в голову". На меня накатила волна жаркого гнева: "Чертовы фермеры! Какие омерзительные личности среди них встречаются!" Мистер Браун угасил мою праздничную радость так успешно, словно обдал меня ледяной водой из шланга.

Поднимаясь на крыльцо Скелдейл-Хауса, я заметил, что ночной мрак побледнел и посерел. В коридоре меня с подносом в руках встретила Хелен.

– Как ни грустно, Джим, – сказала она, – но тебя уже ждут. Что-то очень срочное. И Зигфриду тоже пришлось уехать. Но я сварила кофе и поджарила хлебцы. Садись и перекуси. Времени на это у тебя хватит.

Я вздохнул. Значит, быть этому дню совсем будничным!

– А что там, Хелен? – спросил я, отхлебывая кофе.

– Да мистер Керби, – ответила она. – Старик очень тревожится за свою козу.

– Козу?

– Ну, да. Он сказал, что она подавилась.

– Подавилась? Как же это, черт побери, ее угораздило подавиться? – загремел я.

– Право, не знаю. И, может быть, ты не будешь на меня кричать, Джим? Я же не виновата.

Мне стало стыдно до слез. Срываю на жене свою досаду! Ветеринарам вообще свойственно набрасываться на тех бедняг, кому волей-неволей

приходится сообщать им про неприятные вызовы или звонки, но я этим нашим свойством отнюдь не горжусь. Я смущенно протянул руку, и Хелен ее взяла.

– Извини, – сказал я и кое-как допил кофе. Благоволение во мне совсем иссякло.

Мистер Керби, старый фермер, уже ушел на покой, но, чтобы не сидеть сложа руки, он благоразумно арендовал деревенский домик с участком, которого хватало, чтобы держать корову, полдюжины свиней и его обожаемых коз. Козы у него были всегда – даже когда он вел молочное хозяйство. Коровы коровами, но за козами он ходил для души.

Жил он теперь в деревне высоко в холмах. И ждал меня у калитки.

– Эх, малый, – сказал он, – не хотелось мне тебя беспокоить ни свет ни заря, да еще на рождество, да только что делать-то? Дороти совсем худо.

Он повел меня в каменный сарай, разделенный теперь на загончики. Сквозь сетку одного из них на нас тревожно поглядывала большая белая коза зааненской породы. Я внимательно на нее посмотрел, и почти сразу же она судорожно сглотнула, надрывно закашлялась, а потом замерла, вся дрожа. С губ у нее стекали струйки слюны.

Старый фермер испуганно ко мне обернулся.

– Видите? Вот я и побоялся ждать. Отложи я на завтра, так разве же она дотянула бы?

– Вы поступили совершенно правильно, мистер Керби, – сказал я. – Конечно, в подобном состоянии ее оставлять нельзя. У нее что-то застряло в горле.

Мы вошли в загончик, старик прижал козу к стене, а я попытался открыть ей рот. Особой радости она не испытала и, когда я сумел разомкнуть ее челюсти, издала протяжный, почти человеческий крик. Рот у коз довольно маленький, но рука у меня тоже невелика, и,

как ни старалась Дороти задеть меня острыми задними зубами, я забрался пальцем довольно глубоко в глотку.

Да, там, несомненно, что-то застряло. Но я только-только касался непонятного предмета ногтем, зацепить же его мне не удалось. Тут коза замотала головой, и я еле успел выдернуть руку, всю в сосульках слюны. Смерив Дороти задумчивым взглядом, я обернулся к мистеру Керби.

– Знаете, странно что-то! В глубине глотки у нее я нащупал мягкий комочек. словно бы материю. Скорее можно было бы ожидать, скажем, обломка ветки, вообще чего-нибудь с острыми концами. Просто диву даешься, какой только дряни не ухитряются козы подбирать, пока пасутся! Но если это тряпка, то что там ее держит, а? Почему она ее просто не проглотит?

– Это верно! – Старик ласково погладил козу по спине.– Так, может, она без помощи обойдется? Само вниз проскользнет?

– Нет. Застряло плотно. Бог знает, как это получилось, но сидит крепко. И ее надо поскорее от этого избавить, ведь она уже раздувается. Вот, сами взгляните! – и я указал на левый бок козы с бугром начинающейся тимпаниии рубца. В ту же секунду Дороти снова забилась в кашле, который, казалось, разрывал ее на части.

Мистер Керби глядел на меня с немой мольбой, а я не знал, что делать.

– Я схожу в машину за фонариком, – сказал я, выбираясь из загончика. – Может, удастся рассмотреть, в чем тут штука.

Старик светил фонариком, и я снова открыл козе рот, и опять у нее вырвался жалобный звук, словно детский плач. И вот тут-то я заметил у нее под языком узкую черную ленточку.

– Ага! – воскликнул я. – Вот что держит эту дрянь! Зацепилась за язык тесемочкой или шнурком! – Я

аккуратно завел указательный палец под тесемку и потянул.

Нет, это была не тесемка. Я тянул, а она растягивалась... как резинка. Потом перестала растягиваться, и я почувствовал сопротивление. Затычка в горле чуть сдвинулась. Я продолжал осторожно тянуть, и медленно-медленно таинственный кляп продвинулся через корень языка. Едва он оказался во рту целиком, как я отпустил резинку, ухватил мокрую массу и начал ее извлекать. Да будет ли ей когда-нибудь конец – она раскручивалась и раскручивалась в длинную матерчатую змею. Но вот на третьем футе я вытащил ее всю и бросил на соломенную подстилку.

Мистер Керби схватил измочаленную тряпку, поднес к глазам, начал распутывать с явным недоумением и вдруг вскричал:

– Господи помилуй, да это же мои трусы!

– Что-что?

– Летние мои трусы! Как потеплеет, я кальсоны скидываю, не люблю я их, и на трусы перехожу. Под праздник хозяйка большую уборку затеяла, так все решить не могла, постирать их или сразу на тряпки пустить. Ну, все-таки выстирала, а Дороти, видать, их с веревки-то и сдернула! – Он поднял повыше измочаленные трусы и печально на них уставился. – Им прямо износу не было, но уж Дороти их доконала!

Тут его сотрясла беззвучная дрожь, потом он издал приглушенный смешок и разразился хохотом. Таким заразительным, что и я невольно засмеялся. Совсем ослабев, он привалился к сетке.

– Ох, трусы мои, трусы... – еле выговорил он, а потом перегнулся через сетку и погладил козу по голове. – Ну, да пусть их, старушка, лишь бы ты была жива-здоровая.

– Ну, за нее не опасайтесь. – Я указал на левый бок козы. – Как видите, лишний воздух из желудка уже

почти весь вышел.

Я еще не договорил, как Дороти облегченно рыгнула и сунула нос в кормушку с сеном.

Старик следил за ней влюбленным взглядом.

– Это дело! Опять проголодалась, умница. А не запутайся резинка у нее на языке, она бы всю тряпку проглотила, да и сдохла.

– Ну, не думаю, – заметил я. – Просто поразительно, чего только жвачные не умудряются таскать в желудке! Был случай, я оперировал корову совсем по другому поводу и нашел у нее в желудке велосипедную крышку. Судя по всему, худа ей от этой крышки никакого не было.

– Угу... – Мистер Керби потер подбородок. – Значит, и Дороти могла бы разгуливать себе с моими трусами в брюхе и хоть бы что!

– Вполне возможно. А вы бы голову себе ломали, куда они подевались!

– Ей-богу, так, – сказал мистер Керби, и мне показалось, что он опять расхохочется. Но он совладал с собой и стиснул мой локоть. – Только чего же это я тебя тут держу, малый? Пошли-ка в дом. Отведаешь рождественского пирога.

В крохотной парадной комнате меня усадили в лучшее кресло у очага, в котором пылали и трещали два огромных полена.

– Дай-ка мистеру Хэрриоту пирожка, мать! – скомандовал старик, скрываясь в кладовке, откуда появился с бутылкой виски, чуть не столкнувшись с женой, торжественно державшей перед собой пирог с толстым слоем глазури, разноцветными блестками и даже упряжкой северных оленей, запряженных в санки.

– Ну и везунчики же мы, что к нам, мать, и в рождественское утро такие люди приезжают помочь! – сказал мистер Керби, вытаскивая пробку.

– Что так, то так, – ответила старушка и, отрезав огромный кусок пирога, положила его на тарелку рядом с солидным клином уэнслейдейлского сыра.

Ее муж тем временем наливал мне виски и по неопытности – виски в Йоркшире не в большом ходу – чуть было не наполнил рюмку до краев, словно лимонадом, но я его успел остановить.

Держа рюмку в руке, а тарелку с пирогом на коленях, я поглядел на старичков, которые, усевшись на жесткие стулья напротив, следили за мной с радушной доброжелательностью. В их лицах было какое-то сходство, какая-то общая красота. Такие лица можно увидеть только в деревне – морщинистые, обветренные, но с удивительно ясными глазами, полными бодрой безмятежности.

– Желаю вам обоим счастливого рождества, – сказал я.

Старички заулыбались, кивнули и ответили:

– И вам того же, мистер Хэрриот!

А мистер Керби сказал:

– И еще раз спасибо, малый. Мы тебе по гроб жизни благодарны, что ты сразу поехал спасать Дороти. Праздник мы тебе, конечно, подпортили, да ведь и нам праздник не в праздник был бы, коли бы козочка наша сдохла, верно, мать?

– Да что вы! – воскликнул я. – Вы мне ничего не испортили, а наоборот, снова напомнили, что нынче рождество.

Я обвел взглядом комнатку, украшенную к празднику бумажными лентами, свисающими с балок низкого потолка, и буквально ощутил, как на меня теплой волной нахлынули вчерашние чувства. И глоток виски тут был совершенно ни при чем.

Я откусил кусок пирога и сразу заел его влажным кусочком сыра. В мои первые йоркширские дни я приходил в ужас, когда меня потчевали такой

неслыханной комбинацией, но время все поставило на свои места, и я убедился, что надо только пережевывать сыр вместе с пирогом – вкус просто восхитительный!

Старички показали мне фотографию сына, полицейского в Холтоне, а также дочери, которая была замужем за соседним фермером. К обеду ожидались все внуки, и мистер Керби ласково погладил коробку с хлопущками.

Уезжать от них мне совсем не хотелось, и я не без грусти отправил в рот последние крошки пирога и глазури.

Мистер Керби пошел проводить меня до ворот. Он протянул мне руку:

– Спасибо, малый, от всего сердца спасибо, – сказал он. – И всякого тебе счастья.

Сухая мозолистая рука крепко пожала мою руку, и вот я уже в машине включаю мотор. Я взглянул на часы: всего половина десятого, но в прозрачном голубом небе уже засияло утреннее солнце. За деревней дорога круто уходила вверх, а потом широкой дугой огибала долину, и оттуда открывался чудный вид на необъятную Йоркскую равнину. На этой дороге я всякий раз притормаживал, и всякий раз равнина казалась немножко другой, вот и сегодня огромная шахматная доска полей, и ферм, и роц выглядела по-новому, какой-то удивительно ясной и четкой. Возможно, потому, что ни одна фабричная труба не дымила, ни один грузовик не изрыгал синие клубы дыма, но в это праздничное утро все расстояния в морозном чистейшем воздухе словно сократились, и я, казалось, лишь самую чуточку не мог дотянуться до знакомых примет далеко внизу.

Я оглянулся на гигантские белые волны и складки холмов, смыкающихся все теснее в голубой дали, сверкая на солнце вершинами. И мне была видна

деревня, и домик Керби у ее дальнего конца. Там я
вновь обрел рождественские мир и благоволение.

Фермеры? Да это же соль земли!

Мармадьюк Скелтон заинтересовал меня за долго до того, как наши пути скрестились. Во-первых, мне прежде и в голову не приходило, что не только книжный персонаж, но и живой человек может зваться Мармадьюком, а во-вторых, он был весьма выдающимся членом почетной профессии самозванных врачей животных.

До закона о ветеринарных врачах от 1948 года лечить животных имели право все, кому не лень. Студентам ветеринарных колледжей во время практики на вполне законных основаниях предлагали одним съездить на вызов, а многие люди, не проходившие никаких ветеринарных курсов, подрабатывали, пользуясь иногда скотину, а то и посвящали этому все свое время. Этим последним обычно называли "коновалами".

Определенная презрительность, скрытая в этом слове, далеко не всегда была оправданна, и если некоторые из них представляли грозную опасность для заболевших животных, то другие обладали истинным призванием, относились к лечению ответственно и добросовестно и, после того как закон вошел в силу, стали правомочными членами ветеринарного братства, как "ветеринары-практики".

Но прежде среди вольнопрактикующих врачей скота было множество самых разных типов. Ближе всего я был знаком с Артуром Ламли, обаятельнейшим бывшим водопроводчиком, у которого была небольшая, но преданная клиентура вокруг Бротона, к великому огорчению тамошнего дипломированного специалиста, человека, впрочем, не слишком приятного. Артур разъезжал в маленьком фургончике. Он неизменно носил белый халат и

выглядел весьма деловито и профессионально, а на боку фургона пышная надпись, за которую дипломированный ветеринар получил бы суровый нагоняй от Королевского ветеринарного колледжа, оповещала всех и каждого, что это едет "Артур Ламли, ЧКЛС, специалист по собакам и кошкам". В глазах широкой публики коновалов от дипломированных специалистов отличало именно то, что за фамилиями первых не выстраивался частокोल букв, указывающих на ученые степени и звания, а потому меня заинтриговало академическое отличие, которым мог похвастать Артур. Однако эти буквы мне ничего не говорили, а добиться от него прямого ответа не удалось; в конце концов я выяснил, что они означали: "Член клуба любителей собак".

Мармадьюк Скелтон принадлежал к совсем другой породе. Мне достаточно часто приходилось бывать в окрестностях Скарберна, и я познакомился с местной историей настолько, что мог сделать некоторые выводы. По-видимому, когда в начале века мистер и миссис Скелтон обзаводились детьми, они прочили им великое будущее. Во всяком случае, четырех своих сыновей они нарекли так: Мармадьюк, Себастиан, Корнелиус и – как ни невероятно – Алонсо. Два средних брата были шоферами молочной фирмы, а Алонсо – мелким фермером. До сих пор хорошо помню, до чего я был ошарашен, когда, заполняя бланк после проверки его коров на туберкулез, спросил, как его зовут. Великолепное испанское имя до того не вязалось с сугубо йоркширским выговором, что я даже подумал, уж не разыгрывает ли он меня. И было вознамерился слегка пройтись на этот счет, но что-то такое в его взгляде заставило меня прикусить язык.

Яркой фигурой в семье вырос Мармадьюк – или Дьюк, как его обычно называли. Бывая на фермах вокруг Скарберна, я слышал о нем всяких историй.

И рука-то у него на редкость легкая, отел ли там, окотили кобыла жеребится, и болезнь-то определит и полечит похлеще всякого ученого ветеринара. К тому же он не менее бесподобно холостил животных, подстригал хвосты лошадям и забивал свиней. Все эти занятия приносили ему недурной доход, а в Юэне Россе он нашел идеального дипломированного конкурента-ветеринара, который работал только под настроение и отказывался ехать на вызов, если ему было лень. И хотя Юэн нравился фермерам, а некоторые так даже боготворили его, они часто вынуждены были прибегать к услугам Дьюка. Юэну было далеко за пятьдесят, и он не справлялся со все возрастающим числом проверок, которых требовало министерство сельского хозяйства. Часто он обращался за помощью ко мне, а потому я хорошо знал и его, и Джинни, его жену.

Если бы Дьюк ограничивался лечением скотины, Юэн, по-моему, вообще не замечал бы его существования, но Скелтон, пока возился с четвероногим пациентом, любил пройтись по адресу старика-шотландца, который и прежде-то звезд с неба не хватал, а уж теперь из него и вовсе песок сыплется. Возможно, это не очень задевало Юэна, но все-таки, когда при нем упоминали имя его соперника, губы у него чуть-чуть сжимались, а в голубых глазах появлялось задумчивое выражение.

Да и вообще питать к Дьюку добрые чувства было нелегко – слишком уж часто приходилось слышать истории, как он под сердитую руку избивает жену и детей. И внешность его, когда я в первый раз увидел, как он вперевалку идет через рыночную площадь в Скарберне, не внушила мне особой симпатии – не человек, а черный косматый бык со свирепо бегающими глазками и красным платком, хвастливо повязанным на шею.

Но в этот день, развалившись в кресле у камина Россов, я и думать забыл про Дьюка Скелтона. Впрочем, я совсем утратил способность думать, только что отвалившись от стола, за которым Джинни угощала меня рыбным пирогом. Казалось бы, самое незатейливое блюдо, но в действительности – нечто волшебное, в чем скромная треска вознеслась на невообразимые высоты в смеси с картофелем, помидорами, яйцами, вермишелью и, только одной Джинни известно, с какими прелестями еще. А затем яблочная шарлотка и кресло рядом с огнем, от которого к моему лицу поднимались волны жара.

В голове у меня копошились сонные и приятные мысли: как мне нравится этот дом и его обитатели, а будь у Юэна бойкая практика, телефон уже трещал бы, и он вдевал бы руки в пиджак, на ходу дожевывая последний кусок шарлотки. Я поглядел в окно на белый сад, на деревья, гнущиеся под бременем снега, и поймал себя на подлой мыслишке: задержаться бы тут, и, может быть, Зигфрид съездит по всем вызовам сам, не дожидаясь меня.

Блаженно созерцая мысленным взором, как мой коллега, закутанный по уши, мечется с фермы на ферму, я ублаженно взирал на Джинни, которая подала мужу чашку кофе. Юэн улыбнулся ей снизу вверх, и тут зазвонил телефон.

Как большинство ветеринаров, я чутко реагирую на его звон, а потому машинально вскочил на ноги, однако Юэн даже бровью не повел. Он спокойно прихлебывал кофе, а трубку взяла Джинни. Столь же безмятежно он выслушал слова жены:

– Томми Туэйт звонит. У одной из его коров вывалилась телячья постелька.

Я бы после такого жуткого известия заметался по комнате, однако Юэн со вкусом отпил еще кофе и только потом сказал:

– Спасибо, радость моя. Скажи ему, что я скоро заеду поглядеть на нее.

И, повернувшись ко мне, принялся рассказывать про смешной случай, который вышел с ним утром, а когда кончил, засмеялся своим особым смехом – совсем беззвучным, только плечи подрагивали, да глаза немножко выпучивались. Затем Юэн откинулся на спинку кресла и вновь поднес чашку к губам.

Хотя вызывали не меня, я еле удерживался, чтобы не вскочить на ноги и не кинуться к машине. Выпадение матки у коровы не только требует принятия срочных мер, но и сулит такой тяжкий труд, что мне всегда не терпится скорее приступить к делу. Да и узнать, что меня ожидает, – тоже, поскольку положение может быть и просто скверным, и очень скверным.

Юэн, однако, никакого любопытства словно бы не испытывал. Он вдруг закрыл глаза, и я было решил, что он склонен вздремнуть после сытной еды. Но это было лишь выражение покорности судьбе, которая испортила ему тихий день. Он потянулся и встал.

– Хотите поехать со мной, Джим? – спросил он обычным мягким голосом.

Я заколебался, кивнул, бессовестно предав Зигфрида, и вышел следом за Юэном на кухню.

Он сел и натянул толстые шерстяные носки, которые Джинни согревала над плитой, потом надел резиновые сапоги, полушубок, желтые перчатки и клетчатую кепку. Вид у него, когда он зашагал по узкой выкопанной в снегу траншее через сад, был очень моложавый и щеголеватый.

Он не зашел к себе в операционную, и мне оставалось только гадать, какими приспособлениями он намерен пользоваться, а в ушах у меня зазвучал голос Зигфрида: "У Юэна на все своя манера".

На ферме мистер Туэйт рысцой подбежал к машине. Волнение его можно было понять, но при этом

держался он как-то странно: нервно потирал ладони и даже смущенно хихикнул, когда мой коллега открыл багажник.

– Мистер Росс, – выпалил он наконец, – вы только не сердчайте, что я вам скажу... – Он умолк, собираясь с духом: – Там у коровы сейчас Дьюк Скелтон.

Юэн даже бровью не повел.

– Очень хорошо. Так я вам не нужен. – Он захлопнул крышку багажника, открыл дверцу и сел в машину.

– Э-эй! Куда же это вы! – Мистер Туэйт кинулся к дверце и завопил сквозь стекло. – Дьюк, он просто был тут в деревне, ну и вызвался мне подсобить.

– Вот и отлично, – сказал Юэн, опуская стекло. – Я ничего против не имею. Не сомневаюсь, он сделает все, что требуется.

Лицо фермера тоскливо сморщилось.

– Да вы же не поняли! Он битых полтора часа с ней возится и все без толку! У него ничего не получается, и он совсем взопрел. Так вот я и хочу, мистер Росс, чтоб вы...

– Увольте, Томми! – Росс посмотрел ему прямо в глаза. – Вмешиваться я не могу, вы сами отлично знаете. Он начал, ему и кончать. – Юэн включил мотор.

– Нет-нет! Не уезжайте! – завопил мистер Туэйт, молотя кулаками по верху машины. – Говорю же вам, Дьюк не справился. Вы-то уедете, а я свою лучшую корову потеряю! Да помогите же, мистер Росс! – Казалось он вот-вот расплачется.

Мой коллега еще раз внимательно посмотрел на него под мурлыканье мотора, потом протянул руку и выключил зажигание.

– Ну, хорошо, сделаем так. Я спрошу у него самого. Если ему моя помощь нужна, я останусь.

Следом за Юэном я вошел в коровник, и мы остановились у входа. Дьюк Скелтон распрямился и поглядел на нас. Секунду назад он цеплялся за крестец

коровы, опустив голову, хрипло дыша широко открытым ртом. Густые волосы на его плечах и груди запеклись от крови огромной вывалившейся наружу матки. Все лицо было в крови и грязи, кровь и грязь покрывали его руки по плечи. Теперь он уставился на нас из-под косматых бровей, точно дикий обитатель неведомых джунглей.

– А, мистер Скелтон! – мягко сказал Юэн. – Ну как идет дело?

Глазки Дьюка вспыхнули злобой.

– Хорошо идет, – пробурчал он утробным басом, даже не сомкнув обвисшие губы.

Мистер Туэйт суетливо шагнул к нему с робкой улыбкой.

– Послушай, Дьюк, ты же сделал все, что мог. Вот и дал бы мистеру Россу помочь тебе.

– Не дам! – Человек-бык выставил подбородок. – Да коли бы мне помощь и понадобилась, так не от него! – Он отвернулся, ухватил матку, приподнял ее и с яростным напряжением начал водворять на место.

Мистер Туэйт обратил на нас взор полный отчаяния и открыл было рот, чтобы вновь запричитать, но Юэн остановил его, предостерегающе подняв ладонь, подтащил из угла табурет для дойки и удобно уселся на нем у стены. Потом неторопливо вытащил маленький кисет и принялся одной рукой свертывать сигарету. Облизывая бумагу, скатывая ее, поднося к кончику зажженную спичку, он не спускал равнодушных глаз с потной, мучительно напрягающейся фигуры в нескольких шагах перед ним.

Дьюку удалось вправить матку наполовину. Широко расставив ноги, крякая, охая, он дюйм за дюймом запихивал набухший мешок назад, и вот у него между ладонями остался только нижний край. Еще один нажим – и конец. Он перевел дух, а на плечах и руках все так же вздувались массивные бугры мышц, наглядно демонстрируя его огромную силу. Но корова все-таки

была сильнее. Силой с коровой ни один человек не сравнится, а эта корова к тому же отличалась на редкость крупным сложением – спина, как крышка обеденного стола, а основание хвоста обведено толстыми валиками жира. Пожалуй, другой такой большой коровы мне видеть не доводилось.

По горькому опыту я знал, что последует дальше. И долго ждать не пришлось. Дьюк сделал глубокий хриплый вдох и нажал, напрягая все силы, давя и руками и грудью. Секунды две казалось, что победа останется за ним – мешок уже почти полностью скрылся из виду, но тут корова слегка поднатужилась, даже с какой-то небрежностью, и вся бесформенная масса вновь выпала наружу, почти задевая плюсну.

Дьюк повис на крестце своей пациентки в той же позе, в какой мы его увидели, входя в коровник, и мне стало его жаль. Он был малосимпатичен, но я ему сочувствовал. Ведь и я мог бы стоять там вот так же – пиджак и рубашка висят на гвозде, силы совсем на исходе, пот мешается с кровью... Он пытался сделать то, чего никто сделать не мог бы. Матку возвращают на место с помощью эпидуральной анестезии или подвесив животное к балке на блоке, но вот так, голыми руками добиться нужного результата попросту нельзя.

Меня удивило, что Дьюк при всей своей опытности сохранял подобные иллюзии. Но, по-видимому, даже теперь он еще не отказался от них, так как предпринял новую попытку. На этот раз он задвинул всю матку на несколько дюймов вглубь, но корова выбросила ее обратно. Корова эта, казалось, была злокозненного нрава и словно бы нарочно играла со своей жертвой, выжидая до последнего момента. Но вообще эта процедура занимала ее очень мало, и, за исключением Юэна, она среди нас всех сохраняла наибольшее спокойствие.

А Дьюк вновь нагнулся и приподнял кровавый мешок. Я подумал, что он здесь уже два часа – так сколько же раз он это уже проделывал? Да, в упорстве ему не откажешь! В его движениях сквозило мужество отчаяния, словно он решил, что это его последний шанс. И когда он опять был уже почти у цели, натужное кряканье перешло почти в стоны, почти в рыдания, точно он заклинал непокорный мешок задвинуться внутрь и, наконец, остаться там.

Когда же произошло неизбежное, и бедняга, задыхаясь, весь дрожа, вновь уставился на гибель всех своих надежд, я почувствовал, что пора кому-нибудь вмешаться.

Этим кем-нибудь оказался мистер Туэйт.

– Ну, будет, Дьюк, – сказал он. – Христа ради, пойдешь ты в дом и помойся. Хозяйка тебя покормит, а мистер Росс покуда поглядит, что он тут сможет сделать.

– Ладно, – буркнул Мармадьюк Скелтон и побрел к двери. Поравнявшись с Юэном, он остановился, но не взглянул на него. – Только помяните мое слово, мистер Туэйт, коли уж я не сумел вправить, старый хрыч и вовсе утрется.

Юэн сделал затяжку и с полным равнодушием скользнул по нему взглядом прищуренных глаз. Вслед ему он не посмотрел, а откинулся к стене, выпустил тонкую струйку дыма и проводил ее глазами, пока она не исчезла где-то среди стропил.

Мистер Туэйт вернулся очень быстро.

– Ну, вот, мистер Росс, – сказал он тонким голосом, – вы уж извините, что вам пришлось подождать, но теперь можно и за дело браться. Вам, конечно, свежей горячей водички принести? А может, еще чего требуется?

Юэн бросил окурочек на булыжный пол и растер его подошвой.

– А, да! Принесите мне фунт сахара.

- Чего-чего?
- Фунт сахара.
- Фунт са... ага... сию минуточку.

В мгновение ока фермер вернулся с непечатным пакетом сахарного песка. Юэн вспорол бумагу пальцем, подошел к корове и принялся обсыпать матку сахаром со всех сторон. Потом снова обернулся к мистеру Туэйту.

- И еще свиной желоб. У вас он, наверное, найдется?
- Есть-то он есть, да только для чего бы...

Юэн поднял брови.

- Ну так давайте его сюда. Пора привести все в порядок.

Фермер умчался судорожным галопом, а я спросил:

- Какого черта, Юэн? Для чего вы ее засахариваете?
- Песок вытягивает лимфу. При таком отеке ничего не выйдет.

- Неужели? - Я недоверчиво посмотрел на разбухший мешок - А эпидуральная инъекция? Вы же ей введете питуитрин... и кальций?..

- Нет, - ответил Юэн с обычной медленной улыбкой.
- Зачем мне лишняя возня?

Спросить, зачем ему понадобился свиной желоб я не успел, так как в этот миг вернулся мистер Туэйт держа означенный предмет под мышкой.

В те времена это приспособление имелось почти на всех фермах - на него клали свиные бока во время разделки свиных туш. Оно представляло собой нечто вроде длинного стола на четырех низеньких ножках, но верх был вогнут и покрыт шифером. Юэн ухватил желоб и осторожно вдвинул под корову спереди точно до вымени, а я только моргал, не в силах ничего понять.

Затем Юэн неторопливо вышел к машине и вернулся с веревкой и двумя свертками. Веревку он повесил на перегородку, натянул резиновый комбинезон и начал разворачивать предметы, скрытые оберточной бумагой.

Первым на свет появился... да нет же! Зачем бы ему понадобился поднос для пивных кружек? Но тут он сказал: "Ну-ка, Джим, подержите минутку!", и на змеившейся по краю золотой ленте я прочел: "Светлый эль Джона Смита". Действительно, поднос для кружек.

Голова у меня и вовсе пошла кругом, когда из второго пакета он извлек пустую бутылку из-под виски и поставил ее на поднос. Держа поднос с бутылкой, я почувствовал себя ассистентом фокусника и несколько не удивился бы, если бы Юэн затем вытащил из бутылки живого кролика.

Однако он ограничился тем, что налил в бутылку чистой горячей воды из ведра.

После чего накинул веревку на рога коровы, обмотал ее раза два вокруг туловища и потянул. Могучая корова покорно опустилась на свиной желоб и осталась лежать так. Ее зад поднялся выше головы.

– Ну, вот и начнем, – ласково сказал Юэн, и я, поспешно сбросив пиджак, уже дернул себя за галстук, когда мой коллега с удивлением оглянулся на меня.

– Погодите! Зачем вы раздеваетесь?

– Естественно, я буду вам помогать.

Уголок его рта вздернулся.

– Очень любезно с вашей стороны, Джим. Но раздеваться нам совершенно ни к чему. Ведь все займет не больше минуты. Единственно, о чем я попрошу вас с мистером Туэйтом, это подержать поднос, и как можно ровнее.

Он бережно водрузил матку на поднос, который мы с фермером ухватили с двух сторон. Моему воспаленному взгляду представилось, что мешок уже заметно съезжился после засахаривания.

Удостоверившись, что мы держим поднос как следует, Юэн вправил матку.

И действительно, заняло это, если и не минуту, то лишь немногим больше. Без видимых усилий, не потев и

не напрягаясь, он вернул непокорный мешок на положенное место, а корова, лишенная возможности поднатужиться или принять еще какие-нибудь меры, лежала тихо, с обескураженным видом. Затем Юэн взял бутылку с горячей водой, осторожно ввел ее внутрь, засунув руку по плечо, и принялся энергично двигать этим плечом.

– А теперь вы что делаете? – возбужденно зашептал я ему на ухо, продолжая держать поднос.

– Вращаю по очереди рога матки, чтобы придать им нормальное положение, и слегка обливаю их концы горячей водой, чтобы отек окончательно рассосался.

– А-а-а! – Я внимательно следил, как он извлек бутылку, вымыл руки в ведре и начал снимать комбинезон. Тут уж я не выдержал. – А швы вы накладывать не будете? – выпалил я.

Юэн отрицательно покачал головой.

– Нет, Джим. Если вправить как следует, нового выпадения не бывает.

Он начал вытирать пальцы, но тут дверь коровника распахнулась и в проход ввалился Дьюк Скелтон. Он вымылся, переоделся, обвязал шею красным платком, но взгляд, который он устремил на свою недавнюю пациентку, стал еще более свирепым. А она, безмятежная, дочиста обтертая, ничем не отличалась от своих товарок слева и справа. Губы Дьюка беззвучно задергались раз, другой, наконец он просипел:

– Некоторым то, конечно, что! Уколы у них там всякие, инструменты эдакие-разэдакие! Им-то, конечно, раз плюнуть, и всех делов-то! – Яростно повернувшись на каблуках, он вышел вон.

Слушая, как его тяжелые сапоги стучат по булыжнику, я поймал себя на мысли, что его обличениям явно не доставало логики: ну что эдакого-разэдакого есть в свином желобе, фунте сахарного песка, пустой бутылке и подносе для пивных кружек?

– Я тружусь на кошек!

Так представилась миссис Бонд, когда я в первый раз приехал по ее вызову, и, крепко пожав мне руку, вызываяще выставила подбородок, словно в ожидании возражений. Была она крупной женщиной с волевым скуластым лицом, во всех отношениях внушительной, но и в любом случае я не подумал бы с ней спорить, а потому ограничился одобрительным кивком, как будто все понял и со всем согласился. Затем я вошел следом за ней в дом.

Я сразу постиг смысл этой загадочной фразы. В обширной кухне, она же гостиная, царствовали кошки. Кошки восседали на диванах и стульях и каскадами сыпались с них, кошки рядами располагались на подоконниках, а в самой их гуще маленький мистер Бонд, бледный, с клочковатыми усами, сосредоточенно читал газету.

Со временем эта картина превратилась в привычную. Среди четвероногих владельцев кухни несомненно было много не холощенных котов – во всяком случае, воздух благоухал их особым запахом, резким и душным, заглушавшим даже сомнительные ароматы, которые вместе с паром поднимались от больших кастрюль с неведомой кошачьей пищей, бурливших на плите. И неизменный мистер Бонд, неизменно без пиджака, с неизменной газетой в руках – крохотный одинокий островок в море кошек.

Да, конечно, я слышал про Бондов: лондонцы, по неизвестным причинам удалившиеся на покой в северный Йоркшир. По слухам "деньги у них водились" – во всяком случае, они купили старый дом на окраине Дарроуби, где довольствовались обществом друг друга

- и кошек. Мне говорили, что миссис Бонд завела привычку подбирать бродяжек, кормить их и предоставлять им постоянный кров, если они того хотели, а потому я заранее проникся к ней симпатией: сколько раз я воочию убеждался, как тяжело приходится злополучному кошачьему племени, законной игрушке активной жестокости, жертве всех видов бездушия. Кошек стреляли, швыряли в них, чем ни попадя, травили для развлечения собаками.

В тот первый раз моим пациентом оказался полувзрослый котенок - бело-черный комочек, в паническом ужасе скорчившийся в углу.

- Он из внешних, - прогремела миссис Бонд.

- Из внешних?

- Ну да. Все эти тут - внутренние кошки. Но есть много совсем диких, которые в дом ни за что не идут. Конечно, я их кормлю, но внутрь их не удастся взять, только когда они заболевают.

- Ах, так!

- Ну и намучилась я, пока его ловила! Мне очень его глаза не нравятся. Они словно кожицей зарастают. Ну да вы, наверное, сумеете ему помочь. Кстати, зовут его Альфред.

- Альфред? А... да-да. - Я осторожно приблизился к котенку, который выпустил когти и зашипел на меня. Я преграждал ему выход из угла, не то он ускользнул бы со скоростью света.

Но вот как его осмотреть? Я обернулся к миссис Бонд.

- Не могли бы вы мне дать какую-нибудь старую простыню? Прокладку с гладильной доски, например? Чтобы завернуть его.

- Завернуть? - В голосе миссис Бонд слышалось большое сомнение, но она ушла в соседнюю комнату и вернулась с рваной хлопчатобумажной простынкой, отлично подходившей для моей цели.

Я убрал со стола всевозможные блюдечки, книги о кошках, лекарства для кошек, расстелил на нем простынку и вернулся к своему пациенту. В подобных случаях спешить никак нельзя, и я пять минут нежно ворковал и выпевал "кис-кис, кис-кис", продвигая руку все ближе и ближе. Когда я уже мог бы почесать Альфреда за ушком, я молниеносно схватил его за шкуру и, не обращая внимания на возмущенное шипение и бьющие по воздуху когтистые лапки, вернулся с ним к столу, прижал к простынке и приступил к пеленанию. Когда кошка свирепо обороняется, иного способа справиться с ней нет, и, хотя не мне это говорить, пеленать их я научился не без изящества. Цель заключается в том, чтобы превратить пациента в тугий аккуратный сверточек, оставив открытой ту часть его организма, которой предстоит заняться – например, поврежденную лапу, или хвост, или (как в данном случае) голову. Мне кажется, миссис Бонд безоговорочно в меня уверовала именно в ту минуту, когда увидела, как я быстро и ловко закатал котенка в простыню, так что через считанные секунды он превратился в плотный матерчатый кокон, из которого торчала только черно-белая мордочка. Теперь Альфред был в полной моей власти и не мог оказать мне никакого сопротивления.

Я, как уже не раз намекалось, немножко горжусь этим своим талантом, и даже сейчас кто-нибудь из моих коллег нет-нет, да и скажет – "Пусть старик Хэрриот особенно звезд с неба не хватает, но уж кошек он пеленает мастерски!"

Выяснилось, что никакой кожицей глаза Альфреда не зарастали – этого вообще никогда не бывает.

– У него паралич третьего века, миссис Бонд. У животных есть такая пленка, которая быстро скользит по главному яблоку, оберегая его от повреждений. У этого котенка веко назад не ушло – возможно, потому,

что он очень истощен. Не исключено, что он недавно перенес легкую форму кошачьего гриппа – во всяком случае, организм у него заметно ослаблен. Я сделаю ему инъекцию витаминов и оставлю порошки подмешивать ему в корм, если вам удастся оставить его в доме на несколько дней. Через неделю, самое большее две, он должен совсем поправиться.

Альфред был в полной ярости, но кокон надежно мешал ему дать ей волю, и инъекция не вызвала никаких затруднений. На чем мой первый визит к подопечным миссис Бонд и завершился.

Но дорожка была проторена. Симпатия, сразу же установившаяся между нами, окончательно укрепилась, так как я всегда поспешал на помощь ее любимцам, не жалея времени: заползал на животе под поленницу в сарае, чтобы добраться до внешних кошек, сманивал их на землю с деревьев, упорно гонялся за ними по кустам. Но мое усердие достаточно вознаграждалось – во всяком случае, с моей точки зрения.

Чего стоили, например, одни клички, которые она давала своим кошкам! Верная своему лондонскому прошлому, десяток-полтора котов она нарекла именами игроков гремевшей тогда футбольной команды "Арсенал": Эдди Хапгуд, Клифф Бастин, Тед Дрейк, Уилф Коппинг... Но одну промашку она допустила: Алекс Джеймс трижды в год регулярно рожал котят.

А ее манера звать их домой? Впервые я стал свидетелем этой процедуры в тихий летний вечер. Две кошки, которых миссис Бонд хотела мне показать, пребывали где-то в саду. Следом за ней я вышел на заднее крыльцо. Она остановилась на верхней ступеньке, скрестила руки на груди, закрыла глаза и завела мелодичным контральто:

– Бейтс, Бейтс, Бейтс, Бе-ейтс! – Нет, она по-настоящему пела, благоговейно, хотя и несколько монотонно, если не считать восхитительной маленькой

трели в "Бе-ейтс!" Затем она вновь набрала побольше воздуха в свою обширную грудную клетку, словно оперная примадонна, и опять прозвучало полное чувство:

– Бейтс, Бейтс, Бейтс, Бе-ейтс!

И это заклинание подействовало – из-за лаврового куста рысцей появился Бейтс-кот. Ну, а дальше? Я с интересом следил за миссис Бонд.

Она приняла прежнюю позу, глубоко вздохнула, закрыла глаза и с легкой нежной улыбкой запела:

– Семь-По-Три, Семь-По-Три, Семь-По-Три-и-и!

Мелодия была той же, что и для Бейтса, с точно такой же прозрачной трелью в конце. Однако зов ее на этот раз долго оставался тщетным, и она повторяла его снова и снова. Мелодичные звуки словно повисали в тишине безветренного вечера, и казалось, что это муэдзин созывает правоверных на молитву.

В конце концов ее настойчивость увенчалась успехом, и толстая трехцветная кошка виновато проскользнула по стене в дом.

– Извините, миссис Бонд, но я не совсем уловил, как, собственно, зовут эту кошку?

– Семь-По-Три? – она задумчиво улыбнулась. – Она такая прелесть! Видите ли, она семь раз подряд рожала по три котенка, вот я и подумала, что такое имя ей подойдет. Как по-вашему?

– Да-да, бесспорно! Великолепное имя, ну просто великолепное!

Моя симпатия к миссис Бонд укрепилась еще больше, когда я заметил, как ее заботит моя безопасность. Черта довольно редкая у владельцев домашних животных, а потому я ее особенно ценю. Мне вспоминается тренер скаковых лошадей, с испугом ощупывающий путо своего питомца, только что могучим ударом копыта вышвырнувшего меня из стойла, – уж не повредил ли он ногу? И маленькая старушка, казавшаяся совсем крохотной рядом с ошетилившейся,

оскалившей зубы немецкой овчаркой, – и ее слова: "Будьте с ним поласковее! Боюсь вы сделаете ему больно, а он такой впечатлительный!" И фермер, угрюмо буркнувший после тяжелейшего отела, который сократил мне жизнь по крайней мере на два года: "Совсем вы корову замучили, молодой человек!"

Миссис Бонд была другой. Она встречала меня в дверях и сразу вручала кожаные перчатки с огромными раструбами, чтобы уберечь мои руки от царапин, – от такой предусмотрительной заботливости на душе становилось удивительно легко. Этот ритуал прочно вошел в мою жизнь: я иду по садовой дорожке, а вокруг бесчисленные внешние кошки посверкивают глазами, юркают в кусты; затем мне торжественно вручаются перчатки с раструбом, и я вступаю в благоуханную кухню, где в пушистом вихре внутренних кошек почти невозможно разглядеть мистера Бонда и его газету. Мне так и не удалось выяснить, как мистер Бонд относился к кошкам, – собственно говоря, я не помню, чтобы он хотя бы раз открыл рот, – но у меня сложилось впечатление, что он их как бы вовсе не замечал.

Перчатки были большим подспорьем, а иногда и подлинным спасением. Когда, например, недомогал Борис, иссиня-черный внешний кот, настоящий великан и мой *bete noire* ^[4] во всех смыслах этого выражения. Про себя я был твердо убежден, что он сбежал из какого-то зоопарка. Ни до ни после мне не доводилось видеть домашних кошек такой неумной свирепости и с такими буграми литых мышц. Нет, конечно, в нем крылось что-то от пантеры.

Его появление в кошачьей колонии было для нее подлинным бедствием. Я редко испытываю неприязнь к животным. Если они бросаются на людей, то лишь под воздействием панического страха. Но только не Борис! Это был злобный тиран – и я начал навещать миссис

Бонд гораздо чаще из-за его привычки задавать задачу своим единоплеменникам. Я без конца зашивал разорванные уши и накладывал повязки на располосованные бока.

Помериться силами нам довелось довольно быстро. Миссис Бонд хотела, чтобы я дал ему дозу глистогонного, и я уже держал наготове зажатую пинцетом маленькую таблетку. Сам толком не знаю, как мне удалось его схватить, но я все-таки взгромоздил Бориса на стол и перепеленал его с поистине космической быстротой, слой за слоем наворачывая на него плотное полотно. На несколько секунд я уверовал, что сумел с ним совладать, он уже не вырывался, а только жег меня полным ненависти взглядом больших сверкающих глаз. Но едва я сунул пинцет ему в рот, как он злобно укусил инструмент, и я услышал треск материи, рвущейся изнутри под рывками могучих когтей. Все кончилось в один момент. Из кокона высунулась длинная нога и полоснула меня по кисти. Я невольно чуть разжал пальцы, стискивающие черную шею, Борис тотчас впился зубами в подушечку ладони сквозь кожаную перчатку – и был таков. А я, окаменев, тупо уставился на зажатый в пинцете обломок таблетки, на свою окровавленную ладонь и бесформенные лохмотья, в которые превратилась крепкая минуту назад простыня. С тех пор Борис смотрел на меня с омерзением, как, впрочем, и я на него.

Но это было одно из маленьких облачков, лишь кое-где пятнавших ясное небо. Мои визиты к миссис Бонд продолжали меня радовать, и жизнь текла тихо и безмятежно, если не считать поддразнивания моих коллег, отказавшихся понять, с какой стати я так охотно трачу массу времени на орду кошек. Это отвечало их общей позиции: Зигфрид относился подозрительно к людям, заводящим домашних

любимцев. Он не понимал их и проповедовал свою точку зрения всем, кто соглашался слушать. Сам он, правда, держал пять собак и двух кошек. Собаки разъезжали с ним в машине повсюду, и он собственноручно каждый день кормил их и кошек, никому не доверяя эту обязанность. Вечером, когда он устраивался в кресле у огня, вся семерка располагалась возле его ног. Он и по сей день столь же страстно восстает против содержания животных в доме, хотя, когда он садится в машину, его бывает трудно различить среди машущих собачьих хвостов нового поколения, а кошек у него заметно больше двух, к тому же он обзавелся несколькими аквариумами с тропическими рыбками и парочкой змей.

Тристан лишь раз наблюдал меня в действии у миссис Бонд. Он вошел в операционную, когда я вынимал из шкафчика длинные пинцеты.

– Что-нибудь любопытное, Джим?

– Да нет. У одного из бондовских котов в зубах застряла кость.

Тристан обратил на меня задумчивый взор.

– Пожалуй, я съезжу с тобой. Давно не имел дела с кошками.

Мы уже шли по саду к кошачьему общежитию, как вдруг меня охватило смущение. Мои прекрасные отношения с миссис Бонд объяснялись, в частности, бережной внимательностью, с какой я относился к ее питомцам. Даже с самыми одичалыми и злобными я неизменно был ласков, терпелив и участлив. Причем без малейшего притворства. Меня искренне заботило их здоровье. Тем не менее я испугался, как отнесется Тристан к такому пестованию котов и кошек?

Миссис Бонд, выйдя на крыльцо, мгновенно оценила ситуацию, и встретила нас с двумя парами кожаных перчаток. Тристан взял предложенную ему пару с некоторым удивлением, но поблагодарил хозяйку с

обаятельнейшей из своих улыбок. Удивление его еще возросло, когда он вошел на кухню, понюхал тамошний ароматный воздух и обозрел четвероногих ее обитателей, захвативших почти все свободное пространство.

– Мистер Хэрриот, боюсь, кость застряла в зубах у Бориса, – виновато сказала миссис Бонд.

– У Бориса! – Я даже поперхнулся. – Но как мы его изловим?

– А я его перехитрила! – ответила она скромно. – Мне удалось заманить его в кошачью корзину на его любимую рыбку.

Тристан положил ладонь на большую плетеную корзину, стоявшую посередине стола.

– Так он здесь? – спросил он небрежно, открыл замок и откинул крышку. Примерно треть секунды скорченный зверь внутри и Тристан снаружи мерились напряженными взглядами, а затем глянцевая черная бомба бесшумно взвилась из корзины и пронеслась наверх высокого буфета мимо левого уха своего освободителя.

– Черт! – сказал Тристан. – Что это такое?

– Это, – ответил я, – был Борис. И теперь мы будем его опять ловить.

Я взобрался на стул, медленно завел руку наверх буфета и самым своим обольстительным тоном заворковал "кис-кис, кис-кис".

Через минуту Тристана осенила блестящая мысль: он внезапно взмыл в воздух и ухватил Бориса за хвост. Но лишь на миг. Могучий кот сразу вырвался и вихрем понесся по кухне – по шкафам, шкафчикам, занавескам, круг за кругом, точно мотоциклист на вертикальной стене.

Тристан занял стратегическую позицию и, когда Борис пролетал мимо, попытался ухватить его рукой в кожаной перчатке.

– А, чертов кот! Улизнул! – огорченно крикнул он. – Но сейчас я его!.. Ну, что, черный олух... Черт! Никак его не ухватишь.

Смирные внутренние кошки, напуганные не только летящими на пол мисками, сковородками и консервами, но и воплями, и прыжками Тристана, в свою очередь заметались по кухне, сбрасывая на пол, что не успел сбросить Борис. Шум и суматоха достигли такого предела, что даже мистер Бонд заметил, что в кухне что-то происходит. Во всяком случае, он на секунду поднял голову, с легким недоумением взглянул на пушистую метель вокруг и снова погрузился в газету.

Тристан, раскрасневшийся от охотничьего азарта и усилий, вошел во вкус, и я весь внутренне съежился, когда он восторженно скомандовал.

– Гони его, Джим! Уж теперь сукин сын от меня не уйдет!

Бориса мы так и не поймали и предоставили кости самой выбирать из его зубов, а потому с точки зрения ветеринарии этот визит назвать успешным никак нельзя. Но Тристан, когда мы сели в машину, блаженно улыбнулся.

– Ну, было дело! А мне, Джим, и в голову не приходило, что ты так развлекаешься со своими кисками.

Однако миссис Бонд, когда я в следующий раз ее увидел, отнеслась к происшедшему без всякого восторга.

– Мистер Хэрриот, – сказала она, – может быть, вы больше не будете привозить сюда этого молодого человека?

Вот и пришлось мне еще раз побывать у Гранвилла Беннетта – в облицованной плиткой операционной, где огромная лампа заливала беспощадным светом склоненную голову моего коллеги, ветеринарных сестер, ряды инструментов, беспомощное, распростертое на столе пушистое тельце.

Часов до четырех в этот день я даже не подозревал, что мне предстоит еще одна поездка в Хартингтон, – до той самой минуты, когда звонок в дверь оторвал меня от чашки с чаем, и я пошел ее открыть, и увидел на крыльце полковника Бозуорта. В руке он держал плетеную кошачью корзинку.

– Вы не уделите мне несколько минут, мистер Хэрриот? – сказал он каким-то странным голосом, и я посмотрел на него с удивлением, слегка откинув голову.

Почти всем, кто хотел посмотреть в лицо полковнику Бозуорту – в суровое солдатское лицо, вознесенное над полом почти на семь футов, – приходилось откидывать голову. Оно, как и вся его худощавая подтянутая фигура, вполне гармонировало с боевыми орденами, которые он заслужил на войне четырнадцатого года. Я часто видел его – и не только у нас в приемной, но и на тихих проселках вокруг Дарроуби, по которым он целыми днями рысил на крупном гунтере в сопровождении двух керн-терьеров. Он мне нравился. Несмотря на свою внушительную внешность, он не только был неизменно учтив, но и таил в себе большой запас душевной мягкости, которая просвечивала в отношении к его четвероногим друзьям.

– Ну, разумеется, – ответил я. – Сюда, пожалуйста.

В приемной он протянул мне корзинку. Лицо его страдальчески морщилось, в глазах пряталась недоуменная боль.

– Это Моды, – пробормотал он.

– Моды? Ваша черная кошечка? – Я часто видел это грациозное создание, когда бывал у полковника, – она то терлась о его ноги, то вспрыгивала к нему на колени, то ревниво пыталась отвлечь его внимание от терьеров.

– Что случилось? Она заболела?

– Нет... нет... – Он судорожно сглотнул и уже внятно произнес. – Несчастный случай.

– Но какой?

– Ее сбила машина. Прежде она никогда не выбегала на дорогу перед домом, но вот сегодня...

– Ах, так... – Я взял у него корзинку. – Она попала под колесо?

– Не думаю. Она ведь сама вернулась в дом.

– Ну, это обнадеживающий признак! – сказал я. – Полагаю, все обойдется.

Полковник сглотнул.

– Мистер Хэрриот, если бы так!.. Но это... ужасно. Ее мордочка. Вероятно, ее только задело, но... я не представляю себе, как она сможет жить.

– Даже так? Мне очень жаль... Но пойдемте, я посмотрю ее.

Он покачал головой.

– Нет. Если разрешите, я подожду здесь. И еще одно! – Он провел ладонью по корзинке. – Если вы тоже решите, что положение безнадежно, то, пожалуйста, усыпите ее сразу же. Чтобы она ни секунды лишней не страдала.

Я с недоумением взглянул на него и быстро пошел по коридору в операционную. Поставив корзину на стол, я открыл запор и откинул крышку. В глубине съежился глянцево-черный комочек. Я протянул к нему руку,

голова приподнялась и повернулась ко мне. Из открытого рта вырвался мучительный вопль.

Из открытого рта? Нижняя челюсть безобразно отвисала, разбитая, изуродованная, и, когда раздался второй истошный стон, я с леденящим ужасом разглядел торчащие из кровавой пены зазубренные изломы кости.

Быстро закрыв корзинку, я оперся локтем на крышку.

– О господи, – бормотал я. – О господи...

Я крепко зажмурился, но продолжал видеть эту жуткую челюсть, слышать эти страдальческие стоны... Страшнее же всего было беспомощное недоумение в широко открытых глазах. Именно из-за него всегда так трудно смотреть на искалеченное животное.

Дрожащей рукой я торопливо нащупал на лотке у себя за спиной ампулу нембутала. Во всяком случае, одно ветеринар может: милосердно сократить невыносимую агонию. Я набрал в шприц пять кубиков. Более чем достаточно. Она уснет и больше уже не проснется. Снова открыв корзинку, я засунул руку под кошечку, приподнял ее и сделал укол. Инъекция в брюшную полость – и конец. Но когда я нажал на поршень, меня словно похлопал по плечу кто-то более спокойный и рассудительный – "Минутку, Хэрриот, не спеши. Почему бы тебе прежде не разобраться как следует?"

Я ввел один кубик и вытащил иглу. Для обезболивания этого хватит. Через несколько минут Моди уже не будет ничего чувствовать. Я прикрыл крышку и прошелся по операционной. Мне приходилось приводить в порядок немало кошачьих челюстей – видимо, ломаются они довольно легко, и я испытывал огромное удовлетворение, когда, скрепив проволокой разбитую кость, следил, как она нормально срастается. Но на этот раз было совсем другое.

Через пять минут я откинул крышку, вынул крепко спящую кошечку, обвисшую на моих ладонях точно тряпичная кукла, и положил ее на стол.

Удалив тампонами кровь и слюну, я осторожно кончиками пальцев ощупал разбитые кости, пытаюсь соединить обломки в подобие целого. Да, челюсть разломилась пополам, но ее-то можно скрепить проволокой, а вот отростки... Обломаны с обеих сторон, левый еще и перебит. И зубы... Нескольких не хватает, остальные расшатались. И ухватиться не за что. Но, может быть, их удалось бы скрепить металлическими пластинками, привинченными к кости. Да, конечно... Если бы нашелся достаточно искусный хирург, располагающий всем необходимым для подобной операции... Но я же такого хирурга знаю!

Теперь я тщательно осмотрел бедную кошку. Все было в порядке, если не считать жалко болтающейся челюсти. Я задумчиво погладил чистую пушистую шерстку. Она еще почти котенок, у нее впереди вся жизнь... Я принял решение и с облегчением побежал по коридору в приемную спросить у полковника, разрешит ли он мне отвезти Моду к Гранвиллу Беннетту. Едва я выехал из Дарроуби, как началась метель, но, к счастью, шоссе в Хартингтон всю дорогу шло под уклон. Выше в холмах оно в такой вечер скоро стало бы непроезжим.

В операционной ветеринарной клиники я напряженно следил, как Беннетт сверлит, свинчивает, шьет. Подобную операцию ускорить невозможно, но его пальцы-сосиски умели работать с замечательной быстротой. Тем не менее мы простояли у стола почти час, и долгие периоды безмолвия нарушались только позвякиванием инструментов, редкими отрывистыми распоряжениями хирурга, да иногда вспышками досады, в которых были повинны не только сестры. Меня заставили ассистировать, и стоило мне

придерживать челюсть чуть-чуть не так, как требовалось моему коллеге, как он взрывался:

– Да не так, Джим, черт вас возьми! Вы что в игрушки играете? ...Нет, нет, нет!.. О боже всемогущий!

Но всему приходит конец. Гранвилл снял шапочку и отошел от стола, оставив остальное на сестер. (Я, как и в первый раз, от души ему позавидовал.) Он был весь мокрый. У себя в кабинете он вымыл руки, вытер лоб полотенцем, облачился в элегантный серый пиджак и вытащил из нагрудного кармана трубку – совсем другую, чем в прошлый раз. Со временем я убедился, что все его трубки были не только красивыми, но и огромными – у этой чашечка подошла бы и для кофейного сервиза. Он нежно потер ее о нос, отполировал желтой тряпочкой, с которой, по-видимому, не расставался, и любовно поднес к свету.

– Текстура-то, Джим, а? Просто чудо.

Он благодушно набил трубку из своего большого кисета, закурил ее, выпустил мне в лицо благоуханный клуб дыма и взял меня под руку.

– Пошли, малыш. Пока они там убираются, посмотрим, что у меня и как.

И мы обошли клинику, приемные и смотровые, рентгеновский кабинет, аптеку и, разумеется, регистратуру с внушительной картотекой, содержащей истории болезней всех пациентов клиники с момента ее открытия. Но наибольшее удовольствие я получил от посещения теплых кабинок, в которых набирались сил животные после операций.

Гранвилл не успевал тыкать трубкой:

– Удаление яичников, энтеротомия, гематома ушной раковины, заворот век. – Внезапно он нагнулся, всунул палец в ячейку сетки и умильно прожурчал. – Ну-ка, Джордж! Ну-ка, маленький, пойдя сюда! Да не бойся, дурачок, это же дядюшка Гранвилл, а не кто-нибудь чужой!

Маленький уэст-хайлендер с ногой в гипсе подковылял к сетке, и мой коллега почесал ему нос.

– Это Джордж Уиллс-Фентам, – добавил он в пояснение. – Радость и гордость вдовствующей леди Уиллс-Фентам. Отвратный сложный перелом, но все обошлось благополучно. Он застенчив, наш Джордж, но милый малыш, если узнать его покорооче, верно старина? – Он продолжал почесывать косматую мордочку, и даже в смутном свете было видно, как бешено виляет короткий белый хвост.

В самой последней послеоперационной кабинке лежала Моди – крохотный дрожащий комочек. Дрожь означала, что она приходит в себя после наркоза. Я открыл дверцу и протянул к ней руку. Головы поднять она еще не могла, но посмотрела на меня, а когда я легонько погладил ее по боку, рот у нее раскрылся в тихом хриловатом "мяу". И у меня потеплело на сердце: у нее вновь была нормальная нижняя челюсть! Она могла открыть ее и закрыть, а жуткая мешанина кровавых лохмотьев и обломков кости ушла в область дурных снов.

– Замечательно, Гранвилл! – прошептал я. – Просто поразительно!

Великолепная трубка благодушно извергла клуб дыма.

– Да, неплохо, а малыш? Недельки две на жидкой пище и будет себе жить-поживать, как ни в чем не бывало. Никаких осложнений не предвидится.

Я выпрямился.

– Чудесно. Мне не терпится поскорее обрадовать полковника Бозуорта. Могу я отвезти ее сегодня же?

– Нет, Джим, не торопитесь так. Денька два я еще за ней посмотрю. А потом пусть сам полковник ее и заберет.

На следующий день Гранвилл позвонил: все идет как следует, и Моди уже начинает понемножку лакать

МОЛОКО.

Каждому профессиональному визиту предшествует вызов, звонок клиента, и бывают они самые разные.

– Говорит Джо Бентли, – объявил человек на пороге.

Странный способ здороваться. Кулак же, который Джо держал у подбородка, только подчеркнул эту странность.

– Алле! Алле! – продолжал он, глядя в пространство перед собой пустым взглядом. И все стало ясно. В кулаке была зажата воображаемая телефонная трубка. Джо пытался дозвониться ветеринару, и, если учесть плескавшиеся в его желудке неисчислимы пинты пива, получалось это у него не так уж плохо.

В базарные дни пивные были открыты с десяти часов до пяти, а Джо принадлежал к почти исчезнувшей породе питухов, которые при всяком удобном случае старались нализаться до бесчувствия. Нынешние фермеры пропускают в базарный день кружечку-другую, но бывшие бесшабашные возлияния теперь редкость.

В Дарроуби и тогда круг заядлых любителей пива был не так уж велик и объединял он больше людей пожилых. Вот они-то порой и вваливались в приемную, чтобы заплатить по счету, гордо, но безмолвно тыча перед собой чековой книжкой. Некоторые все еще приезжали в город на тележке, и старинное присловье, что лошадь сама довезет, иллюстрировалось на их примере каждый базарный день. Один такой старикан отказывался расстаться с дряхлой машиной, чуть ли не ровесницей века, только потому, что она трогалась с места даже тогда, когда он, кое-как водворившись на переднем сиденье, по ошибке ставил прямую передачу. Как бы еще сумел он вернуться домой? А иные и вообще

в базарный день туда не возвращались, всю ночь до зари веселясь и играя в карты.

Я смотрел на покачивающуюся фигуру Джо Бентли и прикидывал, какая программа намечена у него на этот вечер. А он зажмурил глаза, поднес кулак к самым губам и снова заговорил:

– Алле? Это кто?

– У телефона Хэрриот, – ответил я. Джо ведь вовсе не валял дурака, а просто в голове у него желаемое немножко путалось с действительным. Почему бы и не подыграть ему? – Как поживаете, мистер Бентли?

– А ничего, спасибо, – ответил Джо с некоторой торжественностью, все также жмурясь. – А вы как здравствуете?

– Спасибо, хорошо. Так чем могу служить?

Видимо, этот вопрос поставил его в тупик. Во всяком случае, он несколько секунд молчал, чуть приоткрыв глаза и что то сосредоточенно разглядывая за моим левым плечом. Затем как будто пришел к окончательному выводу, снова зажмурился, кашлянул и продолжал:

– Вы бы не заехали? Корову бы малость почистить?

– Прямо сейчас?

Джо погрузился в серьезные размышления, пожевывал губами, почесывал свободной рукой ухо и, наконец, изрек.

– Чего уж.. И до утра подождет. Всего вам хорошего и позвольте вас поблагодарить.

Он с величайшим тщанием повесил призрачную трубку, повернулся и с большим достоинством спустился с крыльца. Он шел, почти не пошатываясь, и какая-то целеустремленность в его движениях подсказала мне, что он возвращается в "Рыжего медведя". Я было испугался, что он свалится перед дверью скобяной лавки Джонсона, но к тому времени, когда он свернул за угол, за которым лежала рыночная

площадь, походка его стала совсем твердой, и я перестал за него опасаться.

И я помню, как мистер Биггинс стоял у стола в нашей приемной, глубоко засунув руки в карманы и упрямо выставив подбородок.

– У меня корова чего-то кряхтит.

– Что же, надо будет ее посмотреть. – Я взял ручку, чтобы записать вызов.

Он переступил с ноги на ногу.

– Уж не знаю. Может, ничего с ней такого нет.

– Ну, как скажете...

– Э, нет! – возразил он. – Это как вы скажете, вы же ветеринар-то.

– Но как я могу сделать заключение? Я ведь ее не видел. Лучше я к вам заеду.

– Так-то оно так, да только накладно выходит. Вы же по десять шиллингов берете за одно погляденье. А потом только знай денежки выкладывай, и лекарства там, и то и се.

– Да, конечно, мистер Биггинс, я понимаю. Так, может быть, дать вам что-нибудь для нее? Коробку порошков от желудка?

– А почему вы знаете, что у нее с желудком неладно?

– Ну, собственно говоря...

– Может, какая другая хворь.

– Совершенно справедливо, но...

– Корова-то – лучше не бывает, – заявил он воинственно. – Я за нее на ярмарке в Скарберне пятьдесят фунтов отвалил.

– Да, корова, наверное, прекрасная. А потому, мне кажется, ее тем более необходимо осмотреть. Я мог бы приехать к вам во второй половине дня.

Наступило долгое молчание.

– Оно так. Да только вы, небось, и опять приехать захотите? Завтра, а то еще и послезавтра. Не успеешь оглянуться, а счет до небес вырастет.

– Мне очень жаль, мистер Биггинс, но теперь все очень дорого.

– Это верно! – Он энергично закивал. – Пожалуй, дешевле будет просто отдать вам корову и дело с концом!

– Ну, зачем же так... Но я вас понимаю.

Я задумался.

– Может быть, дать вам не только желудочных порошков, но и жаропонижающую микстуру? На всякий случай.

Он долго смотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

– Так вы же все равно точно знать не будете, а?

– Ну, разумеется, не совсем...

– Может, в ней проволока сидит.

– Не исключено.

– Тогда чего же ей в глотку лекарства лить? Толку-то никакого не будет!

– Вы совершенно правы. Никакого.

– Коровы-то я терять не хочу, вот вам и весь сказ! – разъярился он. – Эдак и совсем разориться недолго!

– Я прекрасно это понимаю, мистер Биггинс. Потому-то я и полагаю, что ее необходимо осмотреть. Если помните, я с этого и начал.

Ответил он не сразу. Напряженный взгляд и легкий тик в щеке выдавали, какая в нем бушует внутренняя борьба. В конце концов он просипел:

– Может и так... только... э... до утра погодить нельзя? Вдруг да у нее само собой пройдет?

– Прекрасно! – Я даже улыбнулся от облегчения. – Утром сразу же посмотрите, как она, и, если ей не станет лучше, позвоните мне до девяти.

От моих слов он еще больше потемнел.

– А коли она до утра не протянет?

– Да, конечно, некоторый риск существует.

– Чего вам и звонить-то, раз она подохла, а?

– Совершенно верно.
– Звонить-то я буду Мэллоку, живодеру, так?
– Боюсь, что так...
– Да на кой мне мэлловские пять фунтов за такую-то корову?

- Хм-м... Вы, безусловно, правы.
- Уж больно она хороша!
- Охотно верю.
- Потерять-то мне ее никак не с руки.
- Я понимаю...

Мистер Биггинс набычился и грозно посмотрел на меня:

– Ну так и что же вы думаете делать?
– Минутку! – Я провел пальцами по волосам.– Может быть, вы подождете до вечера и поглядите, как она себя будет чувствовать, и, если ей не станет лучше, скажем к восьми, вы мне позвоните, и я приеду.

– Приедете, значит? После восьми? – осведомился он, сужая глаза.

Я одарил его сияющей улыбкой.

– Совершенно верно.
– Верно-то верно, да только в прошлый раз, когда вы ночью приезжали, вы это в счет поставили, нет, что ли?
– Возможно. – Я развел руками. – В ветеринарной практике принято...

– Вот и выходит, что это еще накладней получится.
– Если взглянуть с такой точки зрения, то, конечно...
– У меня ж лишние деньги не водятся, знаете ведь.
– Я представляю...
– И на простой счет еле наскребаю, а тут лишнее плати?

– Но право же...
– Вот и выходит, что вы это зря придумали, верно?
– Пожалуй... не спору... – Я откинулся на спинку кресла, чувствуя себя бесконечно усталым.

Мистер Биггинс угрюмо жег меня взглядом, но я не собирался больше предлагать никаких гамбитов и в свою очередь уставился на него, как я надеялся, с непроницаемым видом, который должен был по моим расчетам яснее всяких слов сказать, что я готов выслушать любое его предложение, но сам ничего предлагать больше не собираюсь.

Тишина, воцарившаяся теперь в приемной, оставалась нерушимой очень долго. В конце улицы церковные куранты отбили четверть, в отдалении, по-видимому, на рыночной площади, затыкала собака, мимо окна на велосипеде промелькнула мисс Добсон, дочка бакалейщика, но мы оба молчали.

Мистер Биггинс жевал нижнюю губу, бросал на меня отчаянные взгляды и тотчас вновь принимался созерцать свои ноги. Он явно исчерпал все возможности, и в конце концов мне стало ясно, что инициативу я должен взять на себя, причем категорически.

– Мистер Биггинс, – сказал я, – мне пора ехать. Вызовов у меня много, но мне предстоит побывать на ферме в миле от вашей, так что часов около трех я погляжу вашу корову.

Я встал, показывая, что разговор окончен.

Фермер затравленно посмотрел на меня. Видимо, он смирился с мыслью, что мы зашли в тупик и останемся в нем еще долго, а потому моя внезапная атака застала его врасплох. Он открыл было рот, но ничего не сказал и повернулся к двери. На пороге он остановился, поднял руку, секунды две умоляюще смотрел на меня, а потом понурился и вышел.

Я следил в окно, как он переходит дорогу: посреди мостовой он внезапно нерешительно остановился, что-то буркнул и оглянулся на наше крыльцо. Меня охватил страх, что его собьет машина, но тут он расправил плечи и медленно пошел дальше.

А иногда получить ясную картину не удастся и по телефону.

– Боб Фрай говорит.

– Доброе утро. Хэрриот слушает.

– У меня свинья что-то не того.

– А-а! Так что с ней?

Булькающий смешок.

– Это вы мне скажите!

– О!

– Чего бы я стал вам звонить, кабы сам знал, что с ней? Хе-хе-хе!

То обстоятельство, что эту шуточку я слышал уже две тысячи раз, не меньше, помешало мне от всей души присоединиться к его смеху, но какое-то кудахтанье я из себя выдавил.

– Совершенно верно, мистер Фрай. Нуте-с, почему же вы мне звоните?

– Так я же объяснил, черт дери! Чтобы узнать: что с ней такое.

– Это я понял, но мне нужно знать поподробнее. Вы сказали, что с ней что-то не того. Но что именно?

– Куксится чего то.

– Да-да. Но не могли бы вы объяснить, в чем это заключается?

Пауза.

– Понурая она какая-то.

– Что-нибудь еще?

– Да нет вроде. Вообщедохлая она, если на то пошло.

Я ненадолго задумался.

– Так... э... Я попробую спросить вас немножко по-другому: Зачем вы мне звоните?

– Звоню, потому что вы ветеринар. Это же ваша работа, разве нет?

Я предпринял новую попытку.

– Было бы лучше, если бы я знал, что с собой захватить. Какие у нее симптомы?

– Симптомы-то? Ну, неможется ей вроде бы.

– Да, но как она себя ведет?

– А никак. Потому я и забеспокоился.

– Гм, гм! – Я поскреб в затылке. – Ей что – очень плохо?

– Да уж не хорошо.

– Вы, кажется, сказали, что дело срочное?

Новая долгая пауза.

– Ну, она не так, чтобы уж, а только и не очень. Совсем тела не нагуливает.

– Вот-вот. И давно это с ней?

– Да уж порядком.

– Ну, а точнее?

– Чего уж там говорить. Давненько.

– Мистер Фрай, мне необходимо знать, как давно у нее наблюдаются эти симптомы. Сколько времени назад они появились?

– А-а! Да с той поры, как мы ее купили...

– И когда же вы ее купили?

– Да тогда же, как и всех прочих...

Мне всегда нравилось работать со студентами. Для получения диплома им полагается пройти шесть месяцев практики, и обычно почти все свои каникулы они проводят у какого-нибудь ветеринара.

У нас, разумеется, имелся свой студент-надомник в лице Тристана, но он принадлежал к особой категории. Учить его не приходилось вовсе: он словно сам все знал и впитывал сведения не только без усилий, но и незаметно для окружающих. Если я брал его с собой, то на ферме он чаще всего сидел в машине, уткнувшись в свою любимую газету и покуривая.

Настоящие же практиканты попадали к нам самые разные – и из деревни, и из города, и туповатые, и умницы, но, как я уже сказал, мне нравилось работать со всеми без различия.

Во-первых, ездить с ними по вызовам было гораздо веселее. Значительную часть жизни деревенский ветеринар проводит в одиноких разъездах, а тут было с кем поболтать в дороге. И какое блаженство, когда есть кому открывать ворота! На дорогах к отдаленным фермам ворот всегда уйма. Например, та, которая внушала мне особый ужас, была перегорожена в восьми местах! Даже трудно передать словами, какое дивное ощущение тебя охватывает, когда останавливаешь машину перед воротами, а открывать их вылезает кто-то другой!

Про удовольствие задавать студентам каверзные вопросы я уж не говорю. Мои собственные занятия и экзамены были еще свежи в памяти, а к ним добавлялся обширный практический опыт, накопленный за без малого три года в окрестностях Дарроуби. Осматриваешь животное, словно мимоходом

спрашиваешь о том о сем и проникаешься сознанием собственной значимости, наблюдая, как молодой человек поживает – ну точь-в-точь я сам совсем еще недавно! Пожалуй, уже в те дни у меня начинал складываться прочный стереотип. Незаметно для себя я приобретал привычку задавать определенный ряд излюбленных вопросов, что свойственно многим экзаменаторам, и через годы и годы случайно подслушал, как один юнец спросил другого: "Он тебя уже допрашивал о причинах судорог у телят? Ничего, еще спросит!" Каким старым я вдруг ощутил себя! Зато в другой раз бывший практикант с новехоньким дипломом кинулся ко мне, клянясь поставить мне столько кружек пива, сколько я захочу. "Знаете, о чем меня спросили на последнем устном? О причинах судорог у телят! Экзаменатора я совсем доконал: он просто умолял меня замолчать!"

Студенты были полезны во многих отношениях – бегом притаскивали из багажника нужные инструменты и лекарства, тянули веревки при трудных отелах, умело ассистировали при операциях, покорно выслушивали перечень моих тревог и сомнений. Не будет преувеличением сказать, что недолгое их пребывание у нас буквально переворачивало мою жизнь.

А потому в начале этих пасхальных каникул я стоял на станционной платформе и встречал поезд в предвкушении многих приятных часов. Этого практиканта нам рекомендовал кто-то из министерства – и в самых лестных выражениях: "Замечательная голова. Кончает последний курс в Лондоне. Несколько золотых медалей. Практику проходил больше городскую и решил, что ему необходимо ознакомиться и с настоящей сельской работой. Я обещал, что позвоню вам. Зовут его Ричард Кармоди".

Студентов-ветеринаров я насмотрелся всяких, но кое-что бывало обычно общим для всех, и я мысленно

рисовал себе молодого энтузиаста в твидовом пиджаке, мятых брюках и с рюкзаком за плечами. Наверное, спрыгнет на платформу еще на ходу. Однако поезд остановился – и никого. Носильщик уже грузил ящики с яйцами в багажный вагон, когда в дверях напротив меня появилась высокая фигура и неторопливо шагнула на перрон. Он? Не он? Но у него, видимо, никаких сомнений не возникло. Он направился прямо ко мне и, протягивая руку, оглядел меня с головы до ног.

– Мистер Хэрриот?

– ...Э... совершенно верно.

– Моя фамилия Кармоди.

– А, да... Отлично! Как поживаете?

Мы обменялись рукопожатием, и я оценил элегантный клетчатый костюм, и шляпу, и сверкающие ботинки на толстой подошве, и чемодан из свиной кожи. Студент особого рода! Очень внушительный молодой человек! Моложе меня года на два, но в развороте широких плеч ощущалась зрелость, волевое красноватое лицо дышало уверенностью в себе.

Я повел его через мост на станционный двор. Когда он увидел мой автомобильчик, бровей он, правда, не поднял, но на заляпанные грязью крылья, треснутое ветровое стекло и лысые покрышки посмотрел весьма холодно. А когда я открыл перед ним дверцу, мне показалось, что он с трудом удержался от того, чтобы не вытереть носовым платком сиденье, прежде чем сесть.

Я показал ему нашу приемную. Я был только партнером, но очень гордился тем, как у нас все устроено, и привык, что и наше скромное оборудование способно произвести впечатление. Но в маленькой операционной Кармоди сказал "хм!", в аптеке – "да-да", а заглянув в шкаф с инструментами – "м-м". На складе он выразился более определенно – протянул руку,

потрогал пакет с адреваном, нашим любимым глистогонным, и произнес с легкой улыбкой:

– Все еще им пользуетесь?

Но когда я провел его через стеклянную дверь в длинный огороженный стеной сад, где в буйной траве золотились желтые нарциссы, а глициния вилась по старинному кирпичу особняка XVIII века, он, хотя и не впал в неистовый восторг, все же смотрел по сторонам с явным одобрением. А в булыжном дворе за садом он поглядел на грачей, галдевших в вершинах могучих вязов, на обнаженные склоны холмов, где дотаивал последний зимний снег и пробормотал:

– Прелестно, прелестно!

Я почувствовал большое облегчение, когда вечером проводил его в гостиницу. Мне требовалось время, чтобы переварить впечатление.

Утром я заехал за ним и увидел, что клетчатый костюм он сменил на почти столь же элегантные куртку и спортивные брюки.

– Ну, а для работы у вас есть что-нибудь? – спросил я.

– Вот! – Он кивнул на чистенькие резиновые сапоги на заднем сидении.

– Это хорошо, но я имел в виду комбинезон или халат. Иногда ведь нам приходится и в грязи возиться.

Он снисходительно улыбнулся.

– Думаю, мне беспокоиться не стоит. Я ведь уже бывал на фермах, как вам известно.

Я пожал плечами и больше к этому не возвращался.

Первым нашим пациентом был охромевший теленок. Он бродил по загону на трех ногах, держа четвертую на весу, и вид у него был очень понурый. Колено больной передней ноги заметно опухло, и, ощупывая его, я ощутил под пальцами какую-то комковатость, словно сгустки гноя. Температура оказалась под сорок.

Я поглядел на фермера.

– У него гнойное воспаление сустава. Вероятно, почти сразу после рождения в организм через пупок проникла инфекция и поразила сустав. Надо принять меры, не то она может распространиться на печень и легкие. Я сделаю ему инъекцию и оставлю вам таблетки.

Я пошел к машине, а вернувшись, увидел, что Кармоди даром время не терял, он кончил ощупывать распухший сустав и внимательно осмотрел пупок. Я сделал инъекцию, и мы отправились дальше.

– А знаете, – сказал Кармоди, когда мы выехали на дорогу, – это вовсе не гнойное воспаление.

– Неужели? – Я немного растерялся. Меня несколько не раздражает, если студенты начинают обсуждать мой диагноз – лишь бы не при фермере, – но пока еще ни один не объявлял мне без обиняков, что я напутал. Я тут же сделал мысленную заметку не допускать этого молодца до Зигфрида. Одно такое заявление – и Зигфрид железной рукой вышвырнет его из машины, хотя он и ражий детина.

– Почему вы так думаете? – спросил я.

– Остальные суставы нормальны, а пупок абсолютно сухой. Ни болезненности, ни припухлости. По-моему, просто вывих.

– Не исключено, но не высоковата ли температура для вывиха?

Кармоди хмыкнул и покачал головой. Он, естественно, остался при своем мнении.

На нашем пути нет-нет да попадались ворота, и Кармоди вылезал их открывать, как самый заурядный смертный, но только с особым неторопливым изяществом. Глядя на его высокую фигуру, на гордо поднятую голову, на модную шляпу, надетую точно под нужным углом, я вновь вынужден был признать, что он производит впечатление. Поразительное для его возраста.

Перед самым обедом я занялся коровой, которая, как сказал по телефону ее хозяин, "вроде бы туберкулез подцепила. Как отелилась, так и пошла чахнуть. Не иначе, как эта подлость с ней приключилась. Ну да сами увидите".

Едва я вошел в коровник, как понял, что с ней. Обоняние у меня очень тонкое и нос сразу ощутил сладковатый запах кетона. Меня всегда охватывала чисто детская радость, когда во время проверки стада на туберкулез, мне выпадала возможность небрежно бросить: "Вон та корова отелилась недели три назад и сильно худеет!" А потом смотреть, как фермер скребет в затылке и спрашивает, как это я догадался.

На этот раз мне представился случай еще больше потешить свое самолюбие.

– Сначала перестала есть концентраты, верно? – И фермер кивнул. – А с тех пор тает как свеча?

– Верно, – сказал фермер. – В жизни не видывал, чтобы корова так сразу зачахла.

– Ну, можете больше не тревожиться, мистер Смит. Туберкулеза у нее нет, а только изнурительная лихорадка, и мы ее живо поставим на ноги.

Изнурительной лихорадкой в этих местах называли ацетонемию [\[5\]](#), и фермер облегченно улыбнулся.

– Вот черт! Ну, я рад. Думал уж пора ее пускать на собачье мясо. Чуть с утра Мэллоку не позвонил.

Теперь мы пользуемся гормональными препаратами, но тогда я, естественно, прибегнуть к ним не мог, а ввел ей внутривенно шесть унций глюкозы и сто единиц инсулина – это было одно из моих излюбленных средств. И пусть нынешние ветеринары смеются – оно давало результаты. Фермер держал корову за нос, но она так ослабела, что вряд ли стала бы сопротивляться. С исхудалой морды на меня смотрели совсем мертвые глаза.

Кончив, я провел рукой по торчащим ребрам, прикрытым словно бы одной кожей.

– Теперь она скоро наберет жирка, – сказал я. – Но больше одного раза в день ее не доите. А если дело не сразу пойдет на лад, так два-три дня совсем не доите.

– Угу. Жир-то у нее в подойник уходил, а не в тело, верно?

– Вот именно, мистер Смит.

Кармоди явно не был в восторге от этого обмена кухонными истинами и нетерпеливо притоптывал ногой. Я понял намек и пошел к машине.

– Дня через два заеду еще раз ее посмотреть, – крикнул я, трогаясь, и помахал мистеру Смиту, глядевшему на нас с порога. Кармоди же торжественно приподнял шляпу и задержал ее так в двух-трех дюймах над волосами, что, решительно, выглядело солиднее. Я заметил, что он проделывал это всякий раз, когда мы покидали очередную ферму, и манера эта меня так очаровала, что я даже поиграл мыслью, не обзавестись ли мне шляпой, чтобы самому попробовать.

Я покосился на моего спутника. Утренний объезд был позади, а я не задал ему ни единого вопроса! Откашлявшись, я сказал:

– Кстати об этой корове. Не могли бы вы просветить меня о причинах ацетонемии?

Кармоди смерил меня непроницаемым взглядом.

– Правду сказать, я пока не уверен, какой теории следует придерживаться. Стивенс утверждает, что она возникает из-за неполного окисления жирных кислот, Шеллема склоняется к токсическому поражению печени, а Янссен предполагает связь с одним из центров вегетативной нервной системы. Мне же кажется, что мы нашли бы ключ к пониманию проблемы, если бы нам удалось выявить точный механизм образования ацетоуксусной и бета-оксимасляной кислот в процессе обмена веществ. Как вы считаете?

– О да... ну, разумеется, дело в том, что окси... что старушка бета-окси... Да-да, все она... Без всякого сомнения.

Я обмяк на сидении и решил больше Кармоди вопросов не задавать. За стеклами мелькали каменные стенки, а я мало-помалу смирялся с мыслью, что здесь в машине рядом со мной сидит сверхчеловек. Действовала она на меня несколько угнетающе. Мало ему быть высоким, красивым, полностью в себе уверенным, так он еще и блестящий талант! И к тому же, подумал я с горечью, очень богат, если судить по его виду.

Мы свернули на проселок. Впереди показалась кучка низких каменных строений. Последнее место, где надо побывать до обеда. Ворота были закрыты.

– Лучше подъехать к службам, – сказал я – Вы не...?

Студент выбрался из машины, отодвинул засов и начал открывать створку. Делал он это, как и все остальное, спокойно, неторопливо, с врожденным изяществом. Он прошел перед машиной, и я вновь впился в него взглядом, дивясь его внутреннему достоинству, холодной невозмутимости... и тут точно из воздуха возникла злобная черная собачонка, бесшумно подскочила к Кармоди, с жестоким упоением погрузила зубы в его левую ягодицу и ускользнула.

Никакая, даже самая монолитная невозмутимость, никакое достоинство не выдержат внезапного болезненного укуса в мягкие части. Кармоди взвизгнул, высоко подпрыгнул, прижимая ладонь к ране, и с ловкостью обезьяны вскарабкался на верхнюю жердь ворот. Примостившись там, он дико озирался из-под сползшей на глаза щегольской шляпы.

– ...! ...!! – взвыл он. – Кой черт...

– Ничего, ничего, пустяки! – успокаивал я его, торопливо шагая к воротам и с трудом подавляя

желание броситься на землю и кататься, кататься по ней, слабея от хохота. – Просто собака!

– Собака? Какая собака? Где?! – истошно кричал Кармоди.

– Убежала, скрылась. Я только-только успел ее заметить.

Я поглядел по сторонам, но стремительная черная тень исчезла бесследно, словно ее никогда и не было.

Сманить Кармоди с верхней жерди на землю оказалось не так-то просто, а спустившись, он, прихрамывая, вернулся в машину и так в ней и остался. Увидев болтающиеся лохмотья еще недавно щегольских брюк, я про себя признал, что он имел право бояться нового нападения. Будь это кто-нибудь другой, я бы сразу же без церемоний предложил ему спустить штаны, чтобы смазать укус йодом, но тут слова застряли у меня в горле, и я пошел в коровник, не предложив ему своих услуг.

Когда Кармоди явился в Скелдейл-Хаус после обеда, он вновь стал самим собой. Брюки он сменил и в машине сидел немного боком, но в остальном мне начинало мерещиться, что эпизода с черной дворняжкой вообще не было. Более того, едва мы выехали из города, он с некоторым высокомерием заявил:

– Послушайте, просто наблюдая за вами, я многому не научусь. Не могли бы вы поручить мне делать инъекции и все прочее? Мне хотелось бы приобрести практический опыт работы с животными.

Вместо ответа я стал еще внимательнее вглядываться в шоссе сквозь сеточку тонких трещинок в ветровом стекле. Не мог же я прямо признаться, что еще только завоевываю доверие фермеров и некоторые из них относятся к моим способностям с заметным сомнением. Наконец, я перевел взгляд на него.

– Ладно. Диагноз ставить должен я, но дальше, где можно, продолжать будете вы.

Вскоре он вкусил практического опыта. Я решил, что помету двухмесячных поросят не повредила бы инъекция сыворотки против *Escherichia coli* и вручил Кармоди бутылку и шприц. Он решительно шагнул в гущу поросят, а я с угрюмым удовлетворением подумал, что, может быть, и не помню всех тонкостей, запечатленных в учебниках мелким шрифтом, но вот загонять поросят в самый грязный угол не стал бы. Поросята при приближении Кармоди с визгом вскочили с соломенной подстилки и всем скопом ринулись в вонючее озерцо мочи у дальней стены. Кармоди хватал одного, а остальные метались взад и вперед, окатывая его фонтанами брызг. И к тому времени, когда ему удалось уколоть последнего, щеголеватый костюм был

весь в желтых пятнах, и мне пришлось опустить стекла в машине, чтобы выдержать его соседство.

Затем мы отправились на большую ферму среди распаханых полей у подножия холмов, где еще сохранялись рабочие лошади. Несколько стойл в длинной конюшне были заняты, и над каждым красовалась дощечка с кличкой: Боксер, Капитан, Бобби, Душка и Ромашка – в двух последних стойлах, естественно, стояли кобылы. Вызвали нас к Томми, заслуженному мерину, ходившему в упряжи, потому что его опять "заперло".

Томми был мой старый приятель. У него часто бывали легкие колики, завершавшиеся запором, и я подозревал, что где-то у него в кишечнике затаился вяло текущий колит. Однако шесть драхм истина в пинте воды неизменно возвращали ему здоровье, и я сразу же начал взбалтывать желтый порошок в бутылке для вливаний. Тем временем фермер с работником развернули лошадь в стойле, продернули веревку под носовой ремень недоуздка, перекинули ее через балку и вздернули голову Томми повыше.

Я вручил бутылку Кармоди и отступил на задний план. Он поглядел вверх и замялся. Мерин был рослый и задранная вверх его голова оказалась вне досягаемости. Но тут работник молча пододвинул колченогую табуретку, Кармоди взгромоздился на нее и пошатнулся.

Я следил за ним с интересом. Делать вливание лошадям всегда не просто, а Томми истина, несмотря на его целебную силу, терпеть не мог. В последний раз я обнаружил, что он наловчился задерживать горькую жидкость в горле, не глотая. Я успел его перехитрить, ударив в челюсть снизу как раз в ту секунду, когда он уже собрался выкашлянуть лекарство, которое он и проглотил с оскорбленным видом. Но процедура эта,

несомненно, все больше и больше превращалась в состязание умов.

И Кармоди с самого начала был обречен. Приступил он к делу неплохо: ухватил мерина за язык и всунул бутылку за зубы, но Томми тут же наклонил голову вбок, и лекарство потекло на пол из уголка рта.

– Молодой человек, все мимо льется! – раздраженно крикнул фермер.

Студент охнул и попытался направить струю в глотку, но Томми уже распознал в нем дилетанта и полностью овладел положением. Искусно поворачивая язык и покашливая, он избавлялся от лекарства, и меня охватила жалость при виде того, как Кармоди балансирует на скрипящей табуретке, а желтая жидкость плещет и плещет на его одежду.

В заключение фермер заглянул в опустевшую бутылку.

– Ну, что-то коняге, может, и досталось, – кисло заметил он.

Кармоди обратил на него невозмутимый взгляд, вытряхнул из рукава несколько капель истина в растворе и широким шагом покинул конюшню.

На следующей ферме я с изумлением обнаружил в себе садистскую жилку. Хозяин славился свиньями крупной белой породы. Он продавал матку за границу, и у нее надо было взять кровь для проверки на бруцеллез. Извлечь несколько кубиков крови из ушной вены сопротивляющейся свиньи – это задача, ввергающая в дрожь и заматерелых ветеринаров, а поручить ее студенту было явной подлостью, но его холодно самоуверенная просьба в начале вечернего объезда словно усыпила мою совесть. Я протянул ему шприц недрогнувшей рукой.

Работник сунул матке в рот веревочную петлю и крепко затянул пяточок, зацепив за клыки. Это обычный способ, вполне безболезненный, но матка

принадлежала к тем свиньям, которые не терпят никаких посягательств на свою особу. Она обладала редкой дородностью и, едва почувствовав во рту веревку, разинула его, как могла шире с протяжным обиженным визгом. Силы этот звук был необычайной, а она продолжала тянуть ноту, словно и не думая переводить дух. Перекричать ее нечего было и мечтать – я только смотрел, как Кармоди под этот оглушительный аккомпанемент наложил резиновый жгут на основание уха, протер поверхность спиртом и воткнул иглу в небольшой сосуд, но безрезультатно. Он попробовал еще раз, однако шприц упрямо оставался пустым. Еще две-три попытки – и, чувствуя, что голова у меня вот-вот развалится на куски, я вышел из свинарника в благословенную тишину двора.

Я неторопливо обогнул свинарник и минуту-две постоял, любясь видом у дальнего его конца, где визг звучал почти глухо. Но когда я вернулся внутрь, он ввинтился мне в уши, как пневматическое сверло. Совсем взмокший Кармоди – глаза у него заметно вылезли на лоб – при моем появлении оторвал взгляд от уха, которое продолжал бесплодно ковырять иглой. Хорошенького понемножку, подумал я, жестом показал студенту, что хочу попробовать сам, и по счастливой случайности сразу же наполнил шприц темной кровью. По моему знаку работник убрал веревку, и свинья, смолкнув, как по мановению волшебной палочки, принялась благодушно рыться пяточком в соломе.

– Теперь ничего особенно любопытного не ждите, – сказал я, старательно изгоняя из голоса малейший намек на злорадство, когда мы отправились дальше. – Бычок с опухолью на нижней губе. Но стадо интересное – одни голлуэи. Причем эта группа зимовала на пастбище, и закалены они все как на подбор.

Кармоди кивнул. Любая моя попытка расшевелить его разбивалась о стену холодного безразличия. Для

меня же это черное полудикое стадо всегда таило особое обаяние. Имея с ними дело, никогда нельзя предугадать заранее, что тебя ждет. Иногда их удавалось изловить для осмотра, иногда нет.

Когда мы подъезжали к ферме, справа от нас по неровному склону холма скатилась черная полна, примерно из тридцати бычков. Работники гнали их через редкие кусты дрока и чахлые купы деревьев туда, где две каменные стенки смыкались под острым углом.

Один работник помахал мне.

– Попробуем веревку на него накинуть, когда он со своими дружками в стенку упрется. Такой подлюга, что на лугу к нему и не подступишься!

Они продолжали кричать, размахивать руками, метаться из стороны в сторону, но, наконец, бычки сбились в тесную кучку в углу, тревожно косясь. Их косматые черные загривки словно купались в пару, поднимавшемся от разгоряченных боков.

– Вон он! У него эта штука на морде! – Работник указывал на крупного бычка в центре. Еще не договорив, он начал проталкиваться к нему. Мое преклонение перед йоркширскими сельскими рабочими получило новую пищу, пока я следил, как он пробирается между мечущимися брыкающимися животными. – Как я веревку накину, все хватайте тот конец! Одному его не удержать! – распорядился он хрипло, почти достигнув своей цели.

В его умении сомневаться не приходилось: уверенным движением он точно набросил петлю на шею бычку.

– Попался! – крикнул он. – Веревку хватайте! Теперь он от нас не уйдет!

Словно в ответ бычок оглушительно замычал и ринулся вперед. Работник с отчаянным воплем исчез в гуще черных тел. Веревка ускользнула из-под наших рук. Но когда бычок промчался мимо Кармоди, тот

инстинктивно вцепился в проползавшую перед ним веревку и повис на ней.

Я замороженным взглядом следил, как человек и бык несутся через луг. Они удалялись в сторону дальнего склона. Бычок летел, пригнув голову, работая ногами, как скаковая лошадь, студент тоже бежал что есть мочи, но выпрямившись, обеими руками сжимая натянутую веревку с видом непреклонной решимости.

В своей роли беспомощных зрителей работники и я молча смотрели, как бычок внезапно свернул влево и скрылся за невысокими деревцами. Казалось, прошли минуты, прежде чем он вновь появился, хотя на самом деле это заняло считанные секунды. Но мчался он теперь еще быстрее, черной молнией мелькая между кустами. Против всякого вероятия Кармоди все еще держал веревку и все еще сохранял вертикальную позицию, но длина его шага увеличилась до немыслимости, и казалось, что ноги его попеременно касаются дерна через каждые двадцать футов, если не больше.

Я подивился такому упорству, но развязка приближалась неумолимо. Еще несколько гигантских парящих прыжков – и он хлопнулся наземь ничком, но веревки не выпустил. Бычок, припустив еще пуще, повернул в нашу сторону, играючи волоча за собой неподвижное тело, и я содрогнулся, заметив, что путь его лежит по длинному ряду коровьих лепешек.

И вот, когда Кармоди, лицом вниз, проволочился через третью, я вдруг почувствовал, что он мне нравится. Его руки, наконец, разжались, но он продолжал неподвижно лежать, и я кинулся к нему на помощь. Поднявшись, он коротко меня поблагодарил и невозмутимо устремил взгляд на дальний край луга, на зрелище, знакомое каждому сельскому ветеринару, – его пациент, сотрясая землю тяжким топотом, исчезал в необъятном просторе.

Узнать Кармоди было трудновато. Его лицо и одежду сплошь облеплял навоз, из-под которого кое-где, словно боевая раскраска, проглядывали желтые полосы истина. От него разило, как из открытой двери хлева, он был укушен собачонкой, весь день его преследовали неудачи – и все-таки каким-то образом он не был побежден. Я улыбнулся про себя. Просто этот молодой человек не подходил под обычные мерки. Если я вижу что-то незаурядное, я его распознаю.

Кармоди оставался у нас две недели, и после этого первого дня мы с ним более или менее поладили. Нет, конечно, не так, как с другими студентами: барьер сдержанности так и не исчез. Он часами сидел над микроскопом, изучая мазки крови, соскобы, капельки молока, и каждый день собирал новый материал для анализов, не пропуская ни единого мало-мальски интересного случая. Он вежливо принимал мое приглашение выпить пива после вечернего объезда, но мы с ним не смеялись и не перебирали события дня, как с другими практикантами. Меня не оставляло ощущение, что ему не терпится поскорее взяться за свои записи и пробы.

Но я не обижался. Наоборот, такое соприкосновение с умом истинно научного склада меня очень занимало. И он совершенно не походил на привычный тип усердного зубрилы. Интеллект его был холодным и острым – наблюдая за его работой, я кое-что почерпнул и для себя.

В следующий раз я встретился с Кармоди через двадцать с лишним лет. Я видел его фамилию в "Рикорд" – первой в списке выпускников его года, а затем он исчез в лабиринтах мира научных исследований и вновь появился уже со степенью, к которой год за годом добавлялись все новые степени и ученые звания. Порой я натыкался на его фамилию под неудобоваримой статьей в каком-нибудь специальном

издании, и становилось все привычнее встречать в новых работах ссылки на выводы доктора Кармоди.

Вживе я увидел его на банкете – почетного гостя, международную знаменитость, отмеченную всевозможными премиями и отличиями. Сидя за боковым столиком в углу, я слушал его мастерскую ответную речь, как нечто само собой разумеющееся: великолепное владение предметом, блистательное изложение – так я же еще когда мог предсказать все это!

Потом мы встали из-за стола, он переходил от группы к группе, здороваясь, разговаривая, а я с почтением взирал на приближавшуюся внушительную фигуру. Кармоди и в юности был крупен, но сейчас фрак обтягивал неправдоподобно массивные плечи, сияющий белизной необъятный пластрон плотно облегал выпуклость брюшка, и он производил впечатление гиганта. Проходя мимо, он остановился и взглянул на меня.

– Хэрриот, если не ошибаюсь? – благообразное румяное лицо все так же дышало спокойной силой.

– Совершенно верно. Рад вас снова видеть.

Мы обменялись рукопожатием.

– И как у вас дела в Дарроуби?

– Да все обычно, – ответил я. – Работы невпроворот. Если у вас будет настроение, приезжайте помочь.

Кармоди кивнул вполне серьезно.

– С большим бы удовольствием. Мне это было бы очень полезно.

Он сделал шаг и остановился.

– Но если вам потребуется взять кровь у свиньи, пожалуйста, сразу же меня вызовите.

Наши взгляды встретились, и в ледяной голубизне его глаз вдруг затеплилась веселая искорка.

Он пошел дальше. Я еще смотрел на его удаляющуюся спину, когда кто-то ухватил меня за

локоть. Брайн Миллер, такой же никому не известный счастливо практикующий ветеринар, как и я.

– Идемте, Джим! Угощаю! – сказал он.

Мы прошли в буфет и взяли две кружки пива.

– Уж этот мне Кармоди! – объявил Брайан. – Ум, конечно, огромный, а так сухарь из сухарей.

Я отхлебнул, посмотрел в кружку и, помолчав, ответил:

– Ну, не скажите. Бесспорно, он такое впечатление производит, но человек он что надо.

Ни один ветеринар не любит, чтобы ему затрудняли работу, и, продолжая нащупывать ягнят, я не сдержал раздражения.

– Право же, мистер Китсон, – сказал я сердито, – вам следовало бы вызвать меня пораньше. Сколько времени вы пытались помочь ей разродиться?

Фермер что-то буркнул с высоты своего роста и пожал плечами.

– Да самый чуток. Недолго, в общем-то.

– Полчаса? Час?

– Куда там! Ну, может, минут пяток.

Мистер Китсон нацелил на меня острый нос и хмурый взгляд. Впрочем, это было его обычное выражение: я никогда не видел, чтобы он улыбался, а представить себе, что его обвислые щеки колыхнутся от веселого смеха было и вовсе невозможно.

Я скрипнул зубами и решил молчать, но я-то знал, что за пяток минут стенка влагалища не могла бы так распухнуть, а ягнята – стать сухими, точно наждачная бумага. И ведь предлежание было правильным: головное у одного, тазовое у другого. Но только, как часто бывает, задние ножки одного лежали по сторонам головы второго, создавая иллюзию, будто они принадлежат ему же. Я готов был побиться об заклад, что мистер Китсон вдосталь повозился тут своими грубыми лапищами, упрямо стараясь вытащить эту головку и эти ножки обязательно вместе.

Да вызови он меня сразу, мне и минуты бы не понадобилось, а теперь вот ни дюйма свободного пространства, работать приходится одним пальцем – и все без толку. Вот если бы всеми пятью!..

К счастью, нынешние фермеры редко устраивают вам такие сюрпризы. Во время окота я обычно слышу: "Ну, нет, я пощупал и сразу понял, что мне это не по зубам". Или же, как на днях мне сказал хозяин овчарни: "Двоим с одной маткой возиться, да разве же это дело?" По-моему, лучше не скажешь.

Но мистер Китсон принадлежал к старой школе. И ветеринара звал, только перепробовав все остальное, а прибегнув к нашим услугам, обычно оставался очень и очень недоволен результатами.

– Бесполезно – сказал я, извлекая руку и быстро прополаскивая ее в ведре. – Надо что-то сделать с этой сухостью.

Я прошел по всей длине старой конюшни, превращенной во временный приют для ягнящихся овец, и вынул из багажника тубик с кремом. На обратном пути я расслышал слабый стон где-то слева. Освещена конюшня была слабо, а самый темный угол был еще отгорожен старой дверью, снятой с петель. Я заглянул в этот импровизированный закуток и с трудом разглядел лежащую на груди овцу. Голова ее была вытянута, ребра поднимались и опадали в ритме частого трудного дыхания. Так дышат овцы, испытывая непрерывную боль. Иногда она тихо постанывала.

– Что с ней такое? – спросил я.

Мистер Китсон угрюмо поглядел на меня из противоположного угла.

– Вчера окотилась, да неудачно.

– Как – неудачно?

– Ну-у... ягненок один, крупный, а нога назад завернута.

– И вы его так и вытащили... с завернутой ногой?

– А что еще делать-то было?

Я перегнулся через дверь и приподнял хвост, весь в кале и выделениях. Я даже вздрогнул – таким все там было синим и распухшим.

– Ею следовало бы заняться, мистер Китсон.

– Да нет! – В голосе фермера послышалась досада. – Не к чему это. Посмотрите вы ее, не посмотрите – все едино.

– Вы думаете, она умирает?

– Угу.

Я провел ладонью по ее голове. Губы и уши холодные. Пожалуй, он прав.

– Так вы уже Мэллоку позвонили? Ее надо бы поскорее избавить от лишних страданий.

– Да позвоню я, позвоню... – Мистер Китсон переступил с ноги на ногу и отвел глаза.

Я прекрасно все понял. Он твердо намеревался предоставить овце страдать до конца – "может еще и оклемается". Пора окота всегда была для меня полна радости и удовлетворения, но тут передо мной была другая сторона медали. В сельском календаре это лихорадочное время, добавляющее к обычным заботам сразу кучу новых хлопот, – и в некоторых отношениях оно истощает все резервы сил и фермеров, и ветеринаров. Буйный поток новой жизни оставляет по берегам исковерканные обломки – овец, слишком старых для последней своей беременности, ослабленных болезнями вроде фасциолеза или токсемии, страдающих воспалением суставов или просто "окотившихся неудачно". Нет-нет, да и наткнешься в каком-нибудь темном углу на такую овцу, брошенную там без всякой помощи – "авось, сама оклемается".

Я молча вернулся к своей пациентке. Крем сыграл свою роль, и я смог вести дальнейшее обследование почти всеми пальцами. Надо было решить, с какого ягненка начать, но поскольку голова уже продвинулась относительно далеко, логично было заняться тем, которому она принадлежала.

С помощью фермера я водворил задние ноги овцы на тук соломы и, используя наклон, осторожно отодвинул ножки в глубину. В освободившемся пространстве мне удалось зацепить скрюченным пальцем передние ножки, отогнутые вдоль ребер назад, и вывести их в проход. Еще колбаска крема, еще несколько секунд осторожных маневров – и ягненок появился на свет.

Но слишком поздно. Крохотное существо было мертво, и, как всегда, при виде крепкого красивого тельца, которому не хватало только искры жизни, меня захлестнула горькая волна разочарования.

Я торопливо намазал руку еще раз и нащупал второго, отодвинутого вглубь, ягненка. Места теперь было много, и мне удалось зацепить его всей кистью. Остальное было делом минуты. О том, что второй ягненок жив, казалось, не могло быть и речи, и я просто торопился помочь овце. Однако едва я извлек его, как ощутив холод окружающего воздуха, он судорожно дернулся, и, держа в ладонях мягонькое пушистое шевелящееся тельце, я понял, что все в порядке.

Странно, как часто так случается: вытаскиваешь мертвого, уже давно тронутого разложением ягненка, а позади него ждет своей очереди живой! И все-таки это была нежданная радость. У меня полегчало на душе, когда я очистил его рот от слизи и подложил к матери – пусть оближет. На всякий случай я проверил, не прятался ли за ним еще и третий, но ничего не обнаружил и распрямился.

– Ну, особых повреждений нет, и думаю, ей ничего не грозит, – сказал я – Не могли бы вы принести мне чистой воды, мистер Китсон? Будьте так добры!

Фермер вылил грязную воду на пол и вышел из конюшни. В наступившей тишине до меня донеслись звуки тяжелого дыхания овцы в темном углу. Я попытался отогнать от себя мысль о том, что ей еще

предстоит вытерпеть. Сам я скоро отправлюсь по другим вызовам, потом пообедаю, начну вечерний объезд, а здесь в темном унылом углу бедное животное будет долго и мучительно агонизировать. Сколько времени продлится это умирание? Сутки? Двое суток?

Нет, не могу! Надо что-то сделать! И, припустив бегом к машине, я схватил флакон с нембуталом, большой шприц на пятьдесят кубиков и метнулся назад в конюшню. Одним прыжком перемахнув через старую дверь, набрал в шприц сорок кубиков и ввел их в брюшную полость умирающей овцы. Я выпрыгнул наружу, пронесся через конюшню, и, когда появился мистер Китсон с полным ведром, с невинным видом стоял там, где он меня оставил.

Растеревшись полотенцем, я надел пиджак и взял бутылку с антисептическим средством, а также тюбик с выручившим меня кремом.

Мистер Китсон пошел впереди меня по проходу и по дороге заглянул в отгороженный дверью угол.

– Ну, ей уже недолго осталось! – буркнул он.

Я посмотрел через его плечо. Овца уже не задыхалась и не стонала. Бока ее чуть приподнимались и опадали равномерно и редко. Глаза были закрыты. Она погрузилась в сон, который незаметно перейдет в тихую смерть.

– Да, – сказал я. – Она явно слабеет. Думаю, теперь уже скоро. – Не удержавшись, я добавил: – Вы потеряли эту овцу и того ягненка. А ведь я, почти наверное, спас бы их для вас, если бы вы дали мне такую возможность.

Быть может, мои слова произвели впечатление на мистера Китсона. Во всяком случае, через несколько дней он вызвал меня к овце, которой сам явно не помогал разродиться. Она паслась на лужке перед домом, битком набитая ягнятами – такая бочкообразная, что еле передвигала ноги. Но вид у нее был здоровый и веселый.

– Прямо чертов клубок какой-то, – угрюмо объяснил мистер Китсон. – Я две головы нащупал, а ног и не разберешь сколько. Совсем запутался, черт их дери!

– Но вы не очень старались распутать?

– Да нет. И не трогал ничего.

Несомненный прогресс! Мистер Китсон ухватил овцу за шею, а я опустился позади нее на колени и обмакнул руки в ведро с водой. Против обыкновения утро выдалось теплое. Вообще-то время, когда в Йоркшире ягнятся овцы, в моей памяти прочно связано с резким ветром, гуляющим по жухлой траве на склонах, с растрескавшейся кожей на руках, с пальцами, ноющими от холода, перчатками, шарфами, онемевшими кончиками ушей. Уроженец Глазго, я год за годом ждал теплой душистой весны, такой обычной на западе Шотландии. Вот уже тридцать лет прошло, а я все жду, и в душу ко мне медленно закрадывается подозрение, что в Йоркшире я ничего подобного никогда не дождусь.

Но это утро выдалось особенное. Теплое солнце лило лучи с безоблачного неба, ветра не было, и лишь легкий зефир овеивал меня ароматами полевых цветов и нагретой солнцем травы. А мне предстояла самая любимая моя работа. Я чуть было не засмеялся от чистой радости, когда ввел руку. Места сколько угодно! Все влажное, как положено, ничего не подпорчено! А размотать этот клубочек проще простого. И секунд через тридцать передо мной на траве закопошился ягненок, а несколько секунд спустя – второй и третий. После чего к вящему моему восторгу я, продвинув руку глубже, обнаружил еще одно раздвоенное копытце и извлек на свет четвертого ягненка.

– Четверня! – весело крикнул я, но фермер моего восхищения не разделил.

– Куда их столько! – пробурчал он – Только лишние хлопоты. Двух ей и за глаза хватило бы. – Он умолк и

посмотрел на меня особенно кисло. – А вот уж вас-то звать и вовсе не к чему было. Так-то я бы и сам справился.

Я только печально посмотрел в ответ, не вставая с корточек. Уж такая наша профессия: ты всегда в проигрыше. Будешь долго возиться – никуда ты не годен, а сделаешь все быстро – незачем тебя и вызывать было! Я в свое время отверг совет одного моего старого искушенного коллеги, который не без цинизма поучал меня: "Никогда при окоте не торопитесь! Если понадобится, так этих чертенят и поглубже затолкнуть можно. Лишь бы видимость была!" Но в такие минуты я его хорошо понимал.

Впрочем, я быстро утешился, наблюдая за четырьмя ягнятами. Как часто у меня сердце болело за новорожденных, явившихся на свет в самую мерзкую погоду, порой даже в снег или гололедицу! Но нынче было одно наслаждение смотреть, как они стараются встать на ножки под ласковым солнцем, а их мохнатая шкурка уже почти совсем высохла. Мать, как по волшебству, обретшая стройность, зачарованно переходила от одного к другому, будто не веря собственным глазам. Она обнюхивала их, облизывала, и вскоре в ответ на ее утробные смешки слышались тоненькие дрожащие фальцеты ее семейства. От этого пленительного разговора меня отвлек фермер.

– А вон матка, которую вы тогда опростали.

Я оглянулся, да, гордо семенит мимо, а сбоку трусит малыш.

– Да-да. Выглядит она прекрасно. – Взглянуть на нее было приятно, но чуть подальше, я увидел... Обычно я овец различаю плохо, но у этой была особая примета, запомнившаяся мне пролысина, полоска голой кожи, обтягивающая позвонки. Нет, я не ошибаюсь! И, махнув в ту сторону рукой, я спросил:

– А вот эта, там?..

Фермер посмотрел, куда я указываю.

– Ну, да, та самая, которая в конюшне лежала, когда вы в прошлый раз приезжали. – Он перевел на меня ничего не выражающий взгляд. – Та самая. Вы еще мне велели Мэллоку позвонить.

– Но... но она же умирала! – выпалил я.

Уголки губ мистера Китсона дернулись почти в подобии улыбки.

– Так вы тогда и говорили, молодой человек. – Он сгорбил плечи. – Дескать ей недолго осталось. Верно?

Мне нечего было ответить. Я уставился на него в изумлении. Но он, вероятно, был удивлен не меньше, потому что продолжал:

– Одно я вам скажу. Я с овцами, можно сказать, весь свой век прожил, так эдакого я ни разу не видел. Она просто взяла да заснула.

– Неужели?

– Вот-вот! Говорю же вам заснула, да два дня и проспала.

– Она проспала два дня?

– Вот-вот! Два дня. Что я, шучу что ли? Я все в конюшню заглядывал, а она спит себе да спит. Прележала смирнехонько ночь, и еще день, и еще ночь. А на третье утро захожу, а она уже стоит – корм ей, значит, подавай!

– Поразительно! – Я выпрямился. – Я должен посмотреть на нее поближе.

Мне действительно хотелось взглянуть, как рассосался этот страшный синий отек под хвостом, и я подходил к ней осторожно, мало помалу оттесняя ее в дальний угол лужка. Там мы на несколько секунд замерли в напряжении. Я сделал обманный выпад, она ловко увернулась. Еще один – то же самое. И тут я прыгнул, чтобы вцепиться ей в шерсть, но она легко предугадала мое намерение и проскочила у меня между рук, мелко стуча копытцами. Я было погнался за ней,

но было слишком жарко, да и резиновые сапоги – не самая идеальная обувь для того, чтобы бегать по лугу. И вообще я давно пришел к выводу, что в тех случаях, когда ветеринару не удастся изловить своего пациента, беспокоиться особенно незачем.

Но пока я шел назад, в голове у меня билась мысль, что я открыл нечто новое, случайно открыл. Жизнь этой овце спасли не медикаменты, а просто то, что она перестала чувствовать боль, и природа могла без помех заняться своей целительной работой. Этого урока я не забыл: животное, испытывающее сильную непрерывную боль, может не выдержать сопутствующих ей ужаса и шока. Тогда оно умирает. Но если снять эту боль, не исключены подлинные чудеса. Найти логическое объяснение не берусь, но я знаю, что это так.

К тому времени, когда я вернулся к мистеру Китсону, солнце совсем сожгло мне шею, а по спине поползли струйки пота. Фермер все еще следил за овцой, которая после лихой пробежки с удовольствием щипала траву.

– Ну, просто в толк не возьму, – бормотал он, почесывая щетинистый подбородок. – Два дня и две ночи – и хоть бы шелохнулась! – Он обернулся ко мне, и глаза его расширились: – Знаете, молодой человек, ну, прямо будто ее одурманили чем!

Овца мистера Китсона никак не выходила у меня из головы, но изгнать ее все-таки пришлось: окот продолжался, однако и другие животные не прекратили болеть, задавая всякие практические задачки. Как, например, Пенни, пудель Флакстонов.

Первое появление Пенни у нас в приемной запомнилось мне главным образом потому, что ее хозяйка была очень привлекательной. Когда я высунул голову из смотровой и спросил: "Кто следующий?", круглое личико миссис Флакстон под плотной шапочкой глянцевиных иссиня-черных волос словно озарило все вокруг как вспышка маяка. Не исключено, что этому эффекту способствовали ее соседи, слоноподобная миссис Бармби с канарейкой, которой требовалось подстричь коготки, и мистер Спенс, девяностолетний старец, пришедший за порошком от блох для своей кошки. Тем не менее смотреть на нее было очень приятно. И дело было не столько в ее бесспорной миловидности, сколько в наивной доверчивости ее взгляда, в улыбке, не сходявшей с губ. Сидевшая на ее коленях Пенни тоже словно бы улыбалась из-под высокого кока каштановых завитков.

В смотровой я поставил ее на стол.

– Так что с ней?

– Ее немножко рвало. И еще понос. Началось вчера.

– Гм... – Я повернулся и взял термометр. – Какие-нибудь изменения в питании?

– Нет, никаких.

– У нее есть привычка хватать на прогулке всякие отбросы?

Миссис Флакстон покачала головой.

– Я не замечала. Но, наверное, даже самая воспитанная собака может не устоять перед соблазном и куснуть мертвую птицу или еще какую-нибудь мерзость! – Она засмеялась, и Пенни засмеялась ей в ответ.

– Ну, температура у нее чуть повышенная, однако ее это как будто не угнетает. – Я подsunул руку ей под живот. – Что же, Пенни, пощупаем твоё пузичко.

Нажимал я очень легко, но пуделек вздрагивал все время, пока я исследовал желудок и кишечник.

– Гастроэнтерит, – сказал я. – Но, видимо, очень легкий и должен скоро пройти. Я дам вам лекарство, и несколько дней держите ее на легкой диете.

– Обязательно. Благодарю вас! – Миссис Флакстон потрепала Пенни по голове и нежно ей улыбнулась.

Она была очень молода – лет двадцати трех, не больше, и поселилась в Дарроуби с таким же молодым мужем совсем недавно. Он служил в крупной сельскохозяйственной фирме, специализировавшейся на торговле костной мукой и концентратами, и во время объездов я иногда встречал его на фермах – такого же милого и дружелюбного, как и его жена, как и – если на то пошло – как и его собака.

Я отправил миссис Флакстон домой с бутылкой микстуры: висмут, белая глина и хлородин. Одно из наших излюбленных средств. Пуделек сбежал с крыльца, помахивая хвостом, и я искренне не ждал никаких осложнений.

Однако три дня спустя я снова увидел Пенни в приемной. Рвота усилилась, а понос не уменьшился.

Я опять поднял пуделька на стол и снова осмотрел, но ничего существенного не обнаружил. Пенни, конечно, должна была ослабеть, ведь шел уже шестой день ее болезни, но, хотя бойкости в ней чуть-чуть и поубавилось, выглядела она вполне бодрой. Той-пудель,

хотя и невелик, но очень крепок и вынослив, так что запас сил у Пенни оставался еще достаточный.

Тем не менее я встревожился. Надолго ли его хватит? Дам-ка я ей активированный уголь с вяжущими средствами. Результаты это обычно приносит неплохие.

– Вид, правда, не ахти какой, – сказал я, вручая миссис Флакстон коробочку черных крупинок. – Но в их пользе я не раз убеждался на опыте. Подмешивайте ей в еду, она ведь еще ест.

– Спасибо! – Одарив меня одной из своих сияющих улыбок, она спрятала коробочку в сумочку, и я проводил ее на крыльцо. У решетки стояла детская коляска и, еще не заглянув внутрь, я знал, какого увижу там младенца. Я не ошибся. Пухлая мордашка на подушке уставилась на меня доверчивыми круглыми глазенками и расплылась в радостной улыбке.

Все семейство казалось на редкость симпатичным, однако, глядя вслед миссис Флакстон, я ради Пенни от души пожелал подольше с ними не видеться. Но все. Через два дня они вернулись, и пуделек был уже плох. Пенни, пока я ее осматривал, стояла неподвижно, глядя перед собой тусклыми глазами. Я разговаривал с ней, гладил по голове, но она лишь изредка чуть шевелила хвостом.

– Боюсь, ей не лучше, мистер Хэрриот, – сказала ее хозяйка. – Она почти ничего не ест, а если и проглотит кусочек, он в ней не задерживается. И ее все время мучит жажда. Просто не отходит от миски с водой. И тут же все назад.

Я кивнул.

– Обычная картина. Из-за воспаления ей хочется пить, а чем больше она пьет, тем сильнее рвота. И это страшно ее ослабляет.

Вновь я переменил лечение. По правде говоря, за следующие дни я перепробовал все существовавшие тогда лекарства. Чем только я не пичкал злополучную

собачку! Мне оставалось лишь виновато улыбаться. Порошки ипекакуаны и опиума, салициловокислый натрий и настойка камфары, не говоря уж о таких экзотических и, к счастью, давно забытых снадобьях, как декокт гематоксилина или гвоздичное масло. Возможно, я чего-нибудь и добился бы, будь в моем распоряжении антибиотики вроде неомицина, ну а так...

Пенни я навещал ежедневно – носить ее в приемную было уже нельзя. Я посадил ее на диету из аррорутовой муки и кипяченого молока, но и от нее, как и от лекарств, толку не было ни малейшего И пуделек таял прямо на глазах.

Развязка наступила в три утра. Я взял трубку, не поднимая головы с подушки, и услышал дрожащий голос мистера Флакстона.

– Ради бога извините, что я бужу вас в такое время, мистер Хэрриот. Но, может быть, вы приедете к Пенни?

– А что? Ей хуже?

– Да. И она... ей, боюсь, очень больно. Вы ведь заезжали к ней днем? Потом она пила, не переставая, и ее непрерывно рвало. И понос не прекращался. Мне кажется, она совсем... Лежит пластом в своей корзинке и плачет. По-моему, она очень страдает.

– Да-да, я сейчас буду.

– Спасибо... – Он помолчал. – И вот что, мистер Хэрриот... Вы захватите все, что надо, чтобы?..

Глухой ночью я редко просыпаюсь в бодром настроении, и сердце у меня сразу налилось свинцом.

– Уже так плохо?

– Честно говоря, у нас просто сил больше нет на нее смотреть. Жена в таком состоянии... Боюсь, она долго не выдержит.

– Ах, так... – Я повесил трубку и сбросил с себя одеяло с такой злобой, что разбудил Хелен. Просыпаться среди ночи – это одно из многих

неудобств, на которые обречена жена всякого ветеринара, но обычно я вставал и собирался как мог тише. На этот раз, однако, я одевался, расхаживая по спальне, и бормотал вслух. Конечно, Хелен хотелось узнать, какая произошла катастрофа, но она благоразумно хранила молчание. Наконец я погасил свет и вышел.

Ехать мне было недалеко. Флакстоны поселились в одном из новых особнячков на Бротонском шоссе, примерно в миле от города. Молодые супруги в халатах проводили меня на кухню, и, еще не дойдя до собачьей корзинки в углу, я услышал, как скулит Пенни. Она лежала на груди, а не уютно свернувшись калачиком, и вытягивала шею, видимо, испытывая сильную боль. Я подсунул под нее ладонь и приподнял ее. Она была легче пушинки. Той-пудели и в расцвете сил весят немного, но после стольких дней изнурительной болезни Пенни и правда напоминала комочек грязного тополиного пуха. Ее курчавая коричневая шкурка была выпачкана рвотой и испражнениями.

Миссис Флакстон против обыкновения не улыбнулась мне. Я видел, что она с трудом сдерживает слезы.

– Ведь просто из жалости ее надо...

– Да-да... – Я уложил пуделька в корзинку и присел на корточки, с тоской глядя на свидетельство полной своей неудачи. Пенни было всего два года. Ее должна была бы ждать еще целая жизнь игр, беготни, веселого лая. И больна-то она всего-навсего гастроэнтеритом, а я сейчас погашу в ней последнюю искорку жизни. Вот и вся помощь, которую я сумел ей оказать!

С этой горькой мыслью на меня навалилась усталость, объяснявшаяся далеко не только тем, что меня полчаса назад вытащили из постели. Я медленно распрямил спину, окостенело, точно дряхлый старик, и, прежде чем пойти за шприцем, последний раз

посмотрел на Пенни. Она опять легла на грудь, вытянув шею и тяжело дыша. Рот у нее полуоткрылся, язык свисал наружу. Постойте!.. Но ведь я уже это видел. То же изнурение... та же поза... боль.. шок... Мой сонный мозг постепенно осознавал, что выглядит она совершенно так же, как выглядела в своем темном углу овца мистера Китсона. Да, бесспорно – овца и собака. Но все остальные симптомы были налицо.

– Миссис Флакстон, – сказал я, – разрешите мне усыпить Пенни... Нет-нет, совсем не то, что вы думаете. Я просто наркотизирую ее. Если дать ей передышку от жажды, от рвоты, от напряжения, возможно, природа возьмет свое.

Молодые супруги несколько секунд растерянно смотрели на меня. Первым заговорил муж:

– Не кажется ли вам, мистер Хэрриот, что она достаточно намучилась?

– Конечно, бесспорно... – Я запустил пятерню в свои нечесанные всклокоченные волосы. – Но ведь ей это лишних страданий не причинит. Она ничего не будет чувствовать.

Они молчали, и я продолжал:

– Мне бы очень хотелось попробовать... Мне пришла в голову одна мысль, и я хотел бы проверить...

Они переглянулись, и миссис Флакстон кивнула.

– Ну, хорошо. Попробуйте. Но это уже последнее?

И вот – наружу, в холодный ночной воздух, за тем же самым флаконом нембутала. Только доза другая – совсем крохотная для такой маленькой собачки. В постель я вернулся с тем же ощущением, как тогда с овцой, – будь, что будет, но мучиться она перестала.

На следующее утро Пенни все еще спала, мирно вытянувшись на боку, а когда около четырех часов она начала было просыпаться, я повторил инъекцию.

Как овца, она проспала полные двое суток, а потом, пошатываясь, встав на лапки, не побрела к миске с

водой, как делала на протяжении стольких дней, но тихонечко вышла из дому и погуляла в саду.

С этой минуты выздоровление шло, как пишется в историях болезни, без всяких осложнений. Но я предпочту изложить это по-другому: она чудесным образом крепла и набиралась сил, а после до самого заката своей долгой жизни ничем никогда не болела.

Мы с Хелен ходили играть в теннис на травяных кортах возле поля для крикета. Туда же ходили и Флакстоны – и всегда приводили с собой Пенни. Я часто наблюдал сквозь сетку, как она играет с другими собаками – а позднее и с быстро подраставшим Флакстоном-младшим, – и только диву давался.

Мне не хотелось бы создавать впечатление, будто я рекомендую общий наркоз как панацею от всех болезней, которыми страдают животные, но я твердо знаю, что искусственный сон имеет спасительные свойства. Теперь, когда в нашем распоряжении есть всевозможные снотворные и транквилизаторы, а я сталкиваюсь с острым гастроэнтеритом у собаки, я прибегаю к некоторым из них в добавление к обычному лечению. Потому что сон прерывает смертоносный изнуряющий замкнутый круг, снимает боль и страх ему сопутствующие.

И много лет, когда я смотрел, как Пенни носится вокруг и лает, ясноглазая, полная неуемной жизнерадостности, меня вновь охватывало благодарное чувство к овце в темном углу конюшни, где мне открылся этот способ лечения, – и все из-за счастливой случайности.

Вот это – подлинный Йоркшир: светлая известняковая стенка опоясывает склон, а по густому вереску вьется изумрудно-зеленая тропа! Я шел, вдыхая душистый ветерок, и меня охватывало знакомо пьянящее ощущение колдовского одиночества среди пустынных холмов, где ничто не двигалось, и бескрайний ковер лиловых цветов и зеленой травы простирался на мили и мили, сливаясь с туманной голубизной небес.

А впрочем, какое же одиночество? Со мной был Сэм, и это меняло все. Хелен украсила мою жизнь многими источниками радости, которых я прежде не знал, и Сэм оказался среди самых замечательных из них. Сэм был бигль. Ее собственный. Мы с ним познакомились, когда ему исполнилось два года, и при нашей первой встрече мне и в голову не могло прийти, что он станет моим верным спутником, моим автомобильным псом и будет из года в год сидеть рядом со мной во время объездов, пока не простится с жизнью в четырнадцать лет. Он был первым из череды любимых собак, чья дружба скрашивала и согревала мои рабочие часы.

Сэм признал меня хозяином с первого взгляда. Казалось, он изучил какое-то "Руководство для преданных псов", потому что всегда был рядом со мной: упираясь лапами в перчаточник, с любопытством смотрел на дорогу перед нами, лежал, уткнувшись мордой мне в колено в нашей маленькой комнатке, трусил чуть позади меня, куда бы я ни шел. Когда я пил пиво в кабачке, он свертывался у меня под стулом, и, даже когда я стригся в парикмахерской, тот, кто приподнял бы окутывающую меня простыню, увидел бы Сэма, притулившегося у моих ног. Только в кино я не

рисковал брать его с собой, и в этих случаях он забирался под кровать и обиженно там отлеживался.

Многие собаки любят ездить в машине, но Сэм обожал это неистово. Даже ночью, когда мир вокруг спал глубоким сном, он весело выпрыгивал из корзинки, раз-два со вкусом потягивался и бежал за мной в холодную тьму. Я еще только приоткрывал дверцу машины, а он уже водворялся на привычное место, и это движение настолько вошло в мою жизнь, что еще долго после смерти Сэма я, приоткрыв дверцу, машинально ждал, чтобы он вспрыгнул на сиденье. И помню, как больно щемило у меня сердце, когда я вдруг вспоминал, что вспрыгивать больше некому.

Его общество удивительно обогатило короткие минуты отдыха, которые я позволял себе между вызовами. На фабриках и в учреждениях устраивают перерывы, чтобы выпить чашечку чаю, а я просто останавливал машину и окунался в великолепия, которое всегда было рядом: прогуливался в лабиринте живых изгородей, углублялся в рощу или – вот как теперь – просто шел туда, куда вела тропка на вершине холма.

Я поступал так с самого начала, но благодаря Сэму эти недолгие минуты приобрели особый смысл. Те, кто когда-нибудь гулял с собакой, знают, какую глубокую радость получаешь, доставляя удовольствие верному четвероногому другу, и, глядя, как Сэм весело бежит впереди, я начинал понимать, чего мне раньше не хватало во время таких прогулок.

За поворотом тропинки волны густого вереска катились вниз по склону, захлестнув небольшой выступ, заманчиво обращенный прямо к солнцу. Перед подобным соблазном я никогда не мог устоять. Взгляд на часы – нет, еще несколько свободных минут у меня есть, к тому же ничего срочного: просто проверить результат туберкулинизации на ферме мистера Дейкра.

Еще секунда – и я разлегся на пружинящих стеблях, самом изумительном естественном матрасе в мире.

Я лежал, прищурившись от солнца, вдыхал густой аромат вереска и следил, как тени облаков бегут по верхним склонам, на миг погружая в сумрак ложбины и овражки и вновь открывая свежую яркую зелень.

В такие дни я особенно благодарю судьбу, что она нежданно-негаданно сделала меня деревенским ветеринаром, – в дни, когда можно скинуть пиджак, когда склоны, голые и грозные зимой, дышат дружеским теплом, когда я растворяюсь в этом свежем воздухе, в молодых травах, когда вновь радуюсь тому, что всем моим юношеским планам и надеждам вопреки стал тем, кем никогда не думал стать – врачом-ветеринаром сельской скотины.

Вот и мой партнер сейчас где-нибудь там бешено носится с вызова на вызов, и Тристан сидит в Скелдейл-Хаусе над книгами... Последнее было потрясением всех основ – до самого последнего времени я вообще не видел, чтобы Тристан хотя бы раз подержал в руке учебник. Природа наградила его мозгом, делавшим зубрежку излишней, но в этом году ему предстояли заключительные экзамены, и даже он вынужден был начать к ним готовиться. Конечно, он очень скоро получит диплом – и мне вдруг стало грустно, что его вольный дух окажется в оковах будничной ветеринарной практики. Прозаический конец такой ослепительной главы!

Солнце внезапно скрылось за вислоухой головой. Сэм вспрыгнул мне на грудь и вопросительно посмотрел на меня. Он не одобрял ленивой неги, но я знал, что через минуту-другую, если я не пошевелюсь, он философски свернется у меня на ребрах и поспит, пока я не решу отправиться дальше. Но на сей раз в ответ на его безмолвную мольбу я приподнялся и сел. Он победоносно запрыгал вокруг меня, и мы направились к

машине, чтобы заглянуть на ферму мистера Дейкра и установить результаты туберкулинизации его стада.

– Подвинься-ка, Билл! – прикрикнул мистер Дейкр некоторое время спустя, крутя хвост своему быку.

В те дни чуть ни каждый фермер держал быка, и все они носили кличку Билли или Билл. Этого, решил я, произвели в Билла за могучую статью. Он отличался покладистым нравом и послушно сдвинул свою огромную тушу чуть в сторону, так что между ним и деревянной перегородкой, к которой он был прикован цепью, открылся узкий проход. Теперь я мог добраться до его шеи. Мне ведь надо было только измерить складку там, где я раньше ввел ему туберкулин. Кутиметр я раскрыл почти до предела – такой толстой была кожа на мощной шее.

– Тридцать! – крикнул я фермеру.

Он, посмеиваясь, записал эту цифру в журнал туберкулиновых проб.

– Ну, шкура, так уж шкура!

– О да! – сказал я, начиная протискиваться к выходу. – Так ведь он не совсем замухрышка.

Насколько не замухрышка, я оценил в ту же секунду, потому что бык внезапно шагнул вбок и прижал меня к перегородке. Коровы проделывают такие штуки постоянно, и я высвобождался, упираясь спиной в то, что за ней было, и отталкивая их ладонями. Но ведь то были коровы!

Охая, я изо всех сил давил в складки жира, покрывавшие крутой серебристый бок, но с тем же успехом я мог бы попробовать сдвинуть дом.

Фермер бросил журнал и опять ухватил хвост, но на этот раз бык не шелохнулся. Нет, в его поведении не было ни малейшей злобы – просто ему захотелось привалиться к стенке, и, думаю, он даже не заметил крохотного человечка, отчаянно извивавшегося под его ребрами.

Но хотел он того или нет, исход мог быть только один: я превращусь в лепешку. Выпучив глаза, постанывая, задыхаясь, я нажимал, нажимал... но не продвигался ни на дюйм. И в тот миг, когда я решил, что хуже уже быть не может, Билл принялся чесаться о перегородку. Так вот почему он к ней вздумал прижиматься! Поскрести место, которое зудит!

Меня же это ввергло в окончательную панику. Мне казалось, что все мои внутренности перетираются в кашу. Я задергался из последних сил, но бык усилил нажим.

Мне даже думать не хочется, чем бы это кончилось, если бы доски за моей спиной давно не подгнили, но, когда я уже терял сознание, раздался громкий треск, и я вывалился в соседнее стойло. Я лежал на обломках, глотая воздух, и беспомощно смотрел на мистера Дейкра в ожидании, пока мои легкие снова заработают.

Фермер, оправившись от первого испуга, энергично потирал верхнюю губу, вежливо борясь с хохотом, но его маленькая дочка, наблюдавшая за всеми событиями с наваленного в углу сена, не унаследовала его деликатности. Восторженно визжа, она тыкала в меня пальцем.

– Ой, папка! Ты погляди на него! Папка, ты видел? Какой смешной! – Она буквально билась в конвульсиях. Ей было не больше пяти, но, не сомневаюсь, это зрелище она запомнила на всю жизнь.

Наконец я поднялся с пола и сумел, спасая свое достоинство, представить случившееся пустяком. Отъехав, однако, от фермы мистера Дейкра на милю, я остановил машину и ощупал себя с ног до головы. Все ребра дружно ныли, словно меня переехал небольшой дорожный каток, а на левой ягодице, несомненно, зрел синяк – там, где я приземлился на кутиметр, но в остальном я, видимо, остался цел и невредим. Стряхнув

с брюк щепки и труху, я влез в машину и заглянул в список предстоящих визитов.

Я прочел следующий адрес, и по моему лицу разлилась блаженная улыбка: "Миссис Томпкин. Джейсмин-террас 14. Подрезать клюв волнистому попугайчику".

Да здравствует бесконечное разнообразие ветеринарной практики! После этого бычищи мне настоятельно требовалось что-то маленькое, слабенькое, безобидное – ну, словом, волнистый попугайчик.

Дом номер четырнадцать стоял в строю скверных кирпичных домишек, которые после первой мировой войны так любили возводить подрядчики. Я вооружился щипчиками и вылез на узкий тротуар. Выходившею прямо на него дверь мне открыла симпатичная рыжая женщина.

– Я миссис Доддс, соседка, – объяснила она. – Приглядываю за старушкой. Ей ведь восемьдесят с лишком, а живет она одна. Сейчас вот за пенсией ей ходила.

Я вошел в тесную заставленную мебелью комнатенку.

– Ну вот, миссис Томпкин, – сказала миссис Доддс, сидящей в углу старушке и положила на каминную полку пенсионную книжку и деньги. – Вот ваша пенсия. А это мистер Хэрриот. Он сейчас посмотрит Питера.

Миссис Томпкин кивнула и заулыбалась.

– Вот уж спасибо! А то бедняжка ничего не ест, – с таким-то клювом! Я за него так боюсь! У меня ведь кроме него никого на свете нет.

– Понимаю, миссис Томпкин. – Я посмотрел на зеленого попугайчика в клетке у окна. – Эти пичужки – отличная компания, особенно когда они разговаривают.

– Так-то так, – засмеялась она. – Только Питер больше помалкивает. По-моему, он ужасный лентяй. Но

мне с ним хорошо.

– Да-да, – ответил я. – Но им, и правда, пора заняться.

Клюв очень разросся – крючок почти задевал грудку. А впрочем, пустяки: щелкну щипчиками, и его жизнь разом преобразится. Работа удивительно мне под настроение.

Я открыл дверцу и осторожно засунул руку в клетку.

– Не бойся, Питер, не бойся! – ласково приговаривал я, а попугайчик испуганно метался по клетке. Но мне скоро удалось загнать его в уголок и осторожно зажать в пальцах. Я вынул его из клетки, вытащил щипчики... и замер.

Зеленая головка больше бойко не высовывалась из моего кулака, а бессильно свисала. Глаза затянула пленка. Я с недоумением поглядел на него и разжал пальцы. Он неподвижно лежал у меня на ладони. Мертвый.

Облизывая пересохшие губы, я смотрел на яркие перышки, на длинный клюв, который уже не надо укорачивать, на повисшую головку. Я не стиснул его, не был небрежен – и все-таки жизнь в нем угасла. Причиной мог быть только панический страх.

Мы с миссис Доддс обменялись взглядом, полным ужаса, а потом я заставил себя посмотреть на миссис Томпкин. К своему удивлению, я увидел, что она все так же кивает и улыбается.

Отведя соседку в сторону, я спросил:

– Миссис Доддс, видит она не очень хорошо?

– Совсем близорука, а очки, хотя и стара, носить не хочет. Из гордости. Она и на ухо туговата.

– Понимаете... – Сердце у меня все еще отчаянно колотилось. – Просто не знаю, что делать. Если сказать, это же будет для нее таким потрясением! И неизвестно, как она его перенесет.

Миссис Доддс испуганно кивнула.

– Правда, правда. Она же на него надышаться не могла.

– Ну, выход только один, – зашептал я. – Вы не знаете, где бы я мог раздобыть другого попугайчика?

Миссис Доддс задумалась.

– Вот разве у Джека Алмонда? Он на краю города живет и, по-моему, держит всяких птиц.

Я откашлялся, но голос мой, все равно, прозвучал предательски хрипло.

– Миссис Томпкин, будет лучше, если я приведу Питера в порядок у нас. Я скоро привезу его назад.

Я вышел, а она кивала и улыбалась мне вслед. С клеткой в руке я опрометью скатился с крыльца. Три минуты спустя я был на краю города и стучался в дверь Джека Алмонда.

– Мистер Алмонд? – спросил я плотного мужчину, который открыл мне дверь.

– Он самый, молодой человек! – Меня одарили неторопливой благодушной улыбкой.

– Вы держите птиц?

Он с достоинством выпрямился.

– Держу. И я председатель Общества любителей декоративных птиц Дарроуби и Хоултона!

– Вот и отлично, – пробормотал я. – А зеленого волнистого попугайчика у вас не найдется?

– У меня имеются канарейки. Волнистые попугайчики. Неразлучники. Жако. Какаду...

– Мне бы волнистого!

– У меня имеются белые. Зелено-голубые. Ожерелковые. Охристые.

– Мне бы просто зеленого...

Он болезненно поморщился, словно моя торопливость была непростительным нарушением правил хорошего тона.

– Э... ну... идемте посмотрим.

Я последовал за ним, и мы размеренным шагом прошли через дом на задний двор, половину которого занимал длинный сарай с поразительным по своему разнообразию собранием птиц.

Мистер Алмонд оглядел их с тихой гордостью и открыл было рот, словно собираясь приступить к длинной лекции, но затем, видимо, вспомнил, что имеет дело с нетерпеливым невеждой, и не стал метать перед ним бисер.

– Вон там неплохой зелененький. Только он постарше других. Собственно, он у меня уже разговаривает.

– Вот и чудесно. Именно, то, что надо. Сколько вы за него хотите?

– Ну-у... Так у меня же много хороших. Дайте я вам покажу...

Я положил руку ему на локоть.

– Беру этого. Так сколько?

Он разочарованно пожевал губами, потом ответил, дернув плечом:

– Десять шиллингов.

– Чудесно. Вот клетка.

Рванув машину, я увидел в зеркале заднего вида, что бедняга грустно глядит мне вслед.

Миссис Доддс открыла мне дверь, не успел я постучать.

– Как вы считаете, я правильно поступил? – спросил я у нее шепотом.

– Еще бы! У нее, бедненькой, занятий никаких нет. Так из-за Питера она совсем извелась бы.

– Я так и подумал.

Я вошел в комнату и миссис Томпкин улыбнулась мне.

– Быстро же вы с ним управились, мистер Хэрриот, – сказала старушка.

– Да-да, – ответил я, вешая клетку с птицей на ее место у окна. – Надеюсь, теперь все будет хорошо.

Прошло много месяцев, прежде чем я решился снова сунуть руку в клетку с волнистым попугайчиком. Признаться, я и теперь предпочитаю, чтобы хозяева сами вынимали птичку. Когда я их об этом прошу, они глядят на меня как-то странно. Наверное, думают, что я опасаюсь, как бы попугайчик меня не ущипнул.

И прошло много времени, прежде чем я осмелился заглянуть к миссис Томпкин, но, как-то проезжая по ее улице, не выдержал и затормозил перед домом номер четырнадцать.

Дверь мне открыла сама старушка.

– А как... – сказал я, – как... э...

Она секунду щурилась на меня, а потом засмеялась.

– Теперь я разглядела, кто это! Вы про Питера спрашиваете, мистер Хэрриот? Я на него прямо не нарадуюсь. Да вы сами поглядите!

В тесной комнатухе клетка по-прежнему висела у окна, и Питер Второй тут же устроил в мою честь небольшое представление: попрыгал по жердочкам, пробежал вверх и вниз по лесенке, раза два позвонил в колокольчик и только тогда вернулся на обычное место.

Его хозяйка протянула дрожащую руку и постучала по прутикам.

– Знаете, вы просто не поверите, – сказала она, – но это же совсем другая птица!

Я сглотнул.

– Неужели? Но в чем разница?..

– Он теперь такой веселый. И бойкий. Знаете, он со мной разговаривает с утра до ночи. А ведь всего-то вы клюв ему подрезали. Ну, просто чудо!

Дощечка на садовой калитке гласила "Сиреневый коттедж". Я вытащил список визитов и проверил еще раз. Да, все верно "Кух. Сиреневый коттедж. Марстон-Холл. Сука никак не оценится". Домик прятался в парке Марстон-Холла, и в полумиле над кронами сосен поднимались башенки и шпили господского дома, возведенного в XIX веке каким-то поклонником рыцарских замков.

Дверь открыла грузная смуглая старуха лет шестидесяти и смерила меня хмурым взглядом.

– Доброе утро, миссис Кух, – сказал я. – Вот приехал посмотреть вашу собаку.

Она опять не улыбнулась.

– А! Ну, хорошо. Вот сюда.

Она провела меня в крохотную гостиную. Навстречу нам с кресла соскочил маленький йоркшир-терьер, и вот тут она улыбнулась.

– Иди сюда, Синди, иди моя дусенька, – проворковала она. – Этот дядя приехал, чтобы тебе помочь. – Она нагнулась, вся сияя нежностью, и погладила свою любимицу.

Я сел в кресло напротив.

– Ну так что с ней, миссис Кух?

– Я прямо вся истерзалась! – Она нервно сжала руки. – Ей вчера было пора оцениться, и вот до сих пор ничего! Я всю ночь глаз сомкнуть не могла. Да если с ней что-нибудь случится, я сразу умру!

Я взглянул на собачку: весело виляя хвостом, она смотрела на хозяйку ясными спокойными глазами.

– Но она отлично выглядит. Какие-нибудь признаки приближения родов вы заметили?

– Это какие же?

– Ну... может быть она тяжело дышала или вела себя беспокойно? Или появились выделения?

– Нет. Ничего такого не было.

Я поманил Синди, заговорил с ней, и она робко пошла ко мне по линолеуму. Я поднял ее к себе на колени, пощупал напряженный живот. Он бесспорно был набит щенятами, но все выглядело совершенно нормально. Я смерил ей температуру. Абсолютно нормальная.

– Вы не принесете мне теплой воды и мыло, миссис Кух? Будьте так любезны.

Сучка была такая маленькая, что я намылил и продезинфицировал один мизинец, а потом осторожно ощупал им стенки влагалища. Совершенно сухие. Шейка матки, когда я до нее добрался, оказалась плотно закрытой.

Я вымыл и вытер руки.

– Вашей собачке время щениться еще не подошло, миссис Кух. Вы не спутали числа?

– Нет, не спутала! Вчера было ровнехонько шестьдесят три дня, – объявила она, перевела дух и продолжала: – И вот что, молодой человек! Синди уже разок щенилась. И тогда то же самое было: никак она не могла разродиться. Два года назад это было, когда я жила в Листондейле. Я к ней позвала мистера Брумфилда, ветеринара тамошнего, и он сделал ей укольчик! Ну, чудо, да и все тут! Через полчаса она уже щенят облизывала!

Я улыбнулся.

– Все понятно! Инъекция питуитрина. Значит, когда мистер Брумфилд ее смотрел, она должна была вот-вот родить.

– Так или не так, молодой человек, а я бы хотела, чтобы вы ей тоже укольчик сделали. Не выдержу такого ожидания.

– Извините! – Я спустил Синди на пол и встал. – Этого я сделать не могу. Сейчас не время. Будет только один вред.

Она уставилась на меня, и я подумал, что это смуглое лицо производит довольно грозное впечатление.

– Так что же, вы вообще ничего делать не станете?

– Ну... – Бывают моменты, когда ради общего спокойствия клиента следует чем-то занять, пусть даже без всякой пользы для пациента. – Почему же? У меня в машине есть таблетки. Они помогут собачке сохранить побольше сил до родов.

– Лучше бы укольчик! Мистер Брумфилд за одну секунду управился. Чуть кольнул – и все.

– Поверьте, миссис Кух, сейчас укола делать нельзя. Так я схожу к машине за таблетками.

Ее губы сжались в тонкую линию. Я понял, что она горько во мне разочаровалась.

– Ну, если отказываетесь, значит, отказываетесь! Хорошо, давайте эти ваши таблетки. – Она помолчала. – А моя фамилия не Кух!

– Как не Кух?

– А вот так, молодой человек! – Больше она ничего говорить не стала, и я распрощался с ней в некотором недоумении.

На шоссе почти рядом с моей машиной работник заводил заглухший трактор. Я окликнул его.

– Э-эй! Хозяйка того дома говорит, что ее фамилия не Кух!

– Верно говорит. Она в большом доме кухарка. Так что вы маленечко поднапутали! – Он от души расхохотался.

Все стало ясно. Сокращенная запись в книге для вызовов, да и все прочее.

– А ее настоящая фамилия?

- Дурок! - крикнул он в ответ под рев ожившего трактора.

Странная фамилия, подумал я, извлекая из багажника безобидные витаминные таблетки, и вернулся в коттедж. Я тут же постарался загладить мою промашку, рефреном повторяя "да, миссис Дурок", "нет, миссис Дурок", но это не заставило ее оттаять. Я, как мог, убедительно сказал, что ей не надо беспокоиться, что еще несколько дней ничего случиться не может, но она явно не собиралась мне верить.

Опустившись с крыльца на дорожку, я бодро помахал и крикнул:

- До свидания, миссис Дурок! И если вас что-нибудь встревожит, сразу же мне звоните!

Она как будто не услышала.

- И почему вы меня не послушали! - простонала она.- Укольник же такой легонький!

Милейшая дама не преминула воспользоваться моим приглашением, и я уже на следующий день был вынужден бросить все и мчаться к ней. И повторилось вчерашнее - она требовала чудотворного уколчика, после которого щенята сразу повыскакивали бы, и требовала его немедленно. Мистер Брумфилд не мямлил и не тянул время зря, как я! И на третье, и на четвертое, и на пятое утро она принуждала меня приезжать в Марстон, осматривать Синди и повторять навязшие у меня в зубах объяснения. Развязка наступила на шестой день.

В гостиной Сиреневого коттеджа темные глаза уставилась на меня с тупым отчаянием.

- Я уж больше не могу, молодой человек! Говорю же вам, я умру, если с Синди что-нибудь случится! Слышите! Умру! Да как же вы не понимаете!

- Ну, разумеется, я понимаю, как она вам дорога, миссис Дурок. Поверьте, я все понимаю!

- Так почему же вы ничего не хотите сделать?

Я стиснул кулаки так, что ногти вонзились в ладони.

– Но я же объяснял вам уже! Инъекция питуитрина вызывает сокращение стенок матки, а потому делать ее можно только, когда начались схватки и шейка матки открылась. Если это потребуется, я введу Синди питуитрин, но, если я сделаю укол сейчас, он может вызвать разрыв матки, стать причиной смерти... – Я умолк, потому что мне почудилось, будто в уголках губ у меня запузырилась пена.

Но, по-моему, миссис Дурок вообще меня не слышала. Уронив голову на скрещенные руки, она бормотала:

– Столько времени! Я не вынесу, не вынесу!

И я, пожалуй, не вынесу, мелькнуло у меня в голове. Пузатенькие йоркшир-терьеры врывались в мои сны, и каждое утро я встречал мысленной мольбой: ну пусть, ну пусть эти чертовы щенки уже родились!.. Я протянул руку к Синди, и она нехотя поплелась ко мне. Как ей, верно, опротивел этот чужой, который является каждое утро, тискает ее, тычет в нее пальцами. Испуганно на меня поглядывая, вся дрожа, она покорилась неизбежному.

– Миссис Дурок, – сказал я, – вы абсолютно уверены, что после даты вязки, вами названной, этот кобель больше возле Синди не появлялся?

Она сердито фыркнула.

– Вот вы меня все про это спрашиваете, ну, и мне вдруг вспомнилось, что может, он и прибегал неделю спустя.

– Ну, видите! – Я взмахнул рукой. – Была вторая вязка и, значит, срок у нее завтра.

– Все равно бы, лучше бы вы сегодня с этим кончили, вот, как мистер Брумфилд... Только кольнул и никаких больше забот!

– Но, миссис Дурок...

– И позвольте вам сказать, что моя фамилия не Дурок!

Я ухватился за спинку кресла.

– Не... Дурок?

– Нет.

– А... как?

– Дули, Дули! – Вид у нее был очень мрачный.

– Да-да, конечно... – Я, спотыкаясь, прошел по дорожке к машине и уехал. Не в самом радужном настроении.

На следующее утро из Мартсона не позвонили. Мне просто не верилось. Неужели все благополучно кончилось? Но во время объезда на одной из ферм мне сообщили, что меня срочно вызывают в Сиреневый коттедж, и я похолодел. Место было отдаленное, отел очень сложный, и дело шло к четырем, когда я вылез из машины перед калиткой, такой теперь знакомой! Дверь коттеджа была открыта, и я пошел к ней по дорожке, но тут в мою ногу ударил какой то коричневый снаряд. Синди! Но преображенная Синди – рычащий, лающий комочек ярости. Я попятился, но она впилась зубами в отворот моих брюк и повисла на нем.

Я прыгал на одной ноге, пытаюсь стряхнуть ее, но тут взрыв звонкого почти девичьего смеха заставил меня обернуться.

С порога на меня, все еще прыскающая от смеха, смотрела миссис Дули.

– Право слово, едва родила, как совсем другой стала. Маленькая, а как их охраняет! Мать, каких поискать! – Она с нежной любовью взирала на собачку, болтающуюся на моей ноге.

– Так значит щенки...

– Мне сказали, что вы там еще долго будете, ну, я и позвонила мистеру Фарнону. Он тут же приехал и вот, что я вам скажу: сразу сделал Синди укол, про который я вам еще когда говорила! И не успел он за калитку

выйти, как щенки один за другим и пошли, и пошли. Семерых принесла. Такие дусеньки.

– Прекрасно, миссис Дулли... Великолепно.

Зигфрид, конечно, нащупал щенка в проходе... Тут мне удалось избавиться от Синди, и хозяйка подхватила ее на руки, чтобы я мог пойти на кухню полюбоваться новорожденными.

Щенки, бесспорно, были отличные. Я поднимал крохотные пищащие комочки, а мать рычала на меня из объятий миссис Дули, как изголодавшийся волкодав.

– Они просто прелесть, миссис Дули, – проворковал я.

Она поглядела на меня с сожалением.

– Я же вам с самого начала объяснила, что надо сделать, а вы слушать не хотели. Всего то и надо было, что один укольчик сделать. Мистер Фарнон, ну, такой дусик! Прямо, как мистер Брумфилд.

Всякому терпению есть предел!

– Но поймите же, миссис Дули, он просто приехал в нужный момент. Если бы я успел...

– Ну, ну, молодой человек, не надо обижаться. Я же вас не виню. Просто, кто неопытнее... Вот так мы и учимся. – Она задумчиво вздохнула. – Легонький такой укольчик. Попросите, чтобы мистер Фарнон вам показал, как его делать. Ведь он еще и за калитку не вышел, как...

Я не выдержал. Выпрямившись во весь рост, я произнес ледяным тоном:

– Миссис Дули, сударыня, в последний раз повторяю вам...

– Фу-ты, ну ты! – воскликнула она уничтожающе. – Нечего мне пыль в глаза пускать. Мы без вас прекрасненько обошлись, так что же теперь то жаловаться. – Ее взгляд налился свинцовой суровостью. – И еще меня зовут не миссис Дули!

Меня пошатнуло. Мир рушился неизвестно куда.

– Простите, что вы сказали?

– Я сказала, что меня зовут не миссис Дули!

– Не... миссис...

– Нет! – Она протянула в мою сторону левую руку, и, тупо глядя на ее пальцы, я мало-помалу сообразил, что на них нет ни единого кольца. Наверное, то обстоятельство, что наше знакомство с самого начала шло на очень высоких нотах, помешало мне заметить это раньше.

– Нет, – повторила она. – Никакая не миссис, а мисс!

Приемная полным-полна! Но радость от такой приятной неожиданности сразу угасла, когда я взгляделся в ряды голов. Всего только Диммоки.

Познакомился я с Диммоками как-то вечером, когда меня вызвали к собаке, которая попала под машину. Адрес привел меня в старую часть города, и я медленно ехал вдоль ряда обветшавших домишек, высматривая нужный номер, как вдруг дверь впереди распахнулась, на мостовую высыпали трое растрепанных ребятишек и отчаянно замахали мне руками.

– Он туточки, мистер! – завопили они хором, едва я вылез из машины, и начали наперебой объяснять: – Бонзо! Его машина стукнула! Мы его домой на руках несли, мистер! – тараторили они.

Они тянули меня за рукава, вцеплялись в пиджак, и уж не знаю, как мне удалось открыть калитку. Когда же я все-таки пошел по дорожке к дому, то поднял глаза и обомлел: все окно изнутри облепили детские мордашки, над которыми махали и стучали по стеклу неугомонные руки.

Едва я переступил порог – дверь вела прямо в жилую комнату, – как на меня налетел живой смерч и утащил в угол, где я увидел своего пациента. Бонзо сидел, выпрямившись, на рваном одеяле – косматый псище неопределенной породы. Судя по его виду, ничего особенно страшного с ним не произошло, но выражение морды у него было самое страдальческое и полное жалости к себе. Вокруг звенели озабоченные голоса, и разобрать хоть что-нибудь в этом общем хоре было невозможно, и я решил прямо заняться осмотром. Ноги, таз, ребра, позвоночник – ни единого перелома. Ни малейших признаков внутренних повреждений. Цвет

слизистых здоровый. В конце концов мне удалось обнаружить легкую болезненность в левом плече – и только. Пока я его ощупывал, Бонзо сидел как каменный истукан, но едва я кончил, он рухнул на бок и виновато посмотрел на меня, похлопывая хвостом по одеялу.

– Верзила ты бессовестный, вот кто ты, – сказал я, и хвост задвигался энергичнее.

Я обернулся к толпе и через секунду другую сумел различить в ней родителей. Мамка прокладывала себе дорогу в первый ряд, а щупленький папка озарял меня улыбкой через скопление голов, оставаясь в арьергарде. После нескольких моих настойчивых просьб, гам чуть-чуть стих, и я сказал, обращаясь к миссис Диммок:

– По-видимому, он отделался вполне благополучно. Никаких серьезных повреждений. Наверное, его просто отбросило в сторону и немного оглушило. Возможен и небольшой шок.

Вновь меня ошеломил многоголосый гомон:

– Мистер, а он умрет? Много у него переломано? Вы его лечить будете?

Я сделал Бонзо инъекцию легкого снотворного – под моей рукой он окостенел, являя собой картину трогательнейшей собачьей муки, а взлохмаченные головенки озабоченно смыкались над ним, бесчисленные детские лапки поглаживали и похлопывали его.

Миссис Диммок налила горячей воды в тазик, и, моя руки, я успел оценить на глаз численность обитателей дома. Я насчитал одиннадцать маленьких Диммоков, начиная с подростка лет четырнадцати-пятнадцати и кончая чумазым годовичком, смело ползающим по полу, а судя по некоторым особенностям в остальном худой фигуры мамки, в недалеком будущем ожидалось новое пополнение. Одеты они были в живописные чужие

обноски – штопанные-перештопанные свитерки, заплатанные штанишки, линялые платица, однако в доме царила атмосфера неумейной жизнерадостности.

И Бонзо оказался здесь не единственным четвероногим – я неверящими глазами уставился еще на одну собаку порядочных размеров и кошку с двумя полувзрослыми котятами, которые появились откуда-то из гущи толпы – казалось бы, и без того нелегко накормить всю эту ораву, а тут еще лишние голодные рты!

Но Диммоков подобные соображения не смущали: они делали, что хотели, и каким-то образом продолжали свое веселое существование. Папка, как я узнал позднее, на живой памяти не проработал ни единого дня. У него "со спиной было неладно", и, как мне казалось, он вел довольно приятную жизнь, с утра прогуливаясь по городу, а вечера тихо коротая за кружкой пива и домино в уютном уголке "Четырех Подков".

Видел я его довольно часто – его легко было узнать даже в толпе прохожих, потому что в руке у него всегда была трость, придававшая ему весьма солидный вид, и шел он быстрой энергичной походкой, словно его ждали срочные и важные дела.

Проложив себе путь к двери, я последний раз оглянулся на Бонзо, все еще распростертого на одеяле. Он ответил мне скорбным взглядом.

– По-моему, все должно быть хорошо, – возопил я, перекрывая нарастающий гомон, – но на всякий случай я завтра заеду.

Затормозив на следующее утро перед знакомым домом, я увидел, что Бонзо носится по садику в компании полудесятка детей. Они перекидывались мячиком, и пес с энтузиазмом взвивался в воздух, стараясь его перехватить.

Сомневаться не приходилось: вчерашнее происшествие ничуть ему не повредило. Но едва он заметил, что я открываю калитку, как хвост его обвис и, осев на все четыре лапы, он почти ползком убрался в дом.

Дети встретили меня воплями восторга:

– Мистер, вы его вылечили! Он же совсем здоров, верно? Утром он чуть не обожрался, мистер!

Ручонки со всех сторон вцепились в мой пиджак и потащили меня в комнату. Бонзо сидел, выпрямившись, на одеяле, совсем как накануне, но при моем приближении медленно опрокинулся на бок с мученическим выражением в глазах.

Я со смехом нагнулся к нему.

– Тертая ты личность, Бонзо, но я на твою удочку не попадусь! Кто сейчас в мячик играл?

Я чуть-чуть потрогал ушибленное левое плечо, и дюжий пес, трепеща, закрыл глаза, подчиняясь своей горькой участи. Но тут я выпрямился и, сообразив, что колоть его не собираются, он вскочил и в два прыжка вылетел в сад.

Диммоки радостно закричали, а потом, как по команде, обернулись и посмотрели на меня с благоговейным уважением. Они свято верили, что я вырвал Бонзо из когтей смерти. Вперед выступил мистер Диммок.

– Вы не откажете прислать мне счет? – произнес он с присущей ему особой солидностью.

Накануне, едва переступив порог, я сразу занес этот вызов в категорию бесплатных и даже не записал его в журнал, но теперь я кивнул с полной серьезностью.

– Непременно, мистер Диммок.

И, хотя на протяжении нашего долгого знакомства ни единая банкнота не перешла из рук в руки, он неизменно произносил в заключение моего завершающего визита:

– Вы не откажете прислать мне счет?

Таково было начало моих длительных и тесных отношений с Диммоками. Они явно прониклись ко мне большой симпатией и старались видаться со мной как можно чаще. Неделю за неделей, месяц за месяцем они приводили и приносили богатое ассорти собак, кошек, волнистых попугайчиков и кроликов, а когда окончательно убедились, что мои услуги бесплатны, заметно увеличили число наших встреч. Если приходил один из них, с ним приходили все. Я тогда упорно старался расширить нашу работу с мелкими животными, и при виде полной приемной сердце у меня радостно екало – лишь для того чтобы в очередной раз наполниться разочарованием.

Увеличилась и теснота в приемной – они затеяли приводить с собой свою тетку, миссис Паундер, проживавшую в конце той же улицы. Им страшно хотелось показать ей, какой я замечательный. Миссис Паундер, очень грузная дама в засаленной велюровой шляпке, кое-как державшейся на небрежном пучке волос, видимо, разделяла родовую склонность к многодетности и обычно приводила с собой двух-трех собственных чад.

Именно так обстояло дело в то утро, с которого я начал рассказ. Я обвел внимательным взглядом многочисленное общество, но со всех сторон видел только сияющих Диммоков и Паундеров и обнаружить своего пациента не сумел. Затем, точно по заранее условленному сигналу, они раздвинулись вправо и влево, и я увидел маленькую Нелли Диммок со щеночком на коленях.

Нелли была моей любимицей. Не поймите меня ложно – мне они все нравились. И разочарован я бывал лишь в первую минуту, такой это был симпатичный народ. Мамка и папка неизменно обходительные и бодрые, а дети, при всей их шумливости, всегда вели

себя воспитанно. Такие уж это были солнечные, счастливые натуры. Завидев меня на улице, они принимались дружески махать мне, пока я не скрывался из виду. И я их часто встречал – они постоянно шныряли по улицам, подрабатывая по мелочам: разносили молоко, доставляли газеты. А главное, они любили своих собак, кошек и прочих и нежно о них заботились.

Но, как я сказал, Нелли была моей любимицей. Ей было лет девять, и в раннем детстве она перенесла "детский паралич", как тогда говорили. Она заметно хромала и в отличие от своих пышущих здоровьем братьев и сестер выглядела очень хрупкой. Ее тоненькие ножки-спички, казалось, вот-вот переломятся, но худенькое личико обрамляли, падая на плечи, вьющиеся волосы цвета спелой пшеницы, а глаза за стеклами очков в стальной оправе, правда, чуть косившие, пленяли ясной и прозрачной голубизной.

– Что у тебя там, Нелли? – спросил я.

– Собачка, – полушепотом ответила она. – Моя собачка.

– Твоя собственная?

Девочка с гордостью кивнула:

– Совсем-совсем моя.

Ряды диммокских и паундерских голов закивали в радостном согласии, а Нелли прижала щеночка к щеке с улыбкой, полной щемящей прелести. У меня от этой улыбки всегда вздрагивало сердце – столько в ней было детской безмятежной доверчивости, таившей еще что-то пронзительно-трогательное. Возможно, из-за ее хромоты.

– Отличный щенок, – сказал я. – Спаниель, верно?

Она погладила шелковистую головку.

– Ага. Кокер. Мистер Браун сказал, что он кокер.

Ряды всколыхнулись, пропуская мистера Диммока. Он вежливо кашлянул.

– Самых чистых кровей, мистер Хэрриот, – сказал он.– У мистера Брауна из банка сучка ощенлась, и этого вот он подарил Нелли. – Мистер Диммок сунул трость под мышку, извлек из внутреннего кармана длинный конверт и торжественно вручил мне его. – Тут, значит, его родословная.

Я прочел документ с начала до конца и присвистнул.

– Да уж! Аристократ из аристократов и имя у него звучное. Дарроуби Тобиас Третий! Великолепно! – Я опустил взгляд на девочку: – А ты как его называешь, Нелли?

– Тоби, – ответила она тихо. – Я его Тоби называю.

Я засмеялся.

– Ну, слава богу! Так что же с Тоби такое? Почему ты его принесла?

Откуда-то поверх голов донесся голос миссис Диммок:

– Тошнит его, мистер Хэрриот. Прямо ничего в нем не задерживается.

– Да, да, представляю. Глистов у него выгоняли?

– Да нет, вроде бы.

– Ну, так дадим ему пилюльку – и дело с концом. Но все-таки дай-ка мне его, я посмотрю.

Наши клиенты обычно удовлетворялись тем, что посылали с животным одного своего представителя, но Диммоки, естественно, двинулись за щенком всем скопом. Я шел по коридору, а за мной от стены к стене валила толпа. Смотровая у нас невелика, и я не без опаски следил, как моя многочисленная свита втискивается в нее. Однако всем хватило места, и даже миссис Паундер отвоевала себе необходимое пространство в заднем ряду, хотя ее велюровая шляпка и сбилась на сторону.

Обследование щеночка заняло больше времени, чем обычно, так как мне пришлось пролагать себе путь к

термометру, а потом проталкиваться в другом направлении за стетоскопом. Но всему наступает конец.

– У него все нормально, – объявил я. – Так что неприятности только от глистов. Я дам вам пилюлю, пусть примет с самого утра.

Толпа ринулась в коридор, словно на последних минутах футбольного матча, схлынула с крыльца, и очередное нашествие Диммоков завершилось.

Оно тут же вылетело у меня из головы, поскольку ничего особо интересного не произошло. Я мог бы щенка и не осматривать – некоторая кособрюхость говорила сама за себя, – и уж никак не ожидал снова его увидеть в ближайшее время.

Но я ошибся. Неделю спустя приемная вновь оказалась битком набитой, и я опять обследовал Тоби на узкой прогалинке в смотровой. После приема моей пилюли вышло несколько глистов, но рвота не прекратилась, осталась и кособрюхость.

– Вы кормите его понемногу пять раз в день, как я велел? – спросил я на всякий случай.

Посыпались утвердительные возгласы, и я поверил. Своих животных Диммоки опекали не за страх, а за совесть. Нет, причина крылась в другом. Но в чем? Температура нормальная, легкие чистые, ни малейших симптомов при прощупывании живота. Я ничего не понимал и от отчаяния прописал нашу противокислотную микстуру. Но откуда же у маленького щенка повышенная кислотность?

Так начался период холодного отчаяния. Две-три недели я тешил себя надеждой, что все само собой образовалось, но затем приемная наводнялась Диммоками и Паундерами, и все начиналось сначала.

А Тоби тощал и тощал.

Я перепробовал все: успокаивал желудок, менял диеты, прибегал даже к шарлатанским снадобьям. Диммоков я без конца допрашивал об особенностях

рвоты – через сколько времени после еды? Какие промежутки между спазмами? Ответы были самые разные – иногда сразу же, а иногда и через несколько часов. Света нигде не брезжило.

Вероятно, прошло недель восемь – Тоби было уже четыре месяца, когда я вновь с тоской в сердце оглядел собрание Диммоков. Их посещения ввергали меня в черную меланхолию. Ничего хорошего я не ждал и на этот раз, когда открыл дверь приемной и позволил толпе увлечь себя в смотровую. Последним туда втиснулся папка, когда уже Нелли поставила щенка на стол.

На душе у меня стало совсем скверно. Ведь Тоби все-таки рос и теперь представлял собой жуткую карикатуру на кокер-спаниеля: длинный, шелковистые уши свисали с черепа, еле обтянутого шкуркой, бахрома на ногах только подчеркивала их слабость и худобу. А я-то считал Нелли худенькой! Рядом со своим любимцем она выглядела толстушкой. И он был не просто тощим: он все время чуть дрожал, стоя с выгнутой спиной на гладкой поверхности стола, а мордочка его не выражала ничего, кроме тупой покорности судьбе и полной утраты всякого интереса к жизни.

Девочка погладила гармошку ребер, и прозрачные голубые глаза взглянули на меня чуть косо сквозь стекла в стальной оправе. От ее улыбки мне стало физически больно. Она выглядела спокойной. Вероятно, она не отдавала себе отчета во всей тяжести положения, но в любом случае у меня не доставало духа сказать ей, что ее собачка медленно умирает.

Я устало протер глаза.

– А что он ел сегодня?

Нелли ответила сама:

– Немножко хлеба с молочком.

– И давно? – спросил я, но прежде чем кто-нибудь успел ответить, Тоби вдруг кашлянул, и

полупереваренное содержимое его желудка, описав изящную дугу, упало на расстоянии шага от стола.

Я гневно обернулся к миссис Диммок.

– Его всегда тошнит так?

– Почти всегда. Так вот прямо и летит изо рта.

– Почему же вы сразу мне не сказали?

Бедная женщина совершенно растерялась.

– Да... сама не знаю... откуда же мне...

Я поднял ладонь.

– Ничего, миссис Диммок, неважно.

Сам то я столько времени без толку прописывал бедному щенку то одно, то другое, и ведь за все эти недели ни единый Диммок или Паундер не произнес по моему адресу ни единого слова критики или упрека, так какое же право у меня предъявлять к ним претензии?

Главное же, я теперь, наконец-то, понял, что с Тоби. Поздновато, но понял!

Если современные мои коллеги, читая это, сочтут, что в поисках диагноза я проявил тупость, редкую и для меня, в свое оправдание скажу одно: даже в весьма немногих руководствах тех дней, вообще упоминавших стеноз привратника (сужение выхода из желудка в двенадцатиперстную кишку), никакого лечения не предлагалось.

Но не может же быть, думал я лихорадочно, чтобы никто в Англии еще не опередил руководства! Должны же быть ветеринары, которые делают такие операции... А если должны, то я одного из них знаю!

Пробившись сквозь толпу, я кинулся по коридору к телефону.

– Гранвилл?

– Джим! – оглушительный вопль неподдельной радости. – Как поживаете, малыш?

– Хорошо, спасибо, а вы?

– Аб-со-лют-но тип-топ, старина. Лучше не бывает.

– Граввилл, мне бы хотелось привезти к вам четырехмесячного спаниеля. У него стеноз привратника.

– Вот прелесть!

– Боюсь, он совсем истощен. Одни только кости остались.

– Дивно! Дивно!

– И все потому, что я больше месяца не мог разобраться.

– Ну и хорошо!

– А владельцы очень бедны. Боюсь, заплатить они ничего не смогут.

– Расчудесно!

Я нерешительно помолчал.

– Гранвилл,.. а вы... э... вам уже приходилось оперировать по этому поводу?

– Вчера пять сделал.

– Что-о-о?

Басистый смешок.

– Шучу-шучу, старина, но успокойтесь: делал я такие операции. И не без удовольствия.

– Замечательно! – я взглянул на часы. – Сейчас половина десятого. Я договорюсь, чтобы Зигфрид подменил меня до конца утреннего приема, и буду у вас около одиннадцати.

Когда я приехал, Гранвилл был на вызове, и я маялся у него в приемной, пока во двор с дорогостоящим нежным урчанием не вкатил "бентли". Из окна я узрел поблескивающую над баранкой еще одну несравненную трубку, а затем и мой коллега в элегантнейшем костюме в узкую полоску, придававшем ему сходство с директором Английского банка, прошествовал к боковой двери.

– Рад вас видеть, Джим! – воскликнул он, стискивая мою руку. Затем, прежде чем снять пиджак, извлек из

рта трубку, оглядел ее с некоторой тревогой, потер желтой тряпочкой и бережно убрал в ящик.

Еще десять минут, и я уже стоял под лампой в операционной, наклонясь над распростертым тельцем Тоби, а Гранвилл – совершенно другой Гранвилл Беннетт – с яростной сосредоточенностью работал в брюшке щенка.

– Видите, как расширен желудок? – бормотал он. – Классический симптом. – Зажав пилорический отдел, он нацелил скальпель. – Вот я прохожу серозную оболочку. – Быстрый решительный надрез. – Иссекаю мышечные волокна... глубже... еще глубже... еще чуточку... Ну, вот видите – слизистая оболочка выпятилась в разрез. Так... так.. именно. Вот то, что следует получить.

Я прищурился на тоненькую трубочку, заключавшую причину долгих страданий Тоби.

– И это все?

– Все, малыш. – Он отступил от стола с широкой улыбкой. – Препятствие убрано, и можете заключать пари, что эта фитюлька сразу начнет набирать вес.

– Но это же чудо, Гранвилл! Я вам так благодарен...

– Чепуха, Джим, одно сплошное удовольствие. А следующую-то теперь и сами сделаете, а? – Он хохотнул, схватил иглу и с невероятной быстротой сшил брюшные мышцы и кожу.

В следующую субботу на рыночной площади я увидел шагающую по булыжнику процессию. В первый момент, глядя на это скопление детей и взрослых, я решил было, что младшие классы отправились на прогулку в сопровождении родителей, но потом разглядел, что это просто Диммоки и Паундеры идут за покупками.

Увидев меня, они изменили направление, и я утонул в живой волне.

– Да вы на него только поглядите, мистер! Ест почище лошади! Он скоро жиреть начнет, мистер! –

наперебой кричали они.

Нелли вела Тоби на поводке, и, нагнувшись, я глазам своим не поверил, так он изменился за считанные дни. Нет, он был еще очень истощен, но выражение безнадежности исчезло с его мордочки, он с любопытством озирался и готов был затеять возню. Теперь, чтобы совсем поправиться, ему требовалось только время.

Его маленькая хозяйка все поглаживала и поглаживала каштановую спинку.

– Ты своей собачкой очень гордишься, верно, Нелли?
– сказал я, и кроткие косящие глаза обратились на меня.

Она улыбнулась своей трогательной улыбкой.

– Он же совсем мой!

Можно было подумать, что я люблюсь собственными коровами! Такая гордость охватила меня, когда я вошел в новенький коровник и оглядел ряды рыжих и серебристых спин.

– Фрэнк! – сказал я. – Выглядят они замечательно. Даже не верится, что они те же самые!

Фрэнк Меткаф улыбнулся.

– Я ведь то же подумал. Как скотина меняется, если ее устроить по-настоящему!

Коровы праздновали новоселье. Раньше я видел их только в старом коровнике, типичном тогда для йоркширских холмов: построенном век, если не два, назад, с булыжным полом в выбоинах, где скапливались лужи навозной жижи и мочи, с гнилыми деревянными перегородками, с окошечками—амбразурами, словно ему предстояло выдерживать осаду за осадой. Мне вспомнилось, как Фрэнк сидел там на табурете для доения, почти невидимый в сумраке, а с низкого потолка над ним свисали густые фестоны паутины.

Там эти десять коров выглядели тем, чем были: разнопородными буренками, дававшими средние надои, – но теперь они обрели достоинство и стиль.

– Ради этого стоило надрываться, как надрывались вы, – сказал я, и молодой фермер в ответ кивнул и улыбнулся. Улыбка получилась мрачноватой, словно он за мгновение вновь пережил часы, недели, месяцы тяжелейшего труда, которые он отдал этому коровнику. Потому что Фрэнк Меткаф построил его сам. Ряды аккуратных бетонных стойл, чистый ровный пол, беленые цементные стены, большие окна – все это было создано его руками.

– Посмотрите молочную, – сказал Фрэнк.

Мы прошли в небольшое помещение, которое он пристроил у дальнего конца, и я с восхищением оглядел сверкающий охладитель, безупречно чистые раковины и подойники, сепаратор с аккуратной стопкой фильтров.

– А знаете, – сказал я, – именно так надо производить молоко. Эти старые грязные лачуги, в которых я смотрю коров чуть ли не каждый день, – у меня от них волосы дыбом встают.

Фрэнк нагнулся и пустил мощную струю из ближайшего крана.

– Что верно, то верно. И когда-нибудь все будет, вот как тут, только лучше. А доход у фермеров только вырастет. Ну, проверку на туберкулез они прошли, и лишние четыре пенса за галлон большую разницу составят. Теперь уж я могу взяться за дело по-настоящему!

А тогда, подумал я, его уже не остановишь, и он многого достигнет. Казалось, он обладал всем, что нужно, чтобы преуспеть, выбрав тяжелый фермерский труд. Ум, практическая сметка, физическая сила, любовь к земле и животным и способность упрямо делать самую черную работу, когда остальные люди отдыхают. Я был убежден, что эти качества помогут ему преодолеть самую большую преграду на пути к поставленной цели – полное отсутствие оборотного капитала.

Фрэнк не был фермером по рождению. Он приехал из Мидлсбро, где работал на сталелитейном заводе. Он поселился с молодой женой на маленькой дальней ферме в Брансетте меньше чем год назад, и я очень удивился, узнав, что он родом из города, потому что он был смуглым и жилистым, как типичный уроженец холмов. Да и фамилия у него была йоркширская.

Я как-то про это упомянул, и он засмеялся.

– Мой прадед родом из этих мест, и меня с детства тянуло вернуться сюда.

Когда я узнал его поближе, мне удалось восполнить многие подробности его истории, которую он изложил в этой короткой фразе. В детстве он проводил в здешних краях все каникулы, и, хотя его отец был мастером на сталелитейном заводе и он тоже стал литейщиков, магическое очарование йоркширских холмов было как пение сирен, звучавшее все более властно, пока у него не осталось сил противиться соблазну. В свободное время он нанимался на какую-нибудь ферму, читал о сельском хозяйстве все, что мог найти, и в конце концов оставил прежнюю жизнь, арендовав маленькую ферму на верхнем склоне, куда вел каменистый проселок.

Дом представлял собой жалкую лачугу, службы обветшали – на какой доход можно было тут рассчитывать? Да и в любом случае я не слишком верил во внезапное и успешное преобразование горожан в фермеров – несмотря на недолговременность собственного моего опыта, я уже успел стать свидетелем нескольких таких попыток, завершившихся крахом. Но Фрэнк Меткаф взялся за дело так, словно ничем другим в жизни не занимался: чинил обрушившиеся стенки, приводил в порядок пастбище, в пределах своего жиденького бюджета покупал наиболее надежных коров, и никакой растерянности, никакого желания махнуть на все рукой я у него не замечал, не в пример прочим.

Как-то я заговорил об этом с фермером, на склоне лет перебравшимся в Дарроуби, и старик усмехнулся:

– Как хозяйство вести, это у человека в нутре должно быть. Никакой человек ничего тут не добьется, коли у него в крови этого нет. Ну, и пусть ваш парень в городе вырос, что с того? Есть оно в нем, с материнским молоком всосал, понимаете? Вот так-то!

Возможно, он был прав, но всосал ли Фрэнк умение вести хозяйство с материнским молоком или приобрел его, сидя над книгами, подрабатывая на фермах,

соображая, – во всяком случае, арендованная фермочка стала другой за считанные месяцы. Если он не доил, не задавал корм, не убирал навоз, то строил новый коровник – оббивал камни, смешивал цемент, и песок с пылью налипали на его потное лицо.

И вот теперь он готов был взяться за дело по-настоящему.

Когда мы вышли из молочной, он кивнул на ветхое строение по ту сторону двора.

– Когда подраберусь, перестрою эту развалюху в еще один коровник. Теперь, когда я туберкулезную проверку прошел, года за два расплачусь с долгами – подзанять-то пришлось порядочно. А если все пойдет хорошо, так, может, переберусь когда-нибудь и на большую ферму.

Мы с ним были примерно ровесниками, и между нами завязались дружеские отношения. Мы часто сиживали в их тесной комнатке под низким потолком, его жена подливала нам чай в чашки, а он излагал свои планы. И слушая его, я все больше убеждался, что он из тех людей, которые способны сделать многое не просто для себя, но для сельского хозяйства вообще.

А теперь я смотрел, как он оглядывает свои маленькие владения. Ему не надо было говорить: "Я люблю эту ферму. Я чувствую, что здесь я на месте". Достаточно было взглянуть на его лицо, на нежность, с какой он озирает лоскутки лугов в ложбине между вершинами. Эти луга, из поколения в поколение отвоевывавшиеся у вереска и папоротника, уходили к самому гребню, где начиналась бесплодная пустошь с торфяными тряпинами. Внизу проселок скрывался в лесу у отрога. Пастбища были тощие, кое-где из тонкого слоя почвы торчали камни, но чистый, пахнувший травами воздух и тишина должны были казаться раем после грохота и дыма заводских цехов.

– Но все-таки займемся коровой, Фрэнк, – сказал я – Я так залюбовался новым коровником, что совсем забыл, зачем приехал.

– Вон та рыжая с белыми пятнами. Я ее последней купил и что-то с ней не так. С самого начала молоко дает плохо и сонная какая-то.

Температура оказалась под сорок. Вынимая термометр, я потянул носом.

– От нее пахнет, верно?

– Да, – сказал Фрэнк. – Я это тоже заметил.

– Ну, так принесите горячей воды, я ее прощупаю.

Матка была полна вонючего эксудата, и, когда я извлек руку, хлынула желтоватая гнойная жидкость.

– Неужели у нее не было никаких выделений?

Фрэнк кивнул.

– Были. Только я особого внимания не обратил. Ведь после отела это дело обычное.

Я ввел резиновую трубку, эвакуировал жидкость, обработал внутреннюю поверхность антисептическим средством и вложил несколько акрифлавиновых pessaries.

– Это ее очистит, и, думаю, она поздоровеет, но кровь для анализа я у нее все равно возьму.

– А для чего?

– Может быть, все и в порядке, но мне не нравится эта желтая жижа. Она состоит из распавшихся ворсинок – их еще называют ягодками на телячьей постельке, – и такой ее цвет может быть следствием бруцеллеза.

– Но он же выкидыши вызывает?

– И все-таки не исключено, Фрэнк. Она могла отелиться преждевременно или даже нормально и быть зараженной. В любом случае кровь нам все скажет. А пока отделите ее от остальных.

Несколько дней спустя за завтраком в Скелдейл-Хаусе я с екнувшим сердцем взял в руки конверт,

содержавший лабораторный анализ, вскрыл его и прочел: реакция агглютинации дала положительный результат. Я кинулся на ферму к Фрэнку.

– Давно эта корова у вас? – спросил я.

– Четвертая неделя пошла.

– И она паслась там же, где остальные? Вместе со стельными?

– Да. Все время.

Я помолчал, а потом сказал:

– Фрэнк, я объясню вам, чем это чревато. Вы же хотите знать подробно, какие могут быть последствия, верно? Возбудитель бруцеллеза находится в выделениях больной коровы, и, боюсь, она уже заразила пастбище. Любая из ваших коров – или все они – могла подхватить инфекцию.

– Значит, они выкинут?

– Необязательно. Тут никакого единообразия не существует. Многие больные коровы спокойно донашивают телят. – Я пытался придать своему тону бодрость.

Фрэнк засунул руки в самую глубину карманов. Его худое смуглое лицо помрачнело.

– Черт! Лучше б мне ее не покупать! Подвернулась в Холтоне на рынке. Одному богу известно, откуда она... Да уж теперь поздно спохватываться. Что надо делать?

– Главное, держать ее подальше от остальных. Хорошо бы их как-нибудь обезопасить, но сделать почти ничего нельзя. Вакцина есть двух видов: живая, но вводить ее можно только яловым коровам, а ваши все беременны, и убитая, но от нее мало проку.

– Ну, я не из тех, кто сидит сложа руки и ждет у моря погоды. Если убитая вакцина пользы не принесет, вреда от нее не будет, так?

– Нет, никакого.

– Ну, так впрысните ее всем и будем надеяться на лучшее.

В тридцатых годах ветеринарам сплошь и рядом оставалось только надеяться на лучшее. Я вакцинировал все стадо, и мы начали ждать.

Целых восемь недель все как будто шло нормально. Лето сменилось осенью, скот загнали в хлева. Зараженная корова чувствовала себя много лучше, ее выделения очистились, она начала давать больше молока. Затем как-то утром Фрэнк позвонил мне:

– Я, когда нынче пришел доить, нашел в стоке мертвого теленка. Вы приедете?

Семимесячный плод, еще почти не покрывшийся шерстью. Вид у коровы был больной, под хвостом, как и следовало ожидать, свисала не вышедшая плацента. Вымя, которое после нормального отела раздулось бы от молока – бесценного молока, которое решало судьбу Фрэнка, было почти пустым.

Терзаемый сознанием полной своей беспомощности, я мог предложить только все тот же совет – изолировать, дезинфицировать... и надеяться на лучшее.

Две недели спустя выкинула молодая корова, миниатюрная джерсийская полукровка, с помощью которой Фрэнк рассчитывал повысить жирность своих удоев. А еще через неделю третья корова выкинула на шестом месяце.

И когда я приехал к ней, я познакомился с мистером Багли. Фрэнк виновато объяснил его присутствие.

– Он говорит, что знает средство, Джим. И хочет его с вами обсудить.

Мистер Багли, низенький с тонкими ножками в суконных обмотках, истово посмотрел на меня снизу вверх.

– У меня, молодой человек, на ферме то же самое приключилось, и я бы сюда сегодня не пришел, коли бы не знал средства, как помочь.

– Понимаю, мистер Багли. И какое же это средство?

– А вот! – Он вытащил из кармана куртки бутылку с этикеткой. – Что она грязновата, так она на окошке в коровнике два года простояла.

Я прочел: "Противовыкидышный Бальзам Доктора Дрисколла. Дайте каждой корове по две столовых ложки в пинте воды и повторите на следующий день". Остальную часть этикетки занимала физиономия профессора – сквозь плотный слой пыли на меня уничтожительно глянул воинственного вида весьма бородатый джентльмен в высоких викторианских воротничках. И он был отнюдь не дурак – ниже я прочел: "Если аборт произошел, та же доза предотвратит повторение". Он не хуже меня знал, что аборт почти никогда не повторяется.

– Да, – сказал мистер Багли. – Эта самая микстурка. У меня коровки, как заладили, выкидыш за выкидышем, а я их, знай, пою микстуркой, ну и больше – ни-ни, в следующий раз все как одна, телят принесли.

– Они бы и без микстуры родили благополучно. Видите ли, у них вырабатывается иммунитет.

Мистер Багли наклонил голову набок и улыбнулся мне кроткой снисходительной улыбкой. И правда, какое я имел право спорить? Сам-то я ничего предложить не мог.

– Ладно, Фрэнк, – сказал я вяло, – пусть пьют. Как и от моей вакцины вреда быть не должно.

Свежая бутылка дрисколловского бальзама была приобретена, и маленький мистер Багли лично следил, чтобы каждая корова Фрэнка получила положенную дозу. Он просто пыжился от гордости, когда через три недели одна из коров отелилась точно в срок.

– Ну-ка, что скажете, молодой человек? Микстурка-то себя показывает, а?

– Я с самого начала предполагал, что какие-то из них отелятся нормально, – ответил я, и мистер Багли

презрительно поджал губы, шокированный такой жалкой попыткой оправдаться.

Меня же его мнение обо мне совсем не трогало. Я просто заранее смирялся с горькой неизбежностью. Потому что до появления современных медикаментов так оно всегда и бывало. Фермеры пользовались множеством шарлатанских снадобий, а ветеринары даже не могли толком возразить, потому что в их распоряжении было слишком мало действенных лекарств.

И когда речь шла о болезнях вроде бруцеллеза, с которыми они пока справиться не могли, урожай шарлатаны снимали особенно богатый. Провинциальные и сельскохозяйственные газеты пестрели рекламными объявлениями, превозносившими чудотворное действие красных микстур, очищающих и запирающих бальзамов или розовых порошков. Конкурентов у профессора Дрисколла было хоть отбавляй.

Когда вскоре и вторая корова отелилась в срок, мистер Багли всячески старался пощадить мое самолюбие.

– Учиться нам никому не поздно, молодой человек, а вы ведь руку в этом деле еще набить не успели. Ну, просто не знали про это лекарство, так я вас не виню, а только опасаться, по-моему, больше нечего.

Я промолчал. Фрэнк несколько утратил безнадежный вид, и я не хотел своими сомнениями гасить этот неверный проблеск. А вдруг вспышка действительно кончилась? Они же непредсказуемы!

Но когда Фрэнк позвонил мне снова, все мои тягостные предчувствия оправдались с лихвой.

– Приезжайте. Трех коров почистить надо...

– Трех?!

– Ну, да. Одна за другой – раз, раз, раз. И все выкидыши. Это крышка, Джим. Не знаю, что я буду

делать.

Фрэнк встретил меня у конца проселка. Он сразу состарился на десять лет. Лицо у него было бледным и измученным, словно после тяжелой бессонницы. Затем я увидел мистера Багли. Он рыл яму перед дверью коровника.

– Зачем это?

Фрэнк ничего не выражающим взглядом посмотрел на свои сапоги.

– Теленка закапывает. Говорит, что от этого большая польза бывает. – Он поднял на меня глаза с кривой улыбкой. – Наука мне помочь не может, так почему бы не испробовать колдовство?

Обходя глубокую могилу, плод стараний мистера Багли, я почувствовал, что тоже состарился на несколько лет. Низенький фермер покосился на меня от лопаты.

– Очень старинное средство, – объяснил он. – Микстурка что-то поослабла, так надо что-нибудь по сильнее попробовать. Беда в том, – добавил он с сердцем, – что позвали-то меня, когда уже поздно было!

Я извлек разложившиеся последы из трех коров и тут же уехал. Меня терзал такой стыд, что я не мог взглянуть Фрэнку в глаза. А когда я две недели спустя снова приехал к нему, мне стало даже хуже – еще во дворе я обнаружил, что к чистому воздуху осенних холмов подмешан какой-то странный запах, всепроникающая душная вонь. Я знал, что она мне знакома, но определить ее все-таки не мог. Из дома вышел Фрэнк, увидел, что я верчу головой, нюхая ветер, и сказал с грустной улыбкой:

– Ароматик не самый благоуханный, верно? По моему, вы еще не имели чести встречаться с нашим козлом.

– У вас есть козел?

– Взяли на подержание. Заматерелый такой. Куда-то запрятался, но, черт подери, запашок все равно в нос бьет. Все мистер Багли – раскопал его где-то и божится, что сосед у него только этим козлом и выручил своих коров от такой же напасти. От телят под порогом толку не вышло, вот он и решил, что пора привезти козла. Говорит, что вонь эта очень целебная.

– Фрэнк, мне невыразимо жаль, – сказал я. – Значит, продолжается?

Он пожал плечами.

– Да. С прошлого раза, как вы приезжали, еще две. Но я, Джим, уже перестал переживать, и вы, бога ради, не мучайтесь так. Вы же ничего сделать не можете, я знаю. Никто ничего сделать не может.

На обратном пути я угрюмо размышлял над его словами. Заразные коровьи выкидыши были распознаны как болезнь еще в глухом средневековье, и мне приходилось читать в старинных книгах об этом гнусном поветрии, разорявшем тогдашних крестьян, как теперь оно разоряло Фрэнка Меткафа. В те давние дни знатоки объясняли, что причина – нечистая вода, плохой корм, неподвижность, внезапный испуг. Правда, они сумели заметить, что здоровые коровы, стоило им обнюхать недоношенного теленка или послед, почти наверное, сами претерпевали ту же судьбу. Но все остальное тонуло в черном тумане невежества.

Мы же, современные ветеринары, наоборот, располагали множеством точнейших сведений. Мы знали, что причина – граммотрицательная бактерия *Brucella abortus*, чьи свойства и жизненный цикл мы изучили в мельчайших подробностях. Однако помочь фермеру в положении Фрэнка мы были способны не больше, чем наши коллеги, писавшие некогда эти забавные трактаты. Правда, исследователи, посвятившие этому жизнь, упорно искали такой штамм бруцеллы, который мог бы послужить основой для

надежной и безопасной вакцины для иммунизации телят в первые месяцы их жизни, и уже в 1930 году был создан штамм 19, на который возлагались большие надежды. Однако он и теперь, десять лет спустя, находился еще в экспериментальной стадии. Родись Фрэнк, на свое счастье, лет на двадцать позже, почти наверное, все эти купленные им с бору по сосенке коровы были бы заблаговременно иммунизированы и ограждены от бруцеллеза с помощью все того же штамма—19. А сейчас мы и вовсе располагаем действенной убитой вакциной для стельных коров.

Главное же, теперь идет осуществление плана, который вообще должен полностью уничтожить бруцеллез, и благодаря ему эта болезнь получила широкую известность. Неспециалистов, естественно, она интересует с точки зрения их здоровья – ведь они узнали, сколько разных тяжелых болезней подстерегают тех, кто пьет молоко от больной коровы. Но мало кто из горожан хотя бы отдаленно представляет, чем может обернуться бруцеллез для фермеров.

Конец истории Фрэнка-фермера был не за горами. Осень переходила в зиму, и, когда он как-то вечером зашел ко мне, крыльцо Скейдел-Хауса искрилось инеем. Я проводил его в гостиную и откупорил пару бутылок пива.

– Джим, я пришел сказать, – начал он спокойно и деловито, – что уезжаю.

– Уезжаете? – Что-то во мне отказывалось верить его словам.

– Да. Вернусь в Мидлсбро на прежнюю работу. Что делать-то?

Я растерянно посмотрел на него.

– Так плохо?

– Сами прикиньте! – Он угрюмо улыбнулся. – Из всего моего стада только три коровы отелились нормально.

Остальные еле ноги таскают, течет из них, а молока нацеживают столько, что и доить не стоит. Телят на продажу или для пополнения у меня нет. У меня ничего нет.

– Но нельзя ли занять, чтобы продержаться? – спросил я нерешительно.

– Нет, Джим. Если я сейчас все продам, мне как раз хватит, чтобы вернуть банку долг. Остальное я занял у моего старика и больше у него просить не стану. Я ему обещал, что вернусь на завод, если с фермой у меня не заладится, и слово сдержу.

– А, черт, Фрэнк! – пробормотал я. – Просто сказать не могу, как мне жаль. Ну, хотя бы раз вам повезло!

Он поглядел на меня и улыбнулся без малейшей тени жалости к себе.

– Ну что же, – сказал он. – И не такое случается.

Я чуть не подпрыгнул – "И не такое случается"! Присказка йоркширских фермеров, когда их постигает беда. Старик в Дарроуби был прав: Фрэнк действительно всосал все это с молоком матери.

Да и не его одного постигло такое разорение. Его сгубила "карусель выкидышей", она же загоняла в угол и многих других прекрасных хозяев. Некоторые затягивали пояса потуже, тратили все, что было отложено на черный день, и впроголодь ждали, покуда не пронесет и можно будет начать сначала. Но у Фрэнка ничего отложено не было, с самого начала на карту он поставил все – и проиграл.

Больше я его никогда не видел. Сперва я думал, что он мне напишет, но потом понял, что, ставя мучительный крест на своей мечте, поставить его он мог только окончательно и бесповоротно.

С некоторых отрогов северных Пеннин открывается широкий вид на панораму Тиссайда, и, когда ночное небо полыхало заревом литейных печей, я всегда вспоминал Фрэнка и думал о том, как ему теперь

живется. Нет, конечно, он вряд ли бедствует, но как часто его мысли обращаются к уединенной зеленой ложбине у омытых ветром вершин, где он надеялся создать что-то достойное, и жить там, и вырастить там своих детей?

Фермочку в Брансетте купили некие Питерсы. По странному совпадению они тоже приехали из Тиссайда, но только мистер Питерс был богатым директором крупного химического концерна и ферму приобрел просто, чтобы отдохнуть на лоне природы. Для этой цели она подходила идеально; тем более, что его подрастающие дети обожали верховую езду. Вскоре на лугах там уже паслись лошади и пони. Летом миссис Питерс нередко жила на ферме безвыездно с детьми. Люди они были милые, о своих животных заботились, и я часто к ним навещался.

Дом перестроили до неузнаваемости, и теперь я пил там уже не чай, но кофе в изящной гостиной с антикварным столом, мебелью в веселых чехлах и картинами по стенам. Старые службы преобразились в новые конюшни с яркими свежевывкрашенными дверями.

Только построенный Фрэнком щегольской коровник остался в небрежении. В нем хранили корм и солому для лошадей.

Когда я заглядывал туда и видел густую пыль на полу, грязные, почти не пропускающие света стекла в больших окнах, паутину повсюду, ржавеющие поилки, тюки соломы, кучи торфа и мешки с овсом там, где когда-то коровы Фрэнка так гордо праздновали новоселье, у меня всегда мучительно сжималось сердце.

Вот и все, что осталось от чьей-то заветной мечты.

– Так нужна вам эта работка или нет? – Уолт Барнетт высился в дверном проеме приемной, небрежно и без всякого выражения оглядывая меня с головы до ног и с ног до головы. Прилипшая к нижней губе сигарета казалась столь же неотъемлемой от него, как и коричневая фетровая шляпа и лоснящийся темно-синий костюм, плотно облегающий его громоздкую фигуру. Весил он заметно больше центнера, а ярко-красный мясистый жестокий рот и вся грубость его облика предупреждали, что с ним лучше не связываться.

– Э... ну... конечно, она нам нужна, – ответил я. – Просто я прикидывал, когда мы могли бы выбрать для нее время. – Отойдя к письменному столу, я просмотрел еженедельник. – По воскресеньям у нас все занято, а как дальше у мистера Фарнона, я не знаю. Мы вам позвоним.

Мой дюжий посетитель ввалился в приемную без стука и, не здороваясь, буркнул:

– Мне надо коня охолостить, рослого, чистых кровей. Можете?

Я несколько секунд смотрел на него в сомнении – отчасти растерявшись от его высокомерного нахальства, а отчасти из-за характера работки, которая ему требовалась. Меня она отнюдь не прельщала. Я не люблю иметь дело с рослыми конями чистых кровей, предпочитая им неаристократических жеребят, предназначенных для упряжи, а уж если говорить откровенно, то и вообще шетландских пони. Но работа есть работа, и раз надо, то надо.

– Ну, можете мне звякнуть, коли так, только долго не тяните. – Угрюмые глаза все так же держали меня

под прицелом. – И мне требуется хорошая работа, вот что!

– Мы всегда стремимся работать хорошо, мистер Барнетт, – ответил я, стараясь сдержать нарастающее раздражение.

– Обещать-то все горазды, а потом черт-те что напакостят! – отрубил он, злобно кивнул, повернулся и ушел, не закрыв за собой дверь.

Я все еще стоял посреди приемной, сжимая кулаки и что-то бормоча себе под нос, когда туда вошел Зигфрид. Я не сразу осознал, что это он, и несколько секунд яростно на него хмурился.

– Что с вами, Джеймс? – осведомился он. – Легкое несварение желудка?

– Несварение?.. Да нет, нет... А почему вы спросили?

– Так вы же стояли на одной ноге с перекошенной физиономией, точно вас вдруг прихватило.

– Неужели? Это все наш старый приятель Уолт Барнетт. Он хочет, чтобы мы кастрировали его жеребца, и изложил свою просьбу с присущим ему обаянием. Он мне на нервы действует, скотина!

Из коридора появился Тристан.

– Да, я за стенкой все слышал. Дубина стоеросовая!

Зигфрид немедленно на него накинулся:

– Достаточно! Я не желаю слушать тут подобные выражения. – Он повернулся ко мне. – И право, Джеймс, даже если вы расстроены, это еще не причина прибегать к крепким словам.

– Я не понимаю...

– Некоторые эпитеты и междометия, которыми вы только что сыпали, вас недостойны! – Он развел руками с подкупающей искренностью. – Бог свидетель, я не ханжа, но слышать подобное в этих стенах мне неприятно. – Он помолчал, и его лицо обрело глубочайшую серьезность. – В конце концов люди,

приходящие сюда, нас кормят, и о них следует говорить с уважением.

– Да, но...

– О, я знаю, что некоторые из них не так вежливы, как другие, но вы ни при каких обстоятельствах не должны на них раздражаться. Вам ведь известно избитое присловье: "Клиент всегда прав?" Я считаю, что это прекрасная рабочая аксиома, и сам всегда из нее исхожу. – Он обвел нас с Тристаном торжественным взглядом. – Надеюсь, вы меня поняли. Никаких крепких выражений в приемной, и особенно по адресу клиентов.

– Вам-то хорошо! – взорвался я. – Вы Барнетта не слышали. Я готов терпеть, но всему есть...

Зигфрид наклонил голову набок, и по его лицу разлилась улыбка небесной красоты.

– Дорогой мой, вот вы опять за свое! Допускаете, чтобы всякие пустяки вас расстраивали. Ведь у меня уже был случай говорить с вами об этом, не правда ли? Как мне хотелось бы вам помочь! Передать вам мою способность сохранять хладнокровие при всех обстоятельствах.

– Что-что? Что вы сказали?

– Я сказал, что хотел бы вам помочь, Джеймс, и помогу. – Он поднял указательный палец. – Вы, вероятно, часто удивлялись, почему я никогда не сержусь и не волнуюсь?

– А?!

– Конечно, удивлялись. Это вполне естественно. Ну так я открою вам маленький секрет. – Его улыбка стала лукавой. – Если клиент со мной груб, я просто ставлю это ему в счет. Вместо того чтобы вскипать на ваш манер, я напоминаю себе, что прибавлю к счету десять шиллингов, и это действует волшебным образом!

– Да неужели?

– Именно, именно, дорогой мой! – Он похлопал меня по плечу и вдруг стал очень серьезным. – Нет, я отдаю

себе отчет, что нахожусь в более выгодном положении, чем вы, ибо природа наделила меня на редкость спокойным и уравновешенным темпераментом, вас же любая мелочь способна довести до исступления. Однако, мне кажется, вы могли бы развить в себе эти свойства. Так попытайтесь, Джеймс, попытайтесь! Поддаваясь досаде, озлоблению, вы в первую очередь вредите себе, и, поверьте, жизнь для вас станет совсем иной, если только вы выработаете в себе мой безмятежный взгляд на мир.

Я сглотнул.

– Ну, благодарю вас, Зигфрид, – сказал я. – Попробую.

Уолта Барнетта в Дарроуби окружал ореол некоторой таинственности. Он был не фермером, а старьевщиком, перекупщиком и торговал, чем угодно, начиная от линолеума и кончая старыми машинами. Местные жители знали про него твердо лишь одно: капитал у него есть, и порядочный. Все, чего он ни коснется, превращается в деньги, утверждали они.

В нескольких милях от города он купил обветшавший помещичий дом, где поселился с тихой забитой женой и где держал кое-какой скот и живность, постоянно менявшиеся, – несколько бычков, десятков свиней и обязательно одну-две лошади. Он по очереди обращался ко всем ветеринарам в наших краях, возможно, потому, что был обо всех нас очень низкого мнения. (Должен сказать, чувство это было взаимным.) Он как будто вовсе не работал и чуть ли не каждый день бродил по улицам Дарроуби – руки в карманах, к нижней губе прилипла сигарета, коричневая шляпа сдвинута на затылок, грузное туловище вот-вот распорет лоснящиеся швы синего костюма.

После моего разговора с ним мы несколько дней были заняты с утра до вечера. В четверг в приемной зазвонил телефон, Зигфрид снял трубку и мгновенно

переменился в лице. Даже в противоположном углу мне был слышен громкий требовательный голос, а по лицу Зигфрида медленно разливалась краска, и губы его сжимались все плотнее. Несколько раз он пытался вставить слово, но гремевший в трубке поток звуков не иссякал. Наконец, Зигфрид повысил голос, остановил его но тут же раздался щелчок, и в трубке воцарилось мертвое молчание.

Зигфрид хлопнул ее на рычаг и обернулся.

– Это был Барнетт, и черт знает, что наговорил, потому что мы ему не позвонили! – Он несколько секунд смотрел на меня, и лицо его совсем потемнело.

– Сукин он сын! Да кем он себя воображает? Наорал на меня и повесил трубку, едва я попытался что-то ответить!

Он смолк, а потом повернулся ко мне.

– Одно я вам скажу, Джеймс: он не посмел бы разговаривать со мной так лицом к лицу. – Злобно скрюченные пальцы приблизились к самому моему носу. – Я бы ему шею свернул, хоть он и ростом под потолок! Слышите? Я бы придушил этого...

– Но, Зигфрид! – перебил я. – А как же ваша система?

– Система? Какая система?

– Ну, ваш прием, когда клиенты не особенно вежливы вы ведь вносите это в счет, верно?

Зигфрид опустил руки и уставился на меня, часто и тяжело дыша. Потом погладил меня по плечу, отошел к окну и некоторое время созерцал тихую улицу.

Когда он снова ко мне обернулся, вид у него был более спокойный, хотя и мрачный.

– Черт побери, Джеймс, а вы правы! Это выход. Жеребца я прооперирую, но возьму десятку.

Я расхохотался. В те дни нормальной ценой был фунт или – если вам хотелось придать себе солидности – старомодная гинея.

– Чему вы смеетесь? – угрюмо спросил мой коллега.
– Как? Вашей шутке! Десять фунтов!.. Ха-ха-ха!
– Я не шучу. Я возьму с него десять фунтов.
– Ну, послушайте, Зигфрид, у вас ничего не выйдет!
– А вот посмотрим, – сказал он. – Я этого сукина сына поставлю на место!

Утром на третий день я машинально готовил все для кастрации: прокипятил эмаскулятор, положил его на поднос к скальпелю, вате, артериальным зажимам, пузырьков с йодом, шовному материалу, противостолбнячной вакцине и шприцам. Последние пять минут Зигфрид нетерпеливо меня поторапливал.

– Какого черта вы возитесь, Джеймс? Не забудьте взять дополнительную бутылку хлороформа. И захватите веревки на случай, – если он не ляжет... Джеймс, куда вы засунули запасные скальпели?

На поднос падал солнечный луч, пробиваясь сквозь плетть глицинии, завесившей окно, напоминая мне, что сейчас май и что нигде майское утро не разливает такое золотое волшебство, как в длинном саду Скелдейл-Хауса, чьи высокие кирпичные стены с осыпающейся штукатуркой и старинной каменной облицовкой принимали солнечный свет в теплые объятия и проливали его на неподстриженные газоны, на заросли люпина и колокольчиков, на бело-розовые облака зацветших яблонь и груш и даже на грачей, раскричавшихся в верхушках низов.

Зигфрид, перекинув через плечо намордник для хлороформирования, в последний раз проверил, все ли я положил на поднос, и мы отправились. Минут через двадцать мы уже проехали ворота старинного поместья и по заросшей мхом подъездной аллее, кружившей среди сосен и берез, добрались до дома, который смотрел из деревьев на простирившийся перед ним простор холмов и вересковых пустошей.

Лучшего места для операции и придумать было нельзя: окруженный высокой стеной выгон с густой сочной травой. Великолепного гнедого двухлетку туда привели два весьма своеобразных персонажа – хотя других подручных у мистера Барнетта и быть не могло, решил я про себя. Смуглый кривоногий детина, переговариваясь со своим товарищем, то и дело дергал головой и подмигивал, словно они обсуждали что-то не совсем благовидное. У его собеседника морковно-рыжие стриженные ежиком волосы почти сливались по цвету с воспаленной золотушной физиономией – казалось, только коснись кожи, и она начнет шелушиться мерзкими хлопьями. В самой глубине красных тяжелых складок шмыгали крохотные глазки.

Они угрюмо уставились на нас, и смуглый со смаком сплюнул почти нам под ноги.

– Утро очень приятное, – сказал я.

Рыжий только смерил меня взглядом, но Мигалка многозначительно кивнул и закрыл глаза, словно я отпустил двусмысленный намек, пришедшийся ему по вкусу.

На заднем плане маячила грузная сгорбленная фигура мистера Барнетта – изо рта свисала сигарета, на синем лоснящемся костюме играли солнечные зайчики.

Я не мог не сравнить гнусную внешность этой троицы с красотой и врожденным благородством коня. Гнедой встряхнул головой и устремил безмятежный взгляд на выгон. В больших прекрасных глазах светился ум, благородные линии морды и шеи гармонировали с грацией и мощностью всего его облика. У меня в голове замелькали разные соображения о высших и низших животных.

Зигфрид обошел коня, поглаживая его, разговаривая с ним, а на его лице был написан фанатический восторг.

– Великолепное животное, мистер Барнетт, – сказал он.

– Ну так не испортите его, и весь разговор. Я за эту животину хорошие деньги отвалил, – буркнул тот.

Зигфрид посмотрел на него задумчивым взглядом и повернулся ко мне.

– Ну, что же, начнем. Положим его вон там, где трава повыше. У вас все готово, Джеймс?

У меня все было готово, но я предпочел бы, чтобы Зигфрид поменьше вмешивался. В подобных случаях я был только анестезиологом, а хирургом он. Отличным хирургом, работавшим быстро и блестяще. Меня это вполне устраивало: пусть он делает свое дело, а я буду делать свое. Но вот тут-то и была зарыта собака – он все время вторгался на мою территорию, и это меня раздражало.

Крупных животных анестезируют с двойкой целью – не только чтобы избавить их от страданий, но и чтобы обездвижить их.

Естественно, такие потенциально опасные пациенты не позволят что-нибудь с собой сделать, если не принять необходимых мер заранее.

В этом и заключалась моя задача. Из моих рук пациент должен был выйти спящим, готовым для ножа, и мне частенько казалось, что самая трудная часть операции заключалась именно в этом. Пока животное не засыпало окончательно, я все время оставался в напряжении, чему немало способствовал Зигфрид. Он стоял у меня над душой, говорил под руку, что хлороформа я перелил – или не долил, – и просто не мог дожидаться, когда анестезия сработает. Он то и дело твердил: "Но он же не ляжет, Джеймс!" И сразу же: "А вам не кажется, что следовало бы прихватить ремнем переднюю ногу?"

Даже и сейчас тридцать лет спустя, когда я пользуюсь такими внутривенными средствами, как

тиопентон, он своей манеры не оставил. Нетерпеливо притоптывает, пока я наполняю шприц, и тычет длинным указательным пальцем через мое плечо в яремный желобок. "На вашем месте, Джеймс, я уколол бы вот сюда!"

В то утро я нерешительно помедлил – мой партнер рядом, бутылка с хлороформом у меня в кармане, намордник болтается в моей руке. Как было бы чудесно, подумал я, чтобы вот сейчас в виде исключения он не вмешивался! В конце концов я проработал с ним почти три года, так неужели я не сумею тактично ему намекнуть?

Я откашлялся.

– Зигфрид, я вот подумал... Может быть, вы где-нибудь посидите минуту-другую, пока я его усыплю?

– Что-что?

– По-моему, имело бы смысл, чтобы вы предоставили это мне. У него столько людей возле самой морды... а я не хотел бы, чтобы он заволновался. Так почему бы вам не передохнуть немного? Едва он ляжет, я вам крикну.

– Дорогой мой, как скажете, – Зигфрид умиротворяюще поднял руку. – Действительно, зачем я тут топчусь? Я ведь никогда в вашу работу не вмешиваюсь, как вам прекрасно известно! – Он повернулся, крепко держа поднос под мышкой, и широким шагом направился туда, где остановил свой "лендровер". Пройдя эти пятьдесят ярдов, он обогнул машину, сел на траву и прислонился к багажнику. Теперь он меня не видел.

Сразу воцарился мир. Я осознал, что солнышко ласково греет мне лоб, а на деревьях за оградой звенят птичьи трели. Неторопливо закрепив намордник на уздечке, я достал стеклянную мензурку.

Слава богу, можно не торопиться. Начну с небольшой дозы, чтобы он свыкся с запахом и не пугался.

– Медленно ведите его по кругу, – приказал я Рыжему с Мигалкой, наливая прозрачную жидкость на губку. – Я буду давать ему понемножку, спешить некуда. Но повод держите крепко, вдруг он забуянит.

Впрочем, я мог бы не беспокоиться – конь шагал по кругу спокойно, без каких-либо признаков страха, и каждую минуту я подливал на губку новую дозу хлороформа. Через некоторое время шаги его замедлились, он начал пьяно пошатываться, а я радостно наблюдал эту картину. Вот так и надо их усыплять! Еще несколько капель – и все. Я отмерил пол-унции и направился к коню. Его голова сонно закивала.

– Ну, вот ты и готов, старина, – проворковал я, и тут словно бомба взорвалась.

– Он не ляжет, Джеймс, вы же видите! – Громовой раскат донесся со стороны машины, я повернулся к ней в полной растерянности, увидел возникающую из-за капота голову и услышал начало второго раската: – Да прихватите же ремнем...

Но тут конь споткнулся и тихо улегся на траву, по которой уже огромными прыжками неся Зигфрид, сжимая в руке скальпель.

– Садитесь ему на голову! – вопил он на ходу. – Чего вы ждете? Он же сейчас вскочит! Веревку, веревку на заднюю ногу! Несите сюда мой поднос! И горячую воду! – Запыхавшись, он остановился над распростертым на траве конем и рявкнул на Рыжего: – Да пошевеливайтесь! Вам говорят. Поживее!

Рыжий рванул с места неуклюжим галопом и врезался в Мигалку, тащившего ведро. После чего они начали вырывать друг у друга веревку, но в результате все-таки кое-как обвязали путо.

– Ногу оттяните вперед! – скомандовал мой партнер, наклоняясь, и тут же взревел: – Да не тычьте мне в глаза копытом, кому говорят! Ну и люди, вам только кур гонять!

Я тихо нагнулся над головой коня, упираясь коленом в шею. Держать его было не нужно. Он крепко спал, и веки его даже ни разу не вздрогнули, пока Зигфрид работал с обычной своей молниеносной точностью. Несколько секунд тишины, нарушаемой только позвякиванием инструментов о поднос, и вот уже мой коллега смотрит на меня через спину коня.

– Снимайте намордник, Джеймс.

По-моему, мне еще не доводилось видеть такой простой операции. К тому времени, когда мы кончили споласкивать инструменты в ведре, гнедой уже поднялся на ноги и мирно пощипывал траву.

– Блистательная анестезия, Джеймс, – сказал Зигфрид, вытирая эмаскулятор. – В самую меру. И какое великолепное животное!

Мы убрали свое снаряжение в багажник и уже собирались сесть в машину, когда Уолт Барнетт двинулся в нашу сторону. Он поглядел на Зигфрида через капот.

– Ковырнули и все, – буркнул он, звонко хлопнув чековой книжкой по капоту. – Сколько запросите?

В его словах слышался надменный вызов, и перед натиском этой грубой силы, этой звериной самоуверенности почти любой, кто собирался бы сказать "гинея", быстро передумал бы и пробормотал бы: "Фунт".

– Человеческим языком вас спрашивают, – повторил он. – Сколько с меня?

– А, да, – небрежно уронил Зигфрид. – Десять.

Мясистая ладонь тяжело легла на чековую книжку. Уолт Барнетт тупо уставился на моего коллегу.

– Чего-о?

– Десять, – повторил Зигфрид.

– Десять фунтов?.. – Глаза мистера Барнетта открылись до предела.

– Именно, – сказал Зигфрид. – Совершенно верно. Десять фунтов. – Он солнечно улыбнулся.

Воцарилось молчание. Они сверлили друг друга взглядами через капот. Секунда проходила за секундой, птичье пение и шум весеннего леса, казалось, становились все громче и громче, а двое над капотом хранили полную неподвижность. Мистер Барнетт свирепо хмурился, тяжелое, в грубых складках лицо набрякло кровью. Я покосился на худой волевой профиль моего партнера. Его губы еще хранили следы небрежной улыбки, но в глубине серого, повернутого ко мне глаза разгорался опасный огонек.

Я готов был уже взвизгнуть от нестерпимого напряжения, но тут грузная туша зашевелилась. Уолт Барнетт наклонил голову и принялся царапать в чековой книжке. Его рука так тряслась, что чек, когда он протянул его Зигфриду, затрепыхался, словно под сильным ветром.

– Вот! – прохрипел великан.

– Благодарю вас! – Зигфрид пробежал чек глазами и небрежно сунул его в боковой карман. – Отличная стоит погода, мистер Барнетт, настоящая майская, не так ли? Всем нам на пользу, мне кажется.

Уолт Барнетт буркнул что-то невнятное и повернулся. Садясь в машину, я следил, как лоснящаяся синяя спина медленно движется к дому.

– Ну, во всяком случае, больше он к нам обращаться не станет! – заметил я.

Зигфрид включил мотор, и мы покатали по дороге.

– Совершенно верно, Джеймс. А если мы осмелимся еще раз свернуть на эту аллею, он встретит нас с дробовиком в руках. Но я ничего против не имею. Полагаю, как-нибудь уж я сумею дотянуть до конца своих дней без общества мистера Барнетта.

Наш путь лежал через деревушку Болдон, и Зигфрид затормозил перед небольшим трактиром,

выкрашенным в желтую краску, с деревянной вывеской, гласившей "Скращенные ключи", и большой черной собакой, уютно свернувшейся на солнечном крыльце.

Мой партнер взглянул на часы.

– Четверть первого. Уже открыто. Приятно будет выпить чего-нибудь холодненького. А к тому же я, по-моему, тут еще никогда не бывал.

После яркого света так хорошо было войти в сумрачный зал, где лишь узкие лучики пробивались между занавесками и ложились на каменный пол, потрескавшиеся дубовые столы и широкую скамью у большого очага.

– Доброго утра, почтенный хозяин, – пробасил мой партнер, направляясь к стойке. Он пребывал в самом герцогском своем настроении, и я пожалел, что у него нет в руке трости с серебряным набалдашником, чтобы постучать по ближайшему столу.

Человек за стойкой улыбнулся и в лучшей средневековой манере подергал прядь волос у себя на лбу.

– Доброго утра и вам, сэр. Что прикажете подать, господа?

Я так и ждал, что Зигфрид ответит: "Два кубка самой доброй твоей мальвазии, честный малый!", но он только обернулся ко мне и произнес вполголоса:

– По кружечке портера, а Джеймс?

Хозяин налил пива, и Зигфрид спросил:

– Вы бы к нам не присоединились?

– Спасибо, сэр. Немножко эля выпью.

– А может быть, и ваша хозяйка составит нам компанию? – Зигфрид улыбнулся супруге трактирщика, которая расставляла кружки у конца стойки.

– Спасибо, с удовольствием! – Она подняла взгляд, ойкнула и застыла в изумлении. Зигфрид тут же отвел глаза, но хватило и пяти секунд их серого сияния: горлышко позвякивало о край рюмки, пока она

наливала себе портвейн, и все время, пока мы оставались, хозяйка не отводила от него зачарованного взора.

– Пять шиллингов шесть пенсов, – сказал хозяин.

– Отлично! – Зигфрид сунул руку в топырившийся боковой карман и вывернул на стойку редкостную мешанину смятых банкнот, монет, ветеринарных инструментов, термометров и обрывков шпагата. Он поворошил пеструю грудку указательным пальцем, извлек из нее полукрону с двумя флоринами и щелчком послал их по стойке в сторону хозяина.

– Погодите! – вскричал я. – Это же мои изогнутые ножницы! Я их хватился дня три назад...

Груда исчезла в объемистом кармане.

– Чепуха! Откуда вы взяли, что они ваши?

– Но они выглядят совсем как мои! форма редкая – и такие отличные длинные лезвия... Я всюду искал...

– Джеймс! – Он выпрямился и посмотрел на меня с холодным высокомерием. – Мне кажется, вы говорите лишнее! Быть может, за мной и водятся непорядочные поступки, но мне хотелось бы верить, что есть вещи, на которые я все-таки не способен. И похищение изогнутых ножниц коллеги входит в их число!

Я прикусил язык. Оставалось выждать и попробовать в более удобный момент. Тем более что я успел узнать и свой пинцет.

Впрочем, внимание Зигфрида было уже отвлечено. Он напряженно щурился несколько секунд, затем вывернул из другого кармана такую же грудку и принялся лихорадочно в ней копаться.

– Что случилось? – спросил я.

– Да этот чек... Я не отдал его вам?

– Нет. Положили в этот карман. Я своими глазами видел.

– Я тоже так думал. Ну, так его здесь нет.

– Как нет?

– Я этот чертов чек потерял!

Я засмеялся.

– Не может быть! Посмотрите в других карманах.
Просто вы его не заметили.

Зигфрид систематически обыскал все свои карманы
– чека нигде не было.

– Ну, что же, Джеймс, – сказал он, – я его потерял.
Однако есть очень простой выход: я подожду здесь,
выпью еще кружечку, а вы тем временем съездите к
Уолту Барнетту и попросите, чтобы он выписал второй
чек.

За долгие часы поездок с одной фермы на другую времени для размышлений хватает, и, воз вращаясь домой после позднего вызова, я принялся лениво оценивать свою способность планировать жизнь.

Пришлось признать, что она у меня развита слабо. Вскоре после свадьбы я сказал Хелен, что с детьми нам следует подождать: меня скоро призовут, у нас нет своего дома, наше финансовое положение весьма зыбко... Вот когда кончится война...

Откинувшись в кресле и попыхивая трубкой, я весомо обосновывал каждый аргумент – но, когда врач подтвердил, что Хелен беременна, я, помнится, нисколько не удивился.

В открытое окно из теплой тьмы веяло запахом трав, к которому, пока я ехал через деревню на мгновение примешался сладковатый таинственный аромат древесного дыма. За деревней шоссе, пустое и ровное, продолжало кружить между черными громадами холмов. Нет. Никакой я не организатор. Очень скоро я уеду из Дарроуби, а потом и из Англии неизвестно на какой срок – да и вернусь ли я вообще? – и оставляю беременную жену без дома и без денег. Муторное положение!.. А впрочем, я уже успел убедиться жизнь такая штука, что я при самых благоприятных обстоятельствах ее аккуратно по полочкам не разложишь.

Часы на колокольне показывали одиннадцать, когда я свернул с рыночной площади на улицу Тренгейт и увидел, что в нашем окошке темно. Значит, Хелен уже легла. Я въехал во двор, поставил машину в гараж и прошел через длинный сад в дом. Так завершался каждый мой день. Иногда я спотыкался на мерзлой

земле, но нынче в летнем мраке было приятно шагать под ветвями яблонь к безмолвному темному силуэту дома, вырисовывающемуся на фоне звезд.

В коридоре я столкнулся с Зигфридом.

– Вернулись от Алленби, Джеймс? – спросил он. – Колика? Я прочел в журнале.

Я кивнул.

– Да, но легкая. Небольшое несварение. Их серая пара добралась до грушевых паданцев в саду.

Зигфрид засмеялся.

– Ну, я опередил вас на считанные минуты. Последний час я провел у старой миссис Дьюар – держал ее кошечку за лапку, пока она рожала.

Мы дошли до угла коридора, и он нерешительно остановился.

– Может быть, немножко посидим, Джеймс?

– С удовольствием, – ответил я, и мы пошли в гостиную. Но между нами чувствовалась какая-то неловкость. Ведь рано утром Зигфрид отправится в Лондон, чтобы стать военным летчиком. Он уедет еще до того, как встану я. Мы оба знали, что прощаемся.

Я опустил в свое обычное кресло, а Зигфрид извлек из стеклянного шкафчика над камином бутылку и две рюмки. Налив их почти до краев, он поставил бутылку на место и сел напротив.

Сколько раз мы сидели вот так в прошлые годы, нередко коротая время за разговором до зари! Конечно, после того как я женился, такие бдения прекратились. И сейчас у меня было ощущение, точно стрелки часов были переведены назад я сижу с рюмкой в руке, смотрю на Зигфрида по ту сторону камина и ощущаю, точно живую, прелесть этой старинной комнаты с высоким потолком, изящными нишами и стеклянными дверями, ведущими в сад.

Мы говорили не о его отъезде, а о том, о чем говорили всегда: о чудесном выздоровлении проклятой

коровы, о том, что вчера сказал старик Дженкс, о пациенте, который хорошенько лягнул нас, перемахнул через изгородь и был таков. Вдруг Зигфрид поднял палец.

– Да, Джеймс, чуть было не забыл! Я приводил в порядок счетные книги, и выяснилось, что я вам должен пятьдесят фунтов.

– Разве?

– Да, и я чувствую себя очень виноватым. Помните, когда вы еще не были моим партнером, вам полагался процент с туберкулинизации за Юэна Росса? Там произошла какая-то накладка, и я вас обсчитал. Во всяком случае, вам предстоит получить пятьдесят фунтов.

– Пятьдесят? А вы уверены?

– Абсолютно уверен, Джеймс, и приношу свои извинения.

– Ну, какие там извинения, Зигфрид! Тем более что сейчас это как раз кстати.

– Вот и хорошо... чек вы завтра найдете в верхнем ящике письменного стола. – Он небрежно махнул рукой и заговорил об овцах, которых обследовал днем.

Но я его почти не слушал. Пятьдесят фунтов! В те дни это были большие деньги, особенно когда в обозримом будущем мне предстояло получать в день три шиллинга как рядовому ВВС. Эта сумма не разрешала моих финансовых проблем, но все-таки была недурным резервом.

Самые мои дорогие и близкие единодушны в том, что я несколько крепковат задним умом, и не исключено, что они правы: во всяком случае, прошло много лет, прежде чем до меня дошло, что никаких пятидесяти фунтов Зигфрид мне должен не был. Просто он знал, что я нуждаюсь в помощи, и, когда долгое время спустя мне, наконец, все стало ясно, я сообразил, что он должен был прибегнуть к подобному способу.

Чтобы не смущать меня. Ведь даже чек он мне сам не отдал...

Мы удобно полулежали в креслах, откинув голову на спинку, далеко вытянув ноги на ковер, и лицо Зигфрида словно выступало из тени. Мне вдруг пришло в голову, что он выглядит значительно старше своих тридцати с небольшим лет. Это было привлекательное лицо, художавое, волевое, с умными полными юмора глазами – но не молодое. Собственно говоря, на моей памяти Зигфрид никогда не выглядел молодым. Зато последнее слово осталось за ним, потому что годы почти его не изменили и теперь он нисколько не выглядит старым.

В эту минуту я пожалел, что здесь нет Тристана, и мы не сидим втроем, как столько раз бывало за эти три года. Мы разговаривали, и память рисовала живые картины – ледяной дождь, бьющий нам в лицо на ноябрьских склонах, лихорадочное выкапывание машины из сугроба, весеннее солнце, согревающее холмы. Среди этих образов вновь и вновь возникал Тристан, и я знал, что мне будет не хватать его точно так же, как и его брата.

Я не поверил, когда Зигфрид поднялся, откинул занавеску, и в комнату ворвался серый рассвет. Я тоже встал и подошел к нему. Он взглянул на часы.

– Уже пять, Джеймс, – сказал он и улыбнулся. – Вот мы с вами и скоротали еще одну ночь.

Он открыл стеклянную дверь, и мы вышли в утреннюю тишину сада. Я с наслаждением вдохнул свежий воздух, и тут свистнула птица.

– Вы слышали? – спросил я.

Он кивнул, и мне показалось, что мы оба подумали об одном и том же – уж не этот ли самый дрозд приветствовал рассвет, когда мы засиделись до утренней зари, обсуждая мой первый самостоятельный вызов?

Мы молча поднялись по лестнице. Зигфрид остановился у двери своей спальни.

– Ну что же, Джеймс... – Он протянул мне руку и уголок его рта дернулся.

Я стиснул его руку, и, повернувшись, он вошел к себе. А я, продолжая подниматься по лестнице, растерянно подумал, что мы не сказали друг другу "до свидания". Мы не знали, когда увидимся снова и увидимся ли вообще, но оба промолчали. А если не у него, то у меня многое рвалось с языка.

Я хотел поблагодарить его за то, что он был мне не нанимателем, а другом, за все, чему он меня научил, за его неизменную поддержку. И еще многое хотел бы я сказать, но не сказал ничего.

И даже так никогда и не поблагодарил его за эти пятьдесят фунтов – вот до этой минуты.

– Вы про это мне и говорили? – спросил я.

Мистер Уилкин кивнул.

– Вот-вот. И у него это так всегда.

Я взглянул на большого пса, корчащегося в судорогах у моих ног, на выпученные глаза, на отчаянно бьющие в воздухе лапы. Фермер пожаловался, что у Джипа, его овчарки, время от времени случаются припадки, но свидетелем такого припадка я оказался лишь случайно – на ферму я приехал по другой причине.

– А потом, вы говорите, он выглядит и ведет себя совершенно нормально?

– Все как рукой снимает. Ну, сначала ходит, словно его чуть оглушило, а через час словно и не было ничего.

– Фермер пожал плечами. – Сами знаете, собак через мои руки много прошло, и припадочных среди них хватало. Я-то думал, что знаю все, отчего собаку вдруг прихватывает, – глисты, корм неподходящий, чума. А тут просто ума не приложу. Чего только я не пробовал!

– И не пробуйте больше, мистер Уилкин, – сказал я. – Помочь Джипу вы толком не сможете. У него эпилепсия.

– Эпилепсия? Да ведь все остальное время он пес, каких поискать!

– Да, я знаю. Так и должно быть. Никаких повреждений у него в мозгу нет. Болезнь таинственная. Причины ее неизвестны, но, почти наверное, она наследственная.

Брови мистера Уилкина поползли вверх.

– Странно что-то. Коли наследственная, почему прежде ничего не бывало? Ему же почти два года, а началось все совсем недавно.

– Картина как раз типичная, – возразил я. – Эпилепсия обычно проявляется между полутора и

двумя годами.

Тут нас перебил Джип. Он встал и, виляя хвостом, на нетвердых ногах подошел к хозяину. Случившееся как будто прошло для него совершенно незаметно. Впрочем, длился припадок минуты две. Мистер Уилкин нагнулся и потрепал косматую голову. Гранитные черты его лица приняли выражение глубокой задумчивости. Это был человек могучего сложения лет сорока с небольшим, и теперь, когда он прищурил глаза, его неулыбчивое лицо стало грозным. Мне не один фермер говорил, что с Сепом Уилкином лучше не связываться, и теперь я понял, почему. Но со мной он всегда держался приветливо, а так как ферма у него была большая – почти тысяча акров, – видеться нам приходилось часто.

Страстью его были овчарки. Многие фермеры любили выставять собак на состязания, но мистер Уилкин бывал непременно их участником. Он выращивал и обучал собак, которые неизменно брали призы на местных состязаниях, а иногда и на национальных. И у меня стало беспокойно на сердце: ведь сейчас главной его надеждой был Джип.

Он выбрал двух лучших щенков одного помета – Джипа и Суипа – и занимался их воспитанием с упорством, которое делало его собак победителями. И пожалуй, я не видел прежде, чтобы собаки так любили общество друг друга. Всякий раз, когда я приезжал на ферму, видел я их только вместе – то их носы высовывались рядом над нижней половинкой двери стойла, где они спали, то они дружно ластились к хозяину, но чаще просто играли. Вероятно, они часы проводили в веселой возне – схватывались, рычали, пыхтели, нежно покусывали друг друга.

Несколько месяцев назад Джордж Кроссли, старейший друг мистера Уилкина и тоже страстный любитель собачьих состязаний, лишился своего лучшего пса, заболевшего нефритом, и мистер Уилкин уступил

ему Суипа. Помню, я удивился, потому что Суип заметно опережал Джипа в обучении и обещал стать настоящим чемпионом. Но на родной ферме остался Джип. Вероятно, ему не доставало его приятеля, хотя вокруг были другие собаки и одиночество ему не угрожало.

Я увидел, что Джип совершенно оправился после припадка. Просто не верилось, что несколько минут назад он дергался в этих жутких судорогах. С некоторой тревогой я ждал, что скажет его хозяин.

Холодная логика подсказывала, что Джипа следует усыпить. Но, глядя на дружелюбно виляющего хвостом пса, я даже думать об этом не хотел. В нем было что-то необыкновенно симпатичное. Крупно-костное, с четким окрасом туловище было красиво, но особую прелесть придавала ему голова – одно ухо стояло торчком, и, когда второе повисало, его морда приобретали выражение забавного лукавства. Собственно говоря. Джип чем-то напоминал циркового клоуна, причем клоуна, излучающего добродушие и товарищеский дух.

Наконец, мистер Уилкин прервал молчание.

– А с возрастом ему лучше не станет?

– Почти наверное, нет.

– Так и будет жить с этими припадками?

– Боюсь, что да. Вы сказали, что они случаются каждые две-три недели, так, скорее всего, и будет продолжаться с некоторыми отклонениями.

– А случиться они могут в любую минуту?

– Да.

– Значит, и на состязаниях... – Фермер опустил голову на грудь и проворчал: – Значит, так.

Наступило долгое молчание, и с каждой проходящей секундой роковые слова казались все более и более неизбежными. Сеп Уилкин не мог поступиться главной своей страстью. Безжалостное выпалывание всех отступлений от нормы представлялось ему абсолютной необходимостью. И

когда он кашлянул, сердце у меня сжалось от скверных предчувствий.

Но они меня обманули.

– Если я его оставлю, вы для него что-нибудь сделать можете? – спросил он.

– Есть таблетки, которые, вероятно, снизят частоту припадков, – ответил я, стараясь говорить безразличным тоном.

– Ну, ладно... Ладно... Я к вам за ними заеду, – буркнул он.

– Отлично. Но... э... потомства вы от него получать ведь не станете?

– Нет же, конечно, – отрезал он с раздражением, словно больше не хотел возвращаться к этой теме.

И я промолчал, интуитивно догадываясь, что он боится выдать свою слабость: он – и вдруг держит собаку просто из любви к ней! Забавно, как вдруг все само собой объяснилось и встало на свои места. Вот почему он отдал Суипа, обещавшего верные победы на состязаниях. Джип ему попросту нравился! Пусть Сеп Уилкин был высечен из гранита, но и он не устоял перед этим веселым обаянием.

Поэтому, направляясь к машине, я заговорил о погоде. Однако, когда я уже сел за руль, фермер вернулся к главному.

– Я вам про Джипа одной вещи не сказал, – начал он, наклоняясь к дверце. – Не знаю, может, это здесь и ни при чем, но только он ни разу в жизни не лаял.

Я с удивлением посмотрел на него.

– Как так? Ни единого раза?

– Вот-вот. Ни разу не гавкнул. Остальные собаки так и заливаются, если на ферму чужой кто заглянет, а Джим хоть бы тьякнул с самого первого дня, как родился.

Включив мотор, я впервые обратил внимание, что сука с двумя полувзрослыми щенками устроила мне

прощальный концерт, но Джип только по-товарищески ухмылялся, открыв пасть и высунув язык, без единого звука. Пес-молчальник.

Это меня заинтриговало. Настолько, что приезжая на ферму в последующие месяцы, я старательно наблюдал за Джипом, чем бы он ни занимался. Но ничто не менялось. Между припадками, которые теперь повторялись примерно каждые три недели, он был нормальной, подвижной, веселой собакой. Но немой.

Видел я его и в Дарроуби, куда он приезжал с хозяином на рынок, уютно устроившись на заднем сиденье. Но если я в таких случаях заговаривал с мистером Уилкином, то про Джипа старательно не упоминал, храня твердое убеждение, что ему тяжелее, чем кому-нибудь другому, было бы признаться в подобной чувствительности даже себе – держать собаку просто так, без каких-либо практических целей!

Правда, я всегда лелеял подозрение, что на большинстве ферм собаки ценятся просто ради их общества. Бесспорно, в овечьих хозяйствах собаки были незаменимыми помощниками, да и в других свою пользу приносили – например, подсобляли пригонять коров. Однако во время объездов ко мне в душу то и дело закрадывались сомнения – слишком уж часто видел я, как они блаженно покачиваются на повозках в сенокос, как гоняются за крысами среди снопов во время жатвы, как шныряют между службами или трусят по лугам рядом с фермером. "Чем они, собственно, занимаются?" – невольно задавал я себе вопрос.

Подозрения мои укреплялись всякими мелкими случаями: например, я стараюсь загнать несколько бычков в угол, собака кидается помогать – покусывает ноги, хвосты, но тут же раздается: "Лежать, кому говорю!" или "А ну пошла отсюда!"

Вот почему я твердо и по сей день придерживаюсь своей теории: почти все собаки на фермах – обычные

домашние любимцы и они остаются там потому, что фермеру нравится чувствовать их рядом. Сам он разве что на дыбе в этом сознается, но я стою на своем. Собаки же в результате живут расчудесной жизнью. Им не приходится кланяться, чтобы их взяли погулять. Все дни они проводят на приволье и в обществе своего хозяина. Когда мне нужно отыскать кого-нибудь на ферме, я высматриваю его собаку. А, вот она! Значит, и он где-то рядом. Я стараюсь, чтобы и моим собакам жилось неплохо, но им остается только завидовать жребии средней собаки на ферме. Довольно долго животные Сепы Уилкина ничем не болели, и я не видел ни его, ни Джипа, а потом совершенно случайно встретился с ними на собачьих состязаниях.

Со мной была Хелен, потому что нас обоих эти состязания одинаково увлекали. Как замечательно хозяева руководили собаками, и с каким увлечением работали те, и какой сноровки и даже искусства требовала сама задача! Мы могли следить за этим часами.

Хелен взяла меня под руку, и, пройдя в ворота, мы направились к полумесяцу машин у конца длинного луга, протянувшегося вдоль реки. За полоской деревьев солнце вспыхивало тысячами искр на мелких быстринах и придавало сверкающую белизну длинной полосе светлой гальки. Группы мужчин, главным образом участников, переговариваясь, следили за происходящим. Все загорелые дочерна, спокойные, неторопливые, но одетые по-разному, поскольку тут был представлен настоящий социальный срез сельского Йоркшира – от богатых фермеров до самых бедных работников. Вот почему вокруг виднелись кепки, фетровые шляпы, шапки, а то и ничем не прикрытые волосы. И одежда: твидовые пиджаки, парадные костюмы с негнувшимися воротничками, расстегнутые у горла рубахи, дорогие галстуки – или же ни воротничка,

ни галстука. Но почти все опирались на пастушьи посохи с изогнутыми ручками из бараньих рогов.

Со всех сторон доносились обрывки разговоров.

"Все-таки, значит, выбрался сюда, Фред. А народу порядком съехалось. Одну-то он упустил, получит за это нолик. А овцы-то проворные подобрались Да уж, будь здоров!"

И сквозь гомон прорывались свистки, которыми человек руководил собакой – всех тональностей и степеней громкости, иногда подкреплявшиеся криками "Сидеть!", "Вперед!". У каждого человека был свой язык с его собакой.

Собаки, ожидавшие своей очереди, были привязаны к забору, затененному живой изгородью. Их было семьдесят, не меньше. Удивительно приятное зрелище – длинный ряд виляющих хвостов и дружелюбных морд. Друг с другом они знакомы почти не были, но даже ушей не настораживали, а уж о драках и говорить нечего. Врожденная послушность в них явно сочеталась с приветливостью.

Последнее как будто объединяло и их владельцев. Никаких признаков враждебности, ни сердитой досады после неудачи, ни хвастливого торжества победителя. Если время оказывалось просроченным, человек спокойно отгонял своих овец за загородку и возвращался к приятелям с философской усмешкой на губах. Без шуточек, конечно, не обходилось, но они были беззлобными.

Сеп Уилкин стоял возле своей машины на удобном пригорке, шагах в пятидесяти от крайнего загона. Джип, привязанный к бамперу, обернулся и одарил меня своей косоухой улыбкой, и миссис Уилкин, сидевшая рядом на складном стуле, положила руку ему на плечо. Видимо, Джип завоевал уголок и ее сердца. Хелен отошла к ней, а я заговорил с ее мужем.

– У вас сегодня собака состязается, мистер Уилкин?

– Нет. Нынче я просто приехал посмотреть. Собак-то я тут многих хорошо знаю.

Некоторое время я стоял рядом с ним, наблюдая состязание, вдыхая запах потоптанной травы и жевательного табака. Прямо перед нами у столба стоял один из судей.

Минут через десять мистер Уилкин ткнул пальцем.

– Поглядите-ка, кто тут!

К столу неторопливо шел Джордж Кроссли, а за ним трусил Суип. Вдруг Джип выпрямился и весь напрягся, поставив ухо совсем уж торчком. Он много месяцев не видел своего брата и товарища. Казалось, он вряд ли может его вспомнить. Но интерес его бесспорно пробудился когда судья махнул белым платком и у дальнего края выпустили трех овец, Джип медленно встал.

По знаку мистера Кроссли Суип помчался длинным радостным галопом по периметру луга, а приблизившись к овце, по свистку упал на брюхо. Дальнейшее представляло собой нагляднейшую демонстрацию сотрудничества человека и собаки Сеп Уилкин уже давно предсказывал, что быть Суипу чемпионом, и в эти минуты ничего другого и представить себе было нельзя, с такой точностью он вскакивал, бросался вперед и ложился по команде хозяина. Короткие пронзительные свистки, высокие жалобные переливы – он был настроен на каждый тон.

Ни одна другая собака за весь день состязаний не прогнала своих овец через трое ворот с такой легкостью, как Суип, и, когда он приблизился к загону перед нами, никто не сомневался, что он выиграет кубок, если не случится непредвиденной катастрофы. Но предстояла самая трудная часть. У других собак овцы не раз увертывались и убегали совсем уже рядом с жердями загона.

Джордж Кроссли широко распахнул ворота и вытянул посох горизонтально. Теперь любому непосвященному стало понятно, зачем они вооружались этими длинными клюками. Команды, которые он теперь отдавал стлавшемуся по траве Суипу были еле слышны, но эти тихие слова направляли пса на дюйм в одну сторону, на два – в другую. Овцы даже у входа в загон все еще нерешительно оглядывались. Однако когда Суип почти незаметно подполз к ним чуть ближе, они повернулись, вошли – и мистер Кроссли захлопнул за ними ворота.

Потом повернулся к Суипу с радостным воплем "МОЛОДЕЦ!", и пес быстро вильнул хвостом в ответ.

И тут Джип, который, вытянувшись в струнку, с необыкновенной сосредоточенностью следил за каждым его движением, вскинул голову и испустил оглушительное "ГАВ!"

– ГАВ! – повторил Джип, когда мы все в изумлении на него уставились.

– Вы слышали? – ахнула миссис Уилкин.

– Ух, черт! – Ее муж смотрел на свою собаку с открытым ртом.

Джип словно не сознавал, что произошло что-то необыкновенное. Он был слишком поглощен встречей с братом – еще несколько секунд, и оба они покатались по траве, нежно друг друга покусывая, совсем как бывало. Вероятно, Уилкины, как и я, полагали, что теперь Джип начнет лаять не хуже всех прочих собак, однако этого не случилось.

Шесть лет спустя, когда я был у них на ферме, я зашел в дом за горячей водой. Протягивая мне ведро, миссис Уилкин поглядела на Джипа, гревшегося на солнышке под кухонным окном.

– Вон ты где, чудачок! – сказала она ему.

– Он так с того дня и не лаял? – осведомился я со смехом.

Миссис Уилкин покачала головой.

– Нет. Даже не тявкнул. Я долго ждала, но теперь уверена, что он уже не залает.

– Ну, что же, не так уж это и важно, – сказал я. – И все-таки, я тех состязаний никогда не забуду!

– И я тоже! – Она опять посмотрела на Джипа, и взгляд ее стал задумчивым и чуть грустным. – Бедняга! Ему уже восемь лет, и только один раз в жизни гавкнул!

Я затормозил и заглянул в проезд к ферме. У коровника стояла машина Тристана, а сам он внутри за той вон зеленой дверью помогал корове телиться. Ибо студенческие дни Тристана остались позади. Он был теперь дипломированным ветеринаром, и широкий мир исцеления животных распахнул перед ним двери.

Впрочем, ненадолго. Потому что он, как и многие другие, подлежал мобилизации, и призвать его должны были вскоре после меня. Но Тристану будет проще, так как заниматься ему предстояло своим делом. Когда мы с Зигфридом записались добровольцами, ветеринары не требовались армии, и мы пошли в авиацию, потому что только туда брали людей нашей, "подлежащей бронированию", профессии. Но когда настала очередь Тристана, война уже охватила Юго-Восточную Азию, и туда действительно требовались ветеринары для лечения лошадей, мулов, рогатого скота, верблюдов.

Такое совпадение словно бы указывало, что боги по обыкновению продолжают ему радовать. Право, я убежден, что боги любят таких людей, как Тристан, – людей, которые не ломаются, а гнутся под ветром обстоятельств, а затем с улыбкой выпрямляются и неизменно смотрят на жизнь с подкупающим оптимизмом. Мы с Зигфридом, рядовые ВВС, долгие мучительные часы проходили строевую подготовку, а капитан Тристан Фарнон отбыл к театру военных действий при всем параде.

Но пока я был рад его помощи. После моего отъезда ему придется справляться одному, если не считать помощника, а когда и он уедет, наша практика до нашего возвращения перейдет к двум вовсе посторонним людям. Думать об этом было как-то

странно, но в те дни все представлялось зыбким и преходящим.

Я задумчиво посмотрел на машину Тристана, ферма принадлежала Марку Даусону, и про отел я узнал от Хелен, когда позвонил ей из деревушки, через которую проезжал. Мне не хотелось вмешиваться, однако меня смущала мысль, справляется ли Тристан. Мистер Даусон был угрюмым молчальником, но у него нашлись бы слова, чтобы поставить на место молодого человека, если бы что-нибудь не заладилось.

С другой стороны, опасения мои могли быть и излишними: с тех пор как Тристан получил диплом, он просто блистал. Фермерам он нравился и тогда, когда время от времени появлялся у них еще студентом, но теперь, когда он начал регулярные объезды, лестные отзывы так и сыпались отовсюду.

"Этот паренек уж работает, так работает, вот что я вам скажу! Не жалеет сил". Или: "В жизни не видывал, чтобы человек до того уж всю душу в работу вкладывал, как, значит, он". А один фермер отвел меня в сторону и зашептал: "Кряхтит-то он кряхтит, но уж и старается! Ей-богу, скорее помрет, чем отступится!"

Эта последняя хвала заставила меня призадуматься. Двужильность в добродетели Тристана никогда не входила, и некоторые детали, касавшиеся его самоотверженной стойкости ставили меня в тупик, пока мне не припомнились кое-какие эпизоды его студенческих дней. Острый ум подсказывал ему, как на собственный лад использовать любую ситуацию, и то, каким образом он тогда вел себя в мелких кризисах ветеринарной практики, внушило мне мысль, что он выработал для себя определенную систему.

Впервые я увидел ее в действии, когда он стоял возле коровы, наблюдая, как я сдаиваю молоко из соска. Без малейшего предупреждения корова повернулась и припечатала жестким раздвоенным копытом его

ступню. Коровы устраивают эти штучки часто, а боль такая, что в глазах темнеет: до появления резиновых сапог со стальными носками мне постоянно приходилось смазывать йодом пальцы на ноге, с которых кожа была содрана аккуратными полосками. Когда корова достаивала меня подобным вниманием, я обычно прыгал на одной ноге и ругался под одобрителный смех фермера и его работников. Тристан однако повел себя иначе.

Он охнул, прижал склоненное чело к тазу коровы, затем приоткрыл рот и испустил глухой стон. Мы с работником пораженно на него уставились, а он заковылял по булыжнику, волоча за собой покалеченную ногу. У дальней стены он бессильно прижался лицам к камням, все еще страдальчески постанывая.

Перепугавшись, я кинулся к нему. Разможжены кости! Мысленно я прикидывал, как побыстрее отвезти его в больницу. Но ему незамедлительно стало лучше; а когда мы десять минут спустя вышли из коровника, он шагал бодро, не припадая ни на левую, ни на правую ногу. И я кое-что вспомнил: над ним никто не смеялся, все ему сочувствовали и жалели его.

То же происходило и на других фермах. Его несколько раз слегка брыкнули, он оказался зажатым между двумя коровами и претерпел еще многие неприятности, неотъемлемые от нашей профессии, и каждый раз он устраивал такой же спектакль. И с каким успехом! Фермеры, все до единого, проникались к нему глубочайшим сочувствием, и более того: это создавало ему репутацию! Но я был только доволен. Произвести благоприятное впечатление на йоркширского фермера не так-то просто, и, если метод Тристана приносил хорошие плоды, протестовать я не собирался.

Но теперь, глядя на коровник, я невольно улыбнулся. Как-то трудно было представить себе

сострадание на хмуром лице мистера Даусона, Мне пришлось кое-что претерпеть у него на ферме, но всякий раз он недвусмысленно показывал, что ему в высшей степени это безразлично.

Подчиняясь внезапному порыву, я подъехал к воротам и вошел в коровник. Тристан, голый по пояс, только что намылил руку и начал вводить ее в могучую рыжую корову, а фермер, не выпуская изо рта трубку, держал хвост. Мой молодой коллега приветственно мне улыбнулся, но мистер Даусон ограничился нетерпеливым кивком.

– Что у тебя тут, Трис?

– Обе ноги согнуты, – ответил он. – И до них добираться и добираться. Ты только погляди, какой у нее длинный таз!

Я прекрасно его понял. Такая неправильность в положении плода особых трудностей не обещала, но только не у длинных коров. Я прислонился к стене. Раз уж я тут, посмотрю, как он справится.

Он напрягся и ввел руку, как мог глубже, но тут бока коровы вздулись в мощной схватке. При любых обстоятельствах удовольствие это маленькое: рука беспомощно защемляется между теленком и тазовыми костями, а тебе остается только зубами скрипеть.

Тристан однако скрипом не удовлетворился.

– О-о! Ай! О-о-х! – простонал он, а так как корова не расслабилась, перешел на всхлипывающие вздохи. Когда же давление спало, он несколько секунд не двигался, поникнув головой, словно пережитое истощило все его силы.

Фермер поднес трубку к губам, затянулся и продолжал смотреть на Тристана безразличным взглядом. За все годы нашего знакомства я ни разу не видел, чтобы эти суровые глаза и рубленое лицо отразили хоть какое-нибудь чувство. Мне даже

казалось: рухни я перед ним мертвым, он и бровью не поведет.

Мой коллега продолжал свои усилия, корова, проникшись духом этой игры, всячески ему противилась. Некоторые животные стоят спокойно и покорно терпят любое копание в их внутренностях, но эта была не из таких. На каждое движение руки внутри себя она отвечала мощной потугой. Со мной это случалось сотни раз, и я почти физически ощущал, как сдавливается кисть, как немеют пальцы.

Тристан выражал свое отношение к происходящему серией душенадрывающих звуков. Репертуар его оказался на диво богатым, и он пробегал целую гамму от долгих протяжных стонов до резких взвизгиваний и почти рыданий.

Сначала мистер Даусон словно ничего не замечал – попыхивая трубкой, поглядывал иногда в открытую дверь коровника, почесывал жесткую щетину на давно не бритом подбородке. Однако мало-помалу его глаза начали все чаще обращаться на пытаемого перед ним мученика, а вскоре он уже ничего другого вокруг не замечал.

Надо отдать ему справедливость – посмотреть на Тристана стоило, ибо его вокальные упражнения сопровождались теперь поразительнейшей мимикой. Он втягивал и надувал щеки, закатывал глаза, кривил губы – только что ушами не шевелил. И против всякого вероятия, мистер Даусон явно стал поддаваться. По мере того как стоны и гримасы становились все более экзотическими, фермером овладевала тревога, он сверлил Тристана испуганным взглядом, а его трубка все чаще судорожно вздрагивала. Подобно мне, он, несомненно, ожидал близкой и неминуемой катастрофы. Вот только какой?

Корова, видимо, решив пойти ва-банк, начала готовиться к заключительному усилию. Она расставила

ноги пошире, утробно фыркнула и поднатужилась. Чем больше выгибалась ее спина, тем шире раскрывался рот Тристана в беззвучном протесте, а затем у него стали вырываться хриплые возгласы. Начинается, заключил я, его коронный номер. Растянутое всхлипывающее "а-а, а-а-а, а-а-а-ах!" повторялось снова и снова во все более высоком регистре, рождая в слушателях непереносимое напряжение. Я от ужаса конвульсивно скрючил пальцы в сапогах, а Тристан, с поразительной точностью выбрав нужное мгновение, изнемогающе взвизгнул.

Вот тут-то мистер Даусон и сломался. Трубка чуть не выпала у него изо рта, он машинально сунул ее в карман и подскочил к страдальцу.

– Как вы, молодой человек? – просипел он.

Мой коллега не ответил, но его лицо застыло в маске агонии.

Фермер сделал новую попытку:

– Чайком вас не попоить?

Тристан словно не услышал, но секунду спустя сомкнул веки и безмолвно кивнул.

Мистер Даусон стремглав выскочил из коровника и через минуты две вернулся с дымящейся кружкой. А потом... я даже головой помотал, чтобы отогнать бредовое видение. Как мне было верить своим глазам? Суровый фермер, нежно поддерживая заскорузлой ладонью поникшую голову молодого ветеринара, заботливо поил его из кружки чаем – глоточек, ну еще глоточек... Тристан, чья рука по-прежнему уходила в недра коровы, продолжал пребывать в полубомороке, вызванном непереносимей болью, и беспомощно уступал его попечениям.

Вдруг рывком он извлек на свет ножку теленка, еле успел ухватиться за спину коровы и был вознагражден новым долгим глотком чая. Дальше все пошло много легче, и вскоре снаружи оказалась не только вторая нога, но и весь теленок.

Когда малыш закопошился на полу, Тристан рухнул рядом с ним на колени и протянул трепещущую руку к клоку сена, готовясь вытереть новорожденного.

Этого мистер Даусон допустить не мог.

– Джордж! – крикнул он работнику во дворе. – Подика сюда, вытри теленка! – И умоляюще обернулся к Тристану. – Загляните в дом, молодой человек, выпейте рюмочку коньяка, а то вы совсем заморились.

Бред продолжался и на кухне: опять не веря собственным глазам, я следил, как мой коллега мало-помалу возвращает себе здоровье и силы при помощи порядочной рюмки трехзвездного французского "мартеля".

"Тебя вот никогда коньяком не отпаивают!" – прошипела захлестнувшая меня волной зависть, и я прикинул, не воспользоваться ли мне системой Тристана.

Но и по сей день никак не могу собраться с духом.

Почему-то ярлыки на спинах телят делали их еще более жалкими. Аукционные номера, приклеенные к мохнатым шкуркам, подчеркивали, что эти маленькие существа были беспомощным живым товаром.

Когда я приподнял перепачканный хвост и поставил термометр, из-под него выползла беловато-серая струйка и потекла по ногам к копытцам.

– Боюсь, обычная история, мистер Кларк, – сказал я.

Фермер пожал плечами и глубже засунул большие пальцы за подтяжки. В неизменном синем комбинезоне и фуражке он мало походил на фермера, как, впрочем, и его ферма – на ферму. Телята стояли в приспособленном для этого железнодорожном вагоне, а вокруг валялись ржавеющие сельскохозяйственные инструменты, – обломки разбитых автомобилей, искалеченные стулья.

– Просто проклятие какое-то, а? Я бы и не стал телят на аукционах покупать, да только, когда они нужны, на фермах их ведь не всегда найдешь. Два дня назад, когда я их купил, выглядели-то они хорошо!

– Не сомневаюсь. – Я оглядел пятерых телят, таких несчастных, дрожащих, горбящих спину. – Но ведь им трудно пришлось. И теперь видно, до какой степени. Отняли от матери в недельном возрасте, десяток миль везли в тряском фургоне, чуть ли не весь день они стояли на аукционе и, наконец, ехали сюда по холоду. Даром все это пройти не могло.

– Так я же дал им напиться молока вволю, как только поставил сюда. Вижу, животы им подвело, ну, я и подумал, что это их согреет.

– Да, конечно, мистер Кларк, – но на самом деле, когда они устали и замерзли, жирная пища была им не

по желудку. На вашем месте в следующий раз я напоил бы их теплой водой, может быть, с чуточкой глюкозы и устроил бы их поудобнее до следующего дня.

Называли ее издавна "белой немочью". Каждый год она уносила бесчисленные тысячи телят, и, едва я слышал эти два слова, у меня по спине пробежала ледяная дрожь – смертность была неумолимо высокой.

Я ввел каждому теленку сыворотку против *Escherichia coli*. Большинство авторитетов утверждали, что эти инъекции бесполезны, и я был склонен согласиться с ними. Затем я порылся в багажнике и достал наши вяжущие порошки из мела, опия и катеху [\[6\]](#).

– Давайте им по порошку три раза в день, мистер Кларк, – сказал я, стараясь придать своему тону бодрость, но получилось это малоубедительно. Мел с опиумом и катеху ветеринары в пышных бакенбардах и цилиндрах прописывали еще сто лет назад, но если эти порошки и помогали при легком поносе, то против белой немочи, смертоносного колибактериоза [\[7\]](#), толку от них не было никакого. Пытаться просто прекратить такой понос значило попусту тратить время. Требовалось лекарство, которое уничтожало бы вредоносные бактерии, его вызывающие, но такого лекарства не существовало.

Однако мы, тогдашние ветеринары, делали то, чем с появлением современных медикаментов стали иногда пренебрегать, – мы следили, чтобы больные животные были устроены поудобнее и получали необходимый уход. Вместе с фермером я закутал каждого теленка в большой мешок, обмотав его бечевкой под животом, поперек груди и под хвостом. Потом еще некоторое время возился в вагоне, затыкая дыры и сооружая заслон из тюков соломы между телятами и дверью.

Перед отъездом я еще раз их оглядел. Во всяком случае, теперь им тепло и уютно – все-таки хоть какая-то помощь кроме вяжущих порошков!

Снова я их увидел только на другой день под вечер. Нигде не обнаружив мистера Кларка, я пошел к вагону и открыл верхнюю половину двери.

По моему, самая суть ветеринарной практики именно в этом – в тревожных мыслях о том, как там дела у твоего пациента, а затем долгая минута, пока ты открываешь дверь и сам во всем убеждаешься. Я оперся локтями на брус и заглянул внутрь. Телята неподвижно лежали на боку, и я даже не сразу разобрал, что они еще живы. Я нарочно громко хлопнул за собой нижней створкой, но ни одна голова не приподнялась.

Шагая по глубокой соломе, осматривая по очереди распростертых малышей в жилетах из грубой мешковины, я не переставал чертыхаться себе под нос. Всех до одного ждала верная смерть. "Чудесно, чудесно! – думал я. – Не один, не два, а стопроцентная смертность на этот раз"

– Ну, молодой человек, вид то у вас не очень бодрый! – Над нижней створкой маячили голова и плечи мистера Кларка.

Я сунул руки в карманы.

– Черт побери! Им же прямо на глазах хуже становится...

– Да, крышка им. Я в дом ходил, звонил Мэллоку.

Фамилия живодера прозвучала как удар похоронного колокола.

– Но ведь они еще живы, – сказал я.

– Живы то живы, только долго им не протянуть. А Мэллок за живых всегда шиллинг-другой накидывает. Говорит, и собачье мясо свежее дороже стоит.

Я промолчал, но лицо у меня, вероятно, стало таким унылым, что фермер криво улыбнулся и подошел ко мне.

- Так вы же ни в чем не виноваты. Я эту проклятую белую немочь хорошо знаю. Если примет по-настоящему, никто помочь не может. А что я-то хочу чуток побольше получить, вы меня тоже не вините, - убыток возмещать ведь надо.

- Да я понимаю, - ответил я. - Просто расстроился, что не смогу попробовать на них новое средство.

- Какое-такое средство?

Я достал из кармана жестянку и прочел вслух надпись на этикетке.

- "М и Б шестьсот девяносто три". А научное его название "сульфапиридин". Только сегодня получили с утренней почтой. Это одно из лекарств совершенно нового действия. Их называют сульфаниламидами и ничего подобного у нас прежде не было. Полагают, что они убивают некоторых микробов, например возбудителей этой болезни.

Мистер Кларк взял у меня жестянку и открыл крышку.

- Эти синенькие таблеточки, а? Ну, я навидался всяких чудо снадобий от этой хвори, только толку от них было чуть. Наверняка, и это такое же!

- Все может быть, - сказал я - Но в наших ветеринарных журналах сейчас о сульфаниламидах пишут очень много. Во всяком случае, это не шарлатанское снадобье, но только их еще не начали широко применять. Вот мне и хотелось испробовать их на ваших телятах.

- А вы на них гляньте. - Фермер обвел угрюмым взглядом пять неподвижных тел. - У них же глаза совсем провалились. Вы когда видели, чтобы хоть один такой теленок да оклемался?

- Нет, не видел. Но я все-таки попробовал бы.

Я еще не договорил, когда во двор, погромыхая, въехал высокий фургон. Из шоферской кабинки

выпрыгнул ловкий коренастый мужчина и подошел к нам.

– Ну, Джефф, – сказал мистер Кларк, – это ты быстро.

– Так мне к Дженкинсону позвонили, а тут рукой подать. – Живодер улыбнулся мне светлой приветливой улыбкой.

Я уставился на Джеффа Мэллока по обыкновению с чем-то вроде благоговейного недоумения. Почти все свои сорок с лишним лет он провел, разделявая разлагающиеся трупы, небрежно кромсая ножом туберкулезные абсцессы, буквально купаясь в инфицированной крови и гнойных выделениях, и тем не менее являл собой образец здоровья и физической крепости. Глаза у него были ясные, а кожа розовая и свежая, как у двадцатилетнего. Впечатление довершала глубочайшая безмятежность, которой дышал весь его облик. Насколько мне было известно, Джефф никаких гигиенических предосторожностей не принимал – например, рук не мыл, и я не раз видел, как он блаженно устраивался перекусить на груде костей, крепко сжимая грязными пальцами бутерброд с сыром.

Он прищурился через створку на телят.

– Ага. Загнивание легких, ясное дело. Сейчас поветрие такое.

Мистер Кларк вперил в меня подозрительный взгляд. Как все фермеры, он свято веровал в мэллоковские моментальные диагнозы.

– Легких? А вы про легкие ни слова не сказали, молодой человек.

Я пробормотал что-то невнятное. Горький опыт научил меня не вступать в споры при подобных обстоятельствах. Изумительная способность живодера с первого взгляда определять причину болезни или смерти животного часто ставила меня в неловкое положение. Осматривать? Вскрывать? Еще чего! Он и

так знал, и из всех фантастических недугов в своем списке предпочитал загнивание легких.

Теперь он повернулся к фермеру.

– Лучше я их сейчас прямо и заберу, Уилли. Им уж недолго осталось.

Я наклонился и приподнял голову теленка возле моих ног. Все были шортгорны, три серебристых, один рыжий, а этот – белый без единого пятнышка. Я провел пальцами по твердому маленькому черепу и нащупал под жесткими волосами бугорки рогов. Когда я вытащил ладонь из-под головы, она вяло опустилась на солому, и была в этом движении какая-то жуткая обреченность, тупая покорность судьбе.

Мои мысли прервал Джефф, взревев мотором. Он задним ходом подводил фургон к двери телятника, и, когда высокие некрашенные доски загородили свет, на душе у меня стало совсем скверно. Малышам за их коротенькую жизнь пришлось перенести две тяжелые поездки. А эта будет третьей, последней и самой роковой.

Живодер вошел в телятник и остановился рядом с фермером, поглядывая на меня. Я сидел на корточках среди неподвижных телят. Оба они ждали, когда я уйду, оставив тут доказательства своего бессилия.

– Знаете, мистер Кларк, – сказал я. – Даже если мы хоть одного спасем, это уменьшит ваш убыток.

Фермер посмотрел на меня без всякого выражения.

– Так ведь они издыхают, молодой человек. Вы же сами сказали.

– Да, конечно, но все-таки сегодня немножко другое дело.

– Эге! – Он неожиданно засмеялся. – Уж очень вам хочется попробовать ваши таблетки на них, а?

Я промолчал, глядя на него с немой мольбой.

Он на секунду задумался, а потом положил ладонь на плечо Мэллока.

– Джефф, раз уж этому пареньку так приспичило лечить моих телят, надо бы по его сделать. Ты ж понимаешь?

– Да ладно, Уилли, – ответил Джефф, ни на йоту не утратив обычного благодушия. – Заберу их завтра, с меня не убудет.

– Вот и хорошо, – сказал я. – Дайте мне прочесть инструкцию.

И выудил из жестянки указания к применению и быстро пробежал их, вычисляя дозы по весу телят.

– Начать надо будет с массированного приема. По двенадцать таблеток каждому, а потом по шесть через восемь часов.

– Так они же не проглотят, – заметил фермер.

– Надо будет истолочь и развести в воде. Может быть, пройдем в дом и начнем?

На кухне мы позаимствовали у миссис Кларк ее картофелемялку и принялись толочь таблетки, пока не набрали пять первых доз. Потом вернулись в загон и взялись за телят. Поить приходилось очень осторожно, потому что малыши совсем ослабели и глотали с трудом. Фермер приподнимал каждому голову, а я вливал раствор по каплям сбоку.

Джефф извлекал из всего этого неизъяснимое удовольствие. Он и не подумал уехать, а вытащил трубочку, всю в фестолах неведомо чего, оперся о нижнюю створку и, благодушно попыхивая, следил за нами незамутненным взором. То, что ему пришлось приехать напрасно, его нисколько не раздосадовало, и, когда мы кончили, он уселся за руль и сердечно помахал нам.

– Так я утром заеду за ними, Уилли, – крикнул он без всякой насмешки или задней мысли (в этом я уверен). – От загнивания легких лечения нет! На следующее утро, направляясь к мистеру Кларку, я вспомнил эти прощальные слова. Джефф просто констатировал факт:

запас собачьего мяса у него должен был пополниться на сутки позже, только и всего. Но, во всяком случае, утешал я себя, мне удалось попробовать, а так как я ни на что не надеюсь, то и особого разочарования не испытаю.

Едва я остановился во дворе фермы, как к машине подошел мистер Кларк и нагнулся к дверце.

– Из машины-то вам и вылезать незачем, – произнес он. Лицо его превратилось в угрюмую маску.

– А... – сказал я и внутри у меня все сжалось, хотя, кажется, я ничем этого не выдал.

– Вот сами посмотрите. – Он повернулся, и я пошел следом за ним к вагону. К тому времени, когда створки, заскрипев, отворились, мной прочно овладела холодная тоска.

Но делать было нечего, я поднял глаза.

Четверо телят стояли рядом и с любопытством глядели на нас. Четыре мохнатых малыша в жилетках из мешковины, ясноглазые, бодрые. Пятый вольготно расположился на соломе, рассеянно пожевывая бечевку, удерживавшую мешок.

Задубелое лицо фермера расползлось в веселой улыбке.

– Я же сказал, что вам и из машины вылезать нечего, верно? Для чего им ветеринар? Хворь-то прошла!

Я молчал. Мое сознание просто отказывалось воспринять то, что видели глаза. Тут пятый теленок поднялся на ноги и сладко потянулся.

– Видали?! – воскликнул фермер. – Потягивается! Больные-то они не потягиваются!

Мы вошли, и я начал осматривать телят. Температура нормальная, понос прекратился – что-то сверхъестественное. А белый теленок, который вчера был при последнем издыхании, вдруг, словно, праздную

возвращение к жизни, забежал по вагону, вскидывая ноги и брыкаясь, как необъезженный мустанг!

– Да вы поглядите на этого разбойника! – ахнул фермер. Мне бы его здоровье!

Я убрал термометр в футляр, а футляр сунул в карман.

– Ну, мистер Кларк, – сказал я медленно, – такого я никогда не видел! Все еще в себя прийти не могу.

– Куры петухом запели, одно слово, – согласился фермер и перевел широко открытые глаза на ворота. В них въезжала такая знакомая колесница смерти – фургон Джеффа Мэллока.

Когда живодер заглянул в телятник, на его лице не отразилось ничего. Правда, было трудно вообразить, чтобы какая-то тень могла омрачить эти розовые щеки, эти мирные глаза, однако мне почудилось, что клубы дыма из его трубки начали вылетать чуть быстрее. На самой трубке со вчерашнего дня появились новые фестоны – мне показалось, что я узнаю волокна печени.

Наглядевшись, он повернулся и зашагал к своему фургону с интересом поглядывая по сторонам, а затем уставился на темные тучи, громоздящиеся над западным горизонтом.

– А к вечеру дождь будет, Уилли, – сообщил он.

Хотя тогда мне это было невдомек, но я присутствовал при начале великого переворота в области лекарственной медицины, подлинной революции, которой вскоре предстояло смести в небытие недавние панацеи. Еще немного – и ряды причудливых флаконов с резными пробками и латинскими надписями исчезнут с аптечных полок, а названия, столь дорогие сердцу многих и многих поколений, – эфир, нашатырь, настойка камфары – навеки канут в Лету.

Это было только начало, а за углом уже дожидалось новое волшебное средство – пенициллин и прочие

антибиотики. Наконец-то, у нас появилось, с чем работать, наконец—то, мы могли применять лекарства, зная, что они подействуют!

По всей стране, по всему миру ветеринары в эти дни наблюдали первые ошеломительные результаты, переживая то же, что и я в тот день. Одни с коровами, другие с собаками и кошками, третьи с дорогими скаковыми лошадьми, с овцами, свиньями. И в самой разной обстановке. Но со мной это произошло в старом вагоне, приспособленном под телятник, среди ржавеющего железного хлама на ферме Уилли Кларка.

Разумеется, продлилось это недолго – то есть сотворение чудес. То, чему я стал свидетелем в этом телятнике было воздействием совершенно нового агента на ничем не защищенную популяцию бактерий. Дальше пошло иначе. Со временем микроорганизмы приобрели резистентность, и пришлось создавать новые, более действенные сульфаниламиды и антибиотики. Так что битва продолжается. Мы получаем хорошие результаты, но волшебных исцелений не совершаем, и мне очень повезло, что я принадлежу к поколению, которое видело самое начало, когда одно чудо следовало за другим.

Эти телята выздоровели мгновенно и окончательно – у меня и теперь становится тепло на душе, когда я о них вспоминаю. Уилли, конечно, ликовал, и даже Джефф Мэллок по-своему отдал случившемуся дань восторга. Отъезжая, он крикнул нам:

– Значит, в этих синеньких таблетках большая сила имеется! На тебе – загнивание легких излечили!

Практика в Дарроуби давала мне одно неоценимое преимущество. Лечил я, главным образом, скот, что не мешало мне питать горячую страсть к собакам и кошкам. И, проводя большую часть времени среди йоркширских просторов, я знал, что в городе меня ждет пленительный мир домашних любимцев.

Заниматься кем-нибудь из них мне приходилось каждый день, и это вносило в мою жизнь не только разнообразие, но и особый интерес, опиравшийся на чувства, а не на финансовые соображения, причем удовлетворять его я мог не торопясь и со вкусом. Вероятно, непрерывная интенсивная работа с мелкими животными может превратиться в подобие сосисочной машины, в бесконечный конвейер мохнатых тел, в которые втыкаешь и втыкаешь иглы. Но в Дарроуби каждый маленький пациент становился нашим знакомым.

Проезжая по городу, я без труда их узнавал: вон джонсоновский Буян выходит с хозяйкой из скобяной лавки – от экземы ушной раковины и помину не осталось, а уокеровский Рыжик, чья лапа отлично срослась, весело покачивается на угольной повозке своего хозяина, и, конечно, бриггсовский Рой отправился один прогуляться по рыночной площади в поисках приключений, так что не миновать снова его зашивать, как тогда, когда он напоролся на колючую проволоку. Я извлекал массу удовольствия, вспоминая их недуги и размышляя об особенностях их натуры. Ведь каждый был личностью и проявлял ее по-своему.

Например, в своем отношении ко мне во время и после лечения. Собаки и кошки, как правило, не

проникались ко мне неприязнью, хотя я и подвергал их всяким неприятным процедурам.

Но были и исключения, как, например, Магнус, карликовая такса в "Гуртовщиках".

Памятуя о нем, я перегнулся через стойку и – сказал шепотом:

– Пинту светлого, Дэнни, будьте так любезны.

Буфетчик ухмыльнулся.

– Сию минуту, мистер Хэрриот.

Он нажал на рычаг, и пиво с тихим шипением наполнило кружку. Глядя на пышную шапку пены, я еле слышно заметил:

– Какая прелесть!

– Прелесть? Да это такая красотища, что просто грех ею торговать! – Дэнни с нежным сожалением оглядел кружку.

Я засмеялся, но пианиссимо.

– Тем любезнее, что вы уделите мне капельку. – Сделав глубокий глоток, я обернулся к старику Фэрберну, который по обыкновению примостился у дальнего конца стойки, держа в руке собственную, расписанную цветочками кружку. – Прекрасная погода стоит, мистер Фэрберн, – прожурчал я вполголоса.

Старик прижал ладонь к уху.

– Что вы сказали?

– Погода стоит такая теплая, солнечная! – Мой голос шелестел, как легкий ветерок в камышах.

И тут меня с силой хлопнули по спине.

– Да что это с вами, Джим? Ларингит?

Я обернулся и узрел лысую голову доктора Аллинсона, моего врача и друга.

– А, Гарри! – вскричал я. – Рад вас видеть! – И в ужасе прижал ладонь к губам.

Но было уже поздно. Из кабинета управляющего донеслось гневное твяканье. Громкое, пронзительное – и нескончаемое.

– Ах, черт, не остерегся, – уныло буркнул я. – Опять Магнус завелся.

– Магнус? О чем вы говорите?

– Ну, это долгая история. – Я поднес кружку к губам под аккомпанемент визгливого лая из кабинета. Тихий уют зала был безнадежно нарушен, и я увидел, что завсегдатаи ерзают и поглядывают на дверь.

Неужели эта собаченция так и будет помнить? Ведь столько времени прошло с того рокового дня, когда мистер Бекуит, новый молодой управляющий "Гуртовщиков", привел Магнуса в приемную! Вид у него был испуганный.

– Будьте с ним поосторожнее, мистер Хэрриот.

– В каком смысле?

– Поостерегитесь. Он ужасно злобный.

Я поглядел на гладенькое длинное тельце. Просто коричневая полоска на столе. И веса в нем никак не больше шести фунтов. Я невольно засмеялся.

– Злобный? При его то росте?

– Не обольщайтесь! – Мистер Бекуит предостерегающе поднял палец. – В Брадфорде, когда я был управляющим "Белого Лебедя", я повел его к ветеринару, и он чуть не насквозь прокусил бедняге палец.

– Неужели?

– Еще как! До самой кости. В жизни не слыхивал таких выражений, но я на него не в претензии. Все вокруг кровью так и забрызгало. Без меня он палец и перебинтовать бы толком не сумел.

– Гм-м..

Хорошо, когда тебя предупреждают о характере собаки до того, как она тебя куснет, а не после.

– Но что он собирался с ним сделать? Что-то очень болезненное?

– Да нет. Я привел его когти подстричь.

– Только-то? А сейчас с ним что?

– То же самое.

– Право же, мистер Бекуит, я полагаю, мы сумеем подстричь ему когти без кровопролития! Будь он догом или немецкой овчаркой, еще куда ни шло, но с карликовой таксой, думаю, мы с вами как-нибудь уж справимся.

Управляющий замотал головой.

– Меня, ради бога, в это не впутывайте. Извините, но я предпочел бы его не держать. Вы уж, пожалуйста, сами...

– Но почему?

– Видите ли, он мне этого не простит. Характерец у него – ой-ой-ой!

Я потер подбородок.

– Но если с ним так трудно сладить, а держать его вы отказываетесь, мне-то как быть?

– Не знаю... А одурманить его чем-нибудь нельзя? Оглушить?

– Вы хотите, чтобы я сделал ему общую анестезию? Для того, чтобы подстричь когти?..

– Боюсь, другого способа нет. – Мистер Бекуит безнадежно посмотрел на коричневого малютку. – Вы его не знаете!

С трудом верилось, но эта крохотная собачка явно занимала в семье Бекуитов командное положение. Правда, мне было известно немало таких собак, но все они были заметно крупнее. Впрочем, в любом случае у меня уже не оставалось времени на всякие пустяки.

– Послушайте, – сказал я, – надо просто обмотать ему нос бинтом. На это и двух минут не уйдет. – Пошарив позади себя, я нащупал щипчики для когтей и положил их перед собой, постом отмотал полоску бинта и сделал на конце петлю.

– Умница, Магнус, – сказал я ласково, подходя к нему.

Собаченция уставилась на бинт немигающим взглядом, а когда он совсем приблизился к ее носу, с яростным рычанием подпрыгнула, целясь в мое запястье. Кисть мне как ветром обдуло, когда в полдюйме от нее лязгнули сверкающие зубы. Такса извернулась для второго прыжка, но я успел свободной рукой схватить ее за шкуру.

– Все в порядке, мистер Беркуит, – сказал я хладнокровно. – Я его держу. Передайте мне бинт, и я скоро кончу.

Но нервы молодого человека не выдержали.

– Нет-нет, только не я! – ахнул он, юркнул в дверь, и его каблуки простучали по коридору.

Ну, ладно, подумал я, так, пожалуй и лучше. Имея дело с властными собаками, я обычно стараюсь отделаться от хозяина. Просто поразительно, как быстро самые воинственные псы становятся шелковыми, оставшись с глазу на глаз с незнакомым человеком, который умеет с ними обращаться и никаких штучек терпеть не намерен. Я мог бы перечислить десятки собак, которые у себя дома просто в клочья готовы были изорвать дерзкого, посмеявшегося им перечить, но превращались в смиреннейших вилятелей хвостом, едва переступали порог приемной. И все они были куда крупнее Магнуса.

Продолжая крепко держать его, я отмотал новую полоску бинта и, хотя он свирепо сопротивлялся, скаля зубы, как миниатюрный волк, накинул петлю ему на нос, затянул и завязал узел за ушами. Пасть его была теперь надежно сомкнута, но для пущей верности я взял бинт и намотал еще несколько слоев.

Вот тут-то они обычно и сдаются, а потому я внимательно посмотрел на Магнуса, не надоело ли ему злиться. Но глаза над плотным белым кольцом марли сверкали неуголимой яростью, а из маленькой груди исходило грозное рычание, то повышаясь, то

понижаясь, точно где-то вдалеке жужжал пчелиный рой.

Иногда резкое слово помогает понять, кто хозяин.

– Магнус! – прикрикнул я. – Хватит! Веди себя прилично! – И слегка его встряхнул, показывая, что говорю серьезно, но в ответ выпучившиеся глазки скосились на меня с неугасимой ненавистью.

Я взял щипцы и сказал с досадой:

– Ну, ладно, не хочешь по-хорошему, твое дело, – зажал его под мышкой, ухватил переднюю правую лапу и начал стричь.

И он ничего не мог поделать. Напрягался, извивался, но я держал его как в тисках. Пока я аккуратно подстригал разросшиеся когти, по сторонам бинта в такт утробному урчанию пузырилась пена. Если собаки умеют ругаться, я был обруган так, как никто и никогда за всю историю.

Стриг я с особой тщательностью, прилагая все старания, чтобы ненароком не задеть чувствительную основу когтя, но это ничего не меняло. Слишком униженным он себя чувствовал. Как же! Против обыкновения верх остался не за ним.

Кончая вторую лапу, я начал менять тон. Мне было по опыту известно, что, доказав свое превосходство, уже нетрудно завязать дружеские отношения, а потому я добавил воркующую ноту.

– Молодец собачка! И ведь ничего страшного не было, верно?

Я положил щипчики и, потому что пена по краям бинта заклубилась сильнее, несколько раз погладил коричневую голову.

– Ну, Магнус, сейчас мы снимем с тебя намордник. – Я начал развязывать узел между ушами. – И тогда тебе станет куда лучше, а?

Довольно часто собака, когда я снимал с нее импровизированный намордник, решала забыть

прошлое и порой даже норовила лизнуть мне руку. Но Магнус был из другого теста. Как только последняя марлевая петля соскользнула с его мордочки, он вновь устремился кусать меня.

– Все в порядке, мистер Бекуит, – крикнул я в коридор. – Можете его забирать!

И заключительная картина: на крыльце такса обернулась, злобно сверкнув на меня глазами, и только тогда последовала за хозяином вниз по ступенькам.

Взгляд, который яснее всяких слов сказал:

"Ну, ладно, приятель, этого я тебе не забуду!"

Прошли месяцы, но все еще, даже просто услышав мой голос, Магнус принимался негодуя лаять. Вначале завсегдатаев это только потешало, но теперь они все чаще поглядывали на меня со странным выражением, словно им в душу закрадывалось подозрение, уж не пинал ли я, озверев, беспомощную собачку ногами или даже было что-нибудь похуже. Меня же брала досада: мне вовсе не хотелось расставаться с "Гуртовщиками", такими уютными, особенно в зимние вечера.

Впрочем, облюбуй я другое заведение, я и там начну объясняться заговорщицким шепотом, и люди будут смотреть на меня еще более странно.

И как непохоже вел себя ирландский сеттер миссис Хаммонд! Все началось с пронзительного телефонного звонка, едва я влез в ванну. Хелен постучала в дверь, я кое-как вытерся, надел халат и кинулся вверх. Не успел я взять трубки, как меня совсем оглушил взволнованный голос.

– Мистер Хэрриот! Я из-за Рока... Он два дня пропадал, его только что привел какой-то человек. Говорит, нашел его в лесу с ногой в капкане. Он же... – В трубке раздалось подавленное всхлипывание. – Он же, наверное, все это время...

– Ужасно! Ему очень худо?

– Да! – Миссис Хаммонд, жена управляющего местным банком, была спокойная, энергичная женщина. Наступила пауза: видимо, она старалась взять себя в руки. И действительно, голос ее стал почти спокойным.

– Да. Боюсь, ему придется ампутировать лапу.

– Мне так жаль! – Но удивлен я не был. Нога, двое суток зажатая в варварской ловушке, невредимой остаться не может. Теперь, к счастью, такие капканы запрещены законом, но в те дни по их милости на мою долю часто выпадала работа, без которой я предпочел бы обойтись, и я вынужден бывал принимать решения, невыносимо для меня тягостные. Лишить ли ноги животное, которое не понимает, что с ним происходит, чтобы сохранить ему жизнь, или за него выбрать сон, снимающий боль, но последний? По правде говоря, в Дарроуби благодаря мне жило несколько трехногих собак и кошек. Выглядели они не слишком несчастными, и хозяева их не лишились своих друзей, и тем не менее...

Но все равно, я сделаю то, что надо будет сделать.

– Жду вас, миссис Хаммонд, – сказал я.

Рок был высоким, но худощавым, как свойственно сеттерам, и показался мне очень легким, когда я поднял его, чтобы положить на операционный стол. Он покорно повис у меня в руках, и я ощутил жесткие выступающие ребра.

– Он сильно исхудал, – заметил я.

Миссис Хаммонд кивнула.

– Голодал два дня. Это же очень долго. Когда его принесли, он так и накинулся на еду, несмотря на боль.

Я осторожно приподнял искалеченную ногу. Беспощадные челюсти капкана сдавливали лучевую и локтевую кости, но встревожил меня страшный отек лапы. Она была вдвое толще нормальной.

– Так что же, мистер Хэрриот? – Миссис Хаммонд судорожно стискивала сумочку. (Мне кажется,

женщины не расстаются с сумочками ни при каких обстоятельствах.)

Я погладил сеттера по голове. Его шерсть под яркой лампой отливала червонным золотом.

– Этот страшный отек... Причина тут, конечно, и воспаление, но пока он оставался в капкане, кровообращение практически прекратилось, а это чревато гангреной – отмиранием и разложением тканей.

– Я понимаю, – сказала она. – До замужества я была медицинской сестрой.

Очень бережно я поднял распухшую до неузнаваемости лапу. Рок спокойно смотрел прямо перед собой все время, пока я ощупывал фаланги и пясть, продвигая пальцы все ближе к жуткой ране.

– Вообще-то скверно, – сказал я. – Но есть два плюса: во-первых, нога не сломана. Мышцы рассечены до костей, но кости целы. А во-вторых, что даже еще важнее, – лапа теплая.

– Это хороший признак?

– О да! Значит, хоть какое-то кровообращение в ней есть. Будь лапа холодной и влажно-липкой, надежды не осталось бы никакой. Пришлось бы сразу ампутировать.

– Так вы полагаете, что спасете ему лапу?

Я предостерегающе поднял ладонь.

– Не знаю, миссис Хаммонд. Как я сказал, кровообращение не прекратилось совсем, но вопрос в том – насколько. Часть мышечной ткани несомненно отпадет, и через два-три дня положение может стать критическим. Но я все-таки хочу попытаться.

Я промыл рану слабым раствором антисептика в теплой воде и кончиками пальцев исследовал ее жутковатые глубины. Я отсекал кусочки поврежденных мышц, отрезал полоски и лохмотья омертвевшей кожи и все время думал, как это, должно быть, тяжело для собаки. Но Рок сидел, высоко держа голову, и даже не

вздрагивал. Раза два, когда я щупал кости, он вопросительно взглядывал на меня, или порой, наклонившись над лапой, я вдруг ощущал нежное прикосновение влажного носа к моей щеке. Но и только.

Эта поврежденная нога выглядела гнусным надругательством. Мало найдется собак красивее ирландских сеттеров, а Рок был просто картинка – глянцевиная шерсть, шелковистые очесы на ногах и хвосте, придающие ему особое изящество, благородная морда с добрыми кроткими глазами. Я даже головой тряхнул, отгоняя от себя мысль, как он будет выглядеть без лапы, и быстро повернулся за сульфаниламидным порошком на подносе у меня за спиной. Слава богу, хоть он у меня есть – одно из новейших средств! Я буквально набил им рану в уверенности, что он помешает развитию инфекции. Потом с каким-то фаталистическим чувством наложил марлевый тампон и легкую повязку. Больше ничего для него я сделать не мог.

Рока привозили ко мне каждый день. И каждый день ему приходилось выносить одно и то же снятие повязки, которая обычно прилипала к ране, неизбежное удаление отмирающих тканей и наложение новой повязки. Но, как ни невероятно, он казалось, нисколько не был против. Почти все мои пациенты входят очень медленно, а вот покидают приемную со всей возможной быстротой, волоча за собой на поводке владельцев. А некоторые, не успев подняться на крыльцо, вывертываются из ошейника и во весь дух улепетывают по улице, оставляя погоню далеко позади.

Рок же всегда входил охотно, помахивая хвостом. Обычно даже он протягивал мне лапу. У него всегда была эта привычка, но теперь, когда я нагибался и ко мне тянулась перебинтованная лапа, такое движение обретало особый смысл.

Неделю спустя положение выглядело совсем уж угрожающим. Отмершие ткани непрерывно отпадали, и настал вечер, когда я снял повязку, и миссис Хаммонд, ахнув, отвернулась. Благодаря своему медицинскому образованию, она была отличной ассистенткой – держала лапу и интуитивно поворачивала ее именно так, как мне было удобно, пока я обрабатывал рану, но на этот раз у нее не достало сил смотреть.

И винить ее я не мог: в ране виднелись белые кости плюсны, как человеческие пальцы, лишь кое-где прикрытые лоскутками кожи.

– Безнадежно? – шепнула она, не оборачиваясь.

Я ответил только, когда подсунул ладонь под лапу.

– Вид, бесспорно, страшноватый, но, знаете, по моему, это – предел и теперь произойдет поворот к лучшему.

– Я не поняла?..

– Нижняя поверхность вся теплая и нормальная. Подушечки абсолютно целы. И вы заметили? Запах же исчез! Потому что омертвевшей ткани больше нет. Я практически уверен, что начнется заживление.

Она бросила быстрый взгляд на рану.

– И вы считаете, что эти... эти кости зарастут?

– Конечно. – Я присыпал их моим верным сульфаниламидом. – Совсем прежней лапа не станет, но выглядеть будет терпимо.

Так и произошло. Времени потребовалось много, но новые здоровые ткани упорно нарастали, словно желая подтвердить правильность моего прогноза, и, когда много месяцев спустя Рок явился в приемную по поводу легкого конъюнктивита, он по обыкновению вежливо протянул мне лапу. Я столь же вежливо ее пожал и осмотрел. Верхняя поверхность была безволосой, гладкой и глянцевитой, но совершенно здоровой.

– Ведь совсем незаметно, правда? – спросила миссис Хаммонд.

– Абсолютно. Просто чудо. Небольшая проплешина и все. И он даже не прихрамывает.

Миссис Хаммонд засмеялась.

– Да, нисколько. И знаете что? Он, по-моему, благодарен вам по-настоящему. Посмотрите только!

Наверное, знатоки психологии животных высмеют как нелепую фантазию ее предположение, будто сеттер понимал, что кое-чем мне обязан, и смеющаяся открытая пасть, высунутый язык, настойчиво протягиваемая лапа ничего подобного не означали.

Пусть так, но одно я знаю, одному я рад: несмотря на все мучения, которым я его подвергал, Рок не затаил на меня зла.

А вот рассказывая о Тимми Баттеруортов, я опять возвращаюсь к оборотной стороне медали. Это был жесткошерстный фокстерьер, обитавший в Гимберовом дворе – одном из маленьких, мощенных булыжником проулков, которые ответвлялись от улицы Тренгейт, – и единственный случай, когда мне выпало его лечить, пришелся на время моего обеда.

Я вылез из машины и поднимался на крыльцо, когда увидел, что по улице стремглав бежит какая-то девчушка и отчаянно мне машет. Я подождал, и она, запыхавшись, остановилась у нижней ступеньки, глядя на меня перепуганными глазами.

– Я Уэнди Баттеруорт, – еле выговорила девочка. – Меня мама послала. Вы к нашему фоксу не сходите?

– А что с ним?

– Мама говорит, он чего-то нажрался.

– Отравился?

– Ага.

До их дома была сотня шагов, так что к машине я возвращаться не стал, а затрусил рядом с Уэнди, и через десяток секунд мы свернули под узкую арку "двора". Наши бегущие шаги гулко отдались под сводом, и перед нами открылась картина, неизменно

поражавшая меня в мои первые годы в Дарроуби, – миниатюрная улочка с теснящимися домишками, крохотными садиками, полукруглыми окнами, заглядывающими друг в друга через полосу булыжника. Но нынче мне некогда было оглядываться по сторонам, потому что миссис Баттеруорт, грузная, краснолицая, очень взволнованная, кинулась нам навстречу.

– Он тут, мистер Хэрриот, – крикнула она, распахивая настежь дверь домика, открывавшуюся прямо в жилую комнату, и я увидел моего пациента, восседавшего на половичке у камина в несколько задумчивой позе.

– Так что же случилось? – спросил я.

Его хозяйка судорожно сжимала и разжимала руки.

– Вчерась по палисаднику вот такая крыса пробежала, ну я и достала для нее яду. – Она мучительно сглотнула. – Намешала его в миску каши, а тут соседка к двери подошла. Вернулась, а Тимми уже все сожрал!

Задумчивость фокса усугубилась, и он медленно облизал губы видимо, удивляясь, что это была за странная каша.

Я обернулся к миссис Баттеруорт.

– А жестянка с ядом у вас тут?

– Да.

Она подала мне ее трясущимися руками.

Я прочел этикетку. Название было мне отлично известно, и оно отозвалось в моем мозгу похоронным звоном – со столькими мертвыми и умирающими животными связывалось оно для меня. Основой его был фосфид цинка, и даже сейчас со всем нашим новейшим лекарственным арсеналом мы обычно оказываемся бессильны предотвратить роковой исход, если яд успел всосаться.

Я со стуком доставил жестянку на стол.

– Необходимо немедленно вызвать у него рвоту! Я не хочу возвращаться в приемную – нельзя терять ни минуты. У вас есть стиральная сода? Двух-трех кристаллов будет достаточно.

– Господи! – миссис Баттеруорт закусила губу. – Нету у меня соды. Может, еще что-нибудь сгодится?

– Погодите! – Я взглянул на стол, на кусок холодной баранины, миску с картофелем, банку с маринадом. – В той баночке горчица?

– Да. И по самый край!

Я схватил баночку, бросился к крану и развел горчицу до консистенции молока.

– Быстрее! – крикнул я – Несите его во двор.

Но тут же сам поднял изумленного Тимми с половичка, выпрыгнул в дверь, поставил его на булыжник, стиснул между коленями, левой рукой сжал мордочку, а правой принялся лить жидкую горчицу в уголок рта так, чтобы она стекала по задней стенке горла. Вывернуться он не мог и вынужден был глотать, омерзительный напиток. Убедившись, что в желудок попало не меньше столовой ложки, я выпустил фокса.

Он только успел бросить на меня единственный негодующий взгляд, поперхнулся раз, другой, затрусил по булыжнику в тихий уголок и там через несколько секунд очистился от несправедно съеденного обеда.

– Как вам кажется, это все?

– Все! – решительно изрекла миссис Баттеруорт – Сейчас схожу за совком с веничком.

Тимми побрел в дом. Несколько минут я следил за ним. Усевшись на своем половичке, он кашлял, фыркал, царапал лапой рот, но никак не мог избавиться от противного жгучего вкуса. И с каждой секундой становилось все очевиднее, что причину приключившихся с ним неприятностей он твердо видит

во мне. Когда я выходил, он испепелил меня взглядом, яснее всяких слов говорившим "Свинья ты, вот ты кто!"

Что-то в этом взгляде заставило меня вспомнить Магнуса в "Гуртовщиках", а несколько дней спустя я получил первое предупреждение, что в отличие от Магнуса лишь негодующим лаем Тимми ограничиваться не намерен. Я задумчиво шел по улице Тренгейт, как вдруг из Гимберова двора вылетело белое ядро, тяпнуло меня за лодыжку и исчезло столь же беззвучно, как и появилось. Я и оглянуться не успел, как оно, бешено работая короткими лапами, скрылось за аркой.

Я засмеялся. Вспомнил, только подумать! Но это повторилось и на другой день, и на третий, сомневаться не приходилось: фоксик специально поджидал меня в засаде. По-настоящему он меня ни разу не укусил – все ограничивалось чисто символическим жестом, – но ему явно было приятно видеть, как я подпрыгиваю, когда он цапает меня за икру или просто за отворот брюк. Добычей я оказался легкой, потому что по улице шел обычно не торопясь, о чем-нибудь задумавшись.

Честно говоря, к Тимми у меня никаких претензий не было. Взгляните на дело с его точки зрения. Он тихо сидит на своем половичке, переваривает непривычный обед, и вдруг какой-то неизвестный бесцеремонно его хватает, куда-то тащит и льет в него горчицу. Возмутительная вольность, и оставлять ее безнаказанной он не собирался.

Меня же даже радовала эта вендетта, которую объявил мне бойкий песик, лишь благодаря мне избежавший смерти. И смерти нелегкой. Ведь до неизбежного конца жертвы фосфорных отравлений долгие дни, а порой и недели мучаются от желтухи, постоянной тошноты и нарастающей тяжелой слабости.

А потому я благодушно терпел эти нападения, хотя – если вовремя вспоминал – и старался загодя перейти на другую сторону улицы. И оттуда нередко видел

белого песика, затаившегося под аркой в ожидании минуты, когда ему вновь представится случай свести со мной счеты за зверское над ним издевательство.

Тимми, как я убедился, принадлежал к тем, кто не прощает.

Пожалуй, в том, что я получил призывную повестку в день моего рождения, был свой юмор, но тогда я его не почувствовал.

В моей памяти запечатлена картина, такая же яркая и сейчас, как в ту минуту, когда, войдя в нашу "столовую", я увидел, что Хелен сидит на своем высоком табурете у конца стола, опустив глаза, а рядом с моей тарелкой лежит подарок ко дню моего рождения, жестянка дорогого табака, и еще – длинный конверт. Мне не нужно было спрашивать, что в нем.

Ожидал я его уже давно, и все-таки меня словно врасплох застала мысль, что мне остается ровно неделя до того, как я уеду в Лондон. И неделя эта промчалась, как минута, я принимал последние решения, приводил в порядок дела с практикой, заполнял очередные анкеты министерства сельского хозяйства и организовывал перевозку нашего скудного имущества на ферму отца Хелен, где ей предстояло жить до моего возвращения.

Последний свой профессиональный визит я наметил на вторую половину дня в пятницу, и когда этот день настал, мне около трех часов позвонил старый Арнольд Саммергилл. И тут я понял, что на этом все действительно кончается: ведь мне предстояло совершить настоящее путешествие. Маленькая ферма Арнольда одиноко ютилась на поросшем кустарником склоне в самом сердце холмов. Звонил, собственно, не он, а мисс Томпсон, почтмейстерша в деревне Хейнби.

– Мистер Саммергилл просит, чтобы вы приехали посмотреть его собаку, – сказала она на этот раз.

– А что случилось?

Я услышал бормотание голосов на том конце провода.

- Он говорит, нога у нее не того.
- Не того? В каком смысле?
- Вновь в трубке забормотали голоса.
- Он говорит, она наружу торчит.
- Ну, хорошо, - ответил я. - Сейчас еду.

Просить, чтобы собаку привезли в Дарроуби, не имело смысла: машины у Арнольда не было. Он и по телефону-то сам никогда не разговаривал. Все наши объяснения на расстоянии велись через мисс Томпсон. При необходимости Арнольд влезал на проржавелый велосипед, катил в Хейнби и поверял ей свои неприятности. Симптомы всегда описывались очень приблизительно, и я не ждал, что нога, и правда, окажется "не того" и будет "торчать наружу".

Пожалуй, размышлял я, выезжая на шоссе, даже и неплохо посмотреть на прощание именно Бенджамина. Для пса мелкого фермера имя было пышноватое, но я так никогда и не узнал, за какие свои качества он его получил. Впрочем, он вообще не очень подходил для этой обстановки - плотной староанглийской овчарке больше пристало бы важно прогуливаться по ухоженным газонам аристократического поместья, а не трусить рядом с Арнольдом по каменистым лугам. Это был классический образчик свернутого в трубку мохнатого ковра на четырех лапах, и с первого взгляда трудно было понять, где у него передний конец, а где задний. Но, умудрившись определить, что вот это - голова, вы обнаруживали, что сквозь плотную завесу шерсти на вас поглядывают удивительно добродушные глаза.

По правде говоря, дружелюбие Бенджамина порой бывало слишком уж бурным, особенно зимой, когда, донельзя обрадованный моим нежданным появлением, он клал мне на грудь широченные лапы, щедро облепленные грязью и навозом. Те же знаки нежного внимания он оказывал и моей машине (обычно после

того, как я отмывал ее до блеска) и, обмениваясь дружескими шуточками с Сэмом внутри, изукрашивал стекла и кузов глинистыми отпечатками. Уж когда Бенджамин брался наводить беспорядок, он делал это основательно.

Но на последнем отрезке моего путешествия всякие размышления пришлось оставить. Отчаянно сжимая дергающийся, рвущийся из рук руль, слушая скрипы и стоны рессор и амортизаторов, я против воли ловил себя на мысли – она меня неизменно осеняла, едва я добирался до этого места, – что визиты на ферму мистера Саммергилла обходятся нам в порядочные суммы. Во всяком случае, никакой прибыли остаться не могло, поскольку такая зубодробительная дорога каждый раз обесценивала машину по крайней мере на пять фунтов. Не будучи автовладельцем, Арнольд не видел причин нарушать ее первозданное состояние.

Она представляла собой полоску земли и камней, шириной шесть футов, прихотливо петлявшую и кружившую по склонам. Трудность заключалась в том, что добраться до фермы можно было, только сначала спустившись в глубокую лощину, а затем поднявшись по лесистому склону, где стоял дом. Особенно жутким был спуск: машина, дрожа, повисала на каждом гребне, прежде чем ухнуть в глубокие колеи за ним. И каждый раз, слыша, как твердые камни скребут по днищу и глушителю, я тщетно пытался не высчитывать, во сколько фунтов, шиллингов и пенсов, может это обойтись.

А когда, выпучив глаза, с трудом удерживаясь, чтобы не разинуть рот, разбрызгивая колесами камешки, я, наконец, на нижней передаче одолел последний подъем перед домом, то, к своему большому удивлению, увидел, что Арнольд ждет меня на крыльце в одиночестве. Я как-то не привык видеть его без Бенджамина.

Он правильно истолковал мой недоумевающий взгляд и ткнул большим пальцем через плечо.

– В доме он! – В глазах у него пряталась тревога, но стоял он в обычной своей позе, расправив широкие плечи, откинув голову.

Я назвал его "старый", да и было ему за семьдесят, но черты под вязаным колпаком, который он всегда натягивал на уши, были правильными и сильными, а высокая фигура – худощавой и прямой. На него и сейчас было приятно смотреть, а в молодости он, несомненно, мог считаться красавцем, однако он так и не женился. Мне часто казалось, что тут не обошлось без какой-то романтической истории, но его как будто совсем не удручало, что он живет совсем один, "на отшибе", как говорили в деревне. То есть один, если не считать Бенджамина.

Мы вошли на кухню, и он небрежно согнал с запыленного шкафчика двух кур, но тут я увидел Бенджамина и остановился как вкопанный.

Большой пес сидел неподвижно возле стола – глаза за бахромой шерсти были широко открыты и мутны от страха. Он словно боялся пошевелиться, и, увидев его переднюю левую ногу, я понял почему. На этот раз Арнольд был точен. Она действительно торчала наружу и как! Под углом, да таким, что сердце у меня забилося с перебоями. Горизонтальный вывих локтевого сустава. Лучевая кость отходила от плечевой в немыслимую сторону.

Я осторожно сглотнул.

– Когда это случилось, мистер Саммергилл?

– Да час назад. – Он растерянно подергал свой смешной головной убор. – Я коров на другой луг перегонял, а старик Бенджамин любит их сзади куснуть разок-другой за ноги. Ну и докусался. Одна его лягнула, да прямо по ноге.

– Ах, так. – Мысли вихрем неслись у меня в голове. Я никогда еще не видел такого жуткого вывиха. И теперь, тридцать лет спустя, он остается единственным в моей практике. Как я ухитрюсь вправить его тут, в холмах? Без общей анестезии не обойтись, да и умелый помощник не помешал бы...

– Старина, старина, – сказал я, кладя руку на лохматую голову и лихорадочно соображая, – что же нам с тобой делать?

В ответ хвост заерзал по каменным плитам, дыхание стало пыхтящим, рот полуоткрылся и блеснули безупречно белые зубы.

Арнольд хрипло кашлянул.

– Вправить-то сумеете?

Но в том и заключалась вся суть! Небрежный кивок мог лишь напрасно обнадежить, но и тревожить старика своими сомнениями я не хотел. Отвезти такого гигантского пса в Дарроуби будет сложно. От него и в кухне тесновато, так как же он поместится в машине? И ведь там Сэм, ему тоже нужно место. Да еще нога торчит... И где гарантия, что и в операционной я сумею справиться с подобным вывихом? Но даже в самом лучшем случае его придется везти назад сюда. Мне и до ночи не успеть...

Я осторожно провел пальцами по суставу, напряженно вспоминая все, что мне было известно о строении локтя. Раз нога в таком положении, значит, мышца полностью сместилась с мышцелка, и, для того чтобы вернуть ее на место, сустав придется сгибать, пока она не соскочит со второго мышцелка.

– Ну-ка, ну-ка, – бормотал я про себя – Если бы этот пес лежал под наркозом на столе, я бы мог взять ногу вот так! – Я ухватил ее над самым локтевым суставом и начал медленно отгибать лучевую кость вверх. Бенджамин быстро взглянул на меня и отвернул голову: обычное движение, каким добродушные собаки дают

вам понять, что будут терпеливо сносить все ваши манипуляции.

Я отогнул кость еще выше, а тогда, удостоверившись, что локтевая мышца высвободилась, осторожно начал поворачивать лучевую и локтевую кости внутрь.

– Да... да... – бормотал я, – примерно так... – Но мой монолог оборвался, потому что кости под моей рукой вдруг чуть спружинили.

Я с изумлением уставился на ногу: она приняла абсолютно нормальный вид.

Бенджамин, по-видимому, тоже не сразу поверил: он робко прищурился из-за своей занавески и обнюхал локтевой сустав. Но тут же, убедившись, что все в порядке, встал и подошел к хозяину.

И шел он, даже не прихрамывая!

Губы Арнольда растянулись в улыбке.

– Вправили, значит!

– Кажется, вправил, мистер Саммергилл! – Я пытался говорить небрежно, но лишь с трудом удерживался, чтобы не испустить ликующего вопля или истерически не захохотать. Я же только ощупывал, чтобы разобраться, а сустав взял и встал на место. Случайность, но какая счастливая!

– Вот и хорошо, – сказал фермер. – А, старина? – Он нагнулся и почесал Бенджамину ухо.

Анатомический театр, полный рукоплещущих студентов, – вот что требовалось для достойного завершения этого эпизода. Или чтобы произошел он в гостиной какого-нибудь миллионера в разгар званого вечера с его обожаемой собакой. Но нет, подобного со мной не случилось! Я поглядел вокруг, на захламленный кухонный стол, на груды немытой посуды в раковине, на обтрепанные рубашки Арнольда, сохнувшие перед огнем, и улыбнулся про себя. Именно в такой обстановке я и добивался самых эффектных

результатов. И видели это помимо Арнольда только две курицы, вновь восседавшие на шкафчике, но они сохранили полное равнодушие.

– Ну, мне пора, – сказал я, и Арнольд пошел со мной через двор к машине.

– Слышал я, вы в армию идете? – сказал он, когда я открыл дверцу.

– Да. Завтра уезжаю, мистер Саммергилл.

– Завтра, э? – Он поднял брови.

– Да, в Лондон. Вам там бывать не приходилось?

– Нет, черт не попутал! – Он так мотнул головой, что колпак переместился на затылок. – Это не для меня.

Я засмеялся.

– Что так?

– А оно вот как. – Он задумчиво поскреб подбородок – Был я разок в Бротоне, ну, и хватит с меня. Ходить по улицам не могу, и все тут.

– Ходить?

– Угу. Народу тьма-тьмущая. То большой шаг делай, то маленький, то большой, то маленький. Ну, не идут ноги и конец!

Я часто видел, как Арнольд ходил по лугам широким ровным шагом горца, которому никто не становится поперек дороги, и я прекрасно понял, каково ему пришлось. "То большой шаг, то маленький" – лучше это выразить было невозможно.

Я помахал на прощание, а старик сказал мне вслед:

– Береги себя, малый!

Из-за двери кухни высунулся нос Бенджамина. В любой другой день он бы вышел проводить меня вместе с хозяином, но нынче все было не как всегда, а в заключение я внезапно накинулся на него и стал крутить ему ногу. Лучше не рисковать!

Я на цыпочках свел машину по лесу вниз, но прежде, чем начать подъем, остановил ее и вылез. Сэм радостно прыгнул за мной.

Это была узкая долинка, зеленая расселина, укрытая от суровых вершин. Одно из преимуществ деревенского ветеринара заключается в том, что ему открываются вот такие потаенные уголки. Здесь не ступала ничья нога, кроме старого Арнольда, – ведь даже почтальон оставлял редкие письма в ящике на столбе у начала дороги – и никто не видел ослепительного багрянца и золота осенних деревьев, никто не слышал лепет и смешки ручья на им же чисто вымытых камнях.

Я пошел по берегу, глядя, как крохотные рыбешки молниями мелькают в прохладной глубине. Весной эти берега пестрели первоцветами, а к маю между стволами разливалось синее море колокольчиков, но сегодня под ясным прозрачным небом воздух был тронут сладостью умирающего года.

Я поднялся по откосу и сел среди уже забронзовевшего папоротника. Сэм по обыкновению улегся рядом со мной, и я гладил шелк его ушей. Склон напротив круто поднимался к поблескивающей обнажившейся полосе известняка у верхнего края обрыва, над которым солнце золотило вереск.

Я оглянулся назад, туда, где из трубы прозрачная струйка дыма поднималась над взлобьем холма, и во мне окрепла уверенность, что эпизод с Бенджамином, заключивший мою деятельность в Дарроуби, стал самым лучшим к ней эпилогом. Маленькая победа, дарящая глубокое удовлетворение, хотя отнюдь не потрясающая мир, – как все остальные маленькие победы и маленькие катастрофы, из которых слагается жизнь ветеринара. и которые остаются неизвестными и никем не замеченными.

Накануне вечером, когда Хелен укладывала мой чемодан, я засунул под рубашки и носки "Ветеринарный словарь" Блэка. Том весьма объемистый, но меня ожег страх, что я могу забыть чему учился, и я тут же

придумал взять его с собой, чтобы прочитывать каждый день страницы две, освежая память. И здесь, в папоротнике, я вновь подумал, какое мне выпало счастье – не только любить животных, но и многое знать о них. Внезапно знания эти стали чем-то драгоценным.

Я вернулся к машине и открыл дверцу. Сэм вспрыгнул на сиденье, а я поглядел в другую сторону, туда, где долина кончалась и между двумя склонами виднелась внизу далекая равнина. Безграничное разнообразие нежных оттенков, золото стерни, темные мазки рощ, неровная зелень лугов – все это слагалось в чудесную акварель. Я поймал себя на том, что с жадностью, словно впервые, любуюсь пейзажем, который уже столько раз радовал мое сердце, – огромным, чистым, обдуваемым всеми ветрами простором Йоркшира.

Я вернусь сюда, думал я, трогая машину. Назад, к моей работе... к моей тяжелой, честной, чудесной профессии.

notes

Примечания

Инфекционные болезни молодняка сельскохозяйственных животных, вызываемые различными видами бактерий сальмонелл. Болезнь проявляется лихорадкой, расстройством деятельности кишечника и воспалением легких. Для лечения применяют антибиотики и сульфаниламидные препараты; для профилактики проводят вакцинацию живой или инактивированной вакциной.– Здесь и далее примечания редактора

2

Острая инфекционная болезнь в основном крупного рогатого скота; характеризуется образованием припухлостей в богатых мускулатурой частях тела и быстрой смертью животных. Для профилактики эмкара применяют живую или инактивированную вакцину

Половозрелые паразиты откладывают в бронхах животного яйца, которые с мокротой попадают в желудочно-кишечный тракт. Там из них вылупляются личинки. Затем они попадают во внешнюю среду, где развиваются и достигают инвазионной стадии. Личинки плавают в воде, оседают на траве, с которой и попадают в организм животного

4

Предмет особой ненависти и отвращения; буквально "черный зверь" (фр.)

Повышение содержания в крови ацетоновых тел, что приводит к нарушению кислотно-щелочного равновесия и к интоксикации. Обнаружение ацетоновых тел позволяет судить о степени физиологической полноценности кормовых рационов для крупного рогатого скота и суягных овец

Дубильный экстракт из акации катеху, растущей в Индии и Шри-Ланке

Острая инфекционная болезнь молодняка сельскохозяйственных животных, вызываемая кишечной палочкой (*Escherichia coli*). Для лечения применяют сульфаниламиды и нитрофураны, гипериммунную сыворотку, гамма-глобулин, для профилактики – живую или инактивированную вакцины